

4 СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ
4 МИХАЛКОВ

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений
в шести томах

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТЕАТР
ДЛЯ ДЕТЕЙ

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

P2
M69

Художник
Ю. БАЖАНОВ

М $\frac{4702010200-355}{028(01)-82}$ подписное

ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТОМ КЕНТИ

Комедия в трех действиях, шести картинах.
По мотивам Марка Твена

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Том Кенти, нищий.

Джон Кенти, его отец.

Эдуард, принц.

Леди Джен, двоюродная сестра принца.

Лорд Гердфорд, дядя принца.

Лорд-канцлер

Лорд Сенджон

Лорд-казначей

Первый лорд

Второй лорд

Третий лорд

Четвертый лорд

Пятый лорд

Шестой лорд

Главный дворецкий.

Слуга в таверне.

Бархатный паж.

Шелковый паж.

Гемфри, паж для побоев.

Паж.

Гентон Майлс, свободный человек.

Шериф.

Стражник.

Точильщик } ремесленники.

Лудильщик }

Торговка рыбой.

Торговка булками.

Дик }

Дот } бродяги.

Гек }

} вельможи при дворе.

Нищий мальчик.

Нищая девочка.

Тейлор, поэт-лодочник.

Первый алебардист

Второй алебардист

Третий алебардист

} дворцовая стража.

Премьера спектакля состоялась в 1938 году в Государственном центральном театре юного зрителя.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПЕРВЫЙ ПРОСЦЕНИУМ

Перед занавесом три алебардиста.

Первый алебардист. Что за сброд?
Второй алебардист. Эй, народ!
Третий алебардист. Отойдите от ворот!
Первый алебардист. Эй, молчать!
Второй алебардист. Не кричать!
Третий алебардист. А не то заткнем вам рот!
Первый алебардист. На бродяг!
Второй алебардист. На зевак!
Третий алебардист. Стража выпустит собак!!!
Первый алебардист. Злых собак!
Второй алебардист. Злых собак!
Третий алебардист. Королевских злых собак!!!
Первый алебардист. Что за сброд?
Второй алебардист. Эй, народ!
Третий алебардист. Не толпитесь у ворот!
Первый алебардист. На бродяг!
Второй алебардист. На зевак!
Третий алебардист. Стража выпустит собак!!!

Появляется Эдуард, окруженный лордами.

Первый алебардист. Разойдитесь!
Второй алебардист. Все назад!
Третий алебардист. Принц наследный вышел в сад!!!
Первый алебардист. Здесь не рынок, а дворец!
Второй алебардист. Разойдитесь, наконец!
Третий алебардист. Здесь не рынок, а дворец!

Том проскальзывает мимо стражи.

Первый алебардист. Не пускать!
Второй алебардист. Заковать!

Третий алебардист. Кандалы надеть ему!
Первый алебардист. Молодца!
Второй алебардист. Сорванца!
Третий алебардист. Бросить в темную тюрьму!
Первый алебардист. Эй, держи!
Второй алебардист. Эй, вяжи!
Третий алебардист. Эй, хватай! Что такое,
наконец!
Первый алебардист. Эй, хватай!
Второй алебардист. Не зевай!
Голос принца. Пропустите во дворец!!!
Голоса. Пропустить! Пропустить!

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Комната во дворце. Принц Эдуард сидит в кресле. Нищий Том стоит посреди комнаты. Придворные лорды, стража у входа. Эдуард жестом просит их удалиться.

Эдуард. Только за то, что тебе хотелось посмотреть на меня, мой солдат так грубо поступил с тобой?

Том. Только за то, ваша милость. Я подошел поближе, чтобы хорошенько рассмотреть вас, а он закричал: «Здесь не рынок, а дворец!»— и отшвырнул меня в сторону.

Эдуард (*зевает*). Он долго будет помнить, как я накричал на него.

Том. Все были очень удивлены, когда вы, ваша милость, велели пропустить меня во дворец. Мне кажется, некоторым это даже не понравилось.

Эдуард. Король — мой отец, и мое приказание здесь закон. Хочешь, я тебя чем-нибудь угощу? Ты уже завтракал?

Том. Со вчерашнего вечера у меня не было во рту ни крошки. Вы знаете, сэр, когда собираешь милостыню, трудно знать, когда пообедать.

Эдуард. Я велю тебя угостить. (*Хлопает в ладоши*).

Входит паж.

Скажите главному королевскому повару, чтобы он прислал сюда самое вкусное блюдо.

Паж скрывается.

Не бойся, здесь тебя никто не тронет. Садись.
Как тебя зовут?

Том (*вскочил*). Том Кенти, сэр.

Эдуард. Садись. А где ты живешь?

Том (*опять вскочил*). О, я живу далеко отсюда, ваша милость! Я живу на Дворе объедков, за обжорным рядом.

Эдуард. Двор объедков? Первый раз слышу.

Том. Это недалеко от рыбного рынка. Вы знаете, где рыбный рынок, сэр?

Эдуард. А-а-а? Нет, не знаю. Я никогда там не был. А у тебя есть родители?

Том. Есть. У меня есть родители и еще бабка в придачу.

Эдуард. Бабушка? Садись!

Том (*садится*). Как будет угодно вашей милости. Я ее не слишком долюбиваю.

Эдуард. Она не очень добра к тебе?

Том. Сушья ведьма. Напьетса и лезет со своими кулаками.

Эдуард. Как? Она тебя бьет?

Том. И довольно часто к тому же.

Эдуард (*зевает*). Я велю ее арестовать и бросить в Тауэр. Она не смеет бить тебя.

Том. Вы забываете, сэр, что она низкого звания, а Тауэр — тюрьма для знатных людей.

Эдуард. Жаль, что ее нельзя бросить в Тауэр... Но все равно найдется способ наказать ее.

Входит слуга с подносом.

Том. Вот это да-а!

Слуга ставит поднос на стол и уходит.

Эдуард. Ты можешь есть, сколько тебе захочется.

Том садится к столу и с жадностью ест.

А твой отец любит тебя?

Том (*с набитым ртом*). Он тоже тяжел на руку.

Эдуард. И у моего нрав не кроткий. Рука у него тяжела, но меня он не трогает. Хотя на брань он, по правде сказать, не скупится. Сейчас он тяжело болен, и меня к нему не пускают. Сегодня ему совсем плохо. Ну, расскажи мне теперь о твоём Дворе объедков!

Том (*с полным ртом*). Что же тут рассказывать?

Эдуард. Весело тебе там живется?

Том. Конечно, весело, сэр, если я только сыт, что, правда, не так часто бывает. Потому что мы люди бедные, и все кругом тоже бедные, и мало кто подает на хлеб. Так вот я и говорю, что, если я сыт, мне очень весело живется на Дворе обедков: к нам приезжает Петрушка и заходят шарманщики с живыми обезьянками. Мы прямо подыхаем от смеха. А иногда дают представления настоящие бродячие актеры, в пестрых костюмах, с приклеенными бородами и фальшивыми носами. Они дерутся и убивают друг друга у нас на глазах, а потом встают и раскланиваются перед нами.

Эдуард. Перед вами?

Том. Ну конечно. Они же за это получают деньги. По одному фартингу с человека. Только иной раз его очень трудно добыть, этот фартинг, смею доложить вашей милости.

Эдуард. Расскажи мне что-нибудь интересное.

Том. Мы, мальчишки с улицы, тоже деремся иногда на палках.

Эдуард. От этого и я бы не отказался. Ну, рассказывай дальше.

Том. А потом бегаем взапуски, кто кого перегонит.

Эдуард. Мне пришлось бы по вкусу и это. Дальше!

Том. Мы прячемся за пустыми бочками на рынке, а потом ищем друг друга.

Эдуард (*с большим интересом*). За пустыми бочками?

Том. Да, сэр. А летом мы не вылезаем из воды!

Эдуард. Из воды?

Том. Мы купаемся с утра до самого вечера, брызгаемся, хватаем друг дружку за ноги.

Эдуард (*с восхищением*). За ноги?

Том. Мы валяемся и зарываем друг друга в песок.

Эдуард. В песок?

Том. Мы плаваем, кричим, ныряем.

Эдуард. Вниз головой?

Том. Рыбкой. Ну чему вы так удивляетесь?

Эдуард. Я отдал бы полкоролевства моего отца за то, чтобы хоть разок повеселиться вместе с вами!

Том. Мы еще пляшем, ходим босиком по лужам. Ой, если бы вы только видели грязь на нашей улице!

Эдуард. Это замечательно!

Том. Мы делаем из нее пироги.
Эдуард (*вскочил, с восхищением*). О, милая грязь!
В целом мире нет ничего приятнее.
Том. Мы поем песни.
Эдуард. Какие песни?
Том. Всякие. Есть короткие, есть подлиннее.
Эдуард. Спой мне какую-нибудь вашу песню.
Том. Нельзя. Если я спою, меня посадят за решетку.
Эдуард. Здесь тебя никто не тронет. Спой, я прошу
тебя.
Том. Я вам говорю, что нельзя. Очень мне интересно за
одну какую-то песню сидеть в тюрьме!
Эдуард. Пой, я тебе приказываю! Здесь тебя никто не
посмеет арестовать.
Том. Слово короля?
Эдуард. Пой!
Том. Ну ладно, уж так и быть — спою... Нет, не могу!
Эдуард (*топает ногой*). Пой!
Том. Пою. (*Собирается с духом и, приплясывая, поет.*)

Пусть ветер гуляет в кармане,
Ни фартинга нет за душой, —
Друзья, унывать мы не станем,
Ведь бедность — порок небольшой.

Коль пусто в желудке бродяги —
Потуже ремень затяни,
Коль нет ни бочонка, ни фляги —
Воды из колодца глотни.

Нам холод январский не страшен —
У светлых высоких костров
Лохмотья убогие наши
Нас греют не хуже мехов.

Нас дети родные бросают,
Но им не уйти от сумы,
И дети потом вырастают
Таковыми же точно, как мы.

Но пусть мы порой голодаем,
Но пусть где попало живем,
Мы слугами быть не желаем —
Свободу мы не продаем!

А если бродяге придется
Болтаться в казенной петле,
Мы скажем: «Как славно живется
При добром таком короле!»

Эдуард. Что? Что?

Том. Я вам говорил, не стоило петь эту песню.

Эдуард (*быстро что-то решив*). Я немедленно выучу эту песню! Слушай, давай поменяемся с тобой платьями, пока нам никто не мешает. Мы переоденемся и поиграем в Двор обедков. Только теперь я буду оборванным мальчиком, а ты принцем. Не бойся. Я научу тебя обращению с этой одеждой. Это не очень трудно. Я хочу одну минуточку побыть в твоей одежде, снять с себя обувь и насладиться грязью хоть один-единственный раз, но чтобы меня никто не сдерживал. Мне надоели эти кружева и башмаки с пряжками. Ну, что ты стоишь? Снимай скорей свои лохмотья и надевай этот наряд! Живей, тебе говорю!

Оба мальчика быстро меняются платьями и подбегают к зеркалу. Они смотрят на свое отражение, потом друг на друга, потом опять в зеркало.

Том. Вот бы удивились ребята с нашего двора, если бы увидели меня в таком наряде!

Эдуард. Если бы мы вышли с тобой нагишом на улицу, никто бы не мог сказать, кто из нас — ты и кто — я!

Том. Вот это да!

Эдуард. Как ты стоишь? Разве так можно стоять в королевском платье? Встань вот так! (*Показывает.*) Ногу вперед.

Том повторяет его движения.

А теперь поклонись мне, вот так!

Том низко кланяется.

Ты не умеешь себя вести по-королевски!

Том. А вы, сэр, тоже не так себя держите перед моим народом. Вот вы как должны стоять! (*Показывает.*) Вот как вы должны кланяться! Вы же сейчас нищий, а не принц! Сейчас я принц! (*Пригибает его за шею.*)

Эдуард. Ну, довольно. Давай обратно переодеваться. Сюда могут войти. Снимай мое платье. *(Схватил Тома за рукав.)* Ой, что это у тебя на руке?

Том. Синяк. Это меня ваш солдат схватил.

Эдуард. Как он смел! Если бы он меня так схватил, я бы его повесил.

Том. Пустяки, сударь. У меня и не такие еще бывали.

Эдуард. Молчи! Я проучу этого негодяя! *(Топает босой ногой.)* Не двигайся с места, пока я не вернусь. Это мое приказание. *(Берет со стола печать и прячет ее, затем убегает.)*

Оставшись один, Том подходит к зеркалу и долго любуется своим видом. Подражая манерам принца, он кланяется, отходит, обнажает шпагу. Он осматривает комнаты, осторожно ступает по коврам, боясь до всего дотронуться. Наконец он берет печать, только что спрятанную Эдуардом, взвешивает ее на руке и начинает бить ею орехи. За окном звучит песня Тейлора.

Пусть нищ и холоден твой дом
И ветра слышен вой,
Мы не напрасно счастья ждем,
Так долго ждем с тобой.

Так долго ждем с тобой, мой друг,
Но счастье к нам приходит вдруг,
И мы его дождемся!

Песня смолкает. В комнату входит Шелковый паж, низко кланяется Тому. Том отвечает ему таким же поклоном. Паж убирает со стола.

Том. Куда же он пропал? Вы его не видели, сэр?

Шелковый паж. О ком вы изволите спрашивать, ваше высочество?

Том. Как так о ком? О том самом мальчике, который был в этой комнате. Вы не знаете, где он? Я его жду, жду, а его все нет и нет.

Шелковый паж. Ваше высочество изволит спрашивать о том оборванце, который съел все это кушанье? Его вышвырнули за ворота. *(Убирает со стола.)*

Том. За ворота?

Шелковый паж. Это неблагоприятное животное ударило часового по лицу, а когда его вышвырнули за ограду, он отбивался ногами, кусался и кричал такую ерунду, что даже солдаты не могли удержаться от смеха.

Том. Он кричал?

Шелковый паж. Да, ваше высочество, он кричал.

Том. Что он кричал? Что?

Шелковый паж (*с подносом в руках*). Он кричал, будто вы украли у него его платье. Даже после затрещин он не переставал говорить это. (*Уходит.*)

Том (*один*). А как же я? Что же мне делать теперь? Я же пропал! (*Подходит к окну и, осторожно отодвинув портьеру, выглядывает из него.*)

Дверь тихо отворяется, и леди Джен, бесшумно подбежав к Тому, целует его в щеку.

(*В ужасе.*) О-о-о-ой!

Леди Джен. Ой! Почему вы так испугались, принц?

Том (*у него подкашиваются ноги*). О-о-о-ой! Я пропал!

Пожалуйста, не целуйте меня, я же не принц!

Ой-ой-ой, позовите его скорей сюда!

Леди Джен. Я не хотела вас огорчить. Разве я сделала вам больно? Что с вами, принц?

Том (*падает перед ней на колени*). Ну, какой же я принц? Я же Том Кенти со Двора обедков!

Добрая леди, прикажите вернуть мне мои лохмотья, и я уйду отсюда. Ой, наверное, меня теперь повесят!

Леди Джен (*растерянно*). Встаньте, милорд! Я умоляю вас, встаньте! Что могут подумать!

Том. Добрая леди, спасите меня!

Леди Джен. Боже мой, он сошел с ума!.. (*Закрывает лицо руками и убегает.*)

Том бросается за ней. В дверях он чуть не сталкивается с Шелковым пажем.

Шелковый паж. Лорд Сенджон.

Входит лорд Сенджон.

Лорд Сенджон. Простите, принц, если я нарушил ваш покой... Его величество король просит вас к себе. Мужайтесь, принц. Король хочет с вами проститься! Врачи не в силах помочь ему. Теперь только молитва может еще облегчить его страдания.

Том. Мой отец нищий, а не король! Я не принц, а Том Кенти со Двора обедков.

Лорд Сенджон. Опомнитесь, ваше высочество. Что вы говорите?

Том. Я хочу домой. Выпустите меня на площадь!

Важный человек, не губите меня, пожалуйста!
Спасите меня! Я верну принцу его платье.

Лорд Сенджон в оцепенении. Входит Бархатный паж.

Бархатный паж. Лорд Гердфорд!

Входит лорд Гердфорд.

Лорд Гердфорд. Король умирает. Принц, торопитесь проститься с его величеством. Его величество просит вас передать мне большую королевскую печать, данную вам на хранение. Король перед смертью хочет лично скрепить приговор герцогу Норфолькскому.

Том. Я не брал никакой печати!

Лорд Сенджон. Горе помутило его разум!

Лорд Гердфорд. Принц, я лично присутствовал при вручении вам большой королевской печати.

Том. Я ничего не знаю! Я же Том Кенти. Я же не принц! Честное слово, я не брал никакой печати!

Лорд Сенджон. Принц, придите в себя! Торопитесь отдать последний долг его величеству.

Том. Пустите меня, я никому ничего не должен!

Лорд Гердфорд. Принц, где печать!

В открытую дверь входит лорд-канцлер. За ним, склонив голову, входят лорды.

Лорд-канцлер. Тяжелое горе постигло нашу страну. Его величество король скончался!

Лорд Гердфорд (*нарушая молчание*). Ваше величество, подойдите к окну. Народ хочет видеть своего короля!

Том (*кричит*). Почему вы мне не верите? Я же нищий, а не король! Караул!..

Тома против воли подводят к окну. Лорды кричат: «Да здравствует король!»

Занавес

ВТОРОЙ ПРОСЦЕНИУМ

Перед занавесом нищий мальчик и нищая девочка поют в зал.

Песенка ребят

Жил был на свете мальчик Джек.
Он был веселый человек.
Он целый день гулял и пел,
И делал все, что он хотел,
Веселый мальчик Джек.

Захочет — побежит в лесок
Захочет — ляжет на песок,
Захочет — с берега нырнет,
Захочет — в лодке поплывет
Веселый мальчик Джек.

Никто ему не угрожал
И за решетку не сажал.
Не заставляли воровать,
И сытым он ложился спать,
Веселый мальчик Джек.

Но и к нему беда пришла:
У Джека мама умерла.
И он на улицу попал,
И в первый раз под мостом спал
Веселый мальчик Джек.

Пропев песенку, нищие ребята протягивают руку со словами:

Подайте нам!
Подайте нам!
Кто может нам подать?
Хотя бы корочку одну,
Чтоб нам не голодать.
Мы просим милостыню днем.
Мы нашу песенку поем.

Подайте нам!
Подайте нам!
Кто может нам подать?
Кто не был сытым никогда,
Тот понимает без труда,
Как трудно голодать!

Появляется стражник.

Стражник.

Проваливай, проваливай!
Распелись, собрались!
Плетей бы вам! Плетей бы вам!
А ну-ка, разойдись!

Нищие разбегаются.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Улица. Направо таверна «Зеленый лес». Несколько бочек около нее. Точильщик точит ножи. Лудильщик чинит кастрюли. Группа бродяг.

Бродяги (*поют*).

Ни фартинга в карманах нет,
А во дворце пиры.
Вельможа золотом монет,
Чтоб удивить весь белый свет,
Мостит свои дворы.

Король на наши деньги пьет,
Не думает о нас.
И если б только не доход,
Он весь бы нищий свой народ
Повесил хоть сейчас.

Гек. У меня была постель — они сказали мне: «Ты можешь спать на земле!» У меня был очаг — они разрушили его и посадили меня за решетку, и когда у меня уже ничего больше не осталось, кроме жизни, тогда они пожалели меня и сказали: «У тебя все равно больше ничего нет, тебе лучше умереть, чем так жить: мы тебя повесим».

Дик. Повесим! Это для них пустяковое дело. Я помню, бедного Джона вздернули на сук за какого-то поросятенка, которого он и во сне не видел. У него тоже осталось двое сирот.

Проходят нищий мальчик и нищая девочка.

Вот они прошли... наши дети.

Бродяги (*поют*).

Бродяг таскают по судам,
На всех одна петля.
Дай, боже, то же господам,
Что из казны ссудили нам
По воле короля.

Мы просим милостыню днем
У окон и ворот.
А ночь ночуем под мостом
И только думаем о том,
Как солнышко взойдет.

Гек. Я искал правды, и они клеймом выжгли ее у меня
на спине, чтобы я о ней не забывал!

Дик. Как-нибудь не забудем!

Гек. Пойте, друзья, об этой правде!

На крыльцо выходит слуга.

Слуга. Не рвите глотки. Хозяин велел вам убираться
подальше от нашего заведения.

Дот. Мы не у него в гостях, любезный.

Гек. А если мы тревожим его нежный слух, пусть
заткнет себе уши паклей.

Хохот.

Бродяги (*начинают петь*).

Мы ночью у костра сидим
И спирт вонючий пьем,
Нас до рассвета греет дым,
Мы где хотим и как хотим
О короле поем.

Нам затыкают кляпом рот:
Ни петь, ни говорить,
Но если рот открыл народ,
Но если рот открыл народ,
Его нельзя закрыть.

Появляется стражник.

Стражник.

Проваливай, проваливай!
Распелись, собрались!
Плетей бы вам! Плетей бы вам!
А ну-ка, разойдись!

Бродяги медленно расходятся. Стражник проходит.

Точильщик (*лудильщику*). Ты не знаешь, за что они хотят повесить герцога Норфолькского?

Лудильщик. За шею.

Точильщик. Не шути. Он был хорошим человеком.

Лудильщик. Ну, значит, за это они и приговорили его к виселице.

Точильщик. Они бросили его в Тауэр.

Лудильщик. Скоро его голова будет торчать на воротах и галки станут кружить над нею.

Звучит песня Тейлора.

Пусть нищ и холоден твой дом

И ветра слышен вой,

Мы не напрасно счастья ждем,

Так долго ждем с тобой.

Так долго ждем с тобой, мой друг,

Но счастье к нам приходит вдруг,

И мы его дождемся!

Точильщик. Слышишь, это лодочник Тейлор.

Слушают.

Лудильщик. Он поет свою новую песню.

Точильщик. Сколько песен знает этот человек!

Лудильщик. Его песни любят в народе.

Точильщик. Сейчас он пристанет к берегу.

Песня все громче. Появляется Тейлор с веслом на плече. Он поет, все его слушают.

Тейлор.

На воле птицы гнезда вьют,

Леса шумят листвою,

О воле птицы не поют,

Я слышу голос твой.

Я слышу, это ты поешь

О том, что правду ты найдешь,

И мы ее дождемся!

(*Точильщику.*) Никак, я тебе опять понадобился? Что тебе сказали в суде?

Точильщик. Судья порвал мое прошение на куски и велел убираться ко всем собакам. Видно, скоро и мне придется протягивать руку за коркой хлеба и прятаться от стражников по ночам.

Тейлор. Знал бы, что погибнет твоя бумага, я бы не

столь прилежно сочинял ее. Пропало все мое чистописание.

Лудильщик. Ты все знаешь. За что хотят казнить герцога Норфолькского?

Тейлор. Не так громко, если ты не хочешь составить ему компанию.

Проходит стражник.

Говорят, он пришелся не ко двору.

Лудильщик. Он заступился за простых людей.

Точильщик. Сестру бедняги Сэма согнали с земли, которая понадобилась какому-то знатному человеку под пастбище.

Лудильщик. Он велел вернуть ей ее участок.

Тейлор. Королевский судья должен соблюдать законы и защищать интересы знатных людей, а не бедных тружеников. Понял?

Точильщик. Вот она где, собака, зарыта!

Тейлор (*процаетя и уходит с песней*).

Никто у нас не отберет

Того, что нам дано,

И если солнышко встает,

То светит нам оно.

Для нас весна, цветут поля,

И нам принадлежит земля,

И мы ее дождемся!

Песню заглушает шум за сценой. Появляется группа бродяг, торговцев, нищих; среди них Эдуард.

Лудильщик. Эй, кого это там ведут?

Точильщик. Что там такое?

Дик. Все сюда! Тут у нас такая комедия идет, что любо.

Кто хочет видеть нашего короля? Подходите, я вас с ним познакомлю.

Дот. Боюсь, перепачкаю его королевское величество.

Эдуард. Как вы смеете! Я прикажу вас всех заковать в цепи и бросить в тюрьму!

Точильщик. Что это за чучело?

Дик. А ну-ка, спросите его, добрые люди, кто он такой!

Дот. Пусть повторит!

Точильщик. Кто вы такой, молодец?

Эдуард. Вы свора невоспитанных собак! Повторяю вам: я король Эдуард.

Хохот толпы.

Лудильщик. Ого, куда хватил!

Дик. Держите меня, я сейчас упаду от смеха.

Торговка рыбой. Не распорядится ли ваша милость купить у меня рыбу на королевскую кухню?

Нищая девочка (*нищему мальчику*). Смотри, это же Том! Что с ним?

Нищий мальчик. Наверное, он сошел с ума, раз такое говорит.

Торговка булками (*протягивает Эдуарду булку*). Это он с голоду. На, мальчик, съешь.

Эдуард. Уйди от меня, глупая женщина. Очень нужна мне твоя жалкая корка!

Нищий мальчик (*Эдуарду*). Том, возьми! Разве ты не видишь? Это хлеб!

Нищая девочка. Он правда сошел с ума.

Дик. Что же вы стоите, невежи? Скорее на колени, да стучайтесь лбами крепче. Воздайте честь его королевским лохмотьям!

Дот. Ты убежал с коронации? Или ты еще успеешь на свое торжество?

Эдуард. Там коронуют мальчишку со Двора обедков! Они принимают его за меня.

Дик. Тогда мы коронуем тебя. На бочку его!

Эдуарда тащат на бочку.

Точильщик. Оставьте ребенка. Ясно, он болен.

Лудильщик. Он не в своем уме!

Гек (*Дику*). Брось, старина! Потешились — и довольно. Пусть идет себе домой.

Дик. Не твое дело. Мы же его не бьем. Пусть еще посмешит народ. Мы никогда не видели живого короля. (*Смеется.*) На бочку его!

Голоса. На бочку, на бочку!

Эдуарда втащили на бочку.

Дик. Мантию ему! Мантию!

Кто-то накидывает на Эдуарда рогожу.

Ваше величество уронило корону!

Надевают Эдуарду на голову глиняный горшок.

Король Фу-фу Первый.

Дот. Король шутов.

Торговка рыбой. Да здоровствует король шутов!
Нищий мальчик. Том, слезай скорей с бочки!

Пойдем с нами!

Нищая девочка. Мы отведем тебя домой.

Нищий мальчик. Тебя же побьет отец!

Эдуард. Я никуда не пойду. Я вас не знаю.

Нищий мальчик. Это же мы! Том, это же мы!

Эдуард. Что вы ко мне пристали! У меня нет
сейчас денег, чтобы подать вам на хлеб.

Взрыв хохота.

Дик. Вы слышите, в другое время он бросил бы нам
пригоршню золотых!

Расталкивая толпу, появляется Гентон.

Гентон. Не издевайтесь над больным ребенком!
Разве вы не видите, что он потерял рассудок?
Не дразните его.

Дот. Вот еще один некоронованный принц.

Эдуард. Я велю вздернуть всех на виселицу!

Гентон. А ты, милый, не грози. Будь себе королем,
если тебе сдуру пришлось это по вкусу, но пусть
от этого никому не будет обиды.

Эдуард. Эй, солдат, приказываю тебе изрубить всю
эту толпу негодяев на куски!

Дик. Смилуйся над нами, добрейший король!

Дот. Не попирай ногами твоих ничтожных червей!

Дик. Сжался над твоими рабами и утешь их коро-
левским пинком. Удостою плюнуть на нас, о госу-
дарь, и дети детей наших будут счастливы и горды
воспоминанием о твоей царской милости. Вот шут
паршивый!

Торговка рыбой. Если ты король, отмени налоги,
и я подарю тебе эту селедку.

Появляется стражник.

Стражник. Что за шум? Кого поймали?

Дик. Короля за хвост поймали!

Стражник. Эй ты, нищее отродье, заткни себе глотку!

Дик. Клянусь моим левым ухом, которое отхватил мне
королевский судья на прошлой неделе!

Эдуард. Именем короля приказываю тебе арестовать
всех этих людей.

Стражник. Что ты шумишь, щенок! Кто твой отец?

Появляется Джон Кенти.

Эдуард. Мой отец умер. Он был вашим королем.
Теперь я король!

Джон Кенти (*расталкивая толпу*). Так это я умер?
Так это ты король? Поди сюда, паршивец! Я давно хотел с тобой расправиться. Я оторву тебе уши, не будь я Джоном Кенти, твоим отцом.

Стражник. Оторви ему лучше язык, не то тебе придется ответить перед законом.

Проваливай, проваливай!
Распелись! Собрались!
Плетей бы вам! Плетей бы вам!
А ну-ка, разойдись!

(*Уходит.*)

Нищий мальчик (*нищей девочке*). Он не узнает отца.
Нищая девочка. Сейчас ему здорово влетит.

Джон Кенти. Я дам тебе хорошую затрещину — живо вся дурь из головы вылетит. Слезай с бочки, дурак! Нечего тебе перед народом комедию ломать. Дома ни куска хлеба нет, а ты здесь народ потешаешь.

Эдуард. Ты не смеешь ко мне прикасаться своими грязными руками. Моя личность неприкосновенна.

Джон Кенти. Что ты сказал? (*Замахивается на Эдуарда.*)

Гентон. Ты не ударишь мальчика.

Джон Кенти. Не лезь не в свое дело!

Гек. Кто его ударит, будет иметь дело со мной.

Гентон. Сейчас же отпусти его.

Дик. Ишь какой сердитый!

Эдуард. Пустите меня! Защитите меня!

Гек, Гентон, ремесленники встают на защиту Эдуарда.

Джон Кенти (*Гентону*). Я его отец. А ты кто такой?

Гентон. Кто бы я ни был. (*Обнажает шпагу.*)

Эдуард. Спаси меня!

Гентон. Пусти его!

Джон Кенти. Отойди, или я проломлю тебе голову этой дубиной! (*Замахивается на Гентона.*)

Стражник (*появившись опять*). Тут, кажется, собираются драться? (*Быстро уходит.*)

Гентон (*отбивает удар шпагой, заслоняя собой Эдуарда*). Он не пойдет с тобой, не будь я Майлсом Гентоном! (*Нападает на Джона, тот отступает.*)

Толпа расходится.

Эдуард (*Гентону*). Ты храбрый человек, я жалую тебе титул пэра.

Гентон. Чудесно, я давно ждал этого случая, а сейчас пойдем, бедняга, я накормлю тебя ужином и уложу спать, не то ты мне, чего доброго, пожалуешь титул графа.

Эдуард. Куда ты ведешь меня?

Гентон (*ведет Эдуарда в таверну*). В королевские покои.

Темнеет. Из темноты снова появляются бродяги.

Дот. И нам пора подумать о ночлеге.

Дик. Под каким мостом мы будем ночевать сегодня?

Гек. Чем напичкаем наш тощий желудок?

Дик. Небо — моя крыша! Грязь — моя перина! Костер — очаг мой! Сухая корка — ужин!

Гек. Перетяните животы потуже. Песню!

Дик. Пой, Летучая Мышь!

Гек. Пой, Дик! Пой, Дот Одноногий!

С песней уходят.

Ни фартинга в кармане нет.

Мы — нищие, воры.

Король же золотом монет,

Чтоб удивить весь белый свет,

Мостит свои дворы!

Джон Кенти появляется из темноты и грозит кулаком в сторону таверны.

Джон Кенти. Ну ладно, посмотрим, кто кого одолеет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ТРЕТИЙ ПРОСЦЕНИУМ

Перед занавесом лорды.

Первый лорд. Никого не узнает!

Второй лорд. Ничего не признает!

Третий лорд. Ест руками за столом!

Четвертый лорд. Он меня назвал ослом!

Пятый лорд. Принц Эдуард сошел с ума!

Шестой лорд. Тсс... Нам всем грозит тюрьма!

Первый лорд. Что же делать?

Второй лорд. Как же быть?

Третий лорд. Как же мог он все забыть?

Четвертый лорд. Как он бредит по ночам!

Пятый лорд. Что приказано врачам?

Шестой лорд. Прекратить всему учить. И лечить, лечить, лечить.

Первый лорд. Как же будет он, больной, управлять своей страной?

Второй лорд. Гердфорд, кажется, не прочь...

Третий лорд. Сумасшедшему помочь!

Четвертый лорд. Это на руку ему.

Пятый лорд. Тсс! Я не хочу в тюрьму.

Все лорды скрываются. Появляется лорд-канцлер.

Лорд-канцлер. Под страхом смерти запрещается внимать ложным слухам о мнимой болезни короля, обсуждать их и выносить за пределы дворца!

Входят лорд Гердфорд и лорд Сенджон. Лорд-канцлер уходит.

Лорд Сенджон. Представьте себе, он забыл место, где спрятана большая королевская печать. Как же теперь ваши дела, милорд?

Лорд Гердфорд. Какие именно?

Лорд Сенджон. Вы меня понимаете. Я говорю о приговоре герцогу Норфолькскому.

Лорд Гердфорд. А-а-а! О приговоре? Ничего, спасибо, все в порядке. Мы приложим к нему малую королевскую печать.

Лорд Сенджон. Лорд Гердфорд станет богатым человеком. Такие владения...

Лорд Гердфорд. К сожалению, молодой король

должен утвердить этот приговор. Мы не успели привести его в исполнение при жизни старого короля.

Лорд Сенджон. О-о-о, а если молодой король не захочет его утвердить?

Лорд Гердфорд. Я скажу ему, что это была воля его покойного отца. Он все равно ничего не помнит.

Лорд Сенджон. Да, да! Горе помutilо его разум.

Лорд Гердфорд. Он безумен, но он наследник престола, и в здравом уме или сумасшедшим — он будет управлять королевством.

Лорд Сенджон. Он сумасшедший.

Лорд Гердфорд. Так что же будет? Будь он тысячу раз сумасшедший, он король, и всякий, говорящий о его недуге, посягает на мир и порядок державы и будет отправлен на виселицу. Идемте, нас ждет палата лордов.

Уходят. Снова появляются лорды.

Первый лорд. Помолчите.

Второй лорд. Слишком громко не кричите!

Третий лорд. Что сказал в ответ Сенджон?

Четвертый лорд. Как всегда, он был смешон?

Пятый лорд. Не пройдет и двух-трех дней...

Шестой лорд. Гердфорд будет всех сильнее.

Первый лорд. Тсс... Он дядя королю!

Второй лорд. Тише, тише, я молю!

Третий лорд. Он вчера мне руку жал!

Четвертый лорд. Он всегда нас уважал!

Пятый лорд. Он учтив, поверьте мне!

Шестой лорд. Он сильнее всех в стране!

Пятый лорд. Он храбрее всех в стране!

Четвертый лорд. Он умнее всех в стране!

Третий лорд. Он хитрее всех в стране!

Второй лорд. Он милее всех в стране!

Первый лорд. Он страшнее всех в стране!

Спрячт хором. Голос Тома: «О-о-о!»

Лорды (вместе). Тсс! (Скрываются.)

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Королевская спальня. На большой кровати, утопая в подушках и кружевах, спит Том. У кровати в почтительных позах замерли лорды.

Том (*во сне*). О-о-о-о! Пустите меня... Не отнимайте у меня... Не бей меня, отец!

Первый лорд. Что он сказал?

Второй лорд. Что, что он сказал?

Третий лорд. Он сказал: «О-о-о, не обнимайте меня».

Четвертый лорд. Он сказал: «О-о-о, мой бедный отец».

Пятый лорд. Мне послышалось другое.

Шестой лорд. Тсс, мы разбудим короля.

Том (*во сне*). О-о, я прошу вас — пустите меня... Не надо, не надо... (*Ворочается.*)

Первый лорд. Что он сказал?

Второй лорд. Что, что он сказал?

Третий лорд. Он опять сказал: «О-о-о».

Четвертый лорд. Он два раза сказал: «О-о-о».

Пятый лорд. Мне послышалось другое.

Шестой лорд. Тсс, мы разбудим короля.

Том (*просыпается*). А? Что? Зачем вы здесь? Что вам от меня надо?

Первый лорд. Час поздний. Не угодно ли будет вашему королевскому величеству встать?

Том. Хорошо, я сейчас встану. Почему вас так много? Разве кто-нибудь один не мог меня разбудить?

Первый лорд (*второму*). Король хочет одеваться. Рубашку королю!

Второй лорд (*третьему*). Королевскую рубашку!

Третий лорд (*четвертому*). Рубашку его величества!

Четвертый лорд (*пятому*). Милорд, передайте, пожалуйста, королевскую рубашку.

Пятый лорд (*шестому*). Рубашку его королевскому величеству!

Из рук в руки передают королевскую рубашку. Первый лорд надевает ее на Тома.

Том (*смеется*). Однажды, когда во время ярмарки загорелась карусель, точно так же передавали ведра с водой.

Первый лорд. Как это остроумно!

Второй лорд. Мило!

Третий лорд. Восхитительно!

Четвертый лорд. Оригинально!

Пятый лорд. Умно!

Шестой лорд. Эту шутку будут повторять все!
Том. Да пустите меня, я же сам могу надеть эту рубашку! Я не понимаю: неужели я не могу сам одеваться? Где чулки?

Первый лорд (*второму*). Чулки королю!

Второй лорд (*третьему*). Королевские чулки!

Третий лорд (*четвертому*). Чулки его величеству!

Четвертый лорд (*пятому*). Передайте, пожалуйста, королевские чулки.

Пятый лорд (*шестому*). Чулки его королевскому величеству!

Из рук в руки передают чулки. Чулки попадают в руки первого лорда.

Первый лорд (*в ужасе второму*). Смотрите, милорд!

Второй лорд (*третьему*). Смотрите, милорд!

Третий лорд (*четвертому*). Нет, вы, милорд, посмотрите.

Четвертый лорд (*пятому*). Посмотрите, пожалуйста, милорд.

Пятый лорд (*шестому*). Что я вижу! И я вижу дырочку.

Шестой лорд (*в ужасе*). Что это, дыра в королевском чулке?

Первый лорд. В Тауэр главного хранителя королевских чулок!

Лорды (*вместе*). В тюрьму его!

Том. Что у вас там вышло с чулками? (*Босиком подходит к шестому лорду, берет у него чулок.*)
Это же можно заштопать. Ну, стоило ли из-за этого так кричать! (*Надевает чулки.*)

Первый лорд (*придя в себя*). Да соблаговолит ваше величество изъявить согласие умыться этой теплой кипяченой водой!

Второй лорд. Почистить зубы.

Третий лорд. Освежиться после сна.

Четвертый лорд. А вытереться этим душистым пушистым полотенцем.

Пятый лорд. И причесаться этим прекрасным гребешком.

Том. Я никак не думал, что так трудно быть королем, это же прямо никакого покоя с утра до вечера! Когда же все это наконец кончится?

П а ж (*распахивая двери*). Королевский завтрак.

Вносят завтрак.

Т о м. Что это такое?

Первый лорд. Это первый утренний завтрак вашего величества.

Т о м. Это все мне одному? Да ведь тут на двадцать человек наготовлено! Я же всего один не съем, как вы думаете?

Первый лорд. Как будет угодно вашему величеству.

Т о м. Может быть, вы со мной закусите? Ой-ой, как вы тут неэкономно живете! Ну, а если я всего не съем, не собакам же все это выбрасывать?

Пятый лорд. Собакам, ваше величество.

Т о м. Каким собакам?

Третий лорд. Вашим, ваше величество.

Т о м. Сколько же у меня собак?

Третий лорд (*четвертому*). Сколько собак?

Четвертый лорд (*пятому*). Скажите, пожалуйста, сколько у вас собак?

Пятый лорд (*Тому*). Двести больших, сто маленьких.

Т о м. Где же они все лают?

Третий лорд (*четвертому*). Где они все лают?

Четвертый лорд (*пятому*). Скажите, пожалуйста, где эти собаки лают?

Пятый лорд (*Тому*). На королевской псарне, ваше величество.

Т о м. Скажите, у всех королей столько собак?

Первый лорд. У всех, ваше величество.

Второй лорд. По последним сведениям, у всех королей, ваше величество.

Третий лорд. У некоторых даже больше.

Т о м. Больше? Каких больше, больших или маленьких?

Первый лорд. Палата лордов уточнит этот вопрос и доложит вашему величеству.

Т о м. А зачем королю столько собак?

Первый лорд. Для травли.

Второй лорд. Для охоты.

Третий лорд. Они грызутся между собой!

Четвертый лорд. Это очень интересное зрелище.

Пятый лорд. Это интереснее, чем бой петухов.

Шестой лорд. Вашему величеству должно быть известно, что у нас столько же петухов в королевском курятнике.

Тому за завтраком не дают делать ничего самостоятельно. Лорды прислуживают: «Позвольте, ваше величество», «Разрешите, ваше величество», «Дозвольте, ваше величество», «Окажите милость, ваше величество» и т. д.

Том (*не выдержал*). Как это вы не возьметесь дышать за меня!

Первый лорд. Как это остроумно!

Второй лорд. Мило!

Третий лорд. Восхитительно!

Четвертый лорд. Оригинально!

Пятый лорд. Умно!

Шестой лорд. Эту шутку будут повторять все!

Том. Прошу снисхождения, милорды. У меня мучительно чешется нос! Каковы обряды и обычаи, соблюдаемые здесь в подобных случаях? Пожалуйста, поспешите с ответом, я просто не в силах терпеть.

Лорды в полной растерянности совещаются между собой, и наконец один из них нарушает молчание.

Первый лорд. Палата лордов уточнит этот вопрос и доложит вашему величеству.

Том (*чешет нос сам*). Я устал. Я хочу остаться один. Оставьте меня, пожалуйста. Может быть, у вас есть еще какие-нибудь дела во дворце?

Первый лорд. В круглом зале заседание комиссии по усовершенствованию налоговых операций.

Том. Ну вот, и пойдите туда, помогите им разобраться во всех этих делах.

Лорды уходят.

(*Один.*) Набитые соломой головы! Дураки! Как они мне все надоели! Ну ладно, раз они мне все не верят, что я просто Том Кенти, а не принц Эдуард, раз они хотят, чтобы я был королем, пожалуйста! Но я покажу им, какой я король, они у меня еще попрыгают, дурацкие рожи!

Паж (*распахивает дверь*). Леди Джен!

Том (*про себя*). Опять эта противная девчонка! (*Пажу.*) Пусть входит.

Леди Джен. С добрым утром, ваше величество!

Том (*сухо*). Здравствуйте.

Леди Джен. Как ваше здоровье, милорд?

Том. Ничего.

Леди Джен. Не тревожили ли дурные сновидения ваш ночной покой?

Том молчит.

Почему вы так бледны?

Том опять молчит.

Какие сны снились этой ночью вашему величеству?
Том. Сегодня мне снилась ярмарка в Чапсайде. Как будто я и дети с нашего Двора объедков лазили на праздничный шест за призами, а внизу стояли все наши ребята и кричали: «Давай, давай!» Но шест вдруг провалился сквозь землю, и мы вместе с ним. Я проснулся, а когда опять заснул, мне приснилось что-то совсем другое: не то какая-то синяя кошка, не то виселица. Вы не знаете, что бы это могло значить?

Леди Джен (*робко*). Я не знаю..

Том. Вот я тоже не знаю, зато моя бабка любой сон объяснить может. Если, например, рыба приснилась живая, это к деньгам, тухлая — к пожару. Если мыши — тогда это к болезни. Или зубы заболят, или живот. А самый лучший сон — это когда корова на лугу приснится. Это значит — повезет в жизни. Только корова на лугу редко кому снится, почти никогда. А вам, девочка, что сегодня снилось?

Леди Джен (*робко*). Мне снились бабочки.

Том. Бабочки? Чепуховый сон, когда бабочки снятся, я бы даже нарочно проснулся, чтобы их не видеть. Бабочки — это к хлопотам.

Леди Джен. А мне снились бабочки.

Том. Вам скучно жить в этом дворце?

Леди Джен. А где же можно еще жить? Я всегда жила во дворце.

Том. А мне скучно... девочка. Вы кто такая? Принцесса?

Леди Джен. Бедный, бедный! Я же ваша двоюродная сестра Джен!

Том. А-а-а! Первый раз слышу о такой сестре. А кто это такой худой, высокий, с петушиным лицом? Ну, еще так вот ходит, важничает? (*Копирует Гердфорда.*)

Леди Джен. Лорд Гердфорд?

Том. Он!

Леди Джен. Ах, милорд, неужели вы совсем ничего не можете вспомнить? Это же ваш дядя, лорд Гердфорд!

Том. Ах да, я же ведь ничего не помню. Значит, вы моя сестра, а он мой дядя... Я очень рад, что у меня есть такая сестра и такой дядя... Ой, как скучно! Знаете что? Давайте-ка лучше играть в палочку-застукалочку.

Леди Джен. Я не умею играть в эту игру.

Том. Как, неужели не умеете? Хотите, я вас научу?

Леди Джен. Если это не очень трудно.

Том (*оживленно*). Нет, нет, совсем не трудно. Вот смотрите, я встану здесь, вот так, и буду считать до двадцати, а вы прячьтесь куда хотите, а потом, когда я скажу: «Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать», стучите вот так и приговаривайте: «Палочка-застукалочка, выручи меня». Кто раньше застучится, тот и выиграл, а кто не успел, тот опять водит. Поняли?

Леди Джен. Нет.

Том. Какая вы бестолковая! Чему только вас тут учат?

Леди Джен. Танцевать.

Том. Ну, давайте играть. Я вожу. (*Считает.*) Ну, что же вы не прячетесь? Прячьтесь вон в тот шкаф.

Леди Джен прячется. Том считает снова. В комнату входит лорд Гердфорд.

Лорд Гердфорд. Ваше величество, вы уже проснулись? Я счастлив приветствовать ваше величество.

Том. Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать... Не мешайте мне, пожалуйста, разве вы не видите, что мы играем?

Лорд Гердфорд (*про себя*). Кажется, ему совсем плохо. (*Тому.*) Ваше величество, бумаги великой государственной важности, не терпящие отлагательства, ждут вашей подписи.

Том. Ну, давайте же скорей, я их подпишу.

Лорд Гердфорд (*подает бумаги, показывает*). Вот здесь.

Том (*подписывает*). Ну, где еще?

Лорд Гердфорд. Вот здесь.

Том. Да, а что это за бумаги? Что это такое?

Лорд Гердфорд. Это приговор герцогу Норфолькскому.

Том. Норфолькскому?

Лорд Гердфорд. Да. Герцог заключен в Тауэр и должен быть повешен. Такова была воля покойного короля. Но, согласно нашим королевским законам, приговор, не приведенный в исполнение в день смерти короля, не может быть в силе до скрепления его подписью нового короля. Я прошу вас, ваше величество, приложить свою руку вот сюда.

Том. А этого человека обязательно нужно повесить?

Лорд Гердфорд. Обязательно. Этот подлый человек осмелился пойти против короля, его крамольные речи сеяли смуту в народе. Он должен быть казнен, ваше величество.

Том. Я хочу его видеть.

Лорд Гердфорд. Ваше величество, но состояние вашего здоровья...

Том. Дядя!..

Лорд Гердфорд. Но врачи, ваше величество...

Том. Дядя, кажется, я король?

Лорд Гердфорд (*склоняет голову*). Как будет угодно вашему величеству. Будет ли угодно вашему величеству принять сегодня послов, согласно решению государственного совета? Они явятся для того, чтобы засвидетельствовать соболезнование по поводу тяжелой и непоправимой утраты, постигшей ваше величество и все наше королевство.

Том. Потом.

Входит Шелковый паж.

Шелковый паж. Лорд-казначей!

Лорд Гердфорд. Не угодно ли будет вашему величеству прослушать государственную записку казначейства о расходах на содержание королевского дворца?

Том. Давайте. Пожалуйста.

Входит лорд-казначей, за ним остальные лорды.

Лорд-казначей (*читает*). «Государственное казначейство с прискорбием сообщает, что расходы по содержанию королевского дворца и всех его угодий за последнее полугодие превысили девятьсот тридцать семь тысяч фунтов стерлингов, из коих девятьсот тридцать шесть тысяч фунтов еще не выплачены и в настоящее время выплачены быть не могут. А между тем расходы растут.

Королевская сокровищница терпит большие стеснения. Податей с населения недостаточно даже для покрытия расходов по королевским обедам. Государственный совет разработал новый проект по дополнительному штрафованию населения...»

Лорд-канцлер. На днях этот проект будет представлен вашему королевскому величеству на высочайшее утверждение.

Том. Я думаю, следовало бы сначала уплатить долги покойного короля, а затем уже расходовать столько денег. Сколько у нас слуг?

Первый лорд. Семьдесят конюхов.

Второй лорд. Сорок полотеров.

Третий лорд. Тридцать поваров и сорок поварят.

Четвертый лорд. Двадцать пять обойщиков и шестьдесят портных.

Пятый лорд. Шестьдесят охотников и пятьдесят псарей.

Шестой лорд. Пятьдесят птичников и сто пажей.

Лорд-канцлер. Итого пятьсот двадцать пять слуг, ваше величество, не считая многих других!..

Том. Эдак мы, конечно, прогорим дотла. Нужно будет снять дом поменьше. Хорошо бы купить маленький домик, как раз напротив хлебного рынка. Что вы на этот счет думаете? И потом, я слышал, у нас очень много собак. Оставьте одну, поменьше и позлее, а остальных продайте. А на утренние завтраки готовьте мне тоже что-нибудь подешевле. Больше всего на свете я люблю гороховую похлебку с луком и копченую форель с кислой капустой.

Страшное чиханье раздается из платяного шкафа. Лорды замерли в оцепенении.

Первый лорд. Кто это чихнул?

Второй лорд. Я ясно слышал: кто-то чихнул.

Третий лорд. Кто осмелился чихнуть?

Четвертый лорд (*пятому*). Скажите, пожалуйста, это не вы чихнули?

Пятый лорд. Это кто-то другой чихнул.

Шестой лорд. Смотрите, милорд...

Дверь шкафа раскрывается, и оттуда, заваленная платьями, запутавшись в кружевах, появляется леди Джен.

Т о м. Это же Джен! С этими королевскими делами нам не дали доиграть в палочку-застукалочку Кончайте скорее эту скучную историю.

Л о р д - к а з н а ч е й (*продолжает читать*). «...Покойный король в своей духовной завещал пожаловать лорду Гердфорду герцогский титул, сыну его — звание графа, а брату его — звание пэра. А так как покойный король никому из поименованных лиц не пожаловал письменно поместий и угодий, необходимых для поддержания столь высокого звания, то совет, будучи осведомлен о личных желаниях его покойного величества по этому поводу, счел за благо назначить лорду Гердфорду земель на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, а сыну лорда Гердфорда — на восемьдесят тысяч фунтов стерлингов, прибавив к этому, если будет на то согласие ныне царствующего короля, владения герцога Норфолькского, которые должны освободиться после казни изменника, приговоренного к повешению». (*Сворачивает бумагу, вздыхает.*) Все...

Т о м. Скажите, если бы я сейчас отдал приказ, который никто не имеет права отдать, кроме короля, был бы этот приказ исполнен? Никто не сказал бы: нет?

Л о р д Гердфорд. Никто, государь, ни один человек в целом королевстве. В вашем лице повелевает владыка страны, вы — король, и ваша воля — закон.

Т о м. Так пусть же с сегодняшнего дня моя воля будет законом милости, а не законом крови. Скорее пусть кто-нибудь из вас пойдет в Тауэр и объявит мою волю: герцог Норфолькский останется жив!

Пауза. Лорды остолбенели. Темно.

Занавес

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРОСЦЕНИУМ

Перед занавесом.

Тейлор (*поет в зал*).

Песня о трех братьях

В чужую дальнюю страну

Пошли три брата на войну.

Осталась дома мать.
И каждый вечер у окна
Садилась, бедная, она
Сынов с похода ждать.
Они в поход ушли втроем.
Был старший брат убит копьем,
Он был сражен в бою.
Мечом убит был средний брат.
Лишь младший брат пришел назад,
Увидел мать свою.
Качались васильки в полях.
Он к ней пришел на костылях,
Сказал ей: «Здравствуй, мать!»
Она увидела его
И не сказала ничего
И уложила спать.

При последних словах идет занавес уличный.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Бедно обставленная комната в таверне — одна кровать, убогая мебель, на столе две свечи, тускло освещающие обстановку. Скрип ступенек. В комнату входят Гентон и Эдуард.

Гентон. Ну? Чем не королевские покои? А если к этому добавить королевский ужин, который сюда подадут, можно смело считать себя во дворце.

Эдуард садится на кровать. Входит слуга.

(Слуге.) Эй, дружище, вели хозяину прислать сюда наверх что-нибудь поужинать. Я голоден, как собака. Не забудь флягу вина. Да прихвати хлеба побольше. Главное — живей да подешевле. Понял?

Слуга уходит.

(Эдуарду.) Я рад, что вся эта история так хорошо кончилась. Теперь мы вместе будем ходить по этому белому свету, пока нам не надоест. Клянусь своей шпагой, этот мерзавец никогда не ударит тебя больше, а если ему вздумается явиться сюда, чтобы проявлять свои отцовские чувства, я спущу его с лестницы. Будь он хоть втрое сильнее меня... Да, не хотел бы я родиться от такого дьявола.

Эдуард. Сколько раз я тебе уже говорил, что мой

отец был королем. А этот бродяга — отец того оборванца, которого теперь все принимают за короля Эдуарда. На самом деле его зовут Томом. Король Эдуард — я.

Гентон. Ну ладно. Успокойся. Я тебе верю. В конце концов не все ли мне равно, кто король — ты или он. Мне было бы даже лучше, если бы ты был королем, по крайней мере я имел бы руку во дворце.

Эдуард. Я должен попасть во дворец, я разоблачу этого грязного оборвыша. Как он смеет сидеть на моем месте и править моей страной! Зачем он отменил казнь герцога Норфолькского? Кто разрешил ему это сделать?

Гентон. Успокойся. Об этом у нас есть время подумать завтра.

Эдуард (*подошел к умывальнику и нетерпеливо ждет*). Ну?

Гентон. Чего не хватает тебе?

Эдуард. Я хотел бы умыться.

Гентон. Только-то? Ты можешь делать здесь все, что тебе вздумается, не спрашивая позволения у Майлса Гентона. Будь как дома. Не стесняйся, пожалуйста. За все будет уплачено. Денег еще хватит на то, чтобы купить пару осликов и прокормиться два-три дня, пока мы не попадем ко мне на родину.

Эдуард (*топнул ногой*). Ну?

Гентон. Что с тобой, скажи на милость?

Эдуард. Пожалуйста, налей мне воды и не говори столько лишних слов.

Гентон (*смеясь*). Клянусь всеми святыми, это великолепно! (*Наливает ему воды.*)

Эдуард. Полотенце!

Гентон подает полотенце, висящее под носом Эдуарда.

Эдуард. Я устал. Помоги мне раздеться.

Гентон. погоди. Сейчас нам принесут ужин. Мы съедем по доброму куску говядины, запьем его добрым глотком вина и ляжем спать. Надеюсь, нам не будет тесно вдвоем на одной кровати...

Эдуард. Почему ты не двигаешься с места? Я же приказал тебе помочь мне раздеться! Ты будешь спать на полу у двери и сторожить мой сон.

Гентон. Честное слово, я в первый раз встречаю такого своенравного молодца! В конце концов мне не так-то

уж трудно помочь тебе раздеться — ты бледен и хил. Я не вправе на тебя обижаться, потому что ты нездоров, но знай, что Майлс Гентон никогда и никому еще не прислуживал. Я никогда не был богат, но я всегда был горд и независим, и если я это сейчас сделаю, то только из жалости к тебе. Завтра нам предстоит долгий путь ко мне на родину.

Э д у а р д. Остановись! Ты хочешь сесть в присутствии короля?

Г е н т о н. Может быть, там, на вольном воздухе, ты поправишься и выкинешь из головы свои безумные мысли.

Э д у а р д. Ты должен говорить мне «ваше величество». Я король, а ты мой слуга, хотя и пэр. Когда мы попадем во дворец, я пожалую тебе титул графа и назначу своим канцлером.

Г е н т о н. Вот спасибо! Всю жизнь мечтал быть канцлером его королевского величества... Нет, уж лучше я останусь тем, кем я был. Чины и звания не по мне. Отдыхайте, ваше величество, а пока что я почию ваш наряд, который эти бродяги порядком вам порвали. *(Садится к столу, начинает шить. Поет.)*

В чужую дальнюю страну
Пошли три брата на войну.

Осталась дома мать.

И каждый вечер у окна

Садилась, бедная, она

Сынов с похода ждать.

За дверью скрип ступенек. Входит слуга.

С л у г а. Хозяин велел узнать, долго ли вы здесь пробудете, и получить с вас вперед за ночлег и ужин.

Г е н т о н. Никто нам не верит в долг и не везде нас принимают, а все потому, что не все знают, кто мы такие. А если бы хозяин знал, что его таверну благосклонно посетил сам король, клянусь своим добрым именем, он заговорил бы иначе. Клянусь, он не посмел бы предъявить нам счет за ночлег и ужин.

С л у г а. Король?

Г е н т о н. Я и говорю — король. Подойди к постели. Его величество уже видит во сне, как твой хозяин со всей своей челядью болтается на виселице.

С л у г а *(в ужасе)*. Его величество? Я... о... вы...

Г е н т о н. Что я? Я граф Майлс Гентон, канцлер двора

его величества. Ты не смотри, что я так бедно одет. Мы путешествуем переодетыми по стране и проверяем, свежим ли мясом и добрым ли вином угощают в тавернах усталых путешественников. И худо приходится тому, кто подает нам к столу постную говядину и разбавленное вино. Что? Испугался? (*Тихо слуге.*) Не бойся, я пошутил. Я так же нищ и неизвестен, как тот бедняга, ум которого переселился из действительности в мир теней. Болезнь помutilа его разум. Держи, держи, получай свои деньги и передай хозяину, чтобы он побольше доливал воды в вино, не то я могу напиться и перебить всю посуду.

Слуга уходит.

Эдуард (*во сне*). Лорд Гердфорд... Лорд Гердфорд...
Надо... казнить его... Казните его. Я сам скреплю приговор...

Гентон. Несчастный! Он и во сне правит государством.
Не хотел бы я быть на его месте.

Эдуард. Пить, воды...

Гентон подает ему в ковше воду.

(*Просыпается.*) Где я? Что со мной? А, это ты, Гентон. Я, кажется, уже спал?

Гентон. Ты просил пить. Вот вода.

Эдуард. Отпей при мне глоток. Чтобы я видел.

Гентон. Зачем? Я уже напился.

Эдуард. Ты должен пробовать до меня все, что я ем и пью. Отпей глоток.

Гентон (*не понимая*). Ну, я отпил.

Эдуард. Теперь дай мне. Лишняя осторожность никогда не мешает. Вода могла быть отравлена. (*Пьет.*)

Гентон. Да ты, видно, парень, совсем рехнулся. Уж не я ли мог задумать тебя отравить? Да вряд ли и кому другому могло прийти это в голову.

Эдуард. Вы забываете, милорд, перед кем вы стоите.

Гентон. Наверное, опять перед его королевским величеством.

Эдуард. Ну хорошо, я прощаю тебе на этот раз. Накрой меня одеялом.

Гентон накрывает Эдуарда одеялом.

Не забудь достать мне завтра новое платье. Ты знаешь, где живет королевский портной? (*Сквозь*

сон.) Скажи ему от моего имени, что король... что я... скоро... опять... (*Засыпает.*)

Гентон. Как же не знать, где живет королевский портной! За углом направо, третий дом налево, деньги заплачены. Знаю, знаю. Только на этот раз королю придется донашивать то, что на нем надето. А графу Майлсу Гентону, канцлеру двора его величества, придется наложить несколько благородных стежков на это неблагородное одеяние. (*Опять принимается за платье Эдуарда и поет.*)

В чужую дальнюю страну
Пошли три брата на войну.
Осталась дома мать.
И каждый вечер у окна
Садилась, бедная, она
Сынов с похода ждать.
(*Засыпает.*)

Входит слуга и ставит на стол еду. На цыпочках, беспокойно оглядываясь, выходит из комнаты.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ПЯТЫЙ ПРОСЦЕНИУМ

Шериф, Джон Кенти и стражник.

Джон. Господин шериф! Бьюсь об заклад, что это он отравил бродягу.

Шериф. Вот мы его именно сейчас и заберем. А может быть, это не он? А?

Джон. Он. Я видел, как он бежал по улице и держал одну руку в кармане.

Шериф. Что он держал в кармане?

Джон. Наверно, эту склянку с ядом, которым он отравил несчастного.

Шериф. Вот именно, с ядом. А какие еще улики ты можешь привести в доказательство?

Джон. Он был высокого роста, и его камзол отличался богатством.

Шериф. Вот именно, тогда это он! А где они остановились?

Джон. Они остановились в «Зеленом лесе».

Шериф. Он при шпаге?

Джон. Он вооружен.

Шериф. Ого! Тогда это не он, вот именно.

Джон. Он. Черная Бесс так ловко предсказывала будущее, что прослыла ведьмой. Ее изжарили, как велит закон, на медленном огне.

Шериф. Вот именно! Что она тебе предсказала?

Джон. Она сказала, что больной умрет от яда и что отравит его человек в дырявом камзоле, с усами и бородой.

Шериф. Тогда это он.

Стражник. Вот именно!

Шериф. Что — вот именно, вот именно? А если он будет драться?

Стражник. А мы его не будем дразнить.

Шериф. Вот именно. Но все-таки не мешает быть с ним поосторожнее. Еще кольнет, чего доброго, в живот этой шпагой, вот именно.

Джон. А мальчишка здесь ни при чем, я заберу его с собой.

Шериф. Сначала мы допросим обоих. Вот именно.

Джон. Мальчишка ни при чем. Он просто валяет дурака.

Шериф. Кого? Кого он валяет?

Стражник. Дурака.

Шериф. Вот именно, тебя, дурака, не спрашивают.

Уходят.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Раннее утро. У входа в таверну «Зеленый лес» слуга занят каким-то делом. В стороне, у авансены, — нищий мальчик и нищая девочка.

Нищая девочка. Скоро солнышко начнет припекать, и ты согреешься.

Нищий мальчик. Холодно!

Нищая девочка. Ты счастливо отделался. Расскажи, как это случилось.

Нищий мальчик. Я поймал его и принес домой. Я же не мог знать, чей он, а когда я шел по улице, меня все видели и спрашивали, не продаю ли я голубя. Но я всем говорил, что не продаю. А вечером появился какой-то человек. Он привел с собой стражника и сказал ему, что я вор и украл у него

птицу. Я сказал: «Нет, я не крал голубя, но если он ваш, то возьмите его». Они не поверили, повели меня в тюрьму, и тогда судья решил, что меня лучше всего посадить за решетку, чтобы я не болтался зря по площади... А разве мы виноваты, что нам приходится болтаться по улицам и просить себе на хлеб? Мы тоже хотим есть.

Нищая девочка. Ну, а потом что было?

Нищий мальчик. Я очень боялся, что они меня повесят. Но молодой король отдал приказ — выпустить из тюрьмы всех нищих, бродяг и воров, которые украли из-за нужды. Вот меня и выпустили со всеми вместе за тюремные ворота.

Нищая девочка. Говорят, что король сошел с ума.

Нищий мальчик. Конечно! Ты больше не видела Тома? Где он? Что с ним?

Нищая девочка. Его взял с собой какой-то добрый человек. Помнишь, как он с нами вместе пел нашу песенку? *(Начинает петь песенку про мальчика Джекса и затем просит милостыню у слуги, который стоит на крыльце.)* Эй, добрый человек, не найдется ли у вас кусочка хлеба?

Слуга. Вали отсюда, попрошайка! Здесь не рыночная площадь, чтобы просить милостыню!

Из дверей вышел, насвистывая песенку, Гентон.

Гентон. Где бы я мог купить пару ослов?

Слуга. Если вы пойдете на ближний рынок, сударь, вы сможете себе выбрать отличных животных. Это недалеко отсюда. Вы пройдете два квартала, спуститесь вниз и попадете на площадь.

Гентон. Благодарю тебя за совет, дружище. *(Уходит.)*

Нищий мальчик. Сейчас солнце начнет припекать, и мы пойдем на рынок.

Нищая девочка. Нельзя. Вчера на рынке в доме Сэма отравили человека.

Нищий мальчик. Кто?

Нищая девочка. Убийца скрылся. Полиция ищет его по всему городу.

Нищий мальчик. Смотри, смотри, сюда идет шериф, за ним стражник и еще какой-то человек.

Нищая девочка. Это Джон Кенти, отец Тома. Что им здесь нужно?

Появляются Джон Кенти, шериф и стражник.

Джон Кенти. Здесь. Они остановились в этой таверне. Шериф (*слуге*). Послушай-ка, не здесь ли остановились двое мужчин?

Слуга. Кто именно, сэр? У нас много мужчин.

Джон Кенти. Мужчина в порванном камзоле, при шпаге и с ним мальчишка-оборвыш.

Шериф. Вот именно.

Слуга. Мужчина с мальчиком? Они действительно у нас на постое. Мужчина высокого роста, бедно одет, но при шпаге. Вы, кажется, так сказали?

Шериф. При шпаге, вот именно.

Джон Кенти. Пойди позови их, скажи, что за ними пришли.

Шериф. Пришли, вот именно.

Слуга. Мужчина, которого вы изволите спрашивать, ушел на рынок покупать двух ослов.

Джон Кенти. А оборвыш?

Слуга. Наверное, спит еще у себя на койке.

Джон Кенти. Я пойду подниму его. (*Входит в дом.*)

Шериф (*стражнику*). Стой здесь и никого не выпускай, вот именно.

Стражник становится у дверей, шериф входит в дом.

Нищая девочка. Уйдем отсюда.

Нищий мальчик. Давай лучше посмотрим, чем все это кончится.

Слуга (*стражнику*). Зачем вам эти люди?

Стражник. Говорят, они отравили вчера человека.

Слуга. Человека?

Стражник. Не собаку же!

Слуга. Кого же они отравили?

Стражник. Отойди, не приставай с вопросами. Кого надо, того и отравили.

Голос шерифа: «Вот именно».

Слуга. Я с первого взгляда заметил, что это проходимцы. Они глумились надо мной. Я им сказал, что это так не пройдет.

Голос Джона Кенти: «Поворачивайся, сынок, не задерживай отца». В дверях появляется Джон Кенти, который тащит за руку Эдуарда, за ними шериф.

Эдуард. Ты не мой отец. Пусти меня!

Нищая девочка. Смотри, это же Том!

Эдуард. Майлс, где ты?

Шериф. Вот именно, где твой покровитель, негодяй? Слуга. Я сказал вам, что он ушел на рынок покупать двух ослов.

Шериф (*оборачивается к слуге*). Вот именно, это тебя не касается. Разве тебя спрашивают? Осел!

Эдуард. Не прикасайтесь ко мне! Я король.

Шериф. Что он, дурак или сумасшедший?

Джон Кенти. Не обращайтесь внимания на его слова — он рехнулся.

Эдуард. Если вы верно служите королю, то арестуйте этого бродягу. (*Показывает на Джона Кенти.*) Я вам приказываю именем короля!

Шериф. Вы слышали?! От какого именно имени он говорит, вот именно!

Нищая девочка. Его же вздернут за это.

Нищий мальчик. Он потерял всякое соображение.

Эдуард. Как вы смели меня разбудить?

Шериф. Вот именно. Ты узнаешь об этом в тюрьме.

Появляется Гентон.

Гентон. В чем дело? Что случилось?

Эдуард. Майлс!

Шериф (*слуге*). Это он ходил за ослами?

Слуга. Вот именно.

Шериф. Что — вот именно, вот именно? Отвечай, когда тебя спрашивают. Он?

Слуга. Вот именно, он. (*Гентону.*) Бросай шпагу! Ты арестован.

Гентон. За что?

Шериф. Вот именно.

Джон Кенти. Ты еще спрашиваешь, за что? Ты отравил человека.

Гентон. Это ложь! Я никого не травил.

Эдуард. Слово короля, он никого не травил.

Джон Кенти. Вчера в доме Сэма...

Шериф. Вчера в доме Сэма...

Эдуард (*Джону Кенти*). Зачем ты говоришь неправду! Не слушайте его. Он просто хочет отнять у меня моего слугу. Это клевета. И они поплатятся за это. Майлс! Именем короля приказываю тебе обнажить шпагу!

Гентон. Молчи! Не ухудшай дела опасными речами...

Шериф. Вот... вот... именно, поосторожней. (*Стражнику.*) Веди их в тюрьму.

Джон Кенти (*тацит Эдуарда*). Сумасшедший щенок!
Вместо того чтобы слушаться родного отца и заботиться о куске хлеба для больной матери, ты предпочитаешь бродяжничать с этим шарлатаном.

Эдуард. Глупец! Неужели ты воображаешь, что король войдет в тюрьму живым?

Шериф. Именем короля.

Эдуард (*кричит*). Ты не имеешь права говорить от моего имени! Я лишаю тебя чина!

Шериф. Ты сделаешь это в тюрьме, вот именно.

Джон Кенти (*шерифу*). Я заберу его домой и выдеру.

Шериф. Вот именно. Я заберу его в тюрьму и выдеру.

Джон Кенти (*Гентону*). Я обещал с тобой расплатиться. Теперь мы в расчете.

Шериф (*стражнику*). Ведите их!

Стражник кладет руку на плечо Эдуарда.

Гентон. Тише, приятель! Прими руку! Мы пойдем послушно. Иди вперед. Мы за тобой.

Эдуард. Как они смеют! Я никуда не пойду.

Гентон (*Эдуарду*). Не болтай лишнего и еще лучше — совсем придержи язык. Положись на меня, и все пойдет хорошо. (*Всем.*) Я докажу, что этот человек солгал.

Эдуард (*после паузы*). Ведите! Я тоже докажу, кто я такой, и тогда всем придется дорого расплачиваться за подобное обращение с моей священной особой.

Все уходят.

Нищая девочка (*нищему мальчику*). Бежим за ними, посмотрим, чем все это кончится.

Нищий мальчик. Вот именно, бежим.

Занавес.

ШЕСТОЙ ПРОСЦЕНИУМ

Первый лорд, держа под мышкой Гемфри, бьет его розгами. Паж кричит, лорд ударяет, напевая песенку.

Первый лорд.

Раз, два, три, четыре, пять.

Надо правильно читать,

Надо правильно писать,

Надо правильно считать.

Входит Том.

Том. Что это значит? За что вы бьете мальчика?

Первый лорд. За ошибки, ваше величество.

Том. Какие ошибки?

Первый лорд. Ваши, ваше величество.

Том. Я ничего не понимаю.

Первый лорд. Ваше величество, вспомните, утром, накануне смерти короля, вы допустили в немецком диктанте пятьдесят две ошибки.

Том. Я?

Первый лорд. Да, ваше величество. Наказание было отложено ввиду траура, но теперь... *(Продолжает бить паж.)*

Раз, два, три, четыре, пять.

Надо правильно читать,

Надо правильно писать,

Надо правильно считать.

Том *(разгневанно)*. Вы, верно, не совсем здоровы. Уйдите прочь! Сейчас же отпустите мальчика!

Первый лорд. Но, ваше величество...

Том. Вы что? Плохо слышите?

Первый лорд, склонившись в глубоком поклоне, уходит.

Встань, мальчик! Кто ты такой?

Гемфри. Государь, вы должны меня помнить. Я паж, которого бьют вместо вас.

Том. Как ты сказал? Которого бьют вместо меня?

Гемфри. Я же Гемфри Марло — паж для побоев! Меня бьют за все ваши неправильные ответы, за ошибки в диктантах и письменных работах. Чем хуже вы учитесь, тем сильнее меня бьют.

Том. С какой же стати секут тебя за чужие ошибки?

Гемфри. Ваше величество, вы забыли опять. Они всегда секут меня розгами, когда вы плохо приготовили уроки.

Том. Ах, понимаю!.. Ты помогал принцу учиться, и тебя наказывали, если ты плохо подготавливал его?

Гемфри. О, что вы, ваше величество! Разве посмел бы я учить вас?

Том. Что за чепуха! Или я в самом деле рехнулся, или вы все тут посходили с ума! В чем же твоя вина?

Гемфри. Я-то не виноват, но не может же учитель бить ваше величество. Ваша личность неприкосновенна, поэтому за все ваши ошибки бьют меня.

Т о м. Безобразие! Больше этого никогда не будет!

Г е м ф р и. О, не делайте этого, государь! Может быть, вы поправитесь и опять будете плохо учиться.

Т о м. Что за чудеса? Тебе, верно, очень пришлось по вкусу быть битым ни за что ни про что?

Г е м ф р и. О нет, государь. Бьют меня больно! Очень больно! Но спина моя кормит меня. Я же за это получаю жалованье. А если меня не будут бить, то выгонят на улицу, и моя бедная мать и сестры пропадут с голоду.

Т о м. Успокойся. Ты будешь жить во дворце. Я дам тебе другую должность.

Г е м ф р и. Благодарю вас, ваше величество. Я бы пропал, если бы меня выгнали на улицу.

Т о м. А я пропадаю во дворце и был бы счастлив оказаться на улице. Мне здесь так скучно... Хочешь, мы будем дружить с тобой?

Г е м ф р и. О ваше величество, смею ли я!

Т о м. Я совсем не ваше величество, а такой же мальчик, как и ты.

Г е м ф р и. Но, ваше величество...

Т о м. Это лорды меня сделали вашим величеством, а я совсем наоборот.

Г е м ф р и *(смущен, хочет найти предлог для ухода)*. Ваше величество, разрешите мне покинуть вас. Я хочу поделиться радостной вестью с моей больной матерью.

Т о м. Ну, иди.

Гемфри уходит.

И этот тоже считает меня сумасшедшим. Ну что же, сумасшедший так сумасшедший. *(Запел.)*

Пусть ветер гуляет в кармане,
Ни фартинга нет за душой,
Друзья, унывать мы не станем,
Ведь бедность — порок небольшой.

Коль пусто в желудке бродяги —
Потуже ремень затяни.
Коль нет ни бочонка, ни фляги —
Воды из колодца глотни.

Появляются подсматривавшие лорды, переглядываются между собой.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната в королевском дворце, та же, что и в первой картине. Двое слуг снимают бархатные занавеси.

Бархатный паж. Ты не знаешь, зачем нам приказано снять эти занавеси?

Шелковый паж. Они пришлись королю не по вкусу: слишком дорогой бархат.

Бархатный паж. Чего он скупится? Казна от этого не обеднеет.

Шелковый паж. Говорят, в ней ничего и не было. Покойный король не стеснял себя в расходах.

Бархатный паж. Поторапливайся. Нам нужно кончить с этим делом до прихода короля.

Входит лорд Гердфорд. Он одет в скромный камзол.

Лорд Гердфорд. Эй, зачем вы снимаете занавеси?

Шелковый паж. По приказу короля.

Бархатный паж. Король приказал снять эти занавеси.

Лорд Гердфорд. Где главный дворецкий? *(Звонит.)*

Входит паж.

Позвать сюда главного дворецкого.

Входит главный дворецкий.

Почему снимают занавеси?

Главный дворецкий. Лорд Гердфорд, вы видите, что творится. Я живу, как во сне. Королю каждый день приходят новые мысли в голову. Он велел их снять и продать на ярмарке для покрытия долгов покойного короля. Он сказал мне: «Завтра праздничный день, и мы сумеем взять за них хорошую цену».

Лорд Гердфорд. Я, кажется, сам скоро сойду с ума.

Главный дворецкий. Я не знаю, что будет дальше.

Король гонит от себя врачей. Он сам ходит на кухню и проверяет кастрюли. Смотрите, во что нам приходится одеваться. Он разрешил нам надевать нашу одежду только по праздничным дням, все остальные дни мы должны ходить в этих простых камзолах.

Пажи уходят.

Лорд Гердфорд. Во что превращен дворец! Если бы покойный король смог об этом сейчас узнать, он перевернулся бы в гробу.

Главный дворецкий. Я думаю, его величество покойный король уже устал менять свое положение.

Входит лорд Сенджон.

Лорд Сенджон. Здравствуйте, милорды... *(В изнеможении опускается в кресло.)*

Лорд Гердфорд. Что с вами, сэръ?

Лорд Сенджон. Ох, не спрашивайте! Я прямо с ярмарки.

Лорд Гердфорд. Что вы там делали?

Лорд Сенджон. Я продавал королевских собак. Представьте себе, я, кажется, хорошо за них взял. Король останется доволен.

Лорд Гердфорд. Лорд Сенджон, вы были на ярмарке?

Лорд Сенджон. Да. Безумно устал.

Лорд Гердфорд. Вы, в вашем звании, были на ярмарке и продавали собак?

Лорд Сенджон. Да, продавал собак. Почему это вам не нравится?

Лорд Гердфорд. Как вам не стыдно, милорд!

Лорд Сенджон. Чего же мне стыдиться, раз его величество поручил мне это дело?

Лорд Гердфорд. Где король?

Главный дворецкий. Его величество играет с леди Джен в какую-то уличную игру. Бедную девочку не узнать. Мне кажется иногда, что она тоже не совсем здорова. С тех пор как...

Лорд Гердфорд. ...у короля помутился разум и появились дурные манеры! Вы это хотели сказать?

Главный дворецкий. Милорд, мы все думаем одно и то же.

Лорд Гердфорд. Лорд Сенджон, кажется, не разделяет нашего мнения. Не так ли?

Лорд Сенджон. Милорды, конечно, болезнь короля удручает меня так же, как и всех вас, и эти новые порядки во дворце, эти постные обеды и тому подобное — все это крайне неудобно. Но я, кажется, начал ко всему этому привыкать. За последнее время я даже потерял в весе, милорды, что весьма полезно для моего здоровья.

Лорд Гердфорд. Слышите, он уже начал худеть! Как вам это нравится? *(Смеется.)*

Лорд Сенджон. И потом, это все очень забавно.

Я никогда не представлял себе вас в глупом положении.

Лорд Гердфорд. Запомните, на днях все это кончится.

Лорд Сенджон. Чем?

Лорд Гердфорд. Вам придется ездить по всем ярмаркам и скупать обратно всех собак.

Лорд Сенджон. Что?

Лорд Гердфорд. Врачи его королевского величества признали короля невменяемым, и управление государством будет возложено на его опекуна, то есть на меня, и на вас, то есть на палату лордов. Мы не допустим, чтобы сумасшедший...

Входит Том.

Том. Здравствуйте. Ну что, занавеси сняли? Очень хорошо. Дядя, вы отвезете их на рынок и постарайтесь не продешевить. Нам нужно выколотить еще изрядную сумму для покрытия расходов покойного короля. Лучше всего посоветуйтесь с лавочником Гуго Питерсом. Он торгует москательными товарами и не оставит вас без доброго совета. Идите, я хочу посидеть один. Мне надоело все время разговаривать.

Лорд Сенджон (*лорду Гердфорду*). Вряд ли вам удастся это дело так же, как оно удалось мне с моими собаками. Нужно уметь торговаться.

Том. Собак всех продали?

Лорд Сенджон. Продал, ваше величество. Вот деньги.

Том. И ту, что поменьше и позлее?

Лорд Сенджон. Оставил, ваше величество. Когда я хотел ее продать, она меня как цапнет за ногу!

Том. Попросите ко мне этого, ну, как его? (*Вспоминает.*) Ну, того, который у вас тут деньгами заведует. Ага, казначея. Насилу вспомнил. Позовите мне лорда-казначея.

Лорды уходят.

Как мне все это надоело. Если бы кто-нибудь знал, как мне все это надоело! (*Задумался, напевает песенку.*)

Жил-был на свете мальчик Джек.

Он был веселый человек.

Он целый день гулял и пел

И делал все, что он хотел,

Веселый мальчик Джек.

Неужели я никогда не выпугаюсь из этой комедии?
Если бы я мог встретить настоящего принца, чтобы
он меня заменил... *(Снова запел.)*

Захочет — побежит в лесок.
Захочет — ляжет на песок,
Захочет — с берега нырнет,
Захочет — в лодке поплывет
Веселый мальчик Джек.

Кис-кис, пойди сюда, не бойся, я тебя не повешу.
(Гладит кошку.)

Никто ему не угрожал
И за решетку не сажал.
Не заставляли воровать,
И сытым он ложился спать,
Веселый мальчик Джек.

Я устал возиться со всем этим. А лорды, они при-
выкли болтать языком. Никогда в жизни не думал,
что их так много. Теперь понятно, почему мне при-
ходится просить милостыню.

Но и к нему беда пришла:
У Джека мама умерла.
И он на улицу попал,
И в первый раз под мостом спал
Веселый мальчик Джек.

Входит лорд-казначей.

Лорд-казначей. Ваше величество изволили меня
спрашивать?

Том. Да. Я же велел отменить все налоги с бедня-
ков. Почему не исполняются мои приказания?

Лорд-казначей. Лорд-канцлер и лорд Гердфорд,
ваше величество, вошли с ходатайством в палату
лордов об отмене вашего приказа.

Том. Почему?

Лорд-казначей. Потому что это единственная статья
доходов королевского дворца. Только налоги попол-
няют королевскую сокровищницу.

Том. Что же это такое? Разве я не имею права при-
казывать?

Лорд-казначей. Палата лордов в силе просить вас
отменить ваше решение.

Том. Ступайте. Я сам с ними поговорю сегодня.

Лорд-казначей уходит. Кошка прыгает со стола на пол и тоже выскакивает за дверь.

(Грустно смотрит вслед кошке.) Куда же ты уходишь? Точно такая же кошка была у меня на Дворе обедков!

Дверь тихо отворяется. Входит второй лорд в шляпе. Он подходит к Тому и, склонив голову, встает на одно колено.

Что-нибудь опять случилось?

Второй лорд. Ваше величество, я пришел вас просить о большой милости.

Том. О какой милости?

Второй лорд. Разрешите мне снять шляпу. Сейчас лето, и в ней так жарко, что, мне кажется, у меня растопились мозги.

Том. Какой же дурак велит вам носить ее в такую жару? Снимайте, пожалуйста.

Второй лорд. Я боюсь показать свое непочтение к милости вашего дедушки!

Том. Что? Что?

Второй лорд. Моему дедушке, ваше величество, была оказана вашим дедушкой великая честь. За особые заслуги он испросил наследственное право не обнажать головы в присутствии короля, и с этих пор весь наш род облысел. Я обязан ходить в шляпе. Я боюсь, что, если я ее сниму, я окажу непочтение к милости вашего дедушки, а мой дедушка...

Том. Ваш дедушка был болваном! Какое мне дело! Ходите, пожалуйста, без шляпы. Право, от этого мне ни холодно, ни жарко.

Второй лорд. Благодарю вас, ваше величество! Благодарю!

Обрадованный второй лорд, сорвав с головы шляпу, бросает ее в окно, и в ту же секунду за окном раздается гул голосов.

Том *(подбегает к окну)*. Что вы сделали? Что там?

Второй лорд. Ваше величество, разрешите мне узнать, что там происходит.

Том. Да, да, пожалуйста, я буду рад. По повелению короля пусть задержат толпу и узнают, куда она бежит и зачем.

Второй лорд уходит. Пауза. Входят лорды.

Первый лорд. Ваше величество, вы велели узнать, что за шум на улице?

Второй лорд. Я послал к начальнику стражи, чтоб
выяснить, в чем дело.

Третий лорд. Полиция задержала мужчину.

Четвертый лорд. И с ним маленького оборвыша.

Пятый лорд. Мужчина обвиняется в убийстве.

Шестой лорд. Их ведут в тюрьму.

Том. Привести их сюда!

Лорды, пятась, выходят из комнаты.

Позовите ко мне всех лордов и тех, которые опять
заседают в круглом зале, и найдите лорда Герд-
форда. Если он еще во дворце, пусть он тоже зайдет
ко мне. *(Оставшись один.)* Я сам буду судить людей.
Они могут засудить кого угодно. *(Подвигает кресло,
садится в него.)*

За дверью раздается мерная поступь солдат. В сопровождении
шерифа и взвода королевских стражников входит Гентон.

В чем вина этого человека?

Шериф. Он лишил одного из ваших подданных жизни
посредством яда, ваше величество.

Том. Его вина доказана?

Шериф. Вот именно, ваше величество!

Гентон. Ваше величество! Я не виноват, моя вина не
доказана, но я говорю не об этом. Я прошу спасти
жизнь безумного ребенка, тогда я мужественно пойду
на смерть.

Том. К чему вы присуждены?

Гентон. Мы осуждены свариться живьем!

Том. Милорды! Возможно ли, что они осуждены на
такую жестокую смерть?

Первый лорд. Таков закон, ваше величество, для
отравителей. А в других странах варят в кипящем
масле, и то не сразу, а постепенно опуская в масло
на веревке сначала ноги, потом туловище, потом...

Шериф. Вот именно! *(Указывая на голову.)*

Том. Довольно, милорд! Я не могу этого слышать!
Прикажите отменить этот закон, и пусть несчастных
не подвергают больше таким пыткам. *(Шерифу.)*
Я хотел бы подробнее вникнуть в это дело. Этот
человек говорит, что он невиновен. Расскажите мне,
что вы знаете.

Шериф. Из следствия выяснилось, ваше величество, что
этот человек заходил в один дом, где в то время

лежал больной, вот именно. Больной был один и спал. Человек этот вскоре вышел оттуда и пошел своей дорогой. Не прошло и часа, как больной умер в страшных мучениях, сопровождаемых рвотой и коликами.

Том. А видели, как он давал яд? Нашли яд?

Шериф. Вот именно, нет, государь.

Том. Так как же вообще узнали, что больной отравлен?

Шериф. Доктор, который его лечил, уверяет, что такая смерть бывает только от яда, ваше величество.

Том. А как узнали, что именно этот человек — причина смерти несчастного?

Шериф. Один свидетель показал, что колдунья, которая перед тем была сожжена на костре, предсказала ему по секрету, что больной умрет от яда и что отравит его неизвестный, наружность и одежда которого соответствуют наружности и одежде этого преступника, вот именно. Обратите внимание, ваше величество, что все это заранее предсказано.

Том. Если ты можешь что-нибудь сказать в свое оправдание, говори.

Гентон. Государь, я невиновен и мог бы доказать, что в тот час, когда, по словам свидетеля, я губил человеческую жизнь, я спасал жизнь человеку. Я вырвал из рук пьяного и жестокого бродяги несчастного ребенка, который в своем безумии уверял всех, что является королем. Этот безумный мальчик, который один мог быть моим свидетелем, осужден вместе со мной. И я прошу вас...

Том. Довольно! Освободите этого человека и приведите мальчика ко мне.

Шериф. Вот именно, к вам, ваше величество.

Входит Эдуард.

Эдуард. Наконец-то я попал к себе во дворец! Как ты смеешь сидеть на моем троне! Не ты, а я король Эдуард! *(Бросается к Тому.)*

Стража удерживает его, лорды оцепенели от неожиданности.

Гентон. Не обращайтесь внимания на его слова. Он болен.

Эдуард *(Гентону)*. Я лишу тебя графского титула. Лорд Гердфорд, прикажите стражникам отпустить

меня, если они сами не хотят повиноваться королю.
(Бросается к Тому.)

Стража вновь удерживает его.

Том. Под страхом смерти запрещаю трогать его! Он король. Он настоящий король.

Лорд Гердфорд (лорду Сенджону). Они оба помещаны. Как быть? У его величества — новый припадок.

Лорд Сенджон. Но откуда он знает, кто вы такой? Он назвал вас по имени.

Том. Как хорошо, что ты нашелся! Они все решили, что я — это ты, и не хотели ничего слушать. Садись скорее на свое место. Мне надоела эта работа.

Эдуард. Мне никто не хотел верить, что я настоящий король. (Стражникам.) Прочь руки!

Лорд Гердфорд. Назад! Держать его! Позвать врачей. Король плохо себя чувствует.

Эдуард. Дядя! Пока я еще никому не уступил этого места, приказываю подчиняться мне.

Первый лорд. Смотрите, смотрите, милорд, как похож этот оборванец лицом на нашего короля!

Второй лорд. Мне кажется, что я сплю!

Третий лорд. У меня двоится в глазах.

Четвертый лорд. Я, кажется, выпил вина немного больше, чем обычно.

Пятый лорд. И я тоже.

Шестой лорд. Милорды, мне кажется, что нам все это только кажется.

Шериф. Вот именно.

Том (Эдуарду). Докажи им, что ты король.

Эдуард. Я докажу им, что я король!

Лорд Гердфорд. Что он мелет, этот безумец?

Том. Говори, Эдуард.

Эдуард. Лорд Гердфорд, помните, что сказал вам мой покойный отец в день моего рождения десятого января, когда мы были втроем в его опочивальне?

Том. Говори, говори!

Эдуард. Он сказал: «Лорд Гердфорд, я пожалуй вам титул графа, если мы повесим герцога Норфолькского».

Лорд Сенджон. Это непостижимо!

Лорд Гердфорд. Откуда он это знает?

Шериф. Вот именно!

Лорд Гердфорд. Наглая ложь, король этого не говорил! (*Тому.*) Ваше величество, вы разве не помните, что сказал мне король?

Том. А я откуда знаю? Десятого января я ходил пешком в Чапсайд и отморозил себе уши.

Лорд Гердфорд (*Эдуарду*). Если ты действительно король, может быть, ты знаешь, где большая королевская печать?

Эдуард. Лорд Гердфорд, вы забыли правила этикета! Да, я знаю, где печать. Лорд Сенджон, идите в мой кабинет, там, у самого пола, в левом углу, вы найдете в стене медный гвоздь. Нажмите шляпку гвоздя, и перед вами откроется потайной шкафчик, о существовании которого никто не знает, кроме меня и мастера, делавшего его. Первое, что попадется вам на глаза, будет государственная печать, возьмите ее и принесите сюда. Идите же!

Том. Чего вы стоите? Исполняйте приказ короля!

Лорд Сенджон неуверенно выходит из комнаты. Все следят за ним. Гробовое молчание. Лорд Сенджон возвращается.

Лорд Сенджон. Никакой печати там нет.

Лорд Гердфорд (*взбешен*). Выбросить бродягу на улицу и наказать плетью!

Стража бросается к Эдуарду.

Том. Кто тронет его, тот поплатится жизнью! (*Лорду Сенджону.*) Хорошо ли вы искали?

Эдуард. Она не могла пропасть, я сам ее положил туда.

Том. А какая она из себя? Большая, круглая, тяжелая, красная с золотым ободком, да?

Лорд Гердфорд. Да.

Том. Ну теперь я знаю, что такое эта ваша большая государственная печать! Из-за нее было столько суматохи! Теперь я отлично знаю, где она, но не я первый положил ее туда.

Лорд Гердфорд. А кто же, государь?

Том. Тот, кто стоит перед вами. Он сам скажет, где она, и тогда вы поверите, что он король.

Эдуард. Где же печать?

Том. Подумай, потрудись припомнить.

Эдуард молчит, стараясь припомнить.

Это было последнее, самое последнее, что ты сделал в тот день, прежде чем выбежать из дворца.

Эдуард. Я припоминаю весь тот день, но, что я сделал с печатью, припомнить не могу. *(Заплакал, обращаясь к лордам.)* Милорды! Вы не лишите вашего короля трона только потому, что у него нет этого доказательства! *(Плачет.)*

Том. погоди! Подумай. Дело еще не совсем потеряно. Слушай, что я тебе скажу. Следи за каждым моим словом. Я вызову в твоей памяти весь тот день во всех подробностях. Мы разговаривали, я рассказывал тебе о бабке, о том, как мы, мальчишки, играли на Дворе объедков. Ты это помнишь?

Эдуард *(сквозь слезы)*. Да!

Том. Отлично. Ты дал мне есть, потом предложил поиграть, мы поменялись одеждой, стали перед зеркалом и оказались так похожи друг на друга, словно и не переодевались.

Эдуард. Ну?

Том. Увидев на моей руке синяк и решив наказать солдата, ты побежал к двери, затем вернулся, схватил штуку, которую вы называете печатью, и, озираясь вокруг, как бы ища, куда положить ее, вдруг увидел...

Эдуард. Стой! Довольно! Иди, мой добрый Сенджон. Там, в моей комнате, в испанской каравелле, ты найдешь печать.

Том. Верно! Верно! Спешите, лорд Сенджон. *(Эдуарду.)* Теперь это место твое.

Лорд Сенджон уходит.

Эдуард. Но как ты запомнил, куда я спрятал печать?

Том. Это было не трудно! Ибо я не раз употреблял ее в дело.

Эдуард. Употреблял в дело?

Том. Да.

Эдуард. Что же ты делал с королевской печатью?

Том. А я щелкал ею орехи.

Входит лорд Сенджон; склонившись перед Эдуардом, передает ему печать.

Лорд Сенджон. Ваше величество, вот печать.

Том. Наконец-то я свободен! Я больше не король, я опять просто Том Кенти со Двора объедков!

Лорд Гердфорд (*Эдуарду*) Ваше величество, но как же вы оказались на улице?

Эдуард. Я выбежал в таком виде к дворцовым воротам, часовой не узнал меня и вышвырнул за ограду. Я до сих пор не мог вернуться во дворец.

Лорд Сенджон. И нищий был королем! Какой ужас! Хорошо, что мы не успели отменить налоги.

Лорд Гердфорд. Мы успели отменить налоги... торговец собаками!

Эдуард. Кто посмел отменить налоги?

Том. Я.

Эдуард. Да как ты смел?

Том. Очень просто. Я не хотел грабить наш народ. Скажи мне спасибо, а не кричи на меня.

Эдуард. Сейчас же восстановить все налоги!

Лорды. Мудро! Верно! Умно! Талантливо! Восхитительно!

Эдуард. Я не могу жить без денег!

Шериф. Вот именно, и я тоже.

Эдуард. Я назначаю на завтра большой королевский бал. Лорд Сенджон, пригласите именитых гостей завтра в полдень на травлю собак.

Лорд Сенджон. Это невозможно, ваше величество. У нас нет больше собак.

Эдуард. Милорд, я вас не понимаю. Что вы хотите сказать?

Лорд Гердфорд. Ваше величество, он хочет этим сказать, что он продал всю королевскую псарню на рынке в базарный день.

Том. Неправда, одну злючку оставил. Я хочу опять надеть свое платье и стать тем, кем я был.

Лорд Гердфорд. Раздеть этого негодяя и бросить в Тауэр!

Том (*укоризненно*). Дядя, дядя, Тауэр — тюрьма для знатных людей, а не для нищих.

Эдуард. Не трогайте его! Он останется во дворце. Граф Гентон, он будет вашим слугой.

Гентон. Ваше величество, я привык обходиться без слуг.

Эдуард. Вам придется, граф, изменить своим привычкам.

Том. Я не останусь здесь. Мне надоели все эти бессмысленные церемонии и глупые рожи вельмож.

Первый лорд. Что? Что он сказал?

Второй лорд (*первому*). Он сказал, что вы рожа.
Третий лорд (*второму*). Это он про вас сказал, что вы рожа.

Четвертый лорд. Он сказал, что мы все рожи.

Первый лорд. Глупая шутка.

Шестой лорд. Теперь эту глупую шутку будут повторять все.

Гентон. Ты мне нравишься, смелый мальчик! Мы вместе уйдем отсюда.

Том. Чем скорее, тем лучше!

Эдуард. И ты, Гентон, покидаешь меня?

Гентон. Я вольный человек. Майлс Гентон никогда никому не прислуживал. Позвольте мне с этим мальчиком покинуть дворец.

Эдуард. Странно. Многие считали бы за счастье остаться при мне. Разве там, на воле, вы сможете так же есть, одеваться и развлекаться, как здесь?

Том. Я не останусь здесь. Зачем я здесь останусь? Чтобы видеть перед собой каждый день вот этого подлизу, проглотившего палку?

Третий лорд. Я не глотал никаких палок.

Том. И вот этого, похожего на петуха?

Лорд Гердфорд. А...

Том. Или вот этого толстого обжору?

Лорд Сенджон. Оборванец!

Том. Мне душно здесь. Я уйду, а ты сиди на этом дурацком троне среди бездельников и плутов, но только, пожалуйста, не думай, что ты сильнее всех.

За окном звучит песня. Сначала ее поет один голос, затем она подхватывается хором голосов.

Никто у нас не отберет
Того, что нам дано.
И если солнышко встает,
То светит нам оно.
Для нас весна, цветут поля,
И нам принадлежит земля,
И мы ее дождемся!

Эдуард. Что это такое?

Том. Это поет наш Тейлор.

Гентон. Это поет наш народ. Он зовет нас.

Том. Идем к ним. Они бедные, но они честные люди.
Идем.

Эдуард. Что это за песня? Кто ее выдумал?
Гентон. Народ.

Звучит песня:

Певцы и поэты в народе живут,
Хорошие песни слагают.
Те песни простые в народе поют,
И с ними за правое дело встают,
И с ними в бою побеждают.

Занавес

1938

КОНЬКИ

Комедия в двух действиях с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ И ЭПИЛОГЕ

Петров Василий Иванович, геолог.
Сережа, пионер.

В КОМЕДИИ

Вася Петров, ученик седьмого класса «Б».
Костя Иванов, его лучший друг, одноклассник.

Рубен
Абрам
Борис
Клава
Сима
Зина

} ученики седьмого класса «Б».

Настя, домработница у Петровых.
Бирюков, музыкант в оркестре милиции.

Первый почтальон.

Второй почтальон.

Третий почтальон.

Четвертый почтальон.

Пятый почтальон.

Шестой почтальон.

Премьера состоялась в 1939 году в Центральном детском театре.

ПРОЛОГ

Москва 1975 года.

Номер в гостинице «Россия». За окном — вечерняя Красная площадь. В комнате, возле стола, сидит пионер Сережа и терпеливо кого-то ждет. На коленях он держит школьный портфель.

Из ванной комнаты доносится шум душа. После большой паузы дверь из туалета приотворяется и мужской басистый голос спрашивает: «Пионер! Ты меня еще ждешь?»

Сережа. Купайтесь, купайтесь! Я подожду.
Мужской голос. Я сейчас! Займись там пока чем-нибудь! Можешь почитать «Огонек»! Включи телевизор! Я скоро...

Сережа. Не беспокойтесь, пожалуйста! Я никуда не тороплюсь.

Наконец появляется полуодетый мужчина. Он вытирает голову полотенцем и не без любопытства смотрит на мальчика. Это — Петров.

Петров. Ну, вот и порядок! Давай знакомиться!
(Протягивает руку.) Я — Петров, Василий Иванович.

Сережа. Я знаю.

Петров. Что ты знаешь?

Сережа. Что вы Петров Василий Иванович. Знаю, как вас зовут.

Петров. Но мы же с тобой незнакомы? Что-то я тебя не припомню.

Сережа (уклончиво). Это не имеет значения.

Петров. Вот как? Ну что же, допустим. Ну а тебя-то как звать? Или это тоже не имеет значения?

Сережа (улыбнувшись). Я — Сережа.

Петров. Ясно. Так я слушаю тебя, Сережа. Извини, что пришлось тебе поскучать, пока я домывался. Я, понимаешь, сидел уже в ванной, когда дежурная

по этажу сообщила о твоём приходе. Какой-то, говорит, пионер хочет меня видеть по личному делу. Раз так, говорю, пусть заходит и ждёт, пока я из ванны вылезу. Итак, у тебя ко мне дело? Личное?

Серёжа. Не совсем.

Петров. Что — не совсем?

Серёжа. Не совсем личное.

Петров. Ладно. Докладывай, какое ни на есть. Только учти, что времени у меня кот наплакал. Я сегодня ночью улетаю.

Серёжа. Знаю.

Петров. Что это ты все про меня знаешь? Может быть, ты еще знаешь, куда и каким рейсом я лечу?

Серёжа (*невозмутимо*). И это знаю. Рейс 245-й, в 22.45.

Петров. А куда?

Серёжа. Туда, где алмазы добывают. В Мирный.

Петров. Положительно ничего не понимаю. Ты все про меня знаешь, а я про тебя ничего! Ни малейшего представления, чей ты родом, откуда ты и зачем ко мне пожаловал.

Серёжа. Сейчас узнаете.

Петров. Ой, да не томи ты меня, пионер! Не загадывай ребусы! Не тяни! Мне действительно надо еще собраться, такси заказать, номер сдать. Давай выкладывай свое личное дело или какое оно там у тебя, полуличное, что ли? Честное слово, свалился ты мне на голову в самое, можно сказать, неподходящее время.

Серёжа. А если бы я не свалился, вы бы, Василий Иванович, сегодня вообще никаким рейсом, ни в какой Мирный не улетели.

Петров. Это почему же так категорически? Это как же так «не улетел бы»?

Серёжа. А очень просто. Без билета вас бы в самолет не посадили.

Петров (*начинает сердиться*). Ну что ты, в самом деле, со мной какими-то загадками говоришь! Почему же это я должен лететь без билета? Знаешь, пионер Серёжа! Докладывай толком, зачем ко мне пришел! Я тебя слушаю. Что тебе от меня надо?

Серёжа. Мне от вас ничего не надо. Вот вам от меня будет надо.

Петров (*сердито*). И мне от тебя ничего не надо.

Сереза. Это еще как сказать. *(Неожиданно.)* Покажите мне ваш билет на самолет.

Петров. Ну, знаешь! Это с какой же стати я должен тебе свой билет показывать?! Может, тебе еще и паспорт предъявить?

Сереза. Если можете, то предъявите!

Петров. Ты что сюда меня проверять пришел?

Сереза. Да.

Петров *(опешив)*. Что же именно ты хочешь проверить?

Сереза. Что вы — это вы.

Петров. Совсем ты мне голову задурил.

Сереза. Вы говорите, что у вас есть билет на самолет в Мирный. На сегодня?

Петров *(резко поднимается)*. Есть, есть у меня билет! На сегодня. Рейс 245-й, 22.45 по московскому времени. И билет, и паспорт тебе покажу, только отвяжись, пожалуйста! *(Начинает искать билет по карманам пиджака. Не найдя, выходит в переднюю. Роется в чемодане, продолжая сердито ворчать.)* Ерунда какая-то! Человеку некогда, человек должен улетать, у него есть дела, а к нему заявляются неизвестный пионер Сереза и начинает какую-то дурацкую проверку. Тоже мне контролер нашелся! *(Неожиданно.)* Слушай, друг любезный! Ты случаем не по линии красных следопытов? Получил небось задание побеседовать со мной как с участником боев на Курской дуге, собрать материал для школьного музея боевой славы? Так прямо и сказал бы: хочу, мол, кое-что уточнить, проверить... А то сидишь, темнишь...

Сереза. Я не следопыт, и нет у меня никакого поручения.

Петров *(упавшим голосом)*. Нет. Не нашел.

Сереза *(уверенно)*. И не найдете!

Петров. Это почему же?

Сереза. Да потому, что я его нашел.

Большая пауза, во время которой Сереза неторопливо достает из глубины своего портфеля черный бумажник. Петров, оторопев, наблюдает за ним.

Сереза *(показывает бумажник)*. Узнаете?

Петров *(не сразу)*. Мой.

Сереза. Теперь поняли, зачем я к вам пришел?

Петров молча протягивает руку.

(Прячет бумажник обратно в портфель.) Это был ваш бумажник?

Петров. Почему — был?

Сережа. Если ваш, то скажите, что в нем?

Петров (растерянно). Ну... билет на самолет...

Сережа. Что еще?

Петров (не сразу). Паспорт... Еще деньги...

Сережа. Сколько?

Петров. Рублей двести.

Сережа. А если точнее?

Петров (послушно). Ну двести тридцать...

Сережа. Двести сорок три рубля. (Достает бумажник, протягивает его Петрову.) Проверьте, пожалуйста, Василий Иванович!

Петров (смущенно). Да ну, что там проверять!

Сережа. Нет уж, вы проверьте, пожалуйста! Я очень прошу.

Петров проверяет содержимое бумажника.

Петров. Порядок... (Помолчав.) Где же ты его подобрал?

Сережа. А вы припомните, где сегодня были.

Петров. В министерстве... потом в кафе подзакусил... в кассе «Аэрофлота»... Уж не в ГУМе ли я его посеял?

Сережа. Вот, вот! Там я его и подобрал. На полу, возле прилавка, в отделе спортивных товаров. Лежал как миленький, и никто его не заметил, кроме меня, конечно. Потому что я маленький и к полу ближе. (Смеется.)

Петров. Ну и раззява же я! Выходит, сунул я его мимо внутреннего кармана. Никогда со мной такого не случалось. Видно, запарился я нынче со своим отъездом... На десятку всего и товару купил — пару пачек фотобумаги, а ведь мог все потерять: и документы, и деньги, и билет на самолет...

Сережа (улыбаясь). На рейс № 245-й, в 22.45 по московскому времени.

Петров. Вот именно. Молодец, пионер! Как же ты догадался меня разыскать? Как меня-то нашел?

Сережа. Как видите. Сначала бумажник, а потом вас.

Петров. Откуда ты мог знать, где я в Москве остановился? Москва большая!

Сереза. Конечно, я бы не мог сам догадаться, где вас искать, если бы не талончик.

Петров. Какой еще талончик?

Сереза. Который вам в гостинице дали, когда вы номер получали. Он в боковом отделении лежал. Гостиница «Россия», № 764. Прибыли 10 октября 1975 года... Я сначала хотел в «Стол находок» пойти, а потом решил: раз вы сегодня улетаете, я уж лучше сам отнесу — вернее будет.

Петров. Ну и Сереза! Прямо не знаю, как тебя и отблагодарить.

Сереза (*серьезно*). А никак. Вы же меня уже поблагодарили. Я так понял.

Петров. Да я не в этом смысле... Спасибо тебе, конечно, большое! Если бы ты ко мне не заявился, я бы, безусловно, сегодня никуда не улетел, да, пожалуй, и завтра тоже. Хорош бы я был — без копейки денег. Не то что на новый билет, за комнату не смог бы рассчитаться! Так что ты меня, брат, выручил, можно сказать, по первому классу.

Сереза. Я доволен.

Петров. Ну а ты что в ГУМе делал?

Сереза. Фотоаппараты смотрел.

Петров. И какой же себе подобрал?

Сереза. Никакой.

Петров. Ни одна модель не понравилась?

Сереза. Понравилась, да только денег не хватило.

Петров (*не сразу*). И сколько же не хватило?

Сереза. Пяти рублей с копейками.

Петров. Чудак человек! Ты бы мог добавить из моего бумажника.

Сереза. Но это же ваш бумажник!

Петров. Но ты же его нашел! Мог бы позаимствовать в виде премии.

Сереза (*серьезно*). Вы тоже можете у себя в Мирном, в Трубке Мира, горсточку алмазов найти. Вы же себе один из них, даже самый маленький не возьмете?! Или позаимствуете?

Петров (*улыбаясь*). Не позаимствую.

Сереза. А мне говорите: мог бы добавить.

Петров. Извини... Хороший ты парень, как я полагаю. (*В раздумье.*) А вот со мной сорок лет тому назад, как это ни странно по совпадению,

произошла подобная история... Да только, признаюсь откровенно, не так, как у тебя, она закончилась.

Сереза. Что за история?

Петров (*посмотрев на часы*). Придется тебе ее рассказать.

Сереза. А на самолет не опоздаете?

Петров. Есть время. Сейчас еще только седьмой час.

Сереза. А торопились...

Петров. Ладно, не попрекай, а лучше слушай!.. (*Начинает рассказывать.*) Был я в ту пору в твоём возрасте, и звали меня, как ты сам понимаешь, Васей. Так вот, однажды...

Действие переносится в тридцатые годы.
Начинается комедия в стихах.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вестибюль школы. Широкая лестница ведет наверх. На площадке лозунг: «Чтобы строить, надо знать, чтобы знать, надо учиться». Большое запорошенное снегом окно. Занятия второй смены еще не начались. На лестнице стоят Рубен и Зина.

Зина.

Рубен, твой Барс изумительный пес.

Рубен.

А твой еще не подросток.

Таймырка пока еще глуп. Щенок.

Он вырастет. Это недолгий срок.

Зина.

Ты думаешь?

Рубен.

Что за вопрос!

Месяц пройдет, пройдет другой,

Он тоже будет ходить за ногой

И уши поднимутся.

Зина.

И тогда...

Рубен (*перебивая ее*).

Сколько ему?

Зина.

Пять.

Рубен.

Опять наскандалил в квартире?

Зина (*грустно*).

Да...

Кричала, кричала ему «назад!»,
Просила, грозила, звала.
Мама хлопнула дверью, ушла.
Говорит: «Не квартира — ад!»

Рубен.

Он должен хозяина знать. Тебя.
Слово твое — закон.
А ты обращаешься с ним...

Зина. Любя.

И в квартире хозяин — он.
Сама я, Рубен, виновата во всем.
Мне кажется иногда —
Таймырка не будет порядочным псом.

Рубен.

Зиночка, ерунда!
Строгость, запомни, прежде всего.
Я забегу, посмотрю на него.

Зина. Сегодня?

Рубен.

Сегодня...
(Соображает.)

Нет, не могу.

Зина. Завтра.

Рубен.

Завтра я забегу.

Расходятся. На площадке лестницы появляются Сима и
Клава.

Сима (горячо).

За пушкинский номер я должна
Почему-то за всех отвечать одна!
Если газету делаю я,
Зачем же нужна редколлегия?
Я редактор, я рисую,
Я сочиняю. Я протестую!

Клава.

Сима, я очень огорчена,
Что ты отвечаешь за всех одна.
Но ты войди в мое положение:
Я выдумать что-то еще могу,
Но все это в письменном изложении
Ни бэ, ни мэ, ни кукареку!
Стихи писать — я совсем не умею,

Проза моя — равноценна нулю...

Сима, я очень тебя жалею.

Сима.

Клава, я очень тебя люблю.

Но я повторяю: будет скандал,

Мне нужен немедленно материал!

Клава.

Готова помочь по любому предмету!

Сима.

Не нужно! Лучше пиши в газету!

Клава.

О чем писать? Я не знаю, право.

Талантом писателя я не блещу,

Я не поэт и не критик...

Сима (*укоризненно*). Клава!

Клава.

Я не уме...

Сима (*перебивая ее на полуслове*).

Ты не хочешь, Клава.

И я тебе этого не прощу!

Сима поворачивается к Клаве спиной и хочет идти, но тут появляются Костя и Вася. В руках у Васи сверток.

Костя (*Васе*).

Жалко?

Вася.

Жалко у пчелки... Скоро звонок,

И нужно будет бежать на урок.

(*Поднимается по лестнице.*)

Костя.

Да-а-а, а еще называется — друг!

Я отойду, покажи из рук.

Вася.

Вот привязался!

Костя.

Я же не съем!

Сима.

А ну-ка, Вася, показывай всем!

Клава (*Васе*).

Что это в свертке?

Костя (*Клаве*).

Норвеги! Ножи!

Сима.

Вася, не жадничай и покажи.

Клава.

Купил?

Вася (*нехотя*).

Ну купил.

Сима.

Сейчас?

В а с я (*нехотя*).

Ну сейчас.

К о с т я (*восторженно*).

Первая пара на целый класс!

Появляются А б р а м и Б о р и с.

Они незаметно подходят к Васе, и Борис вырывает у него сверток.

В а с я (*бросается к Борису*).

Отдай!

Б о р и с (*увертывается*).

Не отдам, не отдам!

(*Развернул сверток.*)

Красота!

В а с я.

Отдай! Не твои!

Б о р и с (*разглядывая коньки*).

Работа чиста-а!

(*Передает коньки Абраму.*)

В а с я (*Абраму*).

Абрам, отдай!

(*Хочет отнять у Абрама коньки.*)

А б р а м (*подержав коньки в руках*).

Не вырывай!

Абрам отдает Васе коньки и затем уходит вместе с Борисом.

К о с т я (*Васе*).

Дашь прокатиться? Я давал.

В а с я.

Ты лыжи давал...

К о с т я.

Ты бы не брал!

В а с я.

Ну что ты, Костя, на самом деле!

Сам накатаюсь, конечно, дам!

С и м а.

Ваши споры нам надоели.

К о с т я.

Раз мы друзья, значит, все пополам!

(*Уходит.*)

В а с я.

После уроков кто на каток?

Сима, пойдешь?

С и м а.

Я с ума не сошла!

Сегодня вьюга всю ночь мела.

В а с я.

А я на каток — сегодня ходок!

С и м а.

Катки завалило, сугробы — стеной.

Нет, я на каток пойду в выходной.

(Поднимается по лестнице и скрывается за поворотом.)

К л а в а *(Васе)*.

Я все заучила, что ты мне задал!..

В а с я.

О чем ты?

К л а в а.

О нашем шахматном дне.

Тебе все некогда. Ну и не надо!

(Поднимается по лестнице.)

В а с я.

Ты можешь и завтра зайти ко мне.

К л а в а.

Без вас обойдемся уж как-нибудь!

(Не оглядываясь, продолжает подниматься.)

В а с я.

Вот и обиделась!

К л а в а.

Я? Ничуть!

(Продолжает подниматься.)

Советую быть осторожней на льду!

В а с я *(тоже поднимается по лестнице)*.

Не беспокойся, не упаду!

(Встал на одну ступеньку с Клавой.)

Клава! Я на каток не пойду!

Клава не отвечает ему. Оба скрываются за поворотом.

Появляются Рубен и Костя.

Р у б е н.

Улица Кирова, семь? К девяти?

К о с т я.

Придешь?

Р у б е н.

Ну как же мне не прийти?..

А девочки знают?

К о с т я.

Я приглашу.

Появляются Сима и Зина.

С и м а *(Зине)*.

Зина, я очень тебя прошу.

З и н а.

Я постараюсь и напишу.

Сима.

Не позже тридцатого.

Зина.

Я поспешу.

Костя.

Сима и Зина! Одна минутка!

Девочки останавливаются.

Сима.

Очередная глупая шутка?

Костя.

Нет, я серьезно. Домой с границы

Приехал брат на четыре дня.

Он просит вас в гости к нему явиться.

Сегодня в девять все у меня.

Придете?

Сима. А как же!

Зина.

Конечно!

Рубен.

Отлично.

Сбор у Васи ровно к семи.

(Симе.)

Случай из жизни бойцов пограничных

Не грех записать. Тетрадку возьми.

Зина.

Вот замечательно. Как я рада.

Узнаю все. Расспрошу обо всем.

Костя.

О чем?

Зина.

Как Таймырку воспитывать надо,

Чтоб стал он большим и полезным псом.

На площадке появляются Абрам, Клава, Борис с газетой в руках.

Борис.

Читали?

Сима.

Что?

Рубен.

О чем?

Борис.

Не читали?

Так я вам прочту, чтобы все слышали!

Костя.

Про что?

Сима.

Говори же скорее, о ком!

Борис.

И, может быть, каждый с ним лично знаком,

И лично в шахматы с ним играет,
Летом в одних лагерях загорает.

К л а в а.

Борис! Не тяни!

С и м а.

О ком статья?

Р у б е н.

Дай, я прочитаю!

Б о р и с.

Читаю я!

(Разворачивает газету, читает, встав в позу.)

Заметка в газете. «Честный поступок Васи Петрова».

Вчера вечером 15 декабря к дворнику дома номер восемь по Советскому проспекту явился ученик, назвавшийся Васей Петровым, и сдал конверт, найденный им на бульваре. В конверте оказалось пятьсот восемнадцать рублей денег и паспорт на имя гражданина Бирюкова С. Н., проживающего в квартире номер семь этого дома. Находка возвращена владельцу.

Костя смотрит, какое впечатление произвела прочитанная заметка.

Б о р и с.

Вот это здравствуйте, будьте здоровы!

К о с т я.

В каждой школе есть Васи Петровы.

Р у б е н.

Честный поступок — я с этим согласен.

Только это не наш Вася!

К л а в а.

Мы были с Костей вчера у него,

Он не рассказывал нам ничего.

С и м а.

Если б Вася деньги нашел,

Разве он так бы в школу пришел?

Все рассказал бы. Правда, Клава?

Б о р и с *(мечтательно)*.

По всем городам разнесется слава,

А я вот по тем же бульварам хожу —

Ничего драгоценного не нахожу!

Нашел однажды потертый пятак,

Думал, что примут, как бы не так!

А на эти бы деньги...

А б р а м *(насмешливо)*.

Пойти бы в кино,

Наесться бы досыта эскимо,

Чтоб горло замерзло папанинской льдиной,
Чтоб две пятидневки валяться с ангиной
И пропускать без особой заботы
Контрольные письменные работы!

Все смеются.

Б о р и с.

Третья часть всегда полагается!

Появляется В а с я.

С и м а.

В а с я!

А б р а м.

Действие начинается!

Борис протягивает Васе газету.

Б о р и с.

Газету читал?

К о с т я.

Про тебя статья?

К л а в а.

Ты деньги нашел?

В а с я (*берет газету и прочитав заметку*).

Я!

Все стоят некоторое время молча.

С и м а (*нарушая молчание*).

Как?

Б о р и с. Ты шагаешь, шагаешь и вдруг...

К о с т я (*мрачно*).

Скрыл, а еще называется — друг!

К л а в а.

Как ты нашел их?

В а с я.

Ну, как находят. Шел и нашел.

Б о р и с.

И при всем народе?

С и м а.

Вася, рассказывай все по порядку,

Я буду записывать. Дайте тетрадку.

Р у б е н (*дает ей тетрадку*).

В пушкинский номер?

С и м а.

Дадим непременно!

(*Васе.*)

Как это вышло?

В а с я.

Обыкновенно.

Шел и нашел. Взял и отнес.

Б о р и с.

Все до копейки?

Рубен (*Борису*).

Что за вопрос!

Борис (*Васе*).

Теперь ты будешь стоять наравне

С передовыми людьми в стране!

Все пионеры прочтут газету!

Жаль, что портрета в газете нету!

Эх, и везет же другим ребятам,

Разве утонишься!

Абрам (*насмешливо*). Что ты!

Борис (*Абраму*).

Куда там!

Звонок на урок.

Ребята поднимаются наверх.

Клава.

Зачем напечатали эту заметку?

Ну что ж тут такого? Разве для нас

Честный поступок какая-то редкость?

Не понимаю!

Сима (*с красной повязкой на рукаве*).

Ребята, в класс!

Я не буду за вас отвечать!

Борис (*пробегаёт мимо нее*).

А ну, дежурная, не кричать!

Все ребята скрылись за поворотом.

По лестнице поднимаются Вася и Костя. Костя мрачно поднимается впереди.

Вася.

Костя!

Костя.

Я Костя тринадцать лет.

Вася.

Костя, ты должен дать мне совет!

Костя.

Деньги нашел — не мог сказать,

Коньки купил — не хотел показать.

Какой ты мне друг!

Я тебе доверял,

Я ничего от тебя не скрывал,

И вот, пожалуйста, результат!

Вася.

Я все расскажу тебе.

Костя (*мрачно*).

Очень рад.

А что случилось?

В а с я.

Ведь мы не в ссоре?
Ты ведь не выдашь меня?

К о с т я.

Крематорий.

В а с я.

Костя, может быть, это и глупо,
Что я так волнуюсь, но для чего
Они написали про честный поступок?
Не зная про это почти ничего!
Ведь я же немного себе оставил.

К о с т я.

Сколько?

В а с я.

Немного. Совсем пустяк.
Я понимаю, я был не в праве,
Но, что же делать, случилось так!
Своих накопленных было мало,
А я давно о норвегах мечтал,
Двадцать восемь рублей не хватало,
И я их из этой пачки...

К о с т я.

Украл.

В а с я.

Я знаю, я знаю, что это нечестно.

К о с т я.

А ты не мог обойтись без норвег?

В а с я.

Потом я не думал, что будет известно...

К о с т я *(сухо)*.

Что ты показательный человек!
(Быстро скрывается за поворотом.)

Вася один поднимается по лестнице.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Петровых. Вечер. Н а с т я за столом вытирает чашки.
На другом краю стола над недоигранной партией в шахматы склонилась К л а в а. На стене часы. Отрывной календарь. Шестнадцатое число.

К л а в а.

У Зины малюсенькая квартирка,
И то воспитывает Таймырку,
А как же вам не иметь щенка?

Н а с т я.

А мы обходились без них пока.
Смерть не люблю собачьего лая,

А жулика я и сама не пушу.
Я, Клавочка, женщина пожилая,
И я в одиночестве не грущу.
Щенка — его и гулять выводи,
И чтоб не сбежал, не украли — следи,
А если другой щенок — дорогой,
Рехнешься на старости с жизни такой.
Кота завести, действительно, можно.
Спал бы на кухне, давил бы мышей.
С котом и тихо, и не тревожно.
Это животное мне по душе...
Был у нас кот, под названием Вася,
Славный такой, обходительный кот...

Входит Вася, садится за шахматы.

Клава.

Вася, этот ход не опасен?

Вася (*сообразив*).

Бездарный и очень опасный ход.

Клава.

А если сюда?

Вася.

Потеряна пешка.

Будь повнимательней, что за спешка?

Обдумай свое положение. Взвесь!

Клава (*грустно*).

Твоя королева мешает.

Вася (*поправляет ее*).

Ферзь.

Клава.

А лошадью можно скакнуть сюда?

Вася.

Конем. Ты запомни раз навсегда!

Клава (*делая ход*).

Шах королю!

Вася. Защищаюсь ладьей.

Клава (*делая ход*).

Мат... Удивительно даже самой!

Вася (*развязно*).

Случайность! Бывает...

Клава.

Но все-таки мат!

Я буду играть не хуже ребят.

Девочки наши смеются напрасно

Над тем, что я стать шахматисткой хочу.

Я докажу им!

В а с я (*собирая шахматы*).

Докажешь, ясно!

Ты будешь Ботвинницей!

К л а в а.

Я не шучу.

Пауза. Вася примеряет новые коньки. Клава перелистывает какой-то журнал.

Вася, не знаешь, с какой границы

Костин братишка? Ну лейтенант!

В а с я (*встает на коньки*).

С Энской.

К л а в а.

Какие у них петлицы?

В а с я.

Зеленое поле, малиновый кант.

К л а в а.

Костя, наверное, ждет не дождется,

А наших все нет...

В а с я.

Сейчас придут.

Раз пригласили — без нас не начнется!

К л а в а.

Мы ждем уже двадцать лишних минут.

Вася снимает коньки.

Возьмем патефон?

В а с я.

У соседей он.

К л а в а.

Сходи, принеси!

Пластинок, если дадут, попроси.

В а с я.

Дадут. Пластинок у них — вагон!

(Кладет коньки на письменный стол и выходит.)

Клава смотрит на часы. Продолжает листать журналы. В передней продолжительный звонок. В комнату почти вбегает чем-то взволнованная Зина.

К л а в а.

Зиночка, милая, что с тобой?

З и н а (*едва переводя дух*).

Ой!

(Садится на стул.)

К л а в а.

Что случилось?

З и н а.

Сбилась с ног.

У меня пропал щенок.

Я по улицам ходила,

Я в милицию звонила,

Волновалась и ждала
И обедать не могла.
Я же этого щенка
Берегла от сквозняка,
С ним всегда сама гуляла
И кормила по часам,
Никогда не позволяла
Подходить ко взрослым псам.
Мама вывела щенка,
Он сорвался с поводка,
И теперь его украли!
Он ко мне одной привык!
Вдруг Таймырку ободрали
На собачий воротник?

К л а в а.

Что же делать? Как же быть?

З и н а *(скороговоркой)*.

В Пионерскую газету

Нужно срочно позвонить!
В этом деле разберутся
Через несколько минут,
Люди честные найдутся
И собаку мне вернут!

К л а в а.

Ты постарайся не волноваться!
Ты успокойся! Вот вода!

(Подает стакан воды.)

Таймырка просто пошел прогуляться!

Зина выпивает стакан воды.

Ты успокоилась?

З и н а.

Кажется, да...

В передней звонят несколько раз.

К л а в а.

Вот наконец-то!

З и н а.

Кто?

К л а в а. Ребята!

Входят Борис, Рубен, Абрам, Сима.

С и м а.

Пошли, неудобно, у Кости ждут.

К л а в а.

Пришли?

Борис. Приехали!
Клава. Поздновато.

Опоздание — тридцать минут.

Борис. Лучше поздно, чем никогда!

Абрам (*Насте, вошедшей в комнату*).

Я наследил?

Настя. Подотру, не беда!

Снег ведь не глина, снег — вода!

(*Выходит.*)

Рубен.

А где Василий?

Клава. Сейчас придет.

Сима.

Нельзя так опаздывать, Костя ждет!

Рубен, Абрам и Борис рассматривают Васины коньки. Клава подошла к Симе, которая вынула из рамки какую-то фотографию и теперь разглядывает ее.

Клава.

Ты Васину карточку со стола

Без спросу взяла?

Сима. Я спросить не могла!

Он сразу бы понял, что карточку эту

Мы помещаем в нашу газету.

Клава.

А вдруг она у него одна?

Сима (*продолжает о своем*).

Вот так (*показывает*) — заметка,

Вот так (*показывает*) — она!

Клава.

Но, может быть, Сима, в конце концов,

Он именно с этой не хочет расстаться?

Сима (*раздраженно*).

Чепуха. У него же осталось лицо,

Он может пойти и еще раз сняться!

(*Отходит. Подходит к Зине.*)

Зина, ты плачешь? Зина, о ком?

Зина (*всхлипывает*).

Таймырка пропал, Таймырку украли,

Он был всегда непослушным щенком!..

Сима.

Ребята, Таймырка пропал! Слыхали?

В передней звонок. Входит Костя.

К о с т я .

Где Вася?

Все очень удивлены приходом Кости.

К л а в а (*растерянно*).

Пошел доставать патефон...

А что случилось?..

К о с т я .

Ребята, он...

Р у б е н .

Костя, в чем дело?

К о с т я .

Ребята... Вася...

К л а в а .

Что с тобой, Костя?

А б р а м .

Случилось несчастье?

К о с т я .

Мы все читали заметку в газете,
Как честно Вася Петров поступил,
А он коньки беговые эти

(*показывает на коньки*)

На бирюковские деньги купил!

Он мне рассказал перед первым уроком,

Он взял с меня слово об этом молчать...

Б о р и с .

Он будет за это наказан жестоко,

За это придется ему отвечать!

К о с т я (*продолжает, очень взволнованно*).

И брату, который приехал с заставы,

Где честные люди в дозорах стоят,

Я не хочу, не имею права,

Показывать Васю!..

С и м а (*Клаве*).

Ты слышишь, Клава?

К о с т я .

Среди действительно честных ребят!..

И, зная тайну Васи Петрова,

С трудом досидел я последний урок

И, честное пионерское слово,

Сюда не прийти я не мог!

Общее молчание.

(*Продолжает.*)

И пусть он мне друг, я не должен скрывать
Того, что скрывать не могу!..

Рубен.

Если товарищ начнет воровать,
Он другом становится только врагу.

Сима.

Как это вышло?

Абрам.

Ведь он пионер!

Борис.

Мы исключим его из отряда,
Я требую самых строжайших мер!

Рубен.

Спокойнее. Здесь горячиться не надо!

Борис.

Я думал, он правда честнее всех,
А он, оказывается... из тех...

Сима.

Он опозорил наше звено,
Теперь на нашем звене пятно!

Клава.

Костя, сознайся, ты нас разыграл!

Костя.

Я никогда коллективу не врал!
Если ты думаешь, мне легко,
Ты ошибаешься глубоко!

Абрам.

Уйдем отсюда, пока не поздно.

Рубен.

Да-а-а, положение очень серьезно!

Зина.

Уйдем отсюда!

Сима.

Уходим, Клава!

Клава.

Зина, мне кажется, это сон!

Борис.

Вот вам и дутая Васина слава,
Честный поступок!..

Вбегает Вася.

Вася.

Вот патефон!

(Удивлен присутствием Кости.)

Общее молчание.

Я задержался?

Борис (*с деланным равнодушием*).
Напрасно старался.

Не будет вечера. Отменен.

Вася (*растерянно*). Как — отменен?

Борис.
Как отменяют?

Не состоится, и все тут!

Вася. Да?

Неловкая пауза.

Ну что же, пластинки не пропадут.

Послушаем музыку дома тогда!

(*Ставит патефон на стол.*)

Настя (*вошла*).

Чайку, пока чайник еще не остыл!

Рубен.
Спасибо, я только что дома пил.

Настя.
Бараночки свежие...

Абрам. Благодарим...

Настя.
Варенье вишневое... Сами варим...

Вася.
Снимайте шубы, к столу садитесь!

Ребята нехотя раздеваются. Настя разливает чай.

Ребята, какую пластинку хотите?

Сима (*робко*).
Поставь «Китайскую серенаду».

Абрам.
Какой-нибудь вальс. Серенады не надо.

Вася ставит вальс. Ребята переглядываются. Разговор не клеится. Вася пытается понять, что произошло за время его отсутствия.

Вася.
Как же так, назначили вечер
И вдруг отменили?

Костя. Да.

Вася. Почему?..

Почему с лейтенантом не будет встречи?

Когда ж теперь мы пойдем к нему?

Общее молчание.

Абрам (*Борису*). Который стакан?
Борис.
Четвертый.
Абрам. Похоже...
Ты дома тоже так много пьешь?
Борис. Тоже.
Абрам.
И тоже так громко?
Борис. Тоже.
Абрам.
Тоже? И тоже на скатерть льешь?
Сима (*Зине*).
Пропал Таймырка! Не уследили?
Зина.
Ушел на улице с поводка.
Настя (*Зине*).
Лучше бы вы уж не заводили
Такого породистого щенка!
С собаками в доме одно мученье...
Вы не стесняйтесь, берите печенье!
Клава.
Мы не стесняемся.
Борис. Мы берем.
Сима.
В этих конфетах вино или ром?

Борис говорит что-то на ухо Рубену.

Вася.
Ребята, что это вы закисли?
Сидите, молчите...
Борис. У каждого мысли...
Рубен (*встает*).
Спасибо, Настя!
Вася (*удивленно*). Уходишь?
Рубен. Домой.
Вася.
Куда же так рано?
Борис (*встает, Рубену*).
И я с тобой.
Рубен.
Тебе на автобус?

Борис кивает головой.

Сима (*встает*).

Болит голова.

Я тоже пойду. Я сижу едва.

Зина.

Сима, нам на один трамвай!

Сима.

Тогда одевайся!

Зина.

Вася, прощай!

Костя, Рубен, Борис, Сима и Зина выходят.

Вася (*проводя их*).

Вы что, сговорились? Клава, куда?

Клава.

Домой. У нас будет дверь заперта.

Вася (*Абраму*).

И у тебя запирают дверь?

Абрам.

Я спать хочу. Я устал, как зверь.

(*Уходит.*)

Вася и Настя одни в комнате.

Настя.

Сидели, сидели и вдруг сорвались.

Хорошо, что чаю все напились!

Вася мрачно ставит новую пластинку. Грустный вальс. В комнату входит Сима. В руках она держит карточку. Она подходит к Васе и протягивает ему фотографию.

Сима.

Прости. Я такой рассеянной стала.

Стояла, стояла возле стола,

Из рамки карточку эту достала,

В карман положила и с нею ушла.

Она у тебя, наверно, одна,

А мне фотография не нужна!

Сима выбегает из комнаты. Настя выходит. На письменном столе лежат коньки. Вася машинально берет их в руки. Вася один.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Школьный зал. Костя, Рубен, Зина и Борис.

Костя (*продолжает рассказ*).

Вставал над озером рассвет,
И пулемет затих.
Мы видим, лейтенанта нет
Среди бойцов живых.
Мы знали, что его найдем,
И мы его нашли.
Мы думали, что донесем,
Но мы не донесли.
И молча головы склонил
Наш комсомольский взвод.
Еще вчера он с нами жил,
И пел и пел: «Вперед!»...
Его в строю сегодня нет.
Мы бережно храним
Штыком проколотый билет —
Он шел в атаку с ним.
Наш лейтенант носил его
У сердца своего.

Пауза.

Мы слушали брата, и нам казалось,
Что смерть постучалась в нашу семью,
Что наша мама с сыном рассталась,
Что наш лейтенант был убит в бою.

Пауза.

Рубен.

Он славную смертью погиб в бою.

Зина.

Он умер, страну защищая свою...
А что еще рассказывал он?

Костя.

Есть у японцев священный закон:
Умрет на своей стороне самурай —
Душа самурая уходит в рай.
На чужой стороне попадет под снаряд —
Душа самурая уходит в ад.
Поэтому всех убитых в бою,

В чужом, то есть в нашем советском краю,
Они зацепляли стальными крючками —
Тащили обратно на землю свою.

Рубен.

Уж коли случится с ними война,
Японцев обрадует наша страна —
Каждый убитый в бою самурай
Без пересадки отправится в рай.
Будут они погибать на войне
Все на одной,
На своей стороне!

Появляется Сима. Она несет стенгазету «За отлично!».

Сима.

Рубен, ты видишь работу эту?

Рубен.

Вижу.

Сима.

Видишь? Ну как?

Рубен.

Хорошо.

Сима (*нервно*).

Так вот,
Это последний номер газеты,
И больше номер вам не пройдет!
Я не упряма, и я не ленива,
Но что же делать, раз я одна!
Газета — дело всего коллектива,
Она всему коллективу нужна!
(*Вешает газету.*)

Рубен.

Что за вопрос!

Зина.

Сима права!

Рубен. Мы Симе поможем.

Сима.

Одни слова!

Борис (*прочитав о чем-то в газете*).

От нашего класса поедет Вася?
Категорически не согласен!
В эту экскурсию...

Рубен.

Не горячись!

Зина.

Пересядь от него на другую парту!

Борис.

Он ставит честь нашей школы на карту!

Костя.

А если ты нервный, походи полечись!

Б о р и с.

Это просто какая-то демонстрация!

С и м а.

Очень поспешное заключение!

Р у б е н.

Не всегда обязательна операция
Там, где можно назначить лечение.
Ты что предлагал? Репрессивные меры?
Дирекция — раз, во-вторых — семья,
В-третьих...

Б о р и с.

Такому, как он, пионеру...

Р у б е н.

В беде помогут его друзья!

С и м а.

Он деньги вернет Бирюкову сам.
Он сам все поймет и решит.

Р у б е н.

Я уверен.

Б о р и с.

Посмотрим. Но только я чудесам
Не верю.

К о с т я.

А мы товарищу верим!

Б о р и с.

Ты первый кричал, что тебе он не друг!

К о с т я.

Но мы же решили...

Б о р и с.

А что вы решили?

Спасенье Василия — дело рук

Самого Василия?

(Уходит.)

Появляются Абрам и Клава.

К л а в а.

Да, я согласна с тобой, Абрам,
И верю, что он разберется сам...
Ты знаешь, если бы я могла,
Я бы... я бы ему помогла.

А б р а м.

Я знаю. Ему бы любой из нас
Навстречу пошел и помог бы сейчас,
Но, раз мы к решению пришли одному,
Мы так только можем помочь ему.

Подходят к газете, читают. Входит Вася с шахматной доской под мышкой. Он не здоровается с ребятами, тоже подходит к газете и читает. Ребята наблюдают за ним.

Сима (*Рубену, кивая на Васю*). Увидел.

И в школу пришел без коньков...

Вася (*читает вслух заголовок заметки*).

«Поздравим лучших учеников!»

(*В сторону ребят.*)

Почему меня выделяет класс,

А не кого-нибудь лучше из вас?

Рубен.

Тебя решили послать в Ленинград.

Ты не доволен?

Вася (*неопределенно*).

Нет, я рад.

Абрам.

Теперь после той газетной заметки

Ты не только отличник и пионер...

Сима.

Заметка побольше отличной отметки —

Ты всем ребятам поставлен в пример.

Ты понимаешь?

Вася (*сухо*). Ну, и пускай!

Зина.

Вася, а где же твои коньки?

Вася.

Дома. Я их с собой не таскаю.

Клава (*Абраму, шепотом*).

Мне кажется, совесть пустила ростки.

Вася выходит.

Абрам.

У кого ключи от второго класса?

Сима.

Его отпрут. Я дежурной сказала.

Абрам.

Нужно проверить, все ли готово.

(*Выходит.*)

Сима (*выходит за ним*).

Все приготовлено, честное слово!

Ребята расходятся. Некоторое время сцена пуста. Входит Бирюков. Он в милицмейской форме. Видит, что никого нет, смотрит на часы, кладет музыкальный инструмент в футляре на подоконник и, подойдя к стенгазете, останавливается возле нее. В дверях появляется Борис, увидев милиционера и сделав многозначительное лицо, он скрывается. Входит Абрам. Он подходит к Бирюкову.

А б р а м.

Вы из оркестра милиции?

Б и р ю к о в.

Да.

А б р а м.

Здравствуйте!

Б и р ю к о в.

Здравствуйте!

А б р а м.

Вот красота!

Наш небольшой музыкальный кружок

Готовится к празднику.

Мы просили

Нашу дирекцию, чтобы...

Б и р ю к о в (*добродушно*). Дружок,

Меня для этого и пригласили.

Чем сумею и чем могу,

Я с удовольствием помогу!

А б р а м.

Тогда я сейчас позову ребят,

Они познакомятся с вами рады,

Ребята наши играть хотят,

И мы вас ждем уже две декады!

(*Выбегает.*)

Бирюков стоит перед газетой. Входит Вася. Увидев милиционера, он хочет пройти мимо, но Бирюков останавливает его.

Б и р ю к о в.

Простите, вы из какого кружка,

Из музыкального?

В а с я (*растерявшись*). Да... то есть нет...

Б и р ю к о в (*добродушно*).

Ваша шахматная доска

Красноречивый дает ответ.

Пауза.

Вы знаете Васю Петрова?

В а с я (*совсем растерявшись*). Какого?

Б и р ю к о в (*улыбаясь Васиной растерянности*).

Того, который отличник учебы,

Ученика из седьмого «Б»!

Он очень мне нужен.

В а с я.

Он вам нужен, чтобы...

Б и р ю к о в

Тебе почему-то не по себе?

Вася молчит.

Вы дружите? Вы не в одном ли классе?
Он на кружок не придет сюда?

Вася (*окончательно растерявшись*). Придет...

Бирюков.

Передай, пожалуйста, Васе,
Что он-то и нужен мне!
Скажешь?

Вася (*глухо выдавив из себя*).

Да!

(*Выбегает из зала.*)

Бирюков (*один*).

Я сам протяну ему руку навстречу
И повода для объяснений не дам.
Я честность его при ребятах отмечу,
И он обо всем мне расскажет сам.
Находка владельцу возвращена,
Ничтожная сумма утаена —
Двадцать восемь рублей! Возможно,
Для вас эта сумма не так ничтожна,
Она была, вероятней всего,
Своевременной помощью для него.

Входят Абрам и ребята.

Абрам.

Ребята, сюда!

(*Бирюкову.*)

Все кружковцы в сборе!

Знакомьтесь: Сима, Рубен, Боря,

Зина, Клава. А я — Абрам.

Я — староста, это — мои учителя.

(*Показывает на ребят.*)

Ребята, позвольте представить вам

Музыкального руководителя!

(*Бирюкову.*)

Сейчас мы пройдем на второй этаж.

Там инструменты, пюпитры, ноты.

Сима.

Все приготовлено для работы.

Бирюков.

А где же Вася, товарищ ваш?

Клава.

Вася? Вы знаете Васю Петрова?

Бирюков.

Не знаю лично, но слышал о нем.
Хочу познакомиться!

Ребята переглядываются.

Клава.

Он в школе. Сейчас мы его найдем!

Все уходят.

Вася (*очень возбужденный, проходит*).

Что делать? Он ищет меня. Все известно.

Зачем я нужен ему? Интересно!

Я струсил, и он, конечно, заметил,

Как я ему глупо и тупо ответил.

Я должен был просто сказать: «Это я!

И знаю я, в чем вина моя!»

Что же делать? Куда идти?

Нужно немедленно выход найти!

(*Уходит.*)

Борис и Клава проходят через сцену.

Борис.

Не видела Васю?

Клава. Не видела, Боря,

Нет, он не за ним...

Борис. Ну, не будем спорить...

Проходят. Появляются Костя и Сима.

Костя.

С наганом?

Сима. Нагана как будто нет.

Костя. Высокий?

Сима.

Нет, невысокий брюнет.

Костя. Где Вася?

Сима.

Не знаю, исчез куда-то.

Костя.

А что он еще говорил ребятам?

Сима (*с хитрой улыбкой*). Сказать?

Костя (*раздраженно*).

Пожалуйста, без дураков!

Сима. Его фамилия Бирюков!

Уходят.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в квартире Ивановых. Вечер. У двери на вешалке висит шинель лейтенанта-пограничника. На отрывном календаре 17-е число. К о с т я чинит радио. Звонок в передней. Костя идет открывать дверь. Входит В а с я, за ним К о с т я. В руках у Васи портфель. Друзья молчат.

В а с я (*смотрит на радиоаппарат*).

Чинишь?

К о с т я. Вожусь от нечего делать.

В а с я.

Наверное, лампочка перегорела!

К о с т я (*неопределенно*).

И лампочки тоже менять пора...

В а с я.

А я Испанию слышал вчера...

К о с т я.

Если антенну поставить на крышу,
Я Испанию тоже услышу.

Пауза.

В а с я (*кидает на шинель*). Дома?

К о с т я.

Лег отдохнуть. Устал.

В а с я. Значит, я не увижу его. Жаль.

К о с т я. Он где-то на фабрике выступал...

В а с я.

Он за что получил медаль?

К о с т я.

За мужество.

В а с я. Ясно... Во время боев?

А ты мне не дашь посмотреть на нее?

К о с т я.

Он спит, а она у него на груди,
Ты лучше для этого завтра зайди.

Пауза.

В а с я.

Костя!

К о с т я. Что «Костя»?

В а с я.

Такое дело.

Вот что, купи у меня коньки!

К о с т я.

Ты что? Кататься на них надоело?

В а с я.
Ты понимаешь, жмут башмаки...

К о с т я.
Дорого, я лучше гаги куплю...

В а с я.
Дешево. Я их тебе уступлю.
(*Вынимает из портфеля коньки.*)
Ты посмотри, какие ножи!
Ни разу не точенные!

К о с т я. Покажи!
(*Рассматривает коньки.*)

В а с я.
С такими коньками и жить веселей!

К о с т я.
Сколько?

В а с я. Двадцать восемь рублей!

К о с т я. Дешево.

В а с я. Даром.
Костя вертит в руках коньки.
Дешевле тебе беговых не найти!
Я потому их тебе продаю...

К о с т я. Я знаю...

В а с я.
Даешь двадцать восемь?

К о с т я. Даю...
Выручу друга.

В а с я. Бери уж...

К о с т я. Беру.
(*Взял коньки, положил их на свой стол, вынул откуда-то деньги, передает их Васе.*)
А я без завтраков не помру!
Вася прячет деньги в карман.

В а с я. А спросят?

К о с т я. Скажу — у тебя купил.

В а с я. А я?

К о с т я. А ты их вдруг разлюбил!

В а с я.
Да-а, разлюбил! Какие ножи!
Костя дает Васе какой-то альбом.
Что это?

К о с т я. Ладно, держи, держи!
Коллекция марок! Держи в придачу.

В а с я. А ты?

К о с т я.
А я без них не заплачу...
Твои норвеги-то дорогие!

В а с я.
Подумаешь, пустяки какие!

К о с т я (*показывает альбом*).
Суматра, Ява, Цейлон, Бомбей...
(*Кладет альбом в Васин портфель.*)
Коллекция и двадцать восемь рублей!
Теперь мы в расчете!

В а с я. Ладно, давай!

К о с т я (*вынимает из какой-то коробочки еще одну марку и передает ее Васе*).
Держи еще марочку — Парагвай!

Вася осторожно кладет марку в альбом, закрывает портфель.
Костя разглядывает свою покупку.

В а с я (*с сожалением смотрит на коньки*).
Ты дашь мне на них прокатиться разок?
Я же ни разу на них не вставал!
Я же на них не ходил на каток!
Ты же не жадный! Ты лыжи давал!

К о с т я.
Сам накатаюсь, конечно, дам.

В а с я.
Раз мы друзья, значит, — все пополам!
Ну, я пойду!

К о с т я. К Бирюкову?

В а с я. Туда.

К о с т я.
Советский проспект, номер восемь.

В а с я. Да.
(*Прощается за руку.*)

К о с т я.
Зато уж отдашь — и гуляй молодцом!

В а с я.
И никто не узнает, и дело с концом!
А то беспокоишься как-то внутри!
Все время думаешь...

К о с т я (*тоном знатока*). Не говори...

В а с я.

Ведь если узнают, ведь это позор —
Снаружи я чистый, внутри я — вор!
Когда я деньги-то эти брал,
Ведь я, оказывается, — крал!

К о с т я.

Ясно. Со всяким бывает... Случай...

В а с я.

У меня уже настроение лучше!

К о с т я.

А как отдашь, так совсем запляшешь!

В а с я.

Запляшем!

(Выходит. Кричит из передней.)

Привет от меня всем вашим!

Костя любитесь покупкой, примеряет коньки, очень довольный
напевает песенку.

Замерзли, замерзли озера,
На окнах каемочки льда,
На нашем дворе у забора
В кадучке замерзла вода.

Протоптана к дому дорожка,
Снежинки, снежинки везде;
На крышах, на елках, на кошках,
У дворника на бороде.

Летают и мерзнут вороны,
Ночные морозы крепки.
За городом на стадионах
С утра заливают катки.

По рельсам бегут паровозы,
В вагонах тепло берегут,
Седые, седые березы
Стоят по колено в снегу.

А за ночь такие узоры
На стеклах выводит зима,
Что, глядя на эти узоры,
Художники сходят с ума.

Звонок в передней. Костя идет открывать дверь. Коньки он
кладет на стул возле стола. В комнату он возвращается с
Рубеном.

Рубен (*кивая на шинель*).

Он только что лег?

Костя.

Он очень устал. Просил не будить.

Ты же заранее мог позвонить!

Сиди теперь, жди!

Рубен. Подожду. Посижу.

Пауза.

Костя.

Нет ему ни минуты покоя —

Везде приглашения, всюду зовут,

То одно, то другое...

Они на границе спокойней живут!

Столько вдруг оказалось родных,

Что мы даже прятаться стали от них!

Ему уж рассказывать надоело!

А теперь вот придется с тобой говорить!..

Ну, ты пришел! А зачем?

Рубен. По делу.

Костя. По делу?

Рубен.

Барса хочу подарить!

Костя. Кому?

Рубен. Ему.

Костя. Почему?

Рубен.

Потому...

Костя. Любимого Барса отдать! Навсегда?

Рубен. Да!

Костя.

Рубен, ты врешь! Рубен, ты смеешься!

Как же ты с Барсом своим расстанешься?

Рубен (*невозмутимо*).

Просто. По-дружески. По-боевому.

Он умный. Он долго не будет скучать.

Он быстро привыкнет к другому дому,

Чтоб жизнь трудовую свою начать.

Он чуткий, он зоркий, он симпатичный,

Он будет товарищем боевым,

Отличным, испытанным, пограничным,

Псом настоящим, сторожевым!

(*Горячо.*)

Он будет несчастьем для диверсанта!
А если боец попадет в беду...

К о с т я.

Может, пойти разбудить лейтенанта?

Р у б е н.

Я посижу. Я подожду...

К о с т я.

Зина от зависти перевернется!

Р у б е н.

Ее овчарка еще найдется!

К о с т я.

Звонила, просила советом помочь.
У окна, говорит, просидела всю ночь,
Мама и та, говорит, не рада,
Что дождалась ликвидации ада.

Звонок телефона.

Слушаю. Кто? Угадать по голосу?

Сима, Зина? Какие волосы?

Клава! Я угадал!.. Не шути!..

Нужно ко мне на минутку зайти?

(Закрыв трубку рукой, Рубену.)

Наверное, посмотреть на брата,

Совсем еще маленькие ребята!

(Клаве.)

Ну, заходи, заходи, ничего!

Я тебе дам посмотреть на него!

(Кладет трубку.)

Р у б е н.

И Васе все не сидится дома,

Я звонил, говорят, что ушел к знакомым...

В комнату входит Б о р и с.

Б о р и с.

Вашу дверь с английским замком

Можно открыть любым пятакон!

Входи, забирай из передней шубы,

И будьте здоровы! Трубите в трубы!

Я говорил: почините замок!

К о с т я.

А ты не мог позвонить в звонок?

(Рубену.)

Незваные гости. Налет на заставу.

За Борей сейчас появится Клава,

Зина придет за собачьим советом,
Абрам за нотами для кружка,
Сима просить статью в стенгазету,
Вася... ну, он не придет пока...

Борис.

Я заходил на квартиру к Васе,
Сказали, что Вася пошел сюда.
Костя, ты стал, как малина, красен!..

Костя.

Не беспокойся, не от стыда.

Борис.

А я вот почти никогда не краснею,
Сказать по совести, раз в году!

Звонок в передней.

Костя.

Клава!

(Идет открывать дверь.)

Борис *(выглядывает в переднюю)*.

Клава и Сима за нею.

Держите меня, я сейчас упаду!

Входят Сима, Клава, Костя.

Костя.

Я предсказывал, как гадалка!

Клава.

Вася здесь?

Рубен.

Васи не было.

Сима.

Жалко.

Ты не думай, пожалуйста, Костя,
Что в моем лице ты увидел гостя,
Мне нужен Вася!

Костя *(смотрит на Клаву и на Симу)*.

Вы что, сговорились?

Клава.

И мне нужен Вася.

Костя.

Вы что, влюбились?

Клава.

Не мог ничего придумать умней?

Борис.

Кстати, Вася нужен и мне.

Костя *(Клаве)*.

Ты откуда звонила?

Клава.

Из магазина.

Я покупала сосиски на ужин.

К о с т я (*Клаве, показывая на Симу*).

Вы разве не вместе?

К л а в а (*смотрит на Симу*).

Мы встретились.

(*Симе.*)

Сима!

Сима вопросительно смотрит на Клаву.

Сима, зачем тебе Вася нужен?

Звонок телефона. Все смотрят на телефон. Костя снимает многозначительно трубку. Общее молчание.

К о с т я.

Слушаю. Кто? Это ты, Абрам?

Зачем тебе Вася? Списать задачи?

Не слышу... Куда?.. Сказали, что к нам?

(*Ребятам.*)

Не понимаю, что все это значит?

(*Абраму.*)

Да!.. У меня Василия нет.

Честное слово. Прощай. Привет!

(*Кладет трубку.*)

Все ищут Василия, как иголку!

Зачем? И никто не расскажет толком!

К л а в а (*почти про себя*).

Нужен...

Р у б е н (*с коньками в руках, Косте*).

Ты тоже купил коньки?

К о с т я (*немного растерянно*).

Купил. Башмаки чуть-чуть велики.

Б о р и с.

А где купил? В магазине «Динамо»?

А деньги где взял? Подарила мама?

К о с т я.

Ладно, уж я вам все расскажу.

Сейчас я всех вас в руках держу!

(*С видом победителя смотрит на ребят.*)

Вася здесь был полчаса назад.

Вася мне продал свои коньки.

Я выручил Васю, и он был рад.

К л а в а.

Где он?

К о с т я.

Пошел отдавать долги!

Клава, ни слова не говоря, выбегает из комнаты. Слышно, как в передней захлопывается входная дверь.

С и м а.

Кто тебя, Костя, об этом просил?
Ты бы у нас хоть совета спросил!

(Выбегает.)

В передней хлопает дверь.

Б о р и с.

Купил. А совета спросить не мог?

(Передразнивает Костю.)

Неужели не мог позвонить в звонок?

Эх!

(Вынимает из кармана газету, быстро просматривает, что-то находит, складывает газету, бросает ее на стол.)

Рубен в это время тоже достал из кармана газету, тоже прочел что-то и тоже бросил газету на стол.

(Продолжает, обращаясь к Косте.)

Да что уж тут говорить!

(Машет рукой и выбегает из комнаты.)

Костя ничего не понимает. Потом вдруг бросается к столу и хватается коньки. Затем он кладет коньки обратно и опять что-то соображает.

К о с т я.

Что делать, что делать? Спросить у брата?

Костя, Костя, думай скорей!

(Решил.)

Я должен норвеги вернуть обратно

И дать ему в долг двадцать восемь рублей!

(Бросается к столу, перерывает все журналы, берет какую-то газету, что-то ищет в ней, находит, быстро одевается, хватается коньки и со словами: «Советский, восемь, квартира семь!» — выбегает.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Квартира Бирюкова. Большая, но тесно заставленная мебелью комната. На стене отрывной календарь. 17-е число. Стоит пюпитр с нотами, рядом лежит музыкальный инструмент, на котором Бирюков играет в оркестре. В комнате Б и р ю к о в и

К о с т я. Костя, очевидно, только что пришел и оторвал Бирюкова от его занятий. Бирюков застегивает френч. Костя только что пытался объяснить цель своего прихода. Он очень смущен. Бирюков старается его понять, но Костя так объясняет, что Бирюков ничего не понимает.

Б и р ю к о в (*разводя руками*). Не понимаю.

К о с т я. Ведь я поступил

Нехорошо в отношении Васи!

Зачем я коньки у него купил?..

Б и р ю к о в.

Допустим, я с этим почти согласен,

Но я не могу понять, почему

Ты здесь их должен отдать ему?

К о с т я.

Но как же, ведь он же, ведь я же...

Б и р ю к о в.

Прости... Где Вася?

К о с т я. Он должен сейчас прийти.

И, пока он их вам не успел отдать,

Я с ним объяснюсь... Я могу подождать?

Звонок в передней.

Вася! Вы слышали? Он!

Б и р ю к о в (*выглядывая в переднюю*).

Странно. По-моему, почтальон!

П е р в ы й п о ч т а л ь о н (*за дверью*).

Где гражданин Бирюков живет?

Б и р ю к о в.

Здесь. Заходите.

П е р в ы й п о ч т а л ь о н (*заходит*).

Вам перевод.

Двадцать восемь рублей от Петрова.

Вот здесь распишитесь. Будьте здоровы.

Бирюков расписывается. Почтальон уходит.

К о с т я (*растерянно*).

Сам не пришел. По почте послал!

Если б я раньше об этом знал!

Вы понимаете, честное слово,

Вы понимаете, я не успел!

Б и р ю к о в.

Не ждал перевода от Васи Петрова!

Ведь я познакомиться с ним хотел!

К о с т я.

Прощайте. Мне нужно его увидеть!

Я же не думал его обидеть!

(Хочет уйти, но в передней звонок.)

Б и р ю к о в. Вася?

К о с т я. Не знаю.

Б и р ю к о в. Наверное, он.

(Открывает дверь в переднюю.)

Странно, по-моему, почтальон!

В т о р о й почтальон *(за дверью)*.

Здесь гражданин Бирюков живет?

Б и р ю к о в. Да, это я!

В т о р о й почтальон *(входит в комнату)*.

Перевод!

Б и р ю к о в. Перевод?

В т о р о й почтальон.

Двадцать восемь рублей от Петрова.

Вот здесь распишитесь. Будьте здоровы.

Бирюков расписывается. Почтальон уходит.

Б и р ю к о в *(Косте)*.

Может быть, вы объясните случайно,

Что это значит?

К о с т я. Не знаю...

Б и р ю к о в. Тайна?

К о с т я.

Честное слово, я сам не знаю...

Б и р ю к о в.

Это ошибка? Не понимаю!

К о с т я. Вы не сердитесь!

Б и р ю к о в.

Зачем мне сердиться?

Слышен стук в передней.

Что это?

(Прислушивается.)

К о с т я. Кажется, кто-то стучится.

В передней открывают дверь. Теперь уже стучат в комнату.

Дверь открывается, и в комнату входит третий почтальон.

К о с т я.

Опять почтальон?

Т р е т и й почтальон.

Адресат удивлен?

Вы Бирюков?

К о с т я (*показывая на Бирюкова*).

Он.

Т р е т и й п о ч т а л ь о н (*Бирюкову*).

Я извиняюсь, вам перевод.

Вот.

Б и р ю к о в. Двадцать восемь от Васи Петрова?

Т р е т и й п о ч т а л ь о н.

Да, от Петрова.

К о с т я.

Честное слово?

Т р е т и й п о ч т а л ь о н (*с удивлением взглянув на Костю, Бирюкову*).

Вашу расписочку в получении.

Бирюков расписывается.

Будьте здоровы. Мое почтение!

(*Уходит.*)

К о с т я (*Бирюкову*).

Дайте попить!

Б и р ю к о в. В графине вода.

Это просто какая-то ерунда!

В передней звонок.

К о с т я (*подавился глотком воды*). Ой!

Б и р ю к о в.

Неужели опять почтальон?

По правде сказать, я уже утомлен!

К л а в а (*за дверью*).

Здесь музыкант Бирюков живет?

К о с т я (*в панике*).

Клава!

Б и р ю к о в (*идет в переднюю*).

Попал музыкант в переплет!

К о с т я прячется за гардину. В комнату входит Клава, за ней Б и р ю к о в.

К л а в а.

Я долго искала вас. Адрес забыла.

Вы извините, что я зашла.

(*Осматривается.*)

Хорошая комнатка. Очень мило.

Вы знаете, я у подруги была,

Но оказалось — ее нет дома...

Скажите, вы с Васей Петровым знакомы?

Он заходил к вам с катка по пути?

Он должен был к вам непременно зайти,
А он мне нужен по срочному делу...
Скажите, я вам еще не надоела?

В передней звонок.

Вы знаете, это, наверно, Вася!
Спрячьте меня!

Бирюков.

И для вас он опасен?

Клавва (*сама прячется за вторую гардину*).

Пожалуйста, не говорите ему!

Бирюков (*выходя в переднюю*).

Что? Для чего? Зачем? Почему?

Некоторое время сцена пуста. Затем в комнату входят Борис и Бирюков.

Бирюков (*в дверях, Борису*). Не заходил.

Борис.

Я хотел забежать!

Бирюков.

Вы его здесь не намерены ждать?

Борис.

Нет, спасибо, я побегу.

Бирюков.

А то подождите.

Борис.

Нет, я не могу.
(*Идет к двери.*)

В передней звонок.

Спрячьте меня!

Бирюков.

И вас? Куда?

Борис.

Куда хотите!

Бирюков (*отворяя шкаф*).

Лезьте сюда!

Борис лезет в шкаф. Бирюков затворяет его и выходит в переднюю. Некоторое время сцена пуста, затем в комнату входит Бирюков, за ним четвертый почтальон.

Бирюков (*четвертому почтальону*).

Это ошибка. Я уверяю!

Четвертый почтальон.

Я, гражданин, ничего не знаю.

Адрес ваш, фамилия ваша...

Бирюков.

Папаша!

Четвертый почтальон.

Я вам, гражданин, не папаша!

Бирюков.

Это явное недоразумение!

Четвертый почтальон.

А вы забегите к нам в отделение!

Прошу расписаться. Здесь. В получении.

Бирюков расписывается.

Будьте здоровы! Прошу извинения!

(Уходит.)

Борис *(вылезая из шкафа)*.

От Васи Петрова?

В передней звонок.

Бирюков. Столпотворение!

(Выходит в переднюю.)

Борис *(лезет обратно в шкаф)*.

Не опоздал. Никакого сомнения!

(Закрывает за собой дверку.)

Бирюков *(входит, говорит кому-то сзади себя)*.

Вы тоже назначили с Васей встречу?

Рубен *(входит в комнату за Бирюковым)*.

Я должен был встре...

В передней звонок.

Бирюков.

Сумасшедший вечер.

(Рубену.)

Вы будете прятаться?

Рубен *(быстро)*. Куда?

Бирюков. Лезьте под стол.

Рубен лезет под стол.

Вам удобно?

Рубен *(из-под стола)*.

Да.

В комнату входят очень робко Сима и Абрам.

Бирюков *(встречает их словами)*.

За Васей? Не был! Не заходил!

Сима.

Значит, наверное, адрес забыл!

(Показывает на Абрама.)

А мы с ним встретились.

Абрам (*оправдываясь*). Мы случайно...

Бирюков.

Зачем вам Вася?

Сима и Абрам молчат.

Не скажете? Тайна?

Сима.

Честное слово...

Абрам.

Мы думали, он...

В передней звонок. Все стоят и слушают. В передней открывают дверь. Стучат в комнату.

Бирюков.

Кто там? Войдите!

Пятый почтальон.

Я — почтальон.

(*Входит.*)

Вам перевод от Васи Петрова.

Бирюков.

Опомнитесь! Вы не совсем здоровы!

Пятый почтальон.

Будьте повежливей, гражданин!

Бирюков.

Вы же пятый!

Пятый почтальон.

На почте я не один.

Прошу расписаться. Рублей — двадцать восемь, Прописью.

Бирюков расписывается. Сима и Абрам переглядываются.

Мы уж два года вам носим.

Всего хорошего. Будьте здоровы!

(*Уходит.*)

Бирюков.

Меня замучили Васи Петровы!

В передней звонок.

Прячьтесь! Ну, что вы стоите! Сюда!

Сима и Абрам бросаются, ища места, чтобы спрятаться.

Сюда нельзя!

(*Симе.*)

Становитесь туда!

(*Показывает куда.*)

(*Абраму.*)

Сюда нельзя! Сюда невозможно!

Абрам.

Я сяду за кресло!

Бирюков.

За кресло? Можно!

Абрам прячется. В комнату входит Зина с газетой.

Бирюков (*Зине*).

Вас я могу поместить за печкой —

Никем не занятое местечко!

Зина (*не слыша слов Бирюкова, чем-то очень озабоченная*).

Скажите, вы объявили это?

Бирюков (*не понимая Зину*). Что? Почему?

Зина (*протягивая ему газету*).

Почитайте газету!

(*Пальцем показывает Бирюкову какую-то заметку.*)

Бирюков (*возвращая Зине газету*).

Мое объявление. Это — я.

Зина.

Эта собака — собака моя!

Она пропала два дня назад!

Бирюков (*все поняв*).

Нашелся хозяин? Я очень рад!

Зина.

Ровно две ночи и ровно два дня

Моя овчарка жила без меня!

Надеюсь, вы за Таймыркой следили —

Кормили, поили, гулять выводили?

Бирюков.

Я буду рад вам вернуть щенка!

Зина.

Он будет прыгать до потолка!

Где он?

Бирюков.

Пойдемте, я вам покажу!

(*Отворяет дверь в другую комнату.*)

Я вашу Таймырку на кухне держу.

Зина.

Бедный!

Проходят на кухню.

Бирюков (*из кухни*).

Смотрите, как он дрожит!

Лай собаки. Дверь затворяется.

Абрам (*из-за кресла*).

Узнал!

Сима (*из-за ширмы*).
Теперь уж не убежит!

Пауза.

Абрам, зачем ты пришел к Бирюкову?

Пауза.

Абрам.

А ты?

Сима.

Умеешь язык держать?

Абрам.

Конечно, умею. Честное слово!

Сима.

Тебе одному я могу сказать!

Абрам.

Говори. Я же дал тебе честное слово!

Сима.

Но ты не скажешь нигде? Никому?

Пауза.

Мне очень хотелось помочь Петрову

И я, как могла, помогла ему!

Абрам (*быстро*).

Это понятно, а как ты могла?

Сима.

Пошла на почту...

Абрам.

Да ну, скорей!..

Сима.

И Бирюкову перевела

Двадцать восемь рублей.

Я к Васе пошла на квартиру, домой,

Хотела предупредить...

Абрам (*мрачно*).

Надо было совета спросить,

Раньше чем деньги переводить.

Не решаться на все самой!

Теперь нам будет вдвоем веселей —

Я тоже на почту пошел

И тоже двадцать восемь рублей

За него перевел.

Пауза.

Сима.
Абрам, мы сделали что могли.
Абрам, побежим домой?
Абрам, а чей перевод принесли?
Рубен (*из-под стола*).
Принесли перевод мой.
Сима. Кто это?
Рубен. Я!
Абрам.
Ты где?
Рубен. Под столом.
Не удивляйтесь, теперь мы втроем!
И я за тем же сюда пришел,
И я двадцать восемь рублей перевел!
Сима.
Не ожидала. Вот интересно!
Борис (*из шкафа*).
А что интересного — неизвестно.
В шкафу и пыльно, и жарко, и тесно.
(*Открывает дверку шкафа.*)
Мы, кажется, четверо здесь собрались?
Рубен.
Кто это?
Абрам. Это Борис!
Борис (*утвердительно*). Борис.
Сима, закрой удивленный рот!
А на столе это мой перевод!
Клава (*высовывается из-за гардины*).
Твой? Как не стыдно? А где же мой?
Сима.
Клава!
Костя (*высовывается из-за гардины*).
И Костя!
Борис. И Костя?
Клава. Ой!
Костя.
Понятно. И ты послала?
Клава. Да.
Костя (*показывает на стол*).
Ребята, смотрите скорей сюда!

Все выглядывают из своих убежищ, но никто не выходит.

Все переводы! Все, как один!

Б о р и с.

Пять переводов? Вот это блин!
Почта работает аккуратно,
Теперь нам все деньги вернут обратно!

К л а в а.

А как же Вася?

Р у б е н.

А Васи-то нет!

Ребята, нам надо собрать совет!

В передней звонок. Все прислушиваются, а когда в передней хлопает дверь, все прячутся обратно по своим местам. В комнату входит В а с я.

В а с я.

Сейчас я признаю свою вину,
Сейчас я деньги ему верну.
Так, мол, и так, извините меня,
С трудом я дожил до этого дня!
Я честным поеду тогда в Ленинград,
Мне нечего будет скрывать от ребят,
Спокойно сегодня в кровати засну...
Сейчас я деньги ему верну!
Где он?

Б и р ю к о в входит в комнату из кухни, где осталась Зина со щенком.

Б и р ю к о в.

Здравствуйте, Вася Петров!

(Протягивает ему руку.)

В а с я.

Я должен вам...

Б и р ю к о в.

Знаю...

В а с я.

Я вам принес.

Б и р ю к о в.

Ценю аккуратных таких должников!

(Добродушно улыбается.)

В а с я.

Простите... Возьмите!..

Б и р ю к о в *(берет деньги и кладет их в карман.)*

Исчерпан вопрос.

Я думаю — мы рассуждать не будем,

Давайте навеки об этом забудем!

В а с я.

Не говорите ребятам про это
И не давайте заметку в газету!

Бирюков (*загадочно улыбаясь*).

От прессы я этот секрет сберегу,
Но от ребят, извини, не могу!

Вася.

Если об этом узнают друзья —
Они же все от меня отвернутся!
Сплетни пойдут, разговоры начнутся...

Бирюков.

Дирекция — раз, во-вторых — семья...
(*Смеется.*)

И испорчена встреча Нового года!..
Оставим в покое пока ребят.
Смотри!

Вася. Это что?

Бирюков. Это пять переводов!

Вася.

Пять переводов?

Бирюков. И все от тебя!

Вася (*рассматривает переводы*).

И все от меня? Да что вы, что вы?
В каждой школе есть Васи Петровы!
Честное слово, это не я!
Смотрите на почерк! Рука не моя!
И здесь не моя! И это не я!
Ошибка орфографическая!
А я без одной ошибки пишу,
Даже тогда, когда очень спешу!

Бирюков.

Тебе отправители неизвестны?
Кто они? Где они?

Вася. Вот интересно!

Бирюков.

Хочешь, найдем их?

Вася. Конечно, хочу!

Вы можете?

Бирюков. Я никогда не шучу!

Встань-ка вот здесь!

(*Отводит Васю в сторону.*)

Вася так заинтересован, что послушно следует за Бирюковым.

Глаза завяжем!

(*Завязывает Васе глаза платком.*)

Применим маленькое колдовство!..

Сейчас мы всех Васей друг другу покажем!

В а с я.

А вдруг не получится ничего?

Б и р ю к о в.

Что ты сказал? То есть как «не получится»?!

Тебе двух минут не придется промучиться!

(Одного за другим начинает выводить ребят. Бирюков не помнит, где они спрятаны, и поэтому ищет их. Найдя и выведя всех ребят, ставит их в ряд позади Васи, который стоит с завязанными глазами и старательно прислушивается к тому, что происходит в комнате.)

В а с я.

Вы, наверное, пошутили?

Б и р ю к о в.

Нетерпелив же ты, брат Василий!

В а с я.

Скоро?

Б и р ю к о в *(мимикой спрашивает ребят «все ли?»)*.

Сейчас.

В а с я.

Вы шкаф открываете?

В комнату из кухни входит Зина. Она открывает дверь, видит Васю с завязанными глазами и ребят и ничего не понимает.

З и н а *(Васе)*. Вася, ты водишь?

Вася срывает с глаз платок. Он стоит спиной к ребятам и видит только Зину.

Во что вы играете?

В а с я.

Зина! Как ты сюда попала!

З и н а *(ничего не понимая)*.

По объявлению.

В а с я.

Где ты была?

З и н а.

На кухне сидела, щенка обнимала,

А потом обратно сюда пришла.

В а с я.

Где Бирюков?

(Оборачивается и видит ребят и Бирюкова. Так растерян, что не знает, что говорить.)

Ребята, здорово!

Р е б я т а *(хором)*. Ага, попался,

Который кусался!

В а с я (*ничего не понимая*).

Я думал... я...

Б и р ю к о в (*показывая на ребят, Васе*).

Однофамильцы твои — Петровы!

Твои товарищи и друзья!

За то, что публика в сильном смущенье,

За фокус-мокус прошу прощенья!

Еще вниманья одну минуту!

Пусть правую руку поднимет тот,

Кто был на почте сегодня утром

И посылал вот такой перевод!

(*Показывает переводы.*)

Ребята переглядываются и наконец один за другим поднимают руки — все, кроме Кости. Зина тоже стоит с поднятой рукой. Вася стоит с широко открытыми глазами. Бирюков раздает ребятам переводы. Всем, кроме Зины.

Б и р ю к о в.

А тебе не хватило?.. И ты посылала?

З и н а (*робко*).

И я!

В а с я.

Зина, и ты?

З и н а. Только очень мало —

Я двадцать восемь послать не могла

И только восемь перевела!

Общий смех.

К о с т я (*подходит к Васе*). Вася, возьми!

(*Протягивает ему коньки.*)

Я почти задаром

Купил их...

В а с я.

А марки?

Пауза.

Твои коньки!

(*Отстраняет их рукой.*)

К о с т я.

Мы марки начнем собирать на пару

И вместе будем ходить на катки!..

(*Протягивает Васе руку.*)

Б о р и с.

Это не мой перевод!

Б и р ю к о в.

Почему?

Б о р и с *(возмущенно)*.

Я такой перевод не возьму!
По почерку видно — рука не моя!
И ошибок тоже не делаю я!

С и м а *(Борису)*.

Давай уж, это писала я!
(Берет перевод.)

Б о р и с *(отдает ей перевод)*.

Эх, а еще редколлегия!

Сима и Борис меняются переводами.

Б и р ю к о в .

Сбор всех Петровых сейчас отмечаю,
Есть предложение выпить чаю!
Хватит на всех и конфет и печенья!
А потом подумаем о развлечениях!
(Выходит на кухню.)

К л а в а *(Васе)*.

Как хорошо, что так получилось,
Как будто вообще ничего не случилось!
Я очень рада!

С и м а .

Мы так и знали,

Что ты и без нас их ему отдашь!

З и н а .

Мы так волновались, мы так волновались!

А б р а м .

Ведь ты же, Вася, товарищ наш!

В а с я .

А кто вам сказал?

А б р а м .

О чем?

В а с я .

Ну... об этом...

Все молча смотрят на Костю.

Б о р и с .

А разве это было секретом?

В а с я *(все понимает)*.

Исчерпан вопрос. Рассуждать не будем,
Давайте навеки об этом забудем!

К о с т я .

Таким, как мы, на свете
Не страшно ничего! —
Один за всех в ответе,
И все за одного!

Входит Бирюков, нагруженный чайной посудой и сладостями. В передней звонок. Все стоят молча. В передней хлопает дверь. В комнату стучат. Дверь открывается, входит шестой почтальон.

Шестой почтальон.

Простите. Здесь Бирюков живет?

Ребята (*хором*).

Здесь.

Зина (*радостно кричит*).

Это мой перевод!

Немая сцена. За дверью, ведущей на кухню, лай собаки. Гаснет свет.

ЭПИЛОГ

Декорация пролога. Петров только что закончил свой рассказ.

Сергея. Да-а-а! Интересная история!

Петров. На всю жизнь урок я получил.

Небольшая пауза.

(*Смотрит на часы, вскакивает.*) Ай-ай-ай! Мой самолет!

Я же опоздал. Он уже улетел!

Сергея. В десять сорок пять по московскому времени!

Куранты на Спасской башне бьют двенадцать раз. Аккорд Гимна Советского Союза.

1939—1979

СМЕХ И СЛЕЗЫ

Веселое сновидение в трех действиях, семи картинах и четырех интермедиях, с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ

Андрюша Попов, обыкновенный советский мальчик.

Люба, обыкновенная советская девочка.

Клава }
Толя } обыкновенные школьные товарищи.

Мама, обыкновенная мама.

Доктор, обыкновенный доктор.

В СТРАНЕ ИГР

Унылио, шахматный король.

Чихалья, шахматный офицер, принц.

Патисоне, шахматный офицер, министр с портфелем.

Кривелло, карточный валет пик, министр без портфеля.

Двуличе, карточная дама треф.

Каргана, колдунья, карточная дама пик.

Универ, маг и волшебник.

Шут.

Начальник стражи.

Пес Туз.

1-я белая пешка.

2-я белая пешка.

Пешка-служанка.

Лицо.

Живые ворота.

Фокусник.

Гости, слуги, пешки, карты разных мастей, домино.

Действие происходит сначала в самой обыкновенной городской квартире в наши дни, а затем — во сне, в сказочной стране Игр.

Премьера спектакля состоялась 8 мая 1946 года в Центральном детском театре.

ПРОЛОГ

Обыкновенная комната. Андрюша лежит больной в постели. На тумбочке стоят лекарства. У постели больного — мама, доктор и Люба. На стуле — шахматная доска с неоконченной партией.

Мама (*говорит по телефону*). Нет, Андрюша завтра в турнире не участвует. Он болен. Он в постели. Да. Температура... (*Кладет трубку.*) Вы знаете, доктор, я должна вам пожаловаться: он с утра решает какие-то шахматные задачи, это его утомляет. И поэтому, он все время раскрывается.

Доктор (*добродушно*). Придется мне с ним сразиться. Я сам когда-то в молодости увлекался шахматами. Но шахматиста из меня не вышло. (*Андрюше.*) А вы, молодой человек, мечтаете стать Ботвинником?

Андрюша. Я еще не знаю...

Доктор (*посмотрев больного*). Ангинка. Ничего страшного нет. (*Выписывает рецепт.*) По столовой ложке три раза в день. Я вам сейчас выпишу полоскание.

Андрюша. Скажите, доктор, а я могу завтра встать?

Доктор. Нет, молодой человек, вам придется подождать.

Андрюша. Но ведь я же совершенно здоров!

Доктор. Разрешите мне, молодой человек, знать, здоровы вы или нет. У вас температура тридцать семь и восемь.

Андрюша (*умоляющим голосом*). Доктор...

Мама. Раз доктор сказал нельзя — значит, нельзя!

Андрюша (*ворчит*). Залечили вы меня совсем! Вот возьму и выброшу в окошко все эти склянки-банки!

Доктор. То есть как это — выброшу?

Мама (*доктору*). Горе мне с ним!

Доктор. Тогда мы вас положим в больницу, молодой человек. (*Маме.*) Делайте все, как я сказал. Страш-

ного ничего нет. Завтра я к вам загляну к концу дня. До свиданья.

Мама. Я вас провожу.

Люба (*доктору*). До свиданья, доктор!

Андрюша (*мрачно*). Прощайте!

Доктор. До скорого свиданья, молодой человек! А где мой портфель? Всегда его забываю...

Люба. Вот он.

Доктор. Спасибо! (*Достал из кармана конфету, дает Андрюше.*)

Доктор и мама уходят.

Андрюша (*вздыхнув*). Наконец-то ушел!.. «Тридцать семь и восемь!»! Опять я завтра в турнире не буду участвовать... (*Хнычет.*)

Люба. Подумаешь, горе большое!

Андрюша. Тебе хорошо говорить, ты здоровая! Даже насморка нет! А я должен лежать в кровати и чихать...

Люба. Ты ведь болен.

Андрюша. Это ты наколдовала, чтобы я заболел! Все мне наговаривала: «Заболешь, заболешь, если будешь снег есть!» Вот я и свалился.

Люба. Не нужно было снег есть.

Андрюша. Я же его с сахаром ел. Получалось мороженое. А разве мороженое нельзя есть? (*Помолчав.*) Давай сыграем в шахматы?

Люба. Я в шахматах ничего не понимаю.

Андрюша. Конечно, тут надо думать. Это тебе не в «подкидного дурака» играть! А я карты вообще не признаю. Шахматы — вот это настоящая игра!

Входят Клава и Толя. В руках у Толи книга.

Клава. Здравствуй, Люба! Здравствуй, Андрюша!

Андрюша (*мрачно*). Здравствуйте. Чего вы пришли?

Клава (*грустно*). Мы узнали, что ты болен, и пришли тебя проведать и развлечь...

Толя. Только мы не будем близко подходить, чтобы чем-нибудь не заразиться.

Люба. У Андрюши болезнь не заразная. Он просто простудился.

Толя (*протягивая Андрюше книжку*). Я тебе книжку принес. Специально для детей написано.

Андрюша (*рассматривая книжку*). Это для дошколь-

ников. Я такие не читаю. И потом, я вообще не люблю, когда книжки тоненькие. Я толстые люблю.
(*Возвращает книгу.*)

Люба. Ребята, расскажите что-нибудь веселое и интересное.

Клава (*помолчав*). У меня сегодня с утра ужасно грустное настроение.

Андрюша. Двойку схватила?

Толя. Нет, это она вчера, а сегодня она видела плохой сон.

Клава. Да, очень печальный сон.

Люба. Опять печальный? Тебе всегда снятся всякие глупости!

Андрюша. Ну, что же тебе во сне показывали?

Клава (*грустно*). Мышей. Много-много мышей... Почти крыс.

Андрюша. Ну и что?

Клава. Наша соседка сказала, что это дурной сон.

Андрюша. Ты бы еще на бабушкиных картах погадала!

Толя. Клава сегодня совсем раскисла.

Андрюша. Это потому, что она каким спортом не занимается — ни коньками, ни лыжами...

Клава (*грустно*). У меня такое предчувствие, что что-то должно случиться.

Андрюша. Уже случилось: я завтра не иду в Дом пионеров.

Толя. А что там завтра?

Андрюша. Встреча с гроссмейстером Смысловым. А потом открытие шахматного турнира.

Клава. Как это ужасно, что ты заболел! Мне тебя очень жаль.

Люба. Клава, перестань!

Клава (*Андрюше*). Как ты себя чувствуешь? По-моему, тебе стало хуже. Какой ты красный!

Люба. Клава, перестань...

Толя. Может быть, у него воспаление легких? Или корь. Или свинка...

Андрюша (*Толе*). Ты сам свинка!

Толя (*Клаве*). Мы можем заразиться! (*Отодвигается от Андрюши.*)

Клава. Надо вызвать профессора или «скорую помощь».

Андрюша. Здесь без вас докторов хватает!

Люба. Удивительно, Клава, как ты на всех тоску наводишь!

К л а в а (*обиженно*). Я могу уйти.

Т о л я. Я тоже. Мне уже начинает нездоровиться. Ой, кажется глотать больно! (*Глощает, прислушивается.*)
Уже немножко больно. Пойдем, Клава.

Оба уходят. Входит мама.

М а м а (*Андрюше*). Собери-ка шахматы, накройся одеялом и постарайся заснуть.

Андрюша собирает шахматы. Люба помогает ему.

А н д р ю ш а. А где белый король и черная королева?
(*Ищет в кровати.*)

Л ю б а. Двух офицеров тоже не хватает — черного и белого.

М а м а. Наверно, под кровать закатились.

Л ю б а (*заглядывает под кровать*). Под кроватью нет.

М а м а. Ну хорошо. Никуда не пропадут, найдутся.
Вот, выпей-ка!

А н д р ю ш а (*с отвращением*). Что это?

М а м а. Не бойся, не бойся, не отравлю. (*Улыбается.*)

А н д р ю ш а (*хнычет*). Мам, не хочу, не буду пить!

Л ю б а. Выпей и запей томатным соком.

А н д р ю ш а (*хнычет*). Да-а-а... томатным соком... (*С отвращением пьет лекарство. Пьет сок.*) Замучили вы меня совсем! Уложили здорового человека в постель, назвали докторов, напоили какой-то гадостью и теперь даже подышать спокойно не дают!

М а м а. Накройся потеплее и постарайся заснуть.

Л ю б а. Завтра ты будешь уже совсем здоров!

А н д р ю ш а. Ладно уж, постараюсь... (*Зевает, поворачивается на левый бок.*)

Л ю б а (*маме*). Жаль все-таки, что он заболел. Ему так хотелось пойти завтра на шахматный турнир!

М а м а. У него и без турнира в голове бог знает что творится: все стихи какие-то сочиняет, целый день в шахматных задачах разбирается. Пойдем-ка, друг, отсюда, а я свет погашу. (*Гасит свет и уходит с Любой.*)

Пауза. Тишина. Затем начинает звучать тихая, минорная музыка. В углу сцены, освещенной мягким светом, появляются сказочные фигуры: Унылио, Патисонс, Кривелло и Двулице.

Д в у л и ч е.

Мы здесь одни?

Патисоне.

Мы все как будто в сборе?

Кривелло.

Тут все свои, здесь посторонних нет.

Унылио.

Друзья мои! В отчаянье и горе

Я пригласил сюда вас на совет.

Мой бедный сын Чихалья тяжело болен,

Он столько лет с постели не встает...

(Плачет.)

Андрюша *(садится в кровати)*. Шахматы?! Карты?!

Протирает глаза, встает с кровати, делает несколько шагов.
Сказочные фигуры окружают Андрюшу.

Темнота.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Сказочная страна Игр. Один из покоев шахматного дворца. Звучит грустная музыка. Сцена пуста. На диване лежит портфель. Голос за сценой: «Где мой портфель, где мой портфель?» Появляются Патисоне и две служанки: 1-я и 2-я белые пешки.

Патисоне *(взволнованно)*. Где портфель? *(Жалобно.)*

Где мой маленький старенький портфельчик? Где же я его оставил?

1-я пешка. Вот он, ваша шахматная светлость, на диване.

Патисоне. Давайте его скорей сюда! *(Хватает портфель, вынимает из него толстую книгу и нервно листает страницы.)* Заболел... заболел... Вот: околел... окривел... ел... ел... мел... Вот эта рифма, кажется, подходящая! *(Убегает с книгой и портфелем.)*

2-я пешка. У короля опять застряла рифма в горле. С тех пор как принц Чихалья заболел, это с ним случается все чаще и чаще.

1-я пешка. Когда же наконец вылечат принца?

2-я пешка. Лучше спроси, когда его вконец залечат. Королевская гостиница переполнена приезжими лекарями. Мимо дворца невозможно пройти, так про-

тивно пахнет всякими лекарствами. Воздух отравлен запахом микстур и мазей...

1-я пешка. А слух — этой противной унылой музыкой!

2-я пешка. И когда только все это кончится? Помнишь, какими прекрасными духами душились наши дамы? А теперь от них пахнет нашатырным спиртом и нафталином!

1-я пешка. Столько лет не сметь смеяться и шутить, плясать и веселиться! Мне кажется, я сойду с ума от тоски. А ведь когда-то я была такой веселой пешкой!

2-я пешка. Как было светло и весело во дворце! Во всех вазах стояли живые цветы. А теперь стоят только бумажные.

1-я пешка. С утра до вечера гремели духовые оркестры. Помнишь, как красиво били барабаны! А теперь разрешено играть только флейтам и скрипкам.

2-я пешка. Это ужасно!

1-я пешка. Мне так хочется потанцевать! *(Неуверенно делает несколько па, напевая про себя какой-то веселый мотив.)*

2-я пешка. Ты знаешь, что тебе будет за это?

1-я пешка *(танцует и напевая)*. Мне все равно, мне все равно!

2-я пешка. Прекрати сейчас же! Ты погубишь себя! Перестань танцевать! Я умоляю тебя! Умоляю!

Появляется Кривелло.

1-я пешка *(продолжая напевать и танцевать)*. Мне все равно, мне все равно, мне все равно... Не танцевала я давно! *(Замечает Кривелло и в ужасе застывает.)*

Кривелло медленно подходит к ней. 1-я пешка отступает.

Кривелло *(зловещим голосом)*. Чудесно! Превосходно! В то время, когда король плачет от горя, а наследный принц борется со своим недугом, когда все повергнуто в печаль, в королевских покоях слуги осмеливаются петь и танцевать. Ты, низкая пешка, как посмела ты танцевать, несчастная пешка! Как ты посмела напевать, негодная пешка?!

1-я пешка *(становится на колени)*. Не губите меня!

Кривелло. Прочь с глаз моих!

Служанки убегают. Появляется Двulichе.

Двуличе (*тихо*). Как здоровье принца?

Кривелло. Пока без изменений.

Двуличе. Я устала ждать. Когда же это кончится?

Кривелло. Я делаю все возможное. Принц Чихалья тает на глазах.

Двуличе (*раздраженно*). Десять лет, десять долгих лет я жду, пока вы уморите наследника!

Кривелло. Вы ждали десять лет, подождите еще немного.

Двуличе (*раздраженно*). Сколько? Сколько времени прикажете еще ждать? Неделю? Месяц? Год? Два? Три? Четыре? Пять? Шесть? Семь? Сколько?

Кривелло. Профессор черной магии, которого я вызвал к принцу из соседней Крапленой Колоды, прописал ему сегодня такие лекарства и такой режим, что он вряд ли протянет более месяца.

Двуличе. Я обещала вам портфель первого министра при моем дворе. Вы не стоите этого!

Кривелло. Немного терпенья — и ваша заветная мечта сбудется. Я сам жду не дождусь того часа, когда смогу наконец назвать вас своей королевой.

Двуличе. Молчите! Нас могут услышать! Сегодня ночью я опять плохо спала. Меня мучили дурные сновидения.

Кривелло. Не волнуйтесь, очаровательная Двуличе, в самом недалеком будущем вы, прекрасная дама трэф, поставите на колени всю шахматную партию! О, эти шахматы! Как я их ненавижу!

Двуличе. Не следует, однако, забывать, что король Унылио еще весьма бодрый старик.

Кривелло. Король не переживет безвременной кончины любимого сына и быстро последует за ним.

Двуличе. Тс-с-с!.. Сюда идут... Мы с вами не встречались... (*Убегает.*)

За сценой слышны рыдания и всхлипывания.

Патисоне (*за сценой*):

Зачем рыдать, зачем стонать?

Слезами принца не поднять...

Появляются Унылио и Патисоне.

Унылио (*в отчаянии*).

Что делать нам? Как нам его спасти?

Как вылечить? Чем облегчить страдания?

Он похудел, он перестал расти,
О слабое, несчастное создание!
Мой милый сын! О, как ты тяжело болен!
Ты десять лет с постели не встаешь,
Грустишь, тоскуешь, жизнью недоволен.
Так плохо спишь, так мало ешь и пьешь!
Тебе не помогают процедуры,
Настойки из целебных корешков,
Напрасно выпил ты сто два ведра микстуры
И проглотил сто тысяч порошков.

Появляется Двумиче. Она манерно раскланивается с Кривелло и Патисоне. Королю делает глубокий поклон.

Двумиче.

Бедняжка принц! Он тает с каждым днем!

Я дни и ночи думаю о нем...

Унылио (*Кривелло*).

Я слышал — был консилиум с утра,

Что нового сказали доктора?

Кривелло.

Всезнающий профессор — медик Пат...

Патисоне.

Он, кажется, гомеопат?

Унылио.

Вы можете, Кривелло, продолжать!

Кривелло (*продолжает*).

Больному прописал не двигаясь лежать.

Лежать в тепле от грелок и свечей,

Но только не от солнечных лучей!

Должны висеть портьеры на окне,

Он должен слушать только о войне

Рассказы, о несчастьях, о беде,

Об ужасах, о Синей Бороде.

Он должен плакать! Плакать день и ночь!

Двумиче.

Такой режим не может не помочь!

Патисоне.

Да он и так почти все время плачет,

И я хотел бы знать, что это значит?

Кривелло.

Чем больше слез, тем больше облегченья.

В слезах и заключается лечение,

Принц должен выплакать наружу все бактерии,

И лишь тогда к нему вернутся силы.

Патисоне.

Как плачет принц, мы видим десять лет,
А облегченья что-то нет!

Унылио.

Любезный Патисоне, ваше мнение?

Не следует ли изменить лечение?

Вы что-то собирались предложить?

Вы что-то нам хотели...

(Беспомощно глотает воздух, не может кончить фразу.)

Патисоне *(быстро вынимает из портфеля книгу и начинает искать рифму)*.

Предложить... Предложить...

Вот: окружить... Положить... Освежить...

Унылио отрицательно качает головой.

Жить... дружить... пить... быть... Не быть...

Доложить... Доложить...

Унылио *(облегченно подхватывает)*.

Вы что-то собирались доложить!

Патисоне.

Мне кажется, среди лечений всех

Отсутствует одно: здоровый смех!

Когда-то принц был весел и здоров,

Он мог, как все, шутить и веселиться.

И нам не нужно было докторов

Выписывать ему из-за границы.

Я видел, как смеялся принц во сне.

Проснувшись утром, он заплакал снова,

И, весь в слезах, он сам признался мне,

Он мне сказал: «Как хочется смешного!»

Я утверждаю: принцу нужен смех!

И мой рецепт испробовать не грех.

Унылио.

Я так устал, что я на все согласен!

Двулице *(переглянувшись с Кривелло)*.

Не будет ли для принца смех опасен?

Кривелло.

Он вызовет икоту, и тогда

Возможна всякая беда.

Патисоне.

С тех пор как существует свет,

От смеха не случалось бед.

Унылио.

О чем вы спорите? Довольно пререканий!
Вы мне верны, и цель у нас одна!
Здоровый сын — венец моих желаний!
Я слаб и стар, замена мне нужна.
Кому доверю я вступить в права наследства?
Сейчас готов я на любое средство!
Пусть будет совесть у меня чиста.
Где шут Гороховый? Позвать сюда Шута!

Патисоне звонит в колокольчик. Входит 2-я пешка.

Патисоне.

Позвать сюда Шута!

2-я пешка уходит.

Двулице.

Смех все же вреден. Надобно признаться,
Мне больно даже улыбаться...

Входит грустный Шут.

Унылио.

Встань, старый Шут, передо мною!
Как раньше, честно послужи
И выкинь что-нибудь смешное —
Свое искусство покажи!

Грустный Шут мучительно соображает, гримаса перекашивает его лицо, и он показывает королю, а затем и всем окружающим указательный палец. Никто не смеется.

Патисоне. Нет, это не смешно. Ни капельки не смешно.
Даже улыбаться не хочется! А ну покажи еще раз.

Шут повторяет свою глупую шутку.

Унылио.

А чем еще ты мог бы удивить?

Шут.

За десять лет я все успел забыть!

(Вдруг поет.)

Жил-был валет червовой масти,
Веселый карточный валет,
И вдруг случилось с ним несчастье —
Он заболел на много лет,
Давно бы кончились мученья
И встал бы на ноги больной,

Но кто-то портил все лечение,
И кто-то был сему вино-ой!
(Заплакал.)

Король и Патисоне, всхлипывая, достают платки. За сценой шум, голоса, взрыв смеха.

Унылио (*плачет*).

Что там за шум? Что там могло случиться?
Кто нам мешает веселиться?

Патисоне.

Я слышал смех! Я слышал громкий смех!

Кривелло яростно звонит в колокольчик. Входит 2-я пешка.

Кривелло.

Что там за шум? Узнайте, что за хохот.

2-я пешка уходит. Входит начальник стражи.

Ответьте королю тотчас,
Что там произошло у вас?

Начальник стражи (*сдерживая смех*).

Какая-то фигура странной масти,
Не признавая королевской власти,
Смешит толпу, и я боюсь,
Что сам я тоже рассмеюсь.

Прилипчив смех. Три шахматных квартала
Хохочут так, как некогда бывало!

Унылио.

Час от часу не легче! Вот беда!
Схватить фигуру! Привести сюда!

Начальник стражи уходит.

Кривелло (*Шуту, тихо*). В твоих куплетах слышался намек. Ты пел про карточного валета, а намекал на шахматного офицера? Опасная шутка! Ступай отсюда! Жди меня в приемной!

Шут уходит. За сценой раздается веселый голос Андрюши: «В этой речке утром рано утонули два барана!..» Слышен взрыв смеха. Голос Андрюши: «Сорок пятого размера покупал он сапоги!» Слышен новый взрыв смеха.

Патисоне. От хохота трясутся стены!

Двуличе (*Патисоне*). Как могла посторонняя фигура проникнуть к нам? Странно, очень странно!

Стража вводит Андрюшу.

Унылио.

Кто ты такой? Как ты сюда проник?

Как смел ты рассмешить три шахматных квартала?

Андрюша (*с лобопытством разглядывая фигуры*).

Я самый обыкновенный советский мальчик, ученик пятого класса «Б» сто семнадцатой московской школы. А вас я знаю: вы шахматный король! Мы с Любой искали вас. Куда вы пропали? Мы думали, что вы завалились за кровать...

Унылио (*раздраженно*).

Кто ты такой? Как ты сюда проник?

Как смел ты рассмешить три шахматных квартала?

Андрюша (*Патисоне*). Я же сказал, кто я такой.

Неужели непонятно?

Патисоне. Его шахматное величество король Унылио

Седьмой вас не понимает. Как вы попали сюда?

Как вас зовут?

Андрюша. Меня зовут Андрюша Попов. Я был болен.

Я немножко простудился. Потом у меня был доктор.

Потом мама дала мне что-то выпить, что-то очень

невкусное — кисло-горькое, а потом я заснул и уви-

дел вас. Вы стояли вчетвером. (*Показывает.*) Вы...

вы... и вы тоже. Наверно, это был сон. А потом я

сразу попал в какое-то скучное место. В какой-то

город, где все ходили как сонные мухи. Никто даже

не улыбался на улице. Мне стало скучно, и тогда

я рассказал им про двух баранов и про дядю

Степу. Все стали смеяться, а меня вдруг почему-то

схватили и притащили сюда. Вот и все. Наверно,

я сплю и вижу все это во сне. Понятно?

Патисоне. Вполне. Одну минуточку, сейчас я поста-

раюсь перевести вашу речь королю.

Унылио (*в нетерпенье*).

Кто он такой? Как он сюда проник?

(*Топает ногой.*)

Патисоне.

Он человек. Он мальчик, ученик...

Андрюша (*подсказывает*). ...сто семнадцатой москов-

ской школы, Андрюша Попов.

Патисоне (*отмахиваясь от Андрюши*). Знаю, знаю...

(*Королю.*)

Был болен он. Заснув, увидел сон.

Во сне попал к нам в королевство он.

Печальные увидев всюду лица,

Он захотел повеселиться.
Мне кажется, что знает он едва ли
О нашем горе и печали...

Унылио.

Раз чужеземец рассмешил народ,
Быть может, он и сына мне спасет?..

Патисоне.

Нам принца возвратит, а вам — родного сына!

Кривелло.

Я знаю, будет против медицина!

Двулице.

Как можно допускать к больному шарлатана?
По меньшей мере это странно.
Принц нездоров, серьезно нездоров.

Кривелло.

Консилиум придворных докторов...

Унылио.

Я слышать не хочу о медиках придворных,
Их знания не стоят ничего!

Я болен сам от их советов вздорных!

Вот кто спасет Чихалью моего!

(Показывает на Андриюшу.)

Я буду у себя в опочивальне,

С известием пришлите мне гонца.

О, тяжкий рок! Нет ничего печальней

Седого, одинокого отца!

(Уходит с плачем.)

Кривелло *(Патисоне)*. Зачем вы терзаете короля? Зачем вы сбиваете его своими глупыми советами? Кого вы хотите вести к принцу? Кого? Вы его проверили?

Двулице *(возмущаясь)*. Хватают на улице первого встречного-поперечного и поручают ему лечить наследника!

Андриюша. Тихо, тихо! Что значит — первый встречный-поперечный? Я пионер! А лечить я все равно никого не буду! Я не доктор!

Патисоне *(Андриюше)*. Тебя просил сам король. Идем со мной.

Андриюша. Я королям не подчиняюсь!

Кривелло *(кричит на Андриюшу)*. Вон отсюда!

Андриюша. Куда вы меня тянете? Куда вы меня гоните?

Патисоне. Идем, идем со мной!

Андрюша (*вырывает руку*). Никуда я за вами не пойду.

Кривелло (*кричит*). Сейчас же выкиньте его за ворота!
Двуличе (*кричит*). Уберите его отсюда!

Андрюша. Попробуйте только! Ишь какие!

Кривелло (*Патисоне*). Я приказываю вам...

Патисоне. Не смейте мне приказывать! Не забывайте, что вы пока еще только валет без портфеля! (*Роняет портфель.*)

Андрюша быстро поднимает его.

Андрюша. Вы уронили портфель.

Патисоне (*быстро*). Спасибо! (*Кривелло.*) Вы этого портфеля не увидите как своих ушей! (*Потрясает портфелем.*)

Кривелло. А вы не зря за него так держитесь! Вы уронили его — это плохая примета.

Патисоне. Я шахматный офицер, я не суеверный.

Кривелло. Вы слишком глупы, чтобы во что-нибудь верить.

Патисоне. А вы... а вы... а вы...

Андрюша (*подсказывает*). ...подкидной дурак!..

Патисоне. Верно подмечено! Ха-ха-ха! Подкидной дурак!

Андрюша. Вобла! Таранка!

Патисоне. Правильно! Баранка! С дырочкой! Бублик вареный!

(*Уходя, тянет Андрюшу за собой.*)

Двуличе (*Кривелло*). К лицу ли вам, валету пик, связываться с шахматным офицером? Неужели вы не могли сдержаться? Ну, что же вы теперь молчите? Чего вы ждете? Принц начнет смеяться, нас всех поднимут на смех, и все наши планы рухнут. Принц поправится и сядет на трон. А я на что сяду? Я вас спрашиваю, на что я сяду?

Кривелло. Еще не все потеряно.

Двуличе. Думайте! Изобретайте!

Кривелло. Думаю. Изобретаю.

Двуличе. Находите выход из положения!

Кривелло. Нашел! Придумал!

Двуличе. Что? Что вы там придумали?

Кривелло. У меня есть родная двоюродная тетка. Настоящая ведьма. На днях ей исполнилось двести целых и пять десятых лет. Ее мать была известная

колдунья, бабка тоже. Вообще все в роду у них были колдуны, лешие и домовые. Они передали ей по наследству волшебный кисет с табаком. Прекрасные люди. Она нам поможет. Ее зовут Каргана.

Двулице. Каргана? Дама пик?

Кривелло. Да, она!

Двулице. Вызывайте ее! Скорее! Срочно!

Кривелло. Сегодня в полночь я свяжусь с ней по прямому проводу. Не волнуйтесь! И вообще еще неизвестно, кто возьмет верх — шахматы или карты.

Двулице. Смех или слезы!

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

Перед занавесом появляются Шут и Кривелло. Кривелло протягивает Шуту несколько тонких папок с цветными обложками.

Кривелло. Вот тебе рассказы для принца Чихальи. Будешь читать их ему вслух, с толком, с чувством, с расстановкой.

Шут. Он будет плакать.

Кривелло. Чем больше слез, тем больше облегченья. В слезах и заключается лечение... Береги их как зеницу ока. Единственный экземпляр! (*Уходит.*)

Шут. Я больше не могу! Кривелло сочиняет для принца такие страшные рассказы, что даже у меня на голове волосы дыбом становятся. (*Снимает колпак и вытирает платком лысину.*) Одна рассказка страшнее другой. И я должен их рассказывать! Какое мученье! (*Читает про себя.*) Ой, как страшно! Ой, опять про утопленника!.. Подумать только, я прочел их принцу уже сто десять штук! Да, это сто одиннадцатая... Я скоро сойду с ума! Как мне найти работу по специальности? Я ведь был когда-то хорошим, веселым шутком. От моих шуток все катались по полу со смеху. А теперь что со мной стало? Я сам стал таким нервным, таким неостроумным, таким грустным... Я сам себя не узнаю! (*Читает про себя. Нервно подергивается.*) Это кошмар какой-то, а не сочинение для больного ребенка. (*Уходит.*)

Появляются Патисоне и Андрюша.

А н д р ю ш а. Мне очень не понравился этот ваш начальник.

П а т и с о н е. Какой начальник?

А н д р ю ш а. Ну этот, который на нас кричал.

П а т и с о н е. Ах, Кривелло? Он пока не начальник. Он подлый интриган и отвратительная личность.

А н д р ю ш а. Очень противный. Очень.

П а т и с о н е. Типичный представитель карточной колоды. Все они только и думают, как бы кого получше обмануть, одурачить и раздеть до нитки.

А н д р ю ш а. И эта дама мне тоже очень не нравится. Ее зовут Двуличе?

П а т и с о н е. О, это коварная змея!

А н д р ю ш а. А почему вы их не выгоните?

П а т и с о н е. Не можем. Они разрешены. Шахматам, правда, отдается предпочтение, но карты тоже имеют хождение. Вот мы и мучаемся. Все время приходится быть настороже, того гляди, эти дамы и валеты подстроят тебе какую-нибудь ловушку!

А н д р ю ш а. Я в карты не играю. Я шахматист.

П а т и с о н е. Я это сразу понял. Вы думающая личность. Вы за кого болеете?

А н д р ю ш а. Я — за Ботвинника. А что?

П а т и с о н е. Нет, я просто так. Между прочим, Тайманов тоже фигура. Мы это на себе почувствовали. Во время последнего международного турнира.

А н д р ю ш а. А почему у вас во дворце разговаривают стихами?

П а т и с о н е. Его шахматное величество король Уньлило Седьмой не понимает грубой прозы. Сам он говорит только стихами, и обращаться к нему можно только в стихах. Таково королевское воспитание. А между собой мы разговариваем нормально.

А н д р ю ш а. Это же страшно неудобно — говорить все время в рифму!

П а т и с о н е. Ничего не поделаешь — положение обязывает.

А н д р ю ш а. А если король вдруг рифму потеряет?

П а т и с о н е. О, это может кончиться очень печально!

А н д р ю ш а. Уже были такие случаи?

П а т и с о н е. Много лет тому назад король Уньлило Второй, прапрапрадедушка нашего короля, решил объявить войну всем азартным играм и в первую очередь уничтожить карточную колоду. Этот номер у

него не прошел, так как в самый решительный момент, когда он обращался с воззванием к своим пешкам, у него застряла рифма на слове «железо». С тех пор во избежание повторения подобных случаев специальным королевским указом введен «Справочник всех возможных и невозможных королевских рифм». Например: кошка, блошка, ложка, крошка, мелкая сошка... Или: ушел, пришел, зашел, вышел, уехал, приехал, заехал, выехал. Или: бабушка — прабабушка, дедушка — прадедушка, пятнадцать — семнадцать, пятью пять — двадцать пять, шестью шесть — тридцать шесть, шестью восемь... И так далее и тому подобное. Министр с портфелем обязан носить этот справочник на всякий пожарный случай всегда при себе, в своем портфеле. Где мой портфель? Он был у меня под мышкой!..

А н д р ю ш а. Вы его где-нибудь забыли.

П а т и с о н е (*вспоминает*). Когда мы выходили из тронного зала, он был у меня в левой руке. Мы поднялись по атласной лестнице, я держал его в правой руке. Куда мы еще заходили?

А н д р ю ш а. Мы заходили... (*Шепчет что-то на ухо Патисоне.*)

П а т и с о н е. Вспомнил! Там я и оставил его висеть на гвоздике! Вы знаете, какой я рассеянный? У меня лежит в кармане письмо, которое я две недели не могу отправить!

А н д р ю ш а. Кому?

П а т и с о н е. Моему родному дяде, волшебнику и магу Универу. Пресимпатичный старик! Если кому-нибудь что-нибудь нужно, он из-под земли достанет. Знаете что? Запишите-ка его адрес. Он вам может пригодиться. (*Диктует.*) «Северный горно-лесной район. Гора Каро-Канн. Королевская обсерватория. Старший научный сотрудник Универ». Записали?

А н д р ю ш а. Записал.

П а т и с о н е. Мало ли что в жизни может случиться. (*Уходит.*)

А н д р ю ш а (*один*). Смешное имя — Универ! Маг Универ... Универ-маг... Универмаг! (*Смеется.*)

Темнота.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Полумрак. Грустная музыка за сценой. Под балдахином кровать принца Чихальи. Освещенный двумя большими синими лампами, полулежит в подушках Чихалья. Рядом — столик с лекарствами. Окно занавешено тяжелыми шторами. На полу возле кровати сидит Шут и читает принцу сто одиннадцатую расказку Кривелло. Принц плачет. Все это видит Андрюша, оставаясь незамеченным.

Шут (*читает*).

Чудовища вида ужасного
Схватили ребенка несчастного
И стали безжалостно бить его,
И стали душить и топить его,
В болото толкать комариное,
На кучу сажать муравьиную,
Травить его злыми собаками...

Андрюша (*подсказывает из темноты*).

Кормить его тухлыми раками...

Шут вздрагивает, прерывает чтение, прислушивается.

Шут (*в сторону*). Кажется, уже начинает мерещиться!
(*Придвигается ближе к кровати. Продолжает читать.*)

Тут ночь опустилась холодная,
Завыли шакалы голодные,
И крыльями совы захлопали,
И волки ногами затопали,
И жабы в болоте заквакали...

Андрюша (*подсказывает из темноты*).

И глупые дети заплакали...

Шут опять вздрагивает, прислушивается. Чихалья поднимает голову. Он перестал плакать, тоже прислушивается.

Шут (*про себя*). Я слышал чей-то голос! (*Робко.*)
Эй, кто там?

Тишина.

Попробуем почитать дальше. (*Читает.*)

Взмолился тут мальчик задушенный,
Собаками злыми укушенный,
Запуганный страшными масками...

Андрюша (*подсказывает из темноты*).

И глупыми детскими сказками.

Чихалья вопросительно смотрит на Шута. Шут пожимает плечами, прислушивается. Тишина.

Шут (*продолжает читать*).

Помилуй меня, о Чудовище!
(*Прислушивается.*)

Тишина.

Скажу я тебе, где сокровище.
Зарыто наследство старушкино
Под камнем...

Андрюша (*подсказывает из темноты*).

...на площади Пушкина!

Шут встает и осторожно оглядывает комнату. Останавливается.

Шут (*робко*). Кто кричит из темноты?

Андрюша (*тихо, как эхо*). Ты!

Шут. Кто тут слушает меня?

Андрюша (*так же*). Я!

Шут. Это эхо. Теперь мне все понятно. (*Возвращается на свое место.*)

Андрюша выходит из темноты и подходит к постели принца.
Шут замирает от страха.

Андрюша. Ловко я вас разыграл! Не бойтесь! Здравствуйте! Что у вас тут — затемнение?

Шут. А что?

Андрюша. Почему синий свет горит?

Шут. А-а-а!

Андрюша (*протягивает руку принцу*). Андрюша Попов. (*Хочет пожать ему руку.*)

Чихалья (*не поднимая руки*).

Я слаб. Руки мне не поднять.

Как вы не можете понять?

Андрюша. Ну, не хотите — не надо. А что с вами?

Чем вы больны?

Чихалья (*слабым голосом*).

Я десять лет лежу больной,

Врачи хлопочут надо мной.

Никто не может мне помочь.

Я пью лекарства день и ночь.

В себя я всыпал семь мешков

Невкусных, горьких порошков.

Хинин, салол и аспирин,

И сульфазол, и сульфидин,

Касторка, кальцекс, даже йод

Попали в бедный мой живот.

А н д р ю ш а. Ой-ой-ой-ой!

Ш у т. А что?

Ч и х а л ь я *(продолжает)*.

Я встать боюсь, шагнуть боюсь

И в темноте сижу.

Я не играю, не смеюсь,

Гулять не выхожу.

Мне есть дают одно драже,

Безе, суфле и бланманже,

Я стал уже похож на тень

И плачу, плачу целый день.

А н д р ю ш а *(смеется)*. Удивительно, как вы до сих пор ноги не протянули! Хорошо, что я вовремя пришел.

Давайте я вас посмотрю. *(Садится на край кровати.)*

Что у вас болит? Голова болит?

Ч и х а л ь я *(отрицательно качает головой)*. Нет!

А н д р ю ш а. Покажите язык. Вот так. *(Показывает свой язык.)*

Принц делает то же самое.

Хорошо. Язык не обложен. Теперь скажите: «А-а-а».

Ч и х а л ь я. А-а!

А н д р ю ш а. Горло в порядке. Температура у вас есть?

(Трогает лоб Чихальи.) Все ясно: вы симулянт.

Ш у т. А?: Что? Почему?

А н д р ю ш а *(Шуту)*. Симулянт. Человек, который совершенно здоров, а притворяется больным, чтобы не ходить в школу, называется симулянтом. Вам нужно немедленно встать с постели. Почему вы сидите в такой темной, душной комнате? Вас никогда не проветривают? Вот я сейчас открою окно. *(Подходит к окну и отодвигает шторы.)*

Яркий солнечный свет врывается в комнату. Чихалья закрывает лицо руками.

Ч и х а л ь я.

Не открывайте! Я боюсь!

Нельзя! Сквозняк! Я простужусь!

А н д р ю ш а. Ничего! Ничего! *(Распахивает окно.)*

Свежий ветер колышет занавеску.

Ч и х а л ь я.

Апчхи! Мне вреден белый свет!

Ой, колет бок! Ой, пульса нет!

Спасите! Я умру сейчас!
Лекарство! Умоляю вас!
Скорей, чтоб не было беды —
Сто капель на стакан воды!
Быстрее, из того горшка —
Пять чайных ложек порошка!

Шут бросается исполнять приказание Чихальи. В дверях появляется П а т и с о н е. Он в изумлении останавливается и не может произнести ни слова. Андрюша хватает с тумбочки большую склянку.

А н д р ю ш а. Нет уж, никаких лекарств!

Ч и х а л ь я (*тянется к склянке*).

Здоровье бедное мое!

О, драгоценное питье!

А н д р ю ш а. Нет уж, будет по-моему! (*Выбрасывает склянку за окно*.)

П а т и с о н е (*всплеснув руками*). Может быть, я еще поймаю ее, пока она не долетела до земли! (*Выбегает*.)

Ш у т (*в ужасе начинает читать вслух рассказку*).

Схватили тут мальчика бедного,

От страха и ужаса бледного,

От страшных мучений дрожащего,

Три дня бездыханно лежащего

В стоячей болотной воде...

А н д р ю ш а. Что это?

Ш у т. А что?

А н д р ю ш а. Вот я и спрашиваю: что?

Ш у т. А что — «что»?

А н д р ю ш а (*Шуту*). Что вы читаете? Что это такое?

Ш у т (*протягивает Андрюше лист бумаги*). Это сто одиннадцатая рассказка. Их сочиняет Кривелло, чтобы принц скорей поправился. Меня заставляют, я и читаю. Я сам боюсь.

А н д р ю ш а. Принц здоров! Здоровому человеку нужен смех! Смех, а не слезы! Чихалья, вы слышали? Они над вами издеваются, они заставляют вас плакать! Вот! Вот! Вот! (*Рвет рассказку на четыре части*.)

Ш у т (*стоит*). Что вы сделали? Что вы сделали? Это же единственный экземпляр! Теперь мне попадет!

А н д р ю ш а. Я с этой Кривеллой сам поговорю. (*Чихалье*.) Вы еще не встали? Вставайте, вставайте!

Если хотите быть здоровым, слушайте меня. Вы умеете делать зарядку?

Чихалья.

Зарядка? Как это понять?

Что заряжать? Куда стрелять?

Андрюша. Стреляют на войне и на охоте. А зарядка — это совсем другое. Я вам сейчас покажу. Только давайте условимся не говорить стихами.

Чихалья.

Я не умею, не привык.

К стихам приучен мой язык.

Андрюша. А вы попробуйте. Не обязательно все время говорить в рифму.

Чихалья.

А как же нужно говорить?

Ведь я...

Андрюша (*быстро*). Стойте! Стойте! Вторую строчку не нужно! А то сейчас скажете «благодарить» или «подарить», и опять стихи получатся.

Чихалья (*неуверенно*).

Я по-ста-раюсь... Я го-тов...

Я только очень нездо...

(*Спohватившись.*) Болен!

Андрюша. Молодец! Я вас научу говорить нормально. Вы понимаете прозу. Ну, начали делать зарядку!

Чихалья в длинной рубашке вылезает из кровати и стоит пошатываясь.

(*Приготовился к зарядке.*) Эх, жалко, музыки нет! Зарядку нужно делать под музыку. (*Шуту.*) Вы умеете на чем-нибудь играть?

Шут. Во что? В футбол?

Андрюша. Я спрашиваю — не во что, а на чем.

Шут. На стадионе?

Андрюша. Да нет! Что вы! На каком-нибудь музыкальном инструменте.

Шут. А-а! Я умел когда-то играть на барабане. Но теперь барабаны у нас запрещены.

Андрюша. Вот гребень.

Шут. Мне не надо: я лысый.

Андрюша. Вот бумага. (*Поднимает с полу разорванную рассказку, дает Шуту.*) Попробуйте поиграть нам на гребешке. Вот так! (*Показывает. Передает гребень Шуту.*)

Шут (*пробует играть*). Ой! Щекотно!..

Андрюша. Веселее, веселее!.. Играйте марш!

Шут сначала неуверенно и тихо, а затем все громче и лучше играет марш.

Начнем! Встали в исходное положение. Ноги на ширине плеч. Руки на бедра! Где у вас бедра? Это не бедра, это подмышки. Отставить!

Принц задыхается, но с видимым интересом повторяет движения Андрюши. Шут играет на гребешке.

Молодец! Вот это принц! Если каждый день будете так заниматься по десять минут, а потом обтираться мокрым полотенцем, через два месяца вас никто не узнает в вашем шахматном королевстве. Устали?

Чихалья.

Я ваш совет согласен слушать,

Но я хочу ужасно ку-ку... ку...

(*Спохватившись.*) Есть!

Андрюша. Вот видите, сразу аппетит появился!

В дверях появляется Патисоне. В руках у него склянка, которую Андрюша выбросил в окно.

Патисоне (*запыхавшись*). Все-таки я поймал ее! Почти у самой земли. Еще бы одно мгновение — и склянка разлетелась бы вдребезги. Вот она! (*Протягивает принцу склянку.*)

Принц хватает ее и выбрасывает в окно. Слышен звон разбившегося стекла. Чихалья хохочет.

Андрюша. На этот раз долетела!

Шут (*выглядывая в окно*). Кривелле по голове!

Чихалья (*топает ногой*). Чаю! Кофе! Молока! Хлеба! Сыра! Пиро... пиро... (*Взглянув на Андрюшу.*) Бу-тербродов!

Патисоне (*воскликает*).

Что скажет королевский врач,

Наш строгий доктор Кукарач!

Наш принц здоров! Здоров! Здоров!

Какой удар для докторов!

(*Шуту.*) Беги скорее к королю с счастливой вестью!

Шут убегает.

(*Андрюше.*) Поздравляю! Поздравляю! Его величество король вам подарит шахматный домик с садом и огородом.

А н д р ю ш а. Что вы, что вы! Мне ничего не надо! У нас есть в деревне дача и огород. И потом, какой я медик! Я еще школу не кончил.

Чихалья стоит у открытого окна и с любопытством наблюдает за тем, что происходит на улице. За сценой слышны голоса, шум. В комнату врывается К р и в е л л о, за ним слуги, доктора. На лбу у Кривелло большая шишка.

К р и в е л л о (*кричит*).

Кто разрешил открыть окно?

Кто дал больному встать с постели?

А н д р ю ш а. Я разрешил.

К р и в е л л о. Да как вы смели?

А н д р ю ш а. Наш принц совсем здоров. Зачем же ему лежать в кровати? Десять лет провалялся — довольно.

К р и в е л л о (*тянет от окна Чихалью*).

Извольте лечь в постель!

Смертельно вы больны!

Вы губите себя!

Вы как мертвец бледны!

Ч и х а л ь я (*упирается*).

В кровать не лягу! Я здоров!

Я ненавижу док... док... док...

(*Показывает на доктора.*) Лекарей!

В дверях появляется У н ы л и о, за ним Двумиче и Шут.

У н ы л и о.

Сын мой здоров! Не верю! Это сон! (*Бросается к сыну.*)

Кто вылечил тебя? Скажи скорее!

Ч и х а л ь я (*показывает на Андрюшу*). Он!

У н ы л и о.

Чтоб вас благодарить, поверьте, мало слов!

Прошу вас извинить, забыл я ваше имя!

П а т и с о н е (*подсказывает*). Андрюша.

У н ы л и о (*с трудом выговаривает*). Анд-рю-ша!

А н д р ю ш а. Да. Попов.

У н ы л и о.

Отныне вы равны с фигурами моими!

А н д р ю ш а (*растерянно*). Зачем? Я не хочу быть фигурой! Что вы, что вы!..

У н ы л и о (*всем*).

Зовите слуг! Накройте пышный стол!

Пошлите за вином! Гонцов ко всем соседям!

Всем объявить: я счастье вновь обрел!

Патисоне (*умиленно смотрит на принца*).

Какой момент! Мне кажется, мы бредим!

Унылио.

Чтоб грустной музыки я больше не слышал!

Печалиться сегодня нет причины!

В честь своего единственного сына

Я назначаю карнавал!

Все. Карнавал?

Унылио. Карнавал!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

Патисоне сидит за столиком. Справа от него окошечко. Рядом афиша: «Сегодня и ежедневно королевские торжества. Карнавал». На столике лежит портфель. Поминутно звонит телефон.

Патисоне. У телефона Патисоне... Что?.. Да. Сегодня королевские торжества... Пожалуйста. (*Кладет трубку.*)

Вновь звонит телефон.

Патисоне слушает... Что?.. Да, вход только в масках... Не в касках, а в масках. Надо слушать! (*Кладет трубку.*) Замучился я с этим карнавалом! Все на мне! Маски — я. Турнир — я. Танцы — я. Все я! Патисоне тут, Патисоне там, Патисоне тут, Патисоне там, Патисоне, Патисоне, Патисоне, Патисоне, Патисоне-о-о-не!

Звонит телефон.

Патисоне слушает... Кого?.. Нет, Кривелло здесь нет! (*Кладет трубку.*) Если разобраться — что такое Кривелло? Пустое место! Только ходит и восхищается: «Ах, как прелестно! Ах, как замечательно! Ах, Патисоне, будьте любезны!» Он даже переменяет ко мне отношение с тех пор, как Чихалья поправился. По-моему, он меня даже стал немного побаиваться.

Звонит телефон.

Слушаю... Кто?.. А-а-а! Узнал, узнал! Так вы придете?.. Хорошо... Сколько?.. Десять мест? Хорошо. В кассе на ваше имя будет оставлено. Нет, нет, не беспокойтесь, я не забуду. До свиданья! (*Кладет трубку.*) Все хотят попасть на карнавал! Все!

Стук в окошечко. Патисоне открывает его. Шум голосов. Слышны возгласы: «У кого есть лишний билетик?», «Не лезьте без очереди!», «Пропустите, пропустите!», «Как вам не стыдно, я сама хочу попасть!», «Администрация!».

(*Обращается к кому-то за окошечком.*) В чем дело? В чем дело? Девятка! Встань за десяткой! Без очереди никого не пропустят.

В окошечке появляется Лицо.

Лицо. Почему меня не пропускают?

Патисоне. А кто вы такая?

Лицо. Я карта! всю нашу колоду пригласили к вам в гости на карнавал.

Патисоне. Какая вы карта?

Лицо. Игральная. Из атласной колоды.

Патисоне (*с раздражением*). Я вас спрашиваю, какая вы карта?

Лицо. Двойка пик!

Патисоне. Двойкам сегодня вход запрещен.

Лицо. Я через месяц буду тройкой!

Патисоне. Не просите! Мы не можем омрачать наш праздник такими отметками. Что двойка, что тройка — не велика разница! Если бы вы были четверкой или пятеркой, тогда другое дело.

Лицо. Это нехорошо, это некрасиво!

Патисоне. Ничем не могу помочь, такова воля короля. Не просите... Ну, проходите. (*Закрывает окошечко.*) Уф! Устал! Да, чуть было не забыл! (*Снимает трубку телефона.*) Алло! Станция-подстанция! Е-два, Е-четыре! Алло! Откуда говорят?.. Проходные ворота?.. Это Патисоне. Как у вас там идут дела? Пропускаете гостей? Карты все пришли?.. Туза не хватает? Какого?.. Понятно. Следите за двойками и тройками!.. Пролезают? Задерживайте и отправляйте обратно. Да, придет партия домино, рассыпьте ее всю целиком по Северной трибуне. Выполняйте! (*Кладет трубку. Вздыхает.*)

Появляется Кривелло.

Кривелло. Любезнейший Патисоне, что с вами?

Патисоне. А что такое?

Кривелло. На вас лица нет!

Патисоне (*рассеянно*). Чего нет? (*Осматривает себя.*)
А где же оно? (*Догадавшись.*) А-а-а! Да-да... Я очень устал! Третью ночь не сплю, совсем закрутился с этими торжествами.

Кривелло. Я ходил по парку и удивлялся. Неужели это вы все придумали?

Патисоне (*гордо*). А то кто же?

Кривелло. Двумиче просила меня передать вам ее восхищение. Толпы народа стремятся попасть на карнавал.

Патисоне (*озадаченно*). Надо еще раз предупредить стражу, чтобы усилили надзор за гостями.

Кривелло. Почему? Что случилось?

Патисоне. Вы ничего не знаете?

Кривелло. Нет.

Патисоне. Король получил анонимное письмо, в котором его предупреждают о том, что недалеко от дворца видели даму пик, колдунью Каргану. Как бы эта ведьма не испортила нам весь праздник.

Кривелло (*деланно смеется*). Ха-ха! Ерунда! Откуда ей взяться? Она же умерла сто лет тому назад.

Патисоне. Вот вам и «ха-ха»! А потом с меня спросят! Пойду проверю.

Звонок телефона.

Кривелло. Нет. Патисоне вышел. (*Кладет трубку.*)

Патисоне. Я еще не вышел. Да! Где мой портфель? (*Хватает портфель.*) Чуть-чуть не забыл. (*Убегает.*)

Звонок телефона.

Кривелло (*ему вслед, зло*). Скоро ты о нем совсем забудешь! (*Снимает трубку.*) Кривелло слушает... Кто?.. Моя принцесса? Да, это я... Патисоне вышел по своим дурацким делам. Не теряйте ни одной минуты. Пока я здесь, я пропущу вас через служебный ход... Не беспокойтесь, в этом костюме ее никто не узнает. Спешите! Я встречу вас. (*Кладет*

трубку.) Так. Хорошо. Тетя Каргана здесь. Кто ее мог видеть возле королевского дворца?

За занавесом играет веселая музыка. Появляются Двулице и неизвестная фигура в костюме молодой девушки, в маске. Кривелло встречает их. Все трое молча проходят за занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Внутренний двор королевского дворца. Бравурная музыка. Горят разноцветные фонари. По стенам — гирлянды цветов. В королевской ложе — Унылио, Чихалья и Андрюша. В ложе напротив — гости: карты всех мастей, домино. Гости в масках и карнавальных костюмах.

Унылио (*поднимается*).

Я счастлив объявить: рассеялась печаль!
Мой сын здоров. Он снова вместе с нами.
Мы открываем праздник-фестиваль
И во дворце и за его стенами!
Вот этот чудодей, по имени Андрей,
Чихалье моему вернул былую силу.
Я, по примеру многих королей,
Могу теперь спокойно лечь в могилу.

Крики «ура», музыка играет туш.

Шут (*выходя на середину двора*).

Его величества приказа в исполненье
Мы начинаем наше представленье!
И первым номером идет у нас балет.

Унылио (*наклоняясь к Андрюше*).

Поистине другого лучше нет,
Хоть я его не видел десять лет!

Начинается балет. Танец прерывается аплодисментами зрителей. Все в восторге. Раздаются возгласы: «Браво! Бис!» Кончается танец. Зрители рукоплещут. В королевской ложе появляются Кривелло и Двулице. В ложе напротив появляется Каргана. Она в маске и в костюме молодой девушки.

Андрюша (*Чихалье*). Я был однажды в театре. Там на сцене тоже так танцевали. Я даже хотел второй раз посмотреть, но поел снегу с сахаром и заболел.

Чихалья. Снег с сахаром? Что это такое?

Андрюша. Это снег и сахар. Простой снег и простой сахарный песок. Все перемешивается и кладется в

рот. Получается как будто мороженое. Только, говорят, это очень вредно для здоровья!

Чихалья. Я снега с сахаром хочу!

Андрюша. Это очень вредно для здоровья.

Чихалья.

Я снега с сахаром хочу!

Отец! Отец! Я не шу... шу... чу!

Появляется пешка-служанка. Она предлагает гостям леденцы.

Пешка-служанка. Король угощает! Король угощает!

Унылио.

Желанье сына для меня закон!

Дать снега с сахаром! Пусть прохладится он!

Пешка-служанка кланяется и исчезает.

(Рассматривая в бинокль гостей в ложе напротив. Кривелло.)

Приятно мне, что старые друзья

Меня за десять лет не позабыли

И все меня вниманием почтили!

А эта дама кто? Ее не знаю я!

(Показывает на Каргану.)

Кривелло *(наклоняясь к королю)*.

Она желала тайну сохранить

И не хотела, чтоб ее узнали...

Двуличье *(мило улыбаясь)*.

И мы ее не можем в том винить,

Поскольку все мы здесь на карнавале.

Унылио *(утвердительно качает головой)*.

Изящен и красив ее наряд —

Подобраны со вкусом эти краски...

Двуличье *(с иронией)*.

Обманчивы подчас бывают маски

И не всегда нам правду говорят.

Пешка-служанка приносит Чихалье большое блюдо со снегом. Чихалья жадно набрасывается на него. Предлагает Андрюше. Андрюша отказывается и даже отодвигается. Чихалья уже чихает и кашляет. Андрюша отнимает у него снег и передает его пешке-служанке. Та уносит блюдо. Появляется шут.

Шут.

Мы продолжаем наше представление!

Искусный номер всем на удивленье!

Мы все себя увидим вдруг
В чужих руках! Вот ловкость рук!

Появляется фокусник. Он показывает зрителям фокусы с картами. Номер сопровождается музыкой и вызывает бурю восторгов. Особенно непосредственно реагирует Андрюша.

Унылио (*сердито*).

Прекрасный фокусник!
Но нет нужды, признаться,
Так с королями обращаться!
Когда он короля засунул в свой карман,
Он на меня взглянул, болван!

Фокусник уходит под аплодисменты зрителей.

Шут.

Вниманью зрителей предложим мы сраженье,
Двух всадников отвагу и уменье!

Чихалья. Турнир! Турнир!

Выезжают два всадника на двух шахматных конях. Всадники делают круг, раскланиваясь со зрителями. Им аплодируют.

Отец! Отец!.. Скажи, чтоб для меня
Сейчас же вывели коня!
(*Взглянув на Андрюшу, поправляется.*)
Лошадь!

Унылио (*Кривелло*).

Желанье сына для меня закон,
Подать коня! Пускай сразится он!

Кривелло приказывает что-то слугам. Те подходят к одному из всадников, и всадник слезает со своего коня. Коня подводят к ложе. Чихалья садится на коня и нападает на второго всадника. Начинается поединок. Чихалья старается изо всех сил. Всадник падит наследника. Толпа шумно реагирует. Раздаются крики: «Правой!», «Левой!», «Бей его!», «Мимо!». Король то и дело вскакивает со своего места.

Вот это мужество! Кровь предков узнаю!
Принц выйдет победителем в бою!

Начальник стражи (*подходит к Патисоне*). Ваша шахматная светлость, колдунья Каргана здесь!

Патисоне. Черт возьми вас вместе со всеми вашими патрулями и заставами! Я ведь приказал, чтобы следили зорче! Как же она прошла?

Начальник стражи. Я... я... я... и не знаю. Я следил лично сам, но ничего не заметил. Честное слово! А как ее узнаешь? Они же все в этих... в как их...

Патисоне. В чем «в этих»? В чем «в как их»?..
Опять ты спал!

Начальник стражи. Чутьочку... Так вот я и говорю, гости же все в этих... в как их... в масках. Не могу же я всем дамам под маски заглядывать! Это же неприлично!

Патисоне.

Схватить во что бы то ни стало!

Поймать! Связать! Пытать!.. Ать!.. Двать!..

Ступай, покуда не досталось!

Начальник стражи уходит. Каргана поднимается. Снимает с лица маску, достает из кисета щепотку табаку, нюхает и чихает в сторону короля.

Каргана (*злоуще*).

Стоп! И ни с места! Я вас проклинаяю!

Воли лишаю и речи лишаю!

Будете вы, наподобие предкам,

Двигаться только по шахматным клеткам!

Все вы в ужасный цейтнот попадете

И пропадете! И пропадете!

Раз! Два! Три!

Пол превращается в шахматное поле. Унялио, Патисоне, Шут и все присутствующие застывают каждый на своей клетке. Андрюша в последний момент успевает утащить за собой Чихалью и прячется вместе с ним недалеко от королевской ложи.

Каргана (*обращается к Кривелло*). Ну, вот и все!

Кривелло. Большое вам спасибо, тетя!

Каргана. Пожалуйста! Пожалуйста! Мне это ничего не стоит. Я могу быть свободна?

Двуличе. На редкость удачно получилось!

Каргана. Ну, я исчезаю. Звоните.

Каргана исчезает.

Кривелло. Ну, любезная Двуличе, теперь у нас развязаны руки, и эти шахматы существуют для нас как обыкновенная игра. Ха-ха-ха! Не доиграть ли нам эту партию?

Двуличе. Ну что ж, я с удовольствием. Я принимаю ваше предложение.

Кривелло. Вы какими играете?

Двуличе. Белыми.

Кривелло. Ну, тогда я черными. Ваш ход.

Двуличе. Иду конем. (*Передвигает коня.*)

Кривелло. Так, так... Иду офицером... (*Передвигает Патисоне.*)

Двуличе. Защищаюсь пешкой. (*Передвигает пешку.*)

Кривелло. Шах королю!

Двуличе (*вспомнив*). А где же принц Чихалья?

Кривелло. Он должен быть здесь, на шахматном поле.

Двуличе и Кривелло кидаются на шахматное поле. Расталкивают фигуры. Ищут Чихалью.

Чихалья (*в укрытии*). Андрюша! Я боюсь, они меня найдут!

Андрюша. Надо нам с тобой отсюда убираться.

Чихалья. Куда?

Андрюша. Бежим к магу. Универмагу. К Универмагу. Он ведь родной дядя Патисоне! Он один теперь может нам помочь.

Убегают.

Занавес

ИНТЕРМЕДИЯ ТРЕТЬЯ

Перед занавесом Андрюша тащит обессиленного Чихалью.

Чихалья. Что это?

Андрюша. Не знаю. Идем! Вот тут давай передохнем. Замучился я с тобой! Куда это мы забрели? Эх, жалко, компаса нету у нас с тобой! Надо знать, куда идти. Эх, ты! Фигура!

Чихалья. Я голоден.

Андрюша. Я сам голоден...

Чихалья. Я пить хочу...

Андрюша. Я тоже хочу... Только ни есть, ни пить нечего. Ничего у нас с тобой нету. (*Оглядывается.*) Какой-то лес кругом... Хорошо, что я на деревьях пометки делал, можно хоть назад дорогу найти.

Чихалья. Назад?

Андрюша. Ты только, пожалуйста, не думай, что я испугался. Я могу и вперед идти, а вот ты-то едва ли. Сюда кое-как дотащился. Если бы не я, завяз бы ты в болоте или свалился в какую-нибудь пропасть!

Чихалья. Свалился бы! (*Плачет.*)

Андрюша. Не реви! Я ухожу!

Чихалья. Андрюша, где ты?

А н д р ю ш а. Здесь я, не реви!

Ч и х а л ь я. Я не реву. Не кричи на меня... Не бросай меня... Идем, идем...

А н д р ю ш а. Куда? Куда пойдём? На север? На юг? На восток? На запад?

Ч и х а л ь я. На восток и на запад.

А н д р ю ш а. Ты же сам не знаешь, куда нам нужно идти! Где север, где юг, где восток? Надо подумать сначала, куда нам нужно идти. *(Вынимает записную книжку.)* Северный горно-лесной район. Гора Каро-Канн. *(Смотрит на небо.)*

Ч и х а л ь я. Куда ты глядишь?

А н д р ю ш а. «Куда, куда!» На звезды.

Ч и х а л ь я. А зачем?

А н д р ю ш а. Ориентируюсь по звездам, куда нам идти...

Ч и х а л ь я. Ну что, сориентировался?

А н д р ю ш а. Да. Теперь я знаю, где север и где юг. Надо торопиться, пока не рассвело. *(Поет.)*

Кто в дружбу верит горячо,

Кто рядом чувствует плечо,

Тот никогда не упадет,

В любой беде не пропадет!

А если и споткнется вдруг,

То встать ему поможет друг.

Всегда ему поможет друг,

В беде протянет руку!

(Берет за руку Чихалью; вместе с ним уходит.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Внутренность башни замка Универа. Ночь. Универ смотрит в телескоп на звездное небо. Рядом с ним — большие конторские счеты и черная доска. На столике — завтрак: чай и бутерброды.

У н и в е р *(считает звезды)*. Двадцать семь миллионов сто пять тысяч восемнадцатая... двадцать семь миллионов сто пять тысяч девятнадцатая... двадцать семь миллионов сто пять тысяч двадцатая...

Музыка.

Двадцать семь миллионов сто пять тысяч двадцать первая...

Появляются Андрияша и Чихалья.

А н д р ю ш а. Маг Универ, можно к вам?

Универ. Кто там?

Андрюша. Это мы: Андрюша и принц Чихалья.

Универ (*сердито*). Опять меня сбили со счета, тридцать семь и восемь! Теперь опять придется все звезды считать сначала! Заниматься невозможно! Кто вы? Откуда? Что вам от меня надо? Я занят научной работой.

Андрюша. Простите, пожалуйста. Мы к вам от вашего родственника, племянника Патисоне.

Универ. Ах, от Патисоне!.. Ну, как он там? Портфель у него еще не отобрали?

Андрюша. Он его сам все время теряет. Потеряет, а потом бегаёт, ищет по всему дворцу. А Кривелло только и ждет, чтобы он его совсем потерял.

Универ. Этот Кривелло очень неприятная и отвратительная личность. А мой Патисончик...

Чихалья. Он очень добрый...

Универ. Да-да, очень добрый, славный малый, совершенно не приспособленный к дворцовой жизни.

Андрюша. Товарищ Универмаг, мы к вам пришли по очень важному и срочному делу.

Универ. Подождите минуточку, я сейчас вами займусь.

Чихалья. Андрюша, ну говори же ему, зачем мы пришли...

Андрюша. Подожди. Видишь, человек занят научной работой.

Универ. Кто же из вас принц Чихалья?

Андрюша. Конечно, не я. Мой папа — служащий, а у него — шахматный король. (*Показывает на Чихалью.*)

Чихалья. Унылио Седьмой.

Андрюша. Он типичный принц. Разве не заметно?

Универ (*Чихалье*). Ну, молодые люди, что же вам от меня нужно? Что случилось?

Андрюша. Случилась какая-то ерунда. Мы праздновали выздоровление Чихальи. Был праздник. Все было хорошо, и вдруг появилась какая-то ведьма. Она чихнула...

Универ. Чихнула?

Андрюша. И представьте себе, она всех, кроме нас, заколдовала. Превратила всех в простые шахматные фигуры и пешки.

Универ. Чихнула и заколдовала. Каргана! Ее карганный метод.

Чихалья. И моего папу тоже заколдовала.

Андрюша. Да, и его папу тоже...

Универ. Ай-яй-яй! Что вы говорите?

Андрюша. Да, да. Прямо у меня на глазах. Я даже ахнуть не успел, как они все перестали разговаривать, земля у них под ногами превратилась в шахматную доску, а Дзуличе и Кривелло стали ими играть.

Чихалья. И моим папой тоже стали играть.

Андрюша. И его папой тоже.

Универ. И моим Патисончиком тоже стали играть?

Андрюша. Да, и вашим Патисончиком тоже.

Универ. Ай-яй-яй! Что вы говорите?!

Андрюша. Вот, пожалуй, и все, что случилось. Вы один можете нам помочь.

Универ. Помочь? Помочь вам очень трудно.

Андрюша. Но у него дома сложилась такая обстановка...

Чихалья. Такая обстановка...

Универ. Помочь вам невозможно.

Андрюша. Почему?

Универ. Потому что спасти заколдованных может только волшебный помидор.

Андрюша. Какой помидор?

Чихалья. Волшебный?

Универ. Волшебный. В нем исключительно живительный сок.

Андрюша. А где же достать этот ваш волшебный помидор?

Универ. Вот в том-то и дело, молодой человек, что достать его невозможно.

Андрюша. Почему невозможно?

Универ. Потому что волшебный помидор растет в волшебном саду Карганы, на квадратном острове Флеш. Возле Живых ворот сидит голодный пес Туз. Вокруг этого острова вырыт квадратный ров, наполненный кипятком. Через него нельзя ни перешагнуть, ни перепрыгнуть.

Андрюша (*перебивает его*). И около рва на этой стороне лежат две одинаковые доски?

Универ (*удивленно*). Откуда вы знаете?

Андрюша. Из задачника. Я эту задачу никак не могу решить.

Универ. Вот видите, надо знать решение этой задачи, чтобы попасть на остров Флеш.

Андрюша. Задачу я решу!

Универ. Смело!.. Я старый ученый, занимаюсь высшей математикой и астрономией, но эту задачу решить не смог. А вы, молодой человек, вдруг возьмете и решите! Сколько вам лет?

Андрюша. Двенадцать с половиной, почти тринадцать, скоро будет четырнадцать.

Универ. Маловато.

Андрюша. А вам сколько?

Универ (*подумав*). Приблизительно пятьсот.

Андрюша. Многовато.

Универ. Вы говорите, что сможете решить эту задачу? А можете вы нарисовать линию без начала и конца?

Андрюша. Конечно, могу.

Универ. Так запомните на всю жизнь, молодой человек, что нарисовать такую линию вообще невозможно.

Андрюша. Невозможно? Пожалуйста! (*Берет циркуль и рисует на доске окружность.*)

Универ (*растерянно*). Пожалуй, вы правы. Ни начала, ни конца. Вы ученый?

Андрюша (*гордо*). Да! Я ученик пятого класса «Б» сто семнадцатой школы.

Универ. О-о-о!.. Простите, я в вас ошибся. Да, я вижу, что вы можете попасть на остров Флеш. Вы смелые и сообразительные ребята.

Андрюша. Можем, Чихалья! Можем! Пошли!

Чихалья. Пошли. Можно мне взять бутербродик? С семгой!

Универ. Пожалуйста! Пожалуйста! Кушайте! Извините, что я вам до сих пор не предложил.

Андрюша. Оставь мне кусочек.

Универ. А это вам еще на дорожку.

Чихалья. Спасибо.

Андрюша. Но как же нам дойти до этого острова?

Универ (*подумав*). Как дойти? Раз уж я вам все рассказал, я вам и помогу. (*Достает какую-то коробочку.*) У меня есть волшебная звезда. Путеводиус. Она приведет вас к желанному месту. Я дарю ее вам. (*Дарит детям яркую звезду, достав ее прямо с неба.*)

Андрюша. Большое спасибо, маг, товарищ Универмаг!

Универ. Пожалуйста, пожалуйста!
Андрюша. Извините, что мы вам помешали.

Дети уходят.

Универ. Ну что ж, начнем считать звезды сначала!..
(*Считает вслух.*) Первая... вторая... третья...

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Угол квадратного острова Флеш. За рвом, на острове — обнесенный стеной сад Карганы. Возле ворот — собачья будка. В будке сидит пес Туз. В саду растет волшебный помидор. На этой стороне рва лежат две доски. Появляются Андрюша и Чихалья.

Андрюша. Вот он, квадратный остров Флеш! Чихалья, мы у цели!

Чихалья. У цели... Андрюша, смотри! Вот помидор!
(*Тянется к помидору.*)

Андрюша. погоди! Надо сначала мост сделать, а потом о помидорах думать. Давай попробуем доски через ров перекинуть. (*Пробует перекинуть доски через ров. Доски сделаны точно по ширине рва и потому проваливаются.*) Что же делать?

Чихалья. Надо их сколотить.

Андрюша. Молотка и гвоздей нет. (*Думает.*) А что, если мы одну доску на угол положим? Расстояние-то сократится. Помоги! Не стой сложа руки! Вот так! Одну доску кладем на угол, вторую одним концом на середину первой доски, а другим — на противоположный берег. Легла! Ну, Чихалья, начинаются приключения!

Чихалья. Я принц, я пойду первым!

Чихалья идет по доске. На него кидается пес Туз. Чихалья защищается шпагой.

Андрюша (*кричит*). Не дразни собаку! Не дразни собаку! Достань бутерброд! Достань бутерброд! Дай ему скорее! С икрой! С икрой!

Чихалья достает бутерброд. Пес садится и облизывается. Андрюша берет у Чихальи бутерброд и смело подходит к собаке.

Ты не умеешь обращаться с животными! (*Гладит собаку.*) Не кормит тебя хозяйка, Тузик! Жадная

старуха! Подумать только — три года и пять месяцев голодом морит! Сторожи ее после этого! Я бы на твоём месте в цирк, к Дурову, убежал. Он бы тебя азбуке научил. Вместе бы выступали, песик ты несчастный, Тузик мой лохматый!

Пес виляет хвостом.

Чихалья. Скажи ему, чтобы он пропустил нас к воротам.

Андрюша. Ну куда ты торопишься? Тузик знает, кого пропустить, кого не пропустить. Знаешь, Тузик? Ну, вот и договорились! Дай лапу! Давай познакомимся. Я Андрюша Попов. А ты Тузик. Я знаю.
(*Пожимает псу лапу.*)

Чихалья (*псу*). А я принц Чихалья!

Андрюша. Вот как нужно обращаться с животными. Вежливо, с почтением. А то размахался своей железкой у него перед самым носом!

Пес (*лает*). Да! Да! Да!

Чихалья. Пропусти нас к воротам!

Андрюша и Чихалья проходят мимо пса к воротам. Чихалья бросается вперед первый. Ворота хватают его за одежду, за руки, за ноги и со страшным скрипом начинают трясти.

(*Вопит.*) За что меня! Спаси меня! У меня уши вянут!

Андрюша. Не уши, а уши! Вечно ты, грамотей, вперед лезешь! Дай бутерброд. Сейчас я ворота маслом смажу. Бедные ворота! Такие-сякие, намазанные, сухие! (*Смазывает ворота.*)

Ворота отпускают Чихалью и открываются. Андрюша и Чихалья проходят в сад.

Чихалья. Мой дорогой помидор! Мой золотой помидор!

Андрюша. Не торопись ты! Все дело испортишь!
(*Тянется к помидору.*)

За воротами, над стеной сада, появляется Каргана.

Каргана (*поет*).

Помидор, помидор,
Мой волшебный помидор!
(*Видит в саду детей.*)
Грабеж! Разбой и воровство!
Кто там в саду ломает ветки?

Ко мне, на помощь, волшебство!

Обоих в доски превращу!

(Открывает свой волшебный кисет и хочет достать из него щепотку табаку.)

Пес *(вырывает кисет у Карганы)*. Нет! Нет! Нет!

Каргана. Кисет! Мой волшебный кисет!

Андрюша с помидором и Чихалья успевают перебежать по доскам через ров и столкнуть доски.

(Вопит.) Паршивый пес! Бездельник!

Пес *(лает)*. Но! Но! Но!

Каргана. Тебя я утоплю!

Пес. Не смей! Не смей! Не смей!

Каргана. Негодные ворота, вас в печке растоплю!

Андрюша *(кричит)*. Ворота, не зевайте! Она у вас масло отнимает! Тузик, она тебя бить будет! Она тебя утопит!

Пес *(лает)*. Нет! Нет! Нет!

Ворота хватают Каргану и начинают ее трясти. Пес с лаем бросается на Каргану.

Андрюша. Так ее!

Чихалья *(катит впереди себя большой помидор)*. Бежим! Бежим!

Андрюша. Чего ты теперь-то торопишься? Ведь помидор у нас. Ты смотри, как ворота ее в работу взяли! *(Хохочет.)*

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ИНТЕРМЕДИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

Кривелло и Двуличе у телефона.

Кривелло *(дует в трубку)*. Алло!.. Алло!.. Тетя, нас разъединили!.. Я вас плохо слышу... Да, это я, Кривелло, ваш племянник. Как ваши дела?.. Что?.. Плохо? Я не понимаю, что плохо. Плохо слышно?.. Что?.. Не понимаю.

Двуличе *(в нетерпении)*. Что плохо? Спросите, что плохо.

Кривелло. Тетя! Двуличе спрашивает, что плохо? Здоровье? *(Двуличе.)* Она плачет в телефон, и ничего невозможно разобрать, что она там говорит. *(В трубку.)* Тетя, успокойтесь! Я не могу разобрать, что с вами случилось... Не слышу... Что?.. Обокрали? *(Двуличе.)* Тетю обокрали! *(В трубку.)* Что у вас украли?.. Не слышу!

Двуличе. Скажите ей, пусть передает по буквам.

Кривелло. Тетя, говорите по буквам! Папа... Ока... Какая Ока? Ах, река... Понятно. Мама... Ириска... Дурак... Кто дурак? Осел... Что вы ругаетесь, тетя? *(Растерянно.)* Разбойник... *(Соображает.)* Папа — п, Ока — о, мама — м, ириска — и, дурак — д, осел — о, разбойник — р. Помидор! У тети украли помидор!

Двуличе. Я так и знала! Так и чувствовала! Ваша старая, выжившая из ума тетка никакая не волшебница, а просто пустое место! Она не умеет колдовать! Надо было вызвать другую ведьму! Я вас предупредила! Я вам говорила! Вы никогда меня не слушаете! Скажите ей, что она никуда не годная ведьма! Халтурщица!

Кривелло *(в трубку)*. Тетя! Никто не ругается. Двуличе передает вам свое сожаление... Что? Укусила собака? *(Двуличе.)* Тетю укусила собака.

Двуличе *(зло)*. Так ей и надо, старой карге!

Кривелло *(в трубку)*. Двуличе говорит, что нужно срочно сделать прививку... Что? *(Двуличе.)* На нее упали ворота и придавили ее.

Двуличе. Жалко, что она еще выжила...

Кривелло. Бедная тетя!.. *(В трубку.)* Тетя, что же нам теперь делать?.. Хорошо. Сейчас возьму карандаш. *(Двуличе.)* Записывайте теткин последний совет. Я буду диктовать. Только пишите, пожалуйста, без ошибок, а то мы потом ничего не разберем. *(В трубку.)* Тетя! Диктуйте! Я слушаю.

Двуличе записывает.

Так... «Единственный выход — отнять волшебный помидор. В нем вся сила». Так. *(Двуличе.)* Записали?

Двуличе *(раздраженно)*. Я не могу так быстро... *(Пишет.)*

Кривелло. Записали?

Двуличе. Записала.

К р и в е л л о. Покажите, как вы записали. (*Смотрит.*)
В таком маленьком диктанте столько ошибок! По-
зор! Разве так пишут? Слово «помидор» пишется
через «о», а не через «а»! «Помидор», а не «памидор»!
А потом, не «памедор», а «помидор».

Д в у л и ч е. Я не обязана писать грамотно! На это есть
валеты. Например, вы!

К р и в е л л о. Не будем с вами ссориться в такой серьез-
ный момент. Нам нужно побыстрее собраться в путь.
Принц и этот мальчишка неизвестной масти — на
пути ко дворцу. Мы должны перехватить их по
дороге и отнять помидор! Идемте! Нам надо торо-
питься.

Д в у л и ч е. Я вся горю! Дайте мне снегу с сахаром!

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

В горах появляются Чихалья и Андрюша. В руках у
Андрюши волшебный помидор.

А н д р ю ш а (*поет*).

Кто в дружбу верит горячо,
Кто рядом чувствует плечо,
Тот никогда не упадет,
В любой беде не пропадет!

(*Чихалье.*) Чихалья! Помнишь, мы здесь уже были,
по звездам ориентировались. Давай отдохнем немно-
го! (*Садятся.*) Что-то мне как-то не по себе стано-
вится. Без мамы, без папы, без кино, без мороже-
ного, без товарищей, без школы... Надоело мне тут
с вами возиться! Вот возьму проснусь и уйду от вас.

Ч и х а л ь я. А как же я?

А н д р ю ш а. Что — ты?

Ч и х а л ь я. А как же я без тебя буду?

А н д р ю ш а. Надо самому как-нибудь устраиваться,
быть самостоятельным.

Ч и х а л ь я. Самостоятельным?

А н д р ю ш а. Я бы хоть сейчас ушел, но мне просто
очень интересно, чем все это кончится.

Чихалья молчит.

Или проснуться?

Ч и х а л ь я. Нет, Андрюша, ты лучше поспи. Ты устал,

а я постерегу помидор. Я его самостоятельно постерегу.

Андрюша. Я, правда, немного устал... *(Ложится.)*

Я чуть-чуть отдохну, а ты посиди и постереги помидор. Только смотри не засни... *(Засыпает.)*

Чихалья *(зевает)*. Я не буду спать. Я буду стеречь помидор! *(Засыпает.)*

С разных сторон появляются Кривелло и Двulichе. В руках у Кривелло большой помидор, похожий на тот, что лежит возле детей.

Двulichе *(шепотом)*. Тс-с-с!.. Они спят... Где помидор?

Кривелло *(так же)*. Тс-с-с!.. Они спят. Вот и помидор.

Двulichе. Где? Где? Я не вижу!

Кривелло. Да вот же, прямо.

Двulichе. Берите его скорее! Кладите на его место наш, простой! Теперь мы над ними посмеемся!

Кривелло. А это я придумал, что нужно не просто украсть помидор, а заменить его.

Двulichе. Не будем спорить. Важно, что дело сделано.

Уходят.

Чихалья просыпается.

Андрюша *(просыпается)*. Ну как, все в порядке?

Чихалья. Все в порядке! Пошли.

Андрюша *(смотрит на помидор.)* Смотри, а он стал как будто меньше.

Чихалья. Тебе показалось.

Андрюша. Ну, надо торопиться! *(Берет помидор.)*

Уходят.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Там же, где был карнавал. Заколдованные фигуры стоят на прежних местах, в тех же позах. Входят Двulichе и Кривелло. У Двulichе в руках помидор, у Кривелло — портфель.

Двulichе. Ну, вот и прекрасно! Волшебный помидор у меня в руках, и я его сейчас съем. Может быть, я помолодею.

Кривелло. А я? Мы же его вместе раздобыли?

Двulichе. Мало ли что! Я все-таки дама! Вы должны мне уступить!

Кривелло. А это будет нечестно с вашей стороны.
Вы помолодеете, а я останусь таким же.

Двуличье. Хорошо. Я вам дам маленький кусочек.

Кривелло. Дайте я его пока спрячу в портфель. Я думаю, что его лучше всего съесть перед обедом, на закуску.

Двуличье. Хорошо, я ничего не имею против.

Кривелло прячет помидор в портфель. Кладет портфель на землю около ложи.

Кривелло. Принцесса, а не закончить ли нам до обеда эту партию? Сейчас ведь ваш ход.

Двуличье. Ах да, шах королю Унылио. Я совсем забыла! *(Делает ход.)*

Кривелло. Вы отступили? Хорошо. Еще раз шах королю.

Двуличье. Снова отступаю.

Кривелло. Сейчас королю будет мат.

Слышится песня. Появляются Андрюша и Чихалья.

(Иронически.) Молодые люди, где вы пропадали? Нам без вас было так скучно! *(Смеется.)*

Двуличье. Что это вы принесли? Кажется, помидор?

Андрюша. Да, помидор.

Кривелло. На такую большую компанию одного помидора мало.

Андрюша. А вы нам не компания.

Двуличье. Ну, раз мы вам не компания, мы с вами не играем. Идемте, Кривелло.

Демонстративно берет Кривелло под руку. Делают вид, что уходят. Сами прячутся, чтобы подсматривать.

Чихалья. Что мы будем делать?

Андрюша. «Что, что»! Выручать друзей из беды.

Надо их всех накормить волшебным помидором.

Кривелло и Двуличье хохочут.

(Указывая на фигуры.) Сосчитай их...

Чихалья. Раз, два, шесть, восемь, пять...

Андрюша. Так ты считать, оказывается, не умеешь?

(Считает сам.) Девять фигур и четыре пешки. Помидор нужно разделить на тринадцать частей.

Кривелло и Двуличье хохочут. Андрюша разрезал помидор, дал всем фигурам по кусочку. Однако фигуры не оживают и остаются на местах.

Чихалья. Ничего!

Андрюша. Ничего! Спроси что-нибудь своего папу.

Чихалья. Отец мой, это я, твой сын, перед тобою!

Унылио. Це восемь! Дэ четыре!

Чихалья. Патисоне, вы меня слышите?

Патисоне. Бэ восемь! А один!

Андрюша. Каким он был, таким остался... Значит, помидор был не волшебный! Но ведь Универ нас не мог обмануть?

Чихалья. Не мог. Не мог.

Андрюша. Если бы помидор был не волшебный, Каргана бы так не берегла его!

Чихалья. Не берегла.

Андрюша. Слушай, Чихалья, когда я заснул, а ты остался сторожить помидор, ты во сне ничего не видел?

Чихалья. Видел.

Андрюша. Значит, ты тоже спал! Разве можно спать на посту? Пока мы оба спали, волшебный помидор нам подменили!

Входят Двulichе и Кривелло и направляются к портфелю. Кривелло берет портфель.

Двulichе. Ну, кто вам мог подменить помидор? Кому нужен ваш помидор? Сейчас помидоров сколько угодно.

Андрюша. Ну что ж... Тот, кто украл у нас помидор, тот пожалеет об этом. У него отвалится нос, который он сует, куда не надо.

Кривелло и Двulichе хватаются за носы. Кривелло роняет портфель. Андрюша быстро его поднимает.

Ага! Это вы украли у нас волшебный помидор!

Двulichе. Отдай портфель. В нем лежат мои вещи!

Андрюша. Какие вещи?

Двulichе. Не важно какие. Какие нужно, такие и лежат.

Андрюша. Посмотрим, посмотрим!

Андрюша и Чихалья борются с Кривелло и Двulichе из-за портфеля, в котором лежит волшебный помидор.

Все фигуры топчутся на своих местах от нетерпенья. Наконец детям удается овладеть волшебным помидором. Андрюша нажимает помидор, сок брызжет на заколдованные фигуры. Колдовство кончается. Фигуры и пешки кидаются на Двulichе и Кривелло. Связывают их.

Двулице *(падая на колени перед Унылио)*.

Увы, король! Должна признаться я,

Что я вам изменяла, как змея!

(Бьется в ногах у короля.)

Унылио.

Что слышу я?

Патисоне.

Я знал, что так и будет!

Шут.

Я чувствовал, что это будет так!

Чихалья *(королю)*.

Под суд ее! Пусть он ее осудит!

Двулице.

Да, виновата я!

Но вот вам главный враг.

(Показывает на Кривелло.)

Кривелло *(выступает вперед)*.

Она меня купила... Я... я... я...

Унылио.

Смотри пожалуйста! Еще одна змея

Скрывалась среди нас, свой страшный яд тая!

Патисоне хватает Кривелло и держит его.

Патисоне.

У нас не вырвешься!

Шут.

Мучитель мой!

Андрюша.

Шпион.

Унылио *(Двулице)*.

Тебе мерещился наш королевский трон?!

Эй, стражников сюда!

(Звонит в колокольчик.)

Входит начальник стражи.

Коварный план раскрыт!

Забрать преступников! Пусть враг в тюрьме сидит!

(Начальнику стражи и Патисоне.)

Действуй смело!

Двулице *(обнимает ноги короля)*.

Но я ведь выдала Кривелло!

Унылио *(приказывает)*.

Обоих взять и заточить в тюрьму!

(Всплеснув руками.)

Как неожиданно мы с них сорвали маски!

(Начальнику стражи и Патисоне.)

Двуличе сделать пешкой, а ему

И день и ночь читать его рассказы!

(Всплеснув руками.)

Кого пригрел я на своей груди!

Кто знает, что б могло случиться впереди!

А н д р ю ш а *(Чихалье)*. Я говорил, что карты до добра не доводят. Я был прав!

Неожиданно темнеет. Молния. Гром. Появляется Каргана. У нее забинтована голова, перевязаны руки. В одной руке костыль, она хромает. Все в ужасе смотрят, пятятся.

К а р г а н а *(зловеще)*.

Напрасно ваше торжество,

Его я прекращу.

И волшебство и колдовство

На вас я напущу.

Я отомщу! Я отомщу!

Я страшно отомщу!

(Поднимает костыль, колдует.)

Ни с места! Стоп! Застыньте все!

Замрите так навек!

(Андрюше.)

Тебя я в камень превращу!

А н д р ю ш а.

Назад! Я — человек!

Каргана медленно подходит к Андрюше.

К а р г а н а.

Мне ненавистен дух людской!

Сейчас расправлюсь я с тобой!

(Колдует.)

А н д р ю ш а. Перестань пугать! Я не маленький!

Неожиданно раздается через репродуктор громкий голос Универа.

Г о л о с У н и в е р а. Андрюша! Чихалья! Не теряйтесь!

Я иду к вам на помощь! Двадцать три миллиона сто пять тысяч двадцать восьмая!..

К ногам Карганы падает звезда.

Недолет!.. Двадцать три миллиона сто пять тысяч двадцать девятая!..

Следующая звезда падает за спиной Карганы.

Перелет!.. Тридцать семь и восемь!.. Двадцать три миллиона сто пять тысяч тридцатая! Есть!

Звезда попадает на Каргану, и та исчезает. Звучит веселая музыка. Появляется У н и в е р. Все оживают.

У н и в е р. А вот и я! Друзья встречаются вновь, тридцать семь и восемь!

П а т и с о н е. Дядюшка!

А н д р ю ш а. Маг! Маг!

У н ы л и о (*радушно*). Ах, это вы? Известный маг?

А н д р ю ш а. Универ-маг! Универ-маг!

У н и в е р. Хорошо, что я поспел вовремя. Еще бы одна минуточка — и все могло бы кончиться весьма печально.

Ш у т. Еще бы полминуточки...

У н ы л и о.

Боюсь, что если бы не вы,
Нам не сносить бы головы!

Но волею судеб мы счастливы отныне!

Ч и х а л ь я.

А знаешь ли, отец,
Кто вас, несчастных, спас?

У н ы л и о.

Я знаю, это он.

(*Андрюше.*)

Я награждаю вас.

Вы будете моим ближайшим офицером.

А н д р ю ш а.

Но я хочу остаться пионером!..

И я, друзья, сейчас уйду от вас!

Г о л о с а.

Какая жалость! Он уходит!

Уходит он от нас!

А н д р ю ш а. Что-то мне с вами уже надоело. Вы какие-то не настоящие.

Ч и х а л ь я. Значит, уходишь?

А н д р ю ш а. Да, ухожу... Температура у меня нормальная, и мне пора просыпаться!

П а т и с о н е. Андрюша! Оставь нам что-нибудь на память!

А н д р ю ш а. Что же вам оставить на память? (*Думает.*)

Хорошо. Я оставлю вам на память песенку..

Ч и х а л ь я. Какую песенку?

А н д р ю ш а. Финальную!

Запеваёт песенку. Все действующие лица хором повторяют припев.

Ничто не продолжается
На свете без конца.
Что хорошо кончается,
То радует сердца!
Ты ходишь, ты волнуешься,
Тебя бросает в дрожь:
А вдруг не сдашь экзамены,
А вдруг не перейдешь?
Но вот прошли экзамены,
Тревога за спиной —
И ты шагаешь весело
Из пятого в шестой!
Ничто не продолжается
На свете без конца.
Что хорошо кончается,
То радует сердца!
Ты кашляешь, сморкаешься,
Чихаешь и хрипишь.
И вот уже с ангиною
В кровати ты лежишь.
Приходится противные
Лекарства принимать.
Но вот ангина кончилась —
И ты здоров опять!
Ничто не продолжается
На свете без конца.
Что хорошо кончается,
То радует сердца!
Спектакль начинается,
И занавес дают.
В тоске король Унылио,
Печален бедный Шут.
На сцене появляется
Андрюша-молодец!
Предатели наказаны!
Комедии — конец!

Ничто не продолжается
На свете без конца.
Что хорошо кончается,
То радует сердца!

Все столпились вокруг Андрюши. Темнота. Свет. Андрюша сидит в своей кровати. Утро.

А н д р ю ш а (*обращаясь к зрителям*). Что это такое было?

З р и т е л и. Сон, сон!

А н д р ю ш а. Как хорошо, что я проснулся! Я здоров!

Занавес

1945

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Комедия в трех действиях

Посвящаю светлой памяти Аркадия Гайдара

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Миша Лозников, председатель совета пионерской дружины, 14 лет.

Юра Малиновский

Сережа Климов

Женя Хват

Бобик Палкин

Костик

Вова

Люба

Сева

Вася Кузнецов

Вера Кузнецова

Гаврик

Олег

Шурик Козлов

Капитан Стрельцов

Капитан Горкуша

Тимофей Антонович, председатель колхоза, инвалид Великой

Отечественной войны.

Дядя Федя, колхозный сторож, 70 лет.

} пионеры 10—13 лет.

} офицеры Советской Армии.

Действие происходит в пригородной местности.

Премьера спектакля состоялась 4 октября 1946 года в Центральном детском театре.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Утро. Лес. Следы старых боев. Расщепленный снарядом ствол дерева. Заросший травой блиндаж. Поют птицы. За сценой звучит песня.

Сцена некоторое время пуста, затем появляются Юра и Сева. Сева тянет за собой провод, в руках у него телефонный аппарат. Юра устанавливает «пулемет».

Юра. Пулемет устанавливаем здесь. А ты тяни провод. Вот сюда тяни, в блиндаж. Здесь будет командный пункт.

Сева. А телефон будет работать?

Юра. Раз я сконструировал — значит, будет.

Сева. «Северяне» полопаются от зависти!.. Подключать?

Юра. Подключай и вызывай прямо «Гнилушку».

Сева. Есть вызывать «Гнилушку»? (*Возится с телефоном.*)

Юра раскладывает карты. Появляются Миша и Бобик. Они направляются к блиндажу.

Бобик. Вы что, новое место для штаба выбрали, да?
Миша. Ты мне зубы не заговаривай! Так почему же все-таки мой оперативный приказ был доставлен в двенадцать семнадцать, а не в двенадцать ноль-ноль, как я приказал?

Бобик (*неуверенно*). Не знаю... Я бежал марафонским бегом. (*Вместе с Мишей входит в блиндаж.*)

Юра и Сева встают.

Миша (*осматривается*). Хороший блиндаж! (*Юре.*) Ну, как твой телефон, работает?

Юра. Сейчас проверим. Должен работать. (*Севе.*) Подключил?

Сева. Сейчас, сейчас... (*Возится с телефоном.*)

Миша (*Юре*). Разведчики не вернулись?

Юра. Ни слуху ни духу. Два часа прошло.

Миша (*про себя*). Неужели опять неудача? (*Юре.*)

С пленным как? Допросили?

Юра. Молчит. Замучился с ним!

Миша. Продолжайте допрос.

Юра. Есть!

Миша. Что взяли при обыске?

Юра. Военных карт, приказов и донесений не обнаружили. Компас, резинку и карандаш отобрали.

Миша. Хорошо. Вернутся наши разведчики, направляйте их ко мне.

Юра. Понятно.

Сева (*у телефона*). «Гнилушка»! «Гнилушка»! (*Юре.*)

Что-то там трещит, а ничего не понятно..

Юра. Дай-ка я сам! (*Берет трубку.*) «Гнилушка»!

«Гнилушка»! Я — «Сосна»! Я — «Сосна»!

Миша. Что-нибудь слышно?

Юра. Раз я сконструировал — значит, будет слышно. (*Кричит в трубку.*) «Гнилушка»! «Гнилушка»! Я — «Сосна». Вы меня слышите? Говорит начальник штаба. Приказываю пленного доставить на командный пункт! Нет, не туда, а куда мы переехали. Да-да. Немедленно! (*Кладет трубку. Гордо.*) Связь есть.

Миша. Хорошо. Очень хорошо. (*Садится, рассматривает карту.*)

Юра (*Сева*). Беги на заставу и передай на словах, чтобы пленного немедленно доставили сюда. Все-таки по телефону не особенно хорошо слышно. Надо будет вторую батарейку присоединить. Напряжение слабое.

Сева убегает. Бобик стоит отвернувшись.

Миша (*поднимает голову от карты, Бобику*). Так...

Значит, ты бежал марафонским бегом?

Бобик. Бежал, честное слово.

Миша. А яблоки?

Бобик. Какие яблоки?

Юра вопросительно смотрит на Мишу и Бобика.

Миша. Ты как бежал — через колхозные сады?

Бобик. Не через, а мимо. Вдоль забора. Ближе ведь.

Миша. Так... Значит, семнадцать минут ушло на то, чтобы перелезть через забор и грабить народное добро?

Б о б и к (*помолчав*). Я не грабил... Они на земле лежали...

Честное слово — падалица.

Миш а. Падалица?

Б о б и к (*виновато*). Ну да, сами попадали. От ветра. Юра. Знаем мы этот ветер. Ты яблоню тряс?

Б о б и к. Я не тряс. Я на нее с ходу налетел. Вот синяк. (*Показывает.*)

Миш а. Сколько яблок ты уничтожил?

Б о б и к. Одно.

Миш а. Зачем ты врешь, Бобик? По донесению второго секрета, их было три.

Б о б и к (*вздыхая*). Вот два. (*Вынимает из-за пазухи два яблока.*) Я больше не буду.

Миш а. Вы знаете, что за это бывает во фронтовой обстановке?

Б о б и к (*тихо*). Знаю... Да ведь там от яблок ветки ломаются. И незаметно, что я взял...

Юра. Яблоки-то колхозные!

Миш а (*после паузы*). Бобик Палкин! Вы пойдете и положите эти яблоки обратно под то колхозное дерево, под которое они попадали. Ясно?

Б о б и к. Ясно.

Бегает С е в а. Он заглядывает в блиндаж. Что-то тихо говорит Юре, потом поправляет свой «автомат» и начинает ходить вокруг блиндажа, то скрываясь за кустами, то вновь появляясь.

Миш а. Повторите приказание.

Б о б и к. Пойти и положить эти два яблока обратно под то колхозное дерево, под которое они попадали. Можно идти?

Миш а. Идите. И по дороге подумайте о своем поступке.

Бобик, сделав четкий поворот, выходит из блиндажа.

Юра. Дисциплиночка! (*Мише.*) Это все потому, что ребятам надоело ждать наступления. Когда же наконец? Через неделю каникулы кончаются, а мы все откладываем и откладываем. Все что-то соображаем.

Миш а. Наступление начать легко, победить трудно.

Юра. Я бы на твоём месте...

Миш а (*резко*). Ты пока еще не на моем месте!

Юра. Если бы Рокоссовский...

Миш а. Я не Рокоссовский, а ты не Малиновский!

Юра (*пожимая плечами*). Я-то как раз Малиновский.

Миш а. Малиновский, да не тот.

Юра. Риск — благородное дело.

Миша. Пока не получу точных данных от нашей разведки, я не могу рисковать.

Юра. Никак к ним не прорвешься. Здорово они все-таки укрепились! Вот отсюда *(склоняется над картой)* в бинокль, если на вышку забраться, все их позиции видно. Вот тут укрепленный пункт, а вот тут...

Миша и Юра изучают карту.

Сева. Стой! Кто идет? Пропуск!

Голос Сережи за сценой: «Пропуск? Не видишь, я пленного веду! Какой тебе еще пропуск?»

Сева. Все равно надо пропуск говорить.

Появляются Сережа и Гаврик-«северянин».

Сережа. Как же я могу при пленном наш пропуск говорить? Чтоб он его запомнил? *(Гаврику.)* Садись, Гаврила-мученик.

Гаврик садится.

Эй, часовой!

Сева. Чего тебе?

Сережа. Пойди доложи начальству, что я «языка» привел.

Сева. Нет, я не могу с поста уходить. Подожди, он сейчас сам выйдет.

Сережа. Можно и подождать. Нам не к спеху.

Гаврик. Меня-то случайно поймали, а ваших мы всех по одному перехватываем.

Сережа. Всех не перехватываете.

Гаврик. Перехватываем.

Сережа. Все равно наша разведка лучше. У нас один Вовка чего стоит!

Гаврик. Это который по реке-то плыл? Его у моста вытащили.

Сережа. Врешь!

Гаврик. Сам вытаскивал. Я же все-таки немного лучше плаваю. От меня никаким нырком не уйдешь.

Сережа. А тот, который в сене ехал?

Гаврик. Пять возов осмотрели, из шестого вытащили.

Сережа. Женьку Хвата вытащили?

Гаврик. Вытащили!

Сережа. Ну, это ты врешь! Это ведь Женька Хват, а не кто-нибудь!

Гаврик. Вот тебе и врешь! Все ваши коварные методы нам теперь известны.

Сереза. Эх, как дам вот тебе сейчас! *(Не вытерпев, замахивается.)*

Гаврик. Что? Пленных бить? погоди, мы еще с тобой на узенькой дорожке встретимся!

Сереза. Нужен ты мне очень!..

Гаврик. Чего? Чего?

Сереза. Ничего. *(Отворачивается, достает из кармана завернутый в бумагу бутерброд.)* Мой эн зе! Подумаешь — «неприкосновенный бутерброд»! А я вот возьму и съем его! *(Ест.)*

Гаврик *(презрительно)*. Вояка!..

Сереза. В конце концов, мне все равно, кого вы там поймали. Я уже навоевался. Я бы сегодня знаешь где был? В гостях, на именинах! Вот где! Меня одна знакомая девочка из поселка на именины сегодня приглашала. Небось там пирогов сладких напекли!

Гаврик *(презрительно)*. Вояка! *(Неожиданно.)* Гляди, гляди! Что это?

Сереза. Крот!

Гаврик. Дай-ка палку!

Сереза *(передает Гаврику свой «автомат»)*. Ты его сразу бей!

Гаврик. Не учи!

Сереза. Дай лучше я!

Гаврик толкает Серезу и бросается в кусты. Сереза хватается за ногу. Из блиндажа выбегают Миша и Юра.

Миша. Что происходит?

Сереза. Ничего особенного... Что вы все повыскакивали? Я бы его и сам поймал. Он убежать хотел.

Миша. Где твое личное оружие?

Сереза *(поднимает с земли «автомат»)*. Ну, я поднял. Ничего особенного. Что еще прикажете?

Юра *(строго)*. Как стоите? Как разговариваете со старшим по званию?

Миша. Заправь рубашку!

Сереза. Пожалуйста. *(Заправляет рубашку.)*

Миша. Ты и физику так учишь — «ничего особенного»?

Юра *(Мише)*. Вот он, молчальник. *(Показывает на пленного.)*

Миша *(Гаврику)*. Сколько у вас пулеметных точек?

Гаврик молчит.

Юра. Сколько у вас пулеметных точек? Ты что, русского языка не понимаешь? Будешь ты у меня говорить или нет?

Гаврик. Режь меня, жги меня — я все равно не выдам военной тайны.

Юра. Я тебя еще заставлю говорить! (*Сереже.*) Задержанного — в комендатуру. Я его потом допрошу.

Сережа (*Мише*). Товарищ командир группы, разрешите обратиться?

Миша. Попробуйте.

Сережа. Можно мне сегодня немножко раньше из игры уйти? По личным делам. Честное слово! А? (*Умоляюще смотрит на Мишу.*)

Миша. Кто же с фронта домой уходит?

Сережа. Это же не настоящий фронт?

Миша. Если ты можешь уйти с такого — значит, ты уйдешь и с настоящего.

Сережа. Ну, это уж знаешь!.. знаешь... В конце концов, я могу у тебя вообще не отпрашиваться. Ему по-человечески говоришь, а он только приказывает. Мне нужно сегодня раньше уйти — и все!

Юра. Раз ты дал честное слово не нарушать нашей воинской дисциплины и подчиняться всем нашим правилам, я думаю, ты будешь его держать.

Сережа. Посмотрим... (*Бурчит себе под нос.*) Подумаешь, тоже командование!..

Миша. Отставить!

Сережа. Подумаешь!

Миша. Отставить! Я не люблю повторяться!

Сережа. Подумаешь!

Миша. Два наряда вне очереди! Сменить второй пост у кривой березы.

Юра. И свяжите руки противнику. А то он у вас опять сбежит.

Сережа. Это с удовольствием. Это мы можем. (*Связывает Гаврику руки.*)

Гаврик (*мрачно*). Все равно сбегу...

Сережа. Я тебе сбегу!

Миша и Юра входят в блиндаж.

Сева. Стой! Кто идет?

Голос Жени за сценой: «Свои, свои».

Сева. Что значит «свои»? «Миномет»?

Женя. «Миномет», «Миномет»! (*Появляется на сцене.*)

Сереза (*Жене*). Женька, где ты был?

Женя. Где был, там меня больше нет. (*В изнеможении опускается на землю.*)

Сереза. Эх ты, Гаврила-мученик! (*Передразнивает Гаврика.*) «Из сена вытащили»! Вот тебе и вытащили! Иди, иди! Нечего оглядываться! (*Подталкивает Гаврика, скрывается с ним в кустах.*)

Появляется Люба. Через плечо у нее сумка с красным крестом.

Люба. Женя, что с тобой?

Женя. Пить, дайте попить!

Появляются Миша и Юра.

Юра. Женька Хват!

Женя (*долго и жадно пьет*). Все руки о шиповник ободрал...

Миша (*Любе*). Перевяжите!

Люба бинтует Жене руку.

Женя. Насилу вырвался!

Миша. А остальные?

Женя. Остальных схватили. Нас целый взвод ловил. Меня из сена за ноги вытащили. Их шесть человек, а я один. Что я мог сделать? Вовку у самого моста заметили, как он плыл. Костик отбивался как зверь. Но они его повалили, раскачали и понесли. Меня тоже несли. Я сам не шел. Принесли и заперли.

Юра. Куда заперли?

Женя. Под террасу. Вот куда!

Юра (*Мише*). Надо и нам ихних ребят куда-нибудь сажать или хоть к дереву привязывать. Очень уж мы с ними ласково обращаемся.

Сева. Правильно!

Миша. Куда, ты говоришь, вас заперли? Под террасу? Под чью дачу?

Женя. Не знаю. Нам всем глаза позавязывали, когда нас несли. А как нас долго несли! Принесли и заперли. А глаза мы уж под террасой сами развязали. На этой даче сегодня какой-то день рождения. Мы слышали. Наверно, будет чай. Наверно, весь их командный состав будет сидеть за пирогом. Вот бы в этот момент и налететь! Вот бы здорово!

Миша (*задумался*). Да-а...

Юра. Чего ты задумался?

Миша. Я думаю, что нам с разведкой делать.

Юра. Теперь уж я и не знаю, кого посылать.

Женя. Я могу еще раз попробовать.

Миша. Тут нужно что-нибудь такое придумать, чтобы уж наверняка.

Юра. Может, какую-нибудь девочку послать? На девочку они никогда не подумают, что она разведчица.

Люба. Они всех наших девочек знают. Все равно доверия не будет.

Юра. Что бы такое придумать?.. (*Мучительно соображает.*)

Миша. Нам необходимо узнать, где у них самое слабое место... Без этого о наступлении не может быть и речи. (*Юре.*) Пошли к ребятам, посоветуемся!

Миша и Юра уходят.

Люба (*Жене*). А тебе нравится быть разведчиком?

Женя. Ты же знаешь, что мне нравится все, что опасно.

Люба. Я тебя за это уважаю и... люблю.

Женя. Я тебя тоже очень люблю. Ты для меня очень, очень много сделала. Если бы ты за меня не поручилась, они бы меня никогда в игру не приняли.

Люба. Знаю. Я их уговаривала. Можно, я тебя поцелую?

Женя. Можно. Только чтобы никто не видел.

Люба восторженно обнимает и целует Женю в щеку. Женя вырывается.

Пусти,пусти! Довольно!

Люба. Не знаю почему, но я за тебя все время страшно волнуюсь. Как будто это я сама. Я даже стараюсь не смотреть тебе в глаза, когда мы при всех. Вдруг откроется, что ты вовсе не мальчик, а девочка!

Женя. Ты не волнуйся. Никто не догадается, что я девочка. Надо только уметь себя сдерживать и смотреть в глаза не моргая. Вот так. (*Смотрит Любе в глаза.*)

Люба. Нет, я, наверно, не могла бы так, как ты! Я бы все время краснела и делала все не то.

Женя (*мечтательно*). Когда я буду большая, я поступлю учиться в такой институт, откуда людей посылают в самые опасные места.

Люба. А я, наверно, буду хирургом. Вообще я трусиха,

но крови я не боюсь. Это, наверно, потому, что моя мама в аптеке работает.

За сценой звучит песня.

Женя. Может быть... *(Задумывается.)*

Люба. О чем ты сейчас думаешь?

Женя. Так. Ни о чем.

Люба. Нет, я тебя знаю. Ты сейчас думаешь о чем-то печальном.

Женя. Да. Я думаю, что вот, наверно, в таком же точно лесу и мой папа погиб... когда партизанил.

Люба подсаживается ближе к Жене и обнимает ее за плечи. Слышны приближающиеся оживленные голоса Миши и Юры.

Миша. Это хорошая мысль, но кто бы пошел на это? Никто не пойдет.

Юра. Риск — благородное дело.

На сцене появляются Миша и Юра.

(Пристально глядя в лицо Жени.) Вот девчонка!

Женя и Люба вздрагивают. Переглядываются.

Если Женьку переодеть в девочку — типичная будет девчонка! Вы только посмотрите! Рост — невысокий. Голос — не басистый. Стрижен под девочку, которая стрижена под мальчика. Вы только посмотрите!

Миша *(глядя в Женю)*. Действительно.

Юра. Женьку-то никто не знает в поселке! Верно, Женя?

Женя. Ребята один раз видели, когда в плен брали.

Юра. Один раз не считается. *(Мише.)* А потом, никто ведь не додумается, что это он, если он будет как девочка. А по поселку мало ли девочек ходит. Может, она из города к кому-нибудь в гости приехала! Не будут же они у всех девочек документы спрашивать. А? Верно я говорю?

Люба. Что вы придумали?

Миша *(Жене)*. Если штаб тебе поручит особое задание, ты его выполнишь?

Женя. Если штаб прикажет, я выполню.

Юра. Штаб тебя просит.

Женя. Что просит?

Миша. Переодеться в девочку и пробраться в тыл противника.

Женя. Когда нужно идти в разведку? Я готов.

Миша. Откладывать нельзя.

Женя. Какая же будет задача?

Миша. Задача: обнаружить штаб, узнать, под чьей дачей сидят наши, разведать, где у них пулеметные точки, — ну, словом, узнать о противнике все, что только можно, не погибнуть и вернуться обратно.

Женя. А если я узнаю, что вы уже перешли в наступление?

Миша. Тогда действуй в тылу. Путаай им карты. Принимай самостоятельные решения. Все — для победы! Согласен?

Женя. Согласен.

Юра. Вот только где мы возьмем платье?

Люба. Я могу достать.

Юра. Главное, не прыгай у всех на виду через заборы, не кидай камней, не дерись, а в крайнем случае царапайся, как все девчонки, и говори только в ихнем, женском, роде: «Я была, я кушала, я пришла», а то скажешь: «Я был, я ел, я пришел» — и все пропало!

Люба (*неожиданно, Жене*). Женя, ты завтракала?

Женя. Завтракала.

Все смеются.

Миша. Теперь его не собьешь!

Юра (*Жене*). Ну, ты пришел в поселок — с чего ты начнешь?

Женя (*улыбаясь*). Я еще не знаю. Обстановка подскажет.

Миша. Желаю успеха. Когда переоденешься, покажись.

Женя и Люба убегают.

Юра (*Мише*). Женька-то покраснел, когда ему сказали, чтобы он юбку надел.

Миша. А ты бы не покраснел, если бы тебе пришлось нарядиться?

Юра (*неопределенно*). Ну, для такого дела...

Миша. А задание штаба он, пожалуй, выполнит. Хотя он и не из нашей дружины, а парень надежный.

Миша и Юра уходят в блиндаж.

Сева. Стой! Кто идет? Пропуск!

Стрельцов (*выходя*). «Мушка»!

Сева. Нет, не «Мушка»!

Стрельцов. Ну, тогда, стало быть, «Шашка»!

Сева. И не «Шашка»!

Стрельцов. Тогда, может быть, «Пушка»?

Сева (*раздраженно*). Не «Пушка», а «Миномет».

Стрельцов. «Миномет» так «Миномет»! Куда это я, однако, попал, что у меня пропуск спрашивают, да еще сами его подсказывают?

Сева. Я бы вас, товарищ капитан, и без пропуска пропустил, но у меня приказ такой, чтобы пропуск спрашивать.

Стрельцов (*с любопытством оглядывается*). Часовой всегда прав, когда приказ выполняет.

Из блиндажа выходят Миша и Юра.

Здравствуйте, ребята!

Миша. Здравствуйте, товарищ капитан!

Стрельцов. Вот тут такое дело получилось... Сошел я с поезда и, вместо того чтобы идти по шоссе, пошел лесом, чтобы дорогу сократить. Шел, шел — и вышел вот на вас. Извините.

Миша. Ничего, ничего. Пожалуйста.

Сева. А я пропуск спросил, как у вас.

Стрельцов. Что это у вас такой боевой вид?

Миша. Это... это наша пионерская дружина военную игру проводит.

Стрельцов. Я так сразу и понял. Что же у вас тут, командный пункт, что ли?

Юра. Да. Вроде.

Стрельцов. Ну, извините, извините. Знал бы — стороной обошел. Вы мне, ребятки, скажите, как на шоссе выйти? А то я, пожалуй, еще в чье-нибудь расположение попаду.

Сева. Вас теперь у каждого куста будут задерживать. У нас здесь везде посты.

Стрельцов. Тогда я действительно до ночи из леса не выберусь. И в гости опоздаю, а меня ждут.

Миша. А куда вы шли, товарищ капитан?

Стрельцов. В поселок Звездочка.

Миша (*серьезно*). Ах, в Звездочку! Это хуже. Я думал, вы в Жаковку идете.

Стрельцов. А почему Звездочка — это хуже?

Юра. Потому что Звездочка — это расположение войск

нашего противника. По эту сторону речки — мы, «южане». А по ту сторону — они, «северяне».

Стрельцов. За что же вы сражаетесь?

Юра. За честь нашего знамени.

Стрельцов. Кто же вами командует?

Миша. Я — командир южной группы.

Стрельцов. Разрешите познакомиться: гвардии капитан Стрельцов.

Миша. Миша Лозников, председатель совета дружины.

Стрельцов (*Сева*). А с тобой мы уже знакомы. Ты — «Миномет»!

Все смеются.

Юра (*разглядывает орденскую колодку капитана*). Ого! Девять штук! Это что у вас за ленточка?

Стрельцов. Это польский орден.

Сева. А эта медаль у вас за что?

Стрельцов. Эта? Эта «За освобождение Варшавы».

Сева. А у моего папы за Японию есть.

Стрельцов. Поздравляю, поздравляю. (*Смеется.*) Ну, ребятки, я пошел.

Миша. Товарищ капитан!

Стрельцов. Я вас слушаю.

Миша. Товарищ капитан! Вам, наверно, много раз приходилось прорывать чужую оборону?

Стрельцов. Не скрою, приходилось.

Юра. Мы хотели вас попросить дать нам один совет...

Миша. Мы вам кое-что покажем, а вы нам посоветуйте, как нам лучше быть.

Стрельцов (*смотрит на часы*). Ребята...

Появляются переодетая Женя и Люба. При виде Стрельцова останавливаются. Большая пауза.

Юра. Удивительно!

Миша. Да... Откровенно говоря, не ожидал!

Стрельцов. Чем вы так удивлены?

Миша. Видите ли, товарищ капитан...

Юра (*показывает на Женю*). Вот вы ее... его видите?

Стрельцов. Я вижу двух девочек. Что здесь удивительного?

Миша. В том-то и дело, что вот эта... вот, которая налево... Женька, не стесняйся, подойди ближе! Вот она — это он. Это наш разведчик Женя Хват. Мы его сейчас засылаем в тыл противника.

Стрельцов. Храбрая девочка!

Юра. Это не девочка, а наш парень. Понимаете?

Парень, переодетый в девочку. Военная хитрость.

Стрельцов (*показывая на Любу*). А это тоже парень?

Юра (*хохочет*). Нет. Это Люба. Наша санчасть.

Стрельцов (*улыбаясь*). Смело задумано. Очень смело.

Юра. Риск — благородное дело.

Стрельцов. Если бы вы мне не сказали, я бы никогда не догадался.

Миша (*Жене*). Женька, познакомься с товарищем капитаном.

Женя. Женя Хват.

Стрельцов. Стрельцов. Может быть, вы меня проводите до Звездочки, раз вы все равно собираетесь в ту сторону?

Миша. Нет, товарищ капитан, мы хотим с вами еще посоветоваться.

Юра. Зайдемте на минуточку в наш штаб. На одну минуточку.

Стрельцов (*смотрит на часы*). Ребята, меня в гости ждут.

Миша. Я прикажу — вас потом самой короткой дорогой проводят.

Юра. Через балочку здесь близко будет.

Сева. Только придется немножко разуться, чтобы через ручей перейти.

Миша. Мы вас долго не задержим. Тут, понимаете, такое дело. Мы должны переходить в наступление...

Юра (*показывая на Мишу*). А он боится рисковать.

Миша. Я не боюсь рисковать, я хочу так обеспечить наступление, чтобы победить, а не проиграть.

Юра. Нужно быть решительнее. Нужно действовать. Да ну тебя! Вот пусть товарищ капитан скажет, кто прав — ты или я! Товарищ капитан!

Стрельцов. Товарищи, товарищи, первым делом — спокойствие! Что вам неясно в вашем положении? Вы знаете своего противника? Какие у него силы?

Миша. В том-то и дело...

Юра. Мы знаем, что у него...

Стрельцов. Пусть мне доложит начальник штаба. У вас есть начальник штаба?

Юра. Я — начальник штаба.

Стрельцов. Доложите обстановку.

Юра. Сейчас, я только карту возьму. (*Бросается в блиндаж. За ним Миша.*)

Стрельцов (*смотрит на часы, подходит к Жене*). Вот что, молодой человек. Как видно, я здесь немного задержусь еще и вы раньше меня окажетесь в Звездочке. У меня к вам небольшая просьба. По Ленинской, двадцать два, есть дача Кузнецовых. Зайдите, пожалуйста, на эту дачу и передайте, пожалуйста, Зинаиде Ивановне Кузнецовой — есть там такая милая барышня, — что, дескать, капитан Стрельцов просил передать, что он приехал и скоро будет. А если спросит, где я, скажите, что задержался на станции по важному делу. (*Пишет.*) Вот вам адрес: Ленинская, двадцать два, Зинаиде Ивановне Кузнецовой. (*Передает Жене записочку.*)

Женя. Будет выполнено.

Миша и Юра с картами выходят из блиндажа.

(*Мише.*) Товарищ командир группы, разрешите приступить к выполнению задания!

Миша (*торопливо*). Беги, беги! Желаю успеха.

Женя убегает. Некоторое время все смотрят ей вслед.

Стрельцов. Ну, что вы там не можете решить? Давайте сюда карту. (*Склоняется над картой.*) Что это такое?

Юра. Это — укрепленный район противника. Это — речка Гнилушка.

Стрельцов (*изучая карту*). Любопытно. Весьма любопытно.

Отчаянно звонит телефон.

Юра. Я говорил, что заработает! «Гнилушка»! «Гнилушка»! Я — «Сосна»... Принимаем решение. Ждите приказа о выступлении.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Дача Кузнецовых. Перед дачей сад. Между двумя деревьями — гамак. За дачей — забор. В перспективе поля, холмы, на горизонте лес. Окно дачи открыто в сад. На террасе, густо

оббитой зеленым плющом, за чайным столом капитан Горкуша. В гамаке лежит Вера. Вася осматривает в бинокль окрестности.

Горкуша (*смотря на часы*). Итак, ваша старшая сестра пригласила меня в гости, а сама изволила уехать в город.

Вера (*из гамака*). Она скоро приедет. Она просила вас подождать.

Горкуша. Ну, тогда, ребята, идите сюда чай пить. А то мне одному скучно.

Вера. Сейчас!

Горкуша пьет чай, читает газету.

Вася. Нашли время рождение справлять!

Вера. Не твое рождение. Это мамино дело, когда мое рождение справлять.

Вася. Не злись! Я предупреждал, что на гостей сегодня рассчитывать нечего. Никто из-за вашего чая с пирогом не бросит воевать. Я предупреждал. Я умываю руки.

Вера (*язвительно*). Если бы ты это делал почаще, да еще с мылом, ты бы ничего не потерял. Не трогай меня, пожалуйста! Не качай гамак! Ты видишь, в каком я состоянии...

Вася. Если бы ты с нами играла, у тебя не было бы такого состояния. Сама виновата. Тебя приглашали.

Вера. Быть твоим адъютантом? Ни за что! Лучше смерть, чем такой позор!

Вася. А чем плохо? Все-таки лучше, чем быть нейтральной.

Вера. Какой?

Вася. Нейтральной.

Вера (*горячо*). Не ругайся, пожалуйста! Ты думаешь, если я твоя сестра — значит, я ни на что не способна? Да? Ты так думаешь? Так вот, запомни мои слова: ты еще узнаешь, на что я гожусь! Ты еще про меня не раз вспомнишь! Отойди от меня!

Вася. С такими нервами я бы тебя теперь даже в адъютанты не взял. Все-таки девчонка остается девчонкой.

Вера. Я презираю тебя.

Вася. Может быть, ты хочешь эвакуироваться?

Вера. Не вмешивайся в мою личную жизнь.

В а с я. Война всегда вмешивается во все личные жизни. *(Садится в гамак.)*

Горкуша. Ребята, чай стынет!

В е р а. У меня голова болит. Я не буду пить чай. *(Уходит в дом.)*

В а с я. Пусть остынет. Я холодный люблю.

В сад через забор прыгает Олег. Он весь обвешан пучками травы и веток. Олег свистит в глиняного соловья и прячется за куст. Из-за куста раздается его трель. Горкуша уходит в дом. Олег свистит еще раз, Вася идет к кусту.

Ты чего, Олег?

О л е г. На укрепленном пункте у командира голова заболела. Мигрень. От солнца. Слабый командир попался. Плачет, а домой идти не хочет. Велели узнать, как быть.

В а с я *(подумав)*. Приказываю Мине Попову идти домой. Командование передать Шурику Козлову. Все-таки он сын генерал-майора. Пока я буду здесь. Я хочу проконсультироваться. Тут к нам из города один знакомый приехал... капитан. Ясно?

О л е г. Ясно, понятно. Что читаешь? Опять про Суворова?

В а с я. «Фортификация оборонительной полосы».

О л е г. Интересно?

В а с я. Трудновато. Это тебе не «Доктор Айболит»... Беги! Ну, чего стоишь?

О л е г. Шурик Козлов, сын генерал-майора, бузит.

В а с я. В чем дело?

О л е г. Ему, как всем, выдали деревянный маузер, а у него есть свой, настоящий, именной, немецкий, трофейный. Ему отец с фронта привез. Он не хочет с ним расставаться. У меня, говорит, отец генерал, и так далее...

В а с я. Не положено. Оружие сдать. А то, что у него отец генерал, это мы знаем. Все-таки это его отец — генерал, а не он.

О л е г. Ясно, понятно. Так и скажу. Конечно, это несправедливо, чтобы у всех были деревянные, а у него настоящий. Хотя из него тоже не выстрелишь, у него и курка-то нет... Можно бежать?

В а с я. Беги!

О л е г. Да, Вася, хорошо я закамуфляжился?

В а с я. Хорошо, хорошо. Беги.

Олег убегает.

(Открывая немного дверцу под террасой.) Подышите! *(Отходит.)*

В открывшуюся дверь выглядывают Вова и Костик. Вова вывешивает сушить майку.

Костик. Вовка, дыши!

Вова. Вот сейчас как заорать во весь голос, будут знать, как нас под террасой томить! Небось бы задали им за такое издевательство. Сами сидят, пироги едят, а мы что? Узники? Сиди теперь, жди у моря погоды, пока война кончится или пока свои выручат.

Костик. Меня на настоящем фронте живым в плен не взяли бы. Я бы ни за что не дался. Я бы все пули в них, а одну в себя. А из деревяшки разве застрелишься?

Вова. Мы же в плен не сдавались. Нас силой взяли. Ты не горюй, мы ведь не по-настоящему воюем. А в другое время, если бы за Родину, меня бы тоже вряд ли взяли... И майка не сохнет. Вот простужусь я на этой войне... Что-то чихнуть хочется...

Костик. Я тебе чихну! Почеши под носом!.. *(Пауза.)* Знаешь, я своими собственными глазами видел однажды в кинохронике суворовца с орденом и медалью. Так он в настоящую разведку ходил, на Втором Украинском. Не то что мы. Вот такой парнишечка. *(Показывает.)* Везет же людям!.. Хоть бы на допрос повели! Может, убежали бы.

Вова. Одному по носу, другому по уху — и в лес. Да?

Костик. Опять нельзя. Пункт третий: драться воспрещается. *(Вздыхает.)*

Вова *(тоже вздыхает)*. Не дают воевать по-настоящему. Одна фантазия. А у меня уже кончается фантазия. Ап-чи!

Костик. Тише ты!.. *(Прислушивается.)*

Вася *(подходит)*. Надышались! *(Закрывает дверцу и идет к гамаку.)*

Со стороны калитки появляется Сережа. Он в новом костюме. Причесан. Вася крадется к нему и хватается его за рукав.

(Негромко.) Ни с места!

Сережа. Вера дома? Пусти! Не мни рукав! Я к Вере пришел.

Вася. К Вере?

Сереза. Ты не удивляйся. Я вышел из игры. Я самодемобилизовался. Все бросил и ушел. Мне надоело. Все время в наряде, все время на посту, все тебе приказывают, никто тебя не ценит, винтовка деревянная, бинокля не дают, орденами не награждают. Ну их в болото! Пусть как хотят! Куда ты меня тянешь?

Вася. Куда надо!

Сереза. Я на рождение пришел. Пусти! Я не разведчик! Я так...

Вася. Разведчик или... дезертир, кто тебя разберет. Все равно тебе здесь не место!

Сереза (*громко*). Пусти! Вера-а!

Вера (*выходя на террасу*). Сереза! Поднимайся на террасу! Как хорошо, что ты пришел! Я говорила, что еще придут!

Сереза быстро поднимается на террасу. Вася за ним. Облокотившись на перила, он искоса, недружелюбно следит за Серезей.

Сереза, проходи в мою комнату!

Сереза охотно скрывается в доме. Вася провожает Серезу недоброжелательным взглядом.

Вася (*Вере*). Он не имеет права быть здесь.

Вера. Это мой гость.

Вася. И тем более пить наш чай.

Вера. А чай общий.

Появляется Женя Хват. В руках у нее папка для нот.

Женя (*очень вежливо*). Это Ленинская, двадцать два?

Вася. Да, а что?

Женя (*подходя к террасе*). Скажите, пожалуйста, могу я видеть Зинаиду Ивановну Кузнецову?

Вася. Это моя сестра. Только ее сейчас нет. Она в город уехала. Она скоро придет. (*Уходит в дом.*)

Вера. Если вам нужна моя сестра, вы можете ее подождать.

Женя (*Вере*). Спасибо... (*Осматривается.*) Какие хорошие цветы! Как они называются?

Вера (*разглядывая Женю*). Олеандры. Мы их два года назад посадили. Смотрите, как они разрослись!

Женя. Вы любите цветы?

Вера. Очень... А вы?

Женя. Обожаю. Что может быть лучше цветов!.. Это ваш брат?

Вера. Брат.

Женя. Как вас зовут?

Вера. Меня зовут Верой. А вас?

Женя. Можете меня называть просто Тамарой. А вашего брата как зовут?

Вера. Его зовут Васей.

Женя (*заметив фуражку капитана Горкуши*). Это что, тоже вашего брата?

Вера. Нет, это одного нашего знакомого, капитана Горкуши.

Женя. А-а-а!.. А я думала, это тоже ваш брат.

Вера. Вы у нас в поселке живете?

Женя. Нет, я в Дарьине живу.

Вера. Где это Дарьино?

Женя. Отсюда километров десять.

Вера. А у вас есть брат?

Женя. Нет, я одна у мамы.

Вера. С этими братьями одно мученье!

Женя. Да, я тоже так думаю. Мальчишки!

Вера. Я лично со своим почти не разговариваю.

Женя. Почему?

Вера. Если бы вы знали, что у нас тут творится, вы бы не спрашивали.

Женя. А что такое?

Вера (*шепотом*). У нас все ребята с ума посходили. Войну затеяли. Мой брат — командир каких-то «северян». На нашей даче штаб.

Женя. Что вы говорите!

Вера. Они мне тоже предлагали с ними вместе... Но я отказалась.

Женя. Почему?

Вера. Так. Не хочу. Хотите чаю?

Женя. Спасибо. С удовольствием. Очень пить хочется.

Вера. Садитесь, пожалуйста! Сегодня как раз мое рождение, а из-за этой дурацкой войны никто даже в гости не пришел. Только один Сережа и вот вы. (*Смеется.*)

Женя. Какой Сережа?

Вера. Так, один славный мальчик.

Женя. А он разве не воюет?

Вера. Я уж не знаю. Кажется, нет. Я сейчас вас с ним познакомлю. Давай будем на «ты»?

Женя. Хорошо. Давай.
Вера. Сережа! Сережа!

Появляется Сережа. За ним следом Вася. Сережа видит Женю, и их взгляды встречаются. Бессмысленная улыбка застывает на губах Сережи. Он буквально столбенеет. Женя глядит на него в упор. Сережа растерянно смотрит то на Женю, то на окружающих.

Сережа, познакомься с Тамарой.

Сережа и Женя пожимают друг другу руки.

Женя (*тихо*). Если не хочешь погибнуть — замри!
(*Васе.*) Что вы на меня смотрите?

Вася. Так просто.

Женя. Наверное, я на кого-нибудь похожа. Мне всегда говорят, что я на кого-то похожа.

Вера. Сережа, Тамара, садитесь чай пить. Тамара, тебе пирога с малиной или с вишней?

Женя. Я со всеми ягодами люблю.

Вера. А тебе, Сережа?

Сережа (*не сводя глаз с Жени*). Что?

Вера (*Сереже*). Ты с чем пирог любишь?

Сережа. С грибами.

Женя. Я тоже люблю с грибами.

Сережа (*мрачно*). Так, как я люблю, никто не любит...

Вася садится к столу.

Вера. А у нас сегодня только сладкие.

Женя (*Сереже*). Я вас где-то видела...

Сережа. Вы... я... да... нет... А я тоже...

Женя. Вы очень похожи на одного мальчика.

Сережа. Что? Я... да... я... нет... А что?

Женя. Вы бокс любите?

Сережа. Что? Бокс? Почему?

Женя. Я терпеть не могу бокс. Вы знаете, я еще в куклы играю. Да-да. И вышиваю крестиком.

Вера. Я тоже.

Сережа (*нагнувшись к Васе*). Кто это?

Вася. «Кто, кто»! Ты что, сам не видишь?

Сережа. Ну все-таки! Девочка, да?

Вася (*удивленно смотрит на Сережу*). Ты что? Конечно, не мальчик.

Сережа. Вижу.

Вася. А если видишь, нечего мне зубы заговаривать. Все равно твой час уже пробил. Отсюда ты не убежишь, и здесь ты ничего не выведаешь.

Сереза. Вера, можно у тебя одну вещь по секрету спросить?

Вера. Что тебя интересует?

Сереза (*тихо*). Что это за девочка?

Вера. Ты же с ней только что познакомился.

Сереза. Тамара?

Вера. Тамара. Я ее сегодня первый раз вижу.

Сереза. А все-таки кто она такая?

Вера. Ну, знаешь, Сереза, ты сегодня не в себе! Какой-то ты сегодня странный!

Сереза. Вася! А все-таки кто оно?

Вася (*Серезе*). Между прочим, если ты хочешь изобразить из себя сумасшедшего, то это тебя все равно не спасет.

Сереза. (*Васе*). Я, кажется, уже немножко сошел. Женя (*вставая из-за стола*). Спасибо!

Девочки и за ними Сереза уходят в дом. На террасу выходит Горкуша. Садится в кресло. Заводит патефон. В окне дачи появляются Вера и Женя.

Женя. Я бы тоже не согласилась быть только адьютантом. Лучше уж совсем не играть.

Вера. Он вообще ни во что нас, девочек, не ставит. Даже в санитары он одних мальчишек набрал.

Женя. Что же они, хорошо укрепились?

Вера. Кажется, неплохо. Они ведь меня туда не пускают. Только я все равно все их тайны знаю.

Женя. Какие тайны?

Вера. Ну, например, где у них флаг спрятан. Я его семь дней вышивала.

Женя. Какой флаг?

Вера. Военный флаг.

Женя. А-а-а! Знамя! Не флаг, а знамя.

Вера. Все равно, какая разница?

Женя. Флаг — это просто. А знамя — это святыня. Так куда же они его спрятали?

Вера. Вот сюда. В эту трубу. Только это по секрету.

Женя. Я умею держать язык за зубами. Не то что некоторые... (*Неожиданно*.) Ты любишь музыку?

Вера. Люблю. А ты на чем-нибудь играешь?

Женя. На пианино. Раньше я хотела учиться играть на скрипке, а потом решила — на пианино. Все-таки сидишь, когда играешь.

Вася с кружкой воды в руках подходит к дверце под террасой и, оглянувшись, открывает ее. Подает кружку пленникам и снова запирает дверцу на щеколду. Все это видит Женя.

Вера (*Жене*). Тамара, что ты там увидела?

Женя (*безразлично*). Ничего. Я наблюдала за двумя глупыми птичками. Пойдем потанцуем.

Вера. Пойдем.

Скрываются.

Вася. Товарищ капитан, вы были когда-нибудь в обороне?

Горкуша. Да, а что?

Вася. Ну, так скажите, как лучше всего от обороны перейти к наступлению?

Горкуша. Как вам сказать... Это зависит от обстановки. Дело в том, что...

Сереза выходит из дома и пытается сойти с террасы.

Вася задерживает его.

Вася. Куда, куда? (*Уходит за Серезей в дом.*)

Из дома выходят девочки.

Женя (*Горкуше*). Товарищ капитан, вы умеете танцевать вальс?

Горкуша. Умею, а что?

Женя (*показывая на Веру*). А вот она не умеет.

Вера. Ничего подобного! Я этого не говорила. Я умею.

Женя (*улыбаясь*). Нет, не умеешь... Товарищ капитан, ну-ка попробуйте: умеет она или нет?

Горкуша (*Вере*). Давайте попробуем! Прошу! (*Танцует с Верой.*)

Женя спускается в сад. Подходит к дверце под террасой, стучит три раза в стенку, отодвигает щеколду и быстро возвращается на террасу.

Женя. Ты же замечательно танцуешь, Вера!

Вера. Откуда ты взяла, что я не умею танцевать?

Женя (*улыбаясь*). Я пошутила. Давай покружимся. (*Хватает Веру и кружится с ней в танце.*)

Танцую, девочки скрываются в доме. Горкуша проходит в сад. Дверца под террасой открывается, и в сад выглядывает Вова.

Вова. Костик, давай!

Костик (*показываясь за Вовой*). Кто же это нас освободил?

Вова. Бежим! Бежим скорее!

Костик. Кружку возьмем. Трофей!

Костик и Вова убегают.

Горкуша (*прогуливаясь, случайно задевает за водосточную трубу — из нее падает сверток бумаг; рассматривает бумаги*). Однако! План местности... Схема обороны. «Совершенно секретно». Любопытно! Так, так... А вот это не так. (*Уходит.*)

Появляются Гаврик и Вася.

Гаврик. Попробуй меня догнать, раз я уже вырвался! Никогда!

Вася. У нас не вырвутся. Ничего им не выболтал?

Гаврик. Я им одно говорил: не знаю, не скажу.

Вася. Как они с тобой обращались?

Гаврик (*неопределенно*). Ничего... Только руки один раз связали. Конечно, компас отобрали.

Вася. А я этим пить давал. (*Замечает раскрытую дверцу.*)

Ой, открыто! Что это? Кто же это их выпустил? (*Бросается к террасе, заглядывает под нее.*) Убежали!

Гаврик. Убежали?

Вася. И нашу кружку с собой захватили. Как же так? Неужели он?

Гаврик. Кто?

Вася. Тут один гость к Вере явился.

Сереза крадется по краю террасы, прыгает вниз и заглядывает под террасу. Вася и Гаврик замечают его, и не успевают Сереза опомниться, как его уже вталкивают под террасу и запирают.

Гаврик. Ловко!

Вася. Быстрота и натиск.

Гаврик. Кого это мы туда запихнули?

Вася. Он. Это он их освободил. Это был их разведчик.

Сереза стучит.

Если будешь стучать, мы тебя свяжем и рот заткнем. Я с самого начала не поверил, что он просто на рождение пришел.

Появляется Вера.

Вера. Вася, ты не видел Сережу?

Вася. Нет, не видел. Наверно, он домой ушел. Вы же о нем забыли. Вот он обиделся, пирогов поел и ушел.

Вера. Да ну тебя. *(Убегает.)* Сережа-а! Сережа-а!

Сережа стучит.

Вася. Молчи, или хуже будет!

Появляется Горкуша. Подходит к ребятам.

Горкуша. Что же вы делаете?

Вася *(переглядывается с Гавриком)*. А что мы делаем?

Горкуша. Шоссе вы наносите на карту, как проселочную дорогу, вместо болота у вас редкий лес. А секретные военные документы вы храните в водосточной трубе. Правильно?

Вася. Да. Откуда вы все знаете?

Горкуша. Правильно?

Вася. Правильно.

Горкуша. А если дождь пойдет?

Вася *(неуверенно)*. Не пойдет. *(Смотрит на небо.)*

Горкуша. Такая беспечность никуда не годится. Вот ваша карта. *(Протягивает Васе карту.)*

Вася. Как она к вам попала?

Горкуша. Секрет разведчика.

Вася. Я как раз хотел с вами проконсультироваться.

Горкуша. Давайте, давайте! *(Показывая на карте.)* Это оборонительная полоса?

Вася. Да. Вот она проходит.

Горкуша. Понятно.

Вася *(оживившись)*. Вот видите, это речка Гнилушка. Здесь очень крутой берег. Здесь мы сделали провололочные заграждения.

Гаврик. Из веревок.

Горкуша. Я вижу. Кто наносил на карту?

Вася. Я.

Горкуша. Хорошо.

Вася. Здесь река делает поворот. Здесь самое мелкое место.

Гаврик. Тут скотину гоняют.

Горкуша. Что у вас за противник? Чего он спит! Линию обороны можно прорвать именно здесь.

Как они раньше не додумались. Танковый батальон, бригада артиллерии...

Вася. Но ведь у них нет ни танков, ни пушек.

Горкуша (*увлекаясь*). Что значит нет? Должны быть!

Вася (*оправдываясь*). Это же... не настоящая война.

Вы понимаете?

Горкуша. Да, да. Понимаю, понимаю. (*Соображает.*)

Вася. Если они пойдут в наступление, мы их встретим организованным пулеметным огнем. У нас вот тут пулеметы, вот тут пулеметы и тут пулеметы.

Гаврик. Трещотки.

Вася. Вы понимаете? Они будут условно косить врага, как траву. А разведка у них слабая, вот он скажет. (*Показывает на Гаврика.*)

Гаврик. «Слабая»? Никуда не годится.

Горкуша (*серьезно изучает карту*). Оборону нужно строить так, чтобы в любой момент быть готовым самому перейти в наступление. Ну-ка, пойдём посмотрим!

Горкуша и мальчики уходят. В окне появляются Вера и Женя.

Вера. Тамара, я тебя не понимаю. Чего ты от меня хочешь?

Женя. Я хочу тебе просто показать, как это делается, а ты чего-то боишься.

Вера. Ничего я не боюсь. Просто странно как-то... Только что подружился... Пожалуйста, покажи, если хочешь, только мне это в жизни, наверно, никогда не пригодится.

Женя (*завязывает Вере полотенцем рот*). Сначала, конечно, нужно связать руки и ноги, а потом уж рот. Конечно, это не очень приятно. Так. Дышишь?

Вера кивает головой.

Теперь руки за спину. Вот так. Не больно?

Вера отрицательно качает головой.

Теперь ноги вот так.

Вера что-то мычит.

Теперь слушай меня внимательно. Я тебя связала точно, прочно и аккуратно. Я совсем никакая не

Тамара! Меня совсем по-другому зовут. А ты некоторых вещей не понимаешь: например, что нельзя выдавать военную тайну даже самым близким подругам, а не то что знакомым. Тебе не больно? Дышать ты можешь через нос. Насморка у тебя нет? Посиди у себя в комнате на кровати. Так нужно. Честное слово, я ничего плохого делать не буду. *(Задерживает занавеску на окне.)*

В сад входят Горкуша, Вася и Гаврик. Приподняв край занавески, Женя подслушивает их разговор.

Вася. И потом, у нас везде посты и секреты, так что, наверно, мы победим. Как вы думаете?

Горкуша. Не знаю... Не знаю... *(Думает.)*

Запыхавшись от бега, появляется Олег. Он крайне возбужден. Видит Васю и капитана. Останавливается.

Олег. Вася! Вася!

Вася. Что, Олег?

Олег *(манит его)*. Поди сюда!

Вася. Что у вас там стряслось? Капитан за нас. Вы за нас?

Горкуша. За вас. За вас.

Олег. Понимаешь, понимаешь, я сам видел... видел... это... *(Переводит дух.)*

Вася. Что ты видел? Говори нараспев.

Олег. Сначала они дали зеленую ракету. Потом красную... Нет, сначала красную, а потом зеленую. А потом... потом... они зашевелились. Перебегают все время с места на место. Наверно, наступление. Я не знаю, как это бывает.

Горкуша. Так это и бывает. Выбрали удачный момент для решительного удара и пошли в наступление.

Вася. Что же теперь делать?

Олег. Вот и я думаю: что делать?

Горкуша. Карту! Сейчас примем решение.

Вася разворачивает перед капитаном карту. Все склоняются над ней. Из окна осторожно вылезает Женя, скрываясь за кустами, подбирается к водосточной трубе, достает из нее зная. Срывает его с древка, затем кладет древко обратно, а полотнище прячет в нотную папку. Оставаясь незамеченной, она прислушивается к разговору ребят с капитаном.

(Рассматривая карту.) А это что?

Вася. Это мы старый танк отметили. Для ориентира.
Горкуша. Вы же говорили, что у вас нет танков?
Вася. Он же не двигается. Подорванный. Еще с настоящей войны остался.

Горкуша. Это же дот! Его нужно использовать.

Гаврик. Он у самого правления колхоза.

Вася. Как-то неудобно.

Горкуша. А что, если противник до этого додумается и у нас в тылу превратит его в неприступную огневую позицию? Для этого достаточно одного пулемета. Отсюда просматривается дорога сюда и сюда. *(Показывает.)*

Вася. Они не догадаются. Мы их не допустим, а сами всегда успеем.

Горкуша. Сколько у вас здесь ребят? *(Показывает на карте.)*

Вася. Здесь? Тридцать человек.

Горкуша. Главный удар принимает на себя укрепленный пункт! Оставить здесь семь человек понадежнее, остальных сосредоточить здесь.

Вася. А семь человек не мало? А?

Олег. Их же всех переколотят.

Горкуша. Ничего, ничего, зато отвлекут противника на себя, а мы тем временем ударим отсюда. Кто командир укрепленного пункта?

Вася. Теперь Шурик Козлов, сын генерал-майора.

Горкуша. Его социальное положение здесь ни при чем. Он толковый парень?

Олег. Это, это... Гаврик-то толковее.

Горкуша. Срочно командование укрепленным пунктом передать Гаврику... Пишите приказ.

Вася пишет приказ и передает Гаврику.

Гаврик. Есть!

Олег вручает Гаврику деревянную саблю и бинокль.

Вася. А Шурику скажешь на словах, чтобы не обижался: война ведь.

Горкуша. Да, тут уж обижаться не приходится, и приказ есть приказ. Его не обсуждают, а выполняют.

Олег. Правильно.

Горкуша *(Гаврику)*. Ваша задача — как можно дольше

задерживать наступающую группу. Как можно дольше!

Гаврик. Есть! Задерживать как можно дольше! Все? Бегу. *(Убегает.)*

Вася. Что мы будем делать?

Горкуша *(быстро чертит на песке палочкой)*. Значит, так. Вот это укрепленный пункт. Так. Это роща «Груша». Так. Мы отходим сюда. Так. Они штурмуют укрепленный пункт и втягиваются сюда. Мы их отсюда. Так. Ясно. Эх, надо было бы на всякий случай этот старый танк использовать, ну да ладно! Все! Надо успеть. За мной! *(Быстро поднимается на террасу, берет фуражку и убегает вместе с ребятами.)*

Женя бросается к тому месту, где капитан Горкуша только что чертил план контрнаступления «северян». Она быстро срисовывает план с песка на папиросную коробку. Через забор на участок дачи прыгают Бобик, Костик и Вова.

Женя. Я им покажу, какая у нас слабая разведка!

Вова. Девочка, ни с места!

Женя *(строго)*. Доложите обстановку. Быстро!

Костик. Ребята, да ведь это наш Женька!

Вова и Бобик *(удивленно)*. Женька?

Женя *(тихо)*. Удивляться будете потом. Где наши?

Вова. У моста идет бой. Мы перешли в наступление.

Костик. Мы первыми прорвались в поселок.

Бобик. Чего это ты нарядился в платье? Ах, понимаю: разведка?

Все *(вместе)*. Разведка!!!

Женя. Тихо, тихо!

Вова. Да мы же здесь сидели, под этой самой террасой. Нас какая-то добрая душа освободила. *(Бобику.)* Прочесать сад!

Женя. В дачу не заходить!

Вова и Костик убегают.

Бобик *(открывает дверь под террасой)*. Эй, кто там? Выходи!

Из-под террасы вылезает Сережа. Все на него смотрят

Сережа *(зевает)*. А... а... свои? Победили?

Костик. Что ты там делал?

Сережа. Спал. Я уснул.

Костик. Мы здесь томились, а он просто спал!

Вова. Как ты туда попал?

Сережа. Посадили. Втолкнули и заперли.

Женя. Он дезертир! Он бросил оружие и пришел на пироги.

Сережа (*увидев Женю*). Да! Да! Вот я тоже хотел что-то сказать! Вас обманывают! Она девчонка! Самая настоящая девчонка!

Женя. Что? Проснись, мальчик! Задержать его!

Сережа. Женька! Хват! Ребята, это же нечестно! Вы что, с ума сошли? Я же только что из плена освобожден.

Бобик. Ты трус!

Сережа. Ты сам яблочный мародер!

Бобик. Бывший. Я в бою снял с себя позор.

Женя. Тебя будут судить! (*Что-то быстро пишет на крышке папиросной коробки.*)

Сережа (*вдруг жалобно*). Ребята, я знаю, что меня нужно сурово наказать. Но я, честное слово, не думал, что так все серьезно. Дайте мне совершить какой-нибудь подвиг. Разрешите мне! Простите меня!

Бобик. Может, простить? Меня-то ведь простили. Хотя, конечно, это нельзя сравнить с тем, что я сделал.

Сережа. Простите меня! Я сегодня готов на любой подвиг!

Женя (*что-то решив*). Хорошо! Иди сюда. Вова, стань на посту. (*Сереже.*) Ты сейчас стрелой помчишься к нашим и передашь это секретное донесение. Понял?

Сережа. Понял. Понял.

Женя. Погоди. Если тебя по дороге схватят «северяне», ты это донесение съешь. Понял?

Сережа. Как — съешь?

Женя. Положишь в рот, разжуеть и проглотить.

Сережа. Это же картон, я же могу отравиться!

Женя. Ничего, ничего. Факиры гвозди глотают!

Сережа. Но я же ведь не факир!

Женя. А впрочем, мы можем тебя не посылать. Бобик!

Бобик. Есть!

Сережа. Нет-нет. Хорошо. Я все понял. Если меня схватят, я уж как-нибудь проглочу.

Бобик. Не как-нибудь, а совсем!

Сер е ж а. Хорошо, хорошо. Женя... Тамара... Давайте мне его скорее. У меня больше нервы не выдерживают.

Женя вручает Сереже донесение.

Бежать?

Женя кивает головой. Сережа опрометью бросается бежать. Женя что-то быстро пишет на бумажке.

Женя. Бобик!

Бобик. Есть!

Женя. Беги к нашим и передай это донесение.

Бобик. Я не понимаю: Сережа ведь побежал?

Женя. А если он не добежит? Я же не могу так рисковать. Соображать надо!

Бобик. А если Сережино донесение попадет в руки противника?

Женя. Они ничего не поймут. Там все зашифровано... Вова! Костик! За мной к старому танку!..

Ребята убегают. С противоположной стороны появляется В а с я. Он запыхался. Лезет в водосточную трубу и вытаскивает одно древко от знамени, без полотнища.

В а с я (*в ужасе*). Знамени нет! Где знамя? (*Лезет еще раз рукой в трубу.*) Нет! Украли! Содрали! Кто он? Среди нас есть предатель! Кто?!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Фруктовый сад колхоза имени Первого мая. Деревья ломаются от яблук. Справа — крыльцо правления колхоза. Слева — подорванный танк. На крыльце сидит дядя Федя, подшивает валенок.

Дядя Федя (*поет*). «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...»

За оградой появляются Женя и Вова.

Женя. Вот он, старый танк.

За сценой слышны голоса. Ребята прячутся. Появляется Тимофей Антонович.

Тимофей Антонович (*озабоченно*). Самое время яблоки снимать. Через неделю поздно будет. Уж и так падалицы много. Урожай, прямо сказать, страшный. Полтонны с дерева достигает. А где я людей возьму? Все на жнивье заняты. Тоже ведь не брошишь... (*Садится и пьет воду.*) Кабы не такой урожай, мы бы, пожалуй, управились. Дядя Федя, давно ведь такого не было?

Дядя Федя. И не припомню, чтобы так уродилось, как в нынешнее лето.

Тимофей Антонович. Четыре года с немцами воевал и не думал, что теперь с яблоками воевать придется. Дядя Федя, я в сельсовет пошел. Кто спрашивать станет, скажи — скоро буду. Да, дела! (*Уходит.*)

Женя осторожно ползет к танку.

Дядя Федя. Стой! Куда лезешь? (*Хватает Женю за рукав.*) Хорошему делу вас учат — яблоки воровать!

Женя. Отпустите меня! Я яблок не трогала. Мне никаких ваших яблок не надо. Слышите, дяденька, отпустите меня!

Дядя Федя. Как же! Не на то я здесь правлением поставлен, чтобы тебя отпускать.

Женя. Как вас зовут?

Дядя Федя. Вот так я тебе сразу и сказал, как меня зовут.

Женя. Гражданин! Честное пионерское — я не за тем сюда пришла.

Дядя Федя. «Честное пионерское»! Вот заявлю на вас вашему вожатому. «Пионерское»! А галстук где?

Женя. Я сегодня без галстука. Не надела...

Дядя Федя. А раз ты без галстука — значит, ты для меня и не пионер. Вот, к примеру, у меня ружье — стало быть, я есть сторож. Был бы у меня галстук, был бы я пионер.

Женя. Почетный.

Дядя Федя. Ясно, что не без почета. Так-то вот. Да. Садись. Будешь у меня под арестом.

Женя (*садится на лавочку*). Я не могу здесь сидеть, мне каждая минута дорога.

Накрывшись корзиной, ползет Вова. Дядя Федя чинит валенок.

Вова (*Жене, тихо*). Что делать?

Женя. Надо, чтобы его вызвал кто-нибудь. Мы бы успели.

Вова. Понимаю. Военная хитрость. *(Прячется.)*

Женя. Гражданин сторож! Вы были когда-нибудь на войне?

Дядя Федя. Это я-то? Да я этих самых японцев тогда еще крошил, когда никакой техники не было. Да я три раза ранен был в одна тысяча девятьсот четвертом году.

Женя. Гражданин! Я вам верю, верю.

Дядя Федя. Да мне не такие верили.

Женя. А что вы со мной делать будете?

Дядя Федя. Вот придет председатель, я тебя сдам с рук на руки. Пусть какой хочет на тебя акт составляет.

Появляется Вова.

Вова. Простите, пожалуйста, гражданин. Я ногу на стекло напорол. Нет ли у вас йоду?

Дядя Федя. Как не быть! У нас аптечка с полным набором. Скорую помощь всегда оказать можем.

Вова. Только вы скорей, пожалуйста, а то очень больно.

Дядя Федя. Это можно... *(Уходит в дом.)*

Женя. Скорее в танк!

Вова. Правильно Юрка говорит: риск — благородное дело.

Женя. Ничего, ничего. Все равно они не ожидают, что у них в тылу окажется такая засада.

Вова. Да еще какая — с пулеметом!

Скрываются в танке.

Появляются Гаврик и Шурик.

Гаврик. Обожди меня здесь. Я только хлебушка возьму.

Страсть как есть хочется! Я мигом. *(Убегает.)*

Шурик. Хорошо, обожду. Только скорее.

Из дома выходит дядя Федя с пузырьком в руках.

Дядя Федя. У нас скорая помощь не задерживается. Давай ногу.

Шурик. Какую ногу?

Дядя Федя. Какую на стекло напорол, такую и давай. Мы ее сейчас мигом залечим.

Шурик. Я вас не понимаю. Мне ничего не надо.

Дядя Федя. Ты у меня йоду просил?

Шурик. Ничего я не просил, я товарища жду.
Дядя Федя. Что я, ума рехнулся? Кто же это у меня йоду просил?

Шурик. Я не знаю.

Дядя Федя (*увидев, что Жени нет на скамейке*). И эта сбежала! Вот отчаянный народ пошел!

Появляется Гаврик с хлебом.

Гаврик. Держи! (*Дает Шурику хлеб.*) Куда мы сейчас подадимся?

Шурик. Мы все равно убитые. Нам теперь повсюду можно. Пошли к речке. Во-первых, окунемся разок, а во-вторых, там еще бой идет. Посмотрим.

Гаврик. Пошли! Посмотрим, чья возьмет: южанская или северянская.

Дядя Федя. Убитые ребяташки по деревне ходят. Так, так, так. Тут, смекай, не иначе пионерия свои маневры играет.

Слышится звук трещоток, далекое «ура».

Видать, из-за речки напирают. Так, так. Зайдем наблюдательный пункт. (*Идет к ограде.*)

Крики «ура» приближаются, появляется группа «северян» во главе с Горкушей.

Горкуша. Занимайте танк! Танк занимайте! Вперед!

Из танка — «пулеметная очередь».

Вася (*кричит*). Ложись!

Горкуша. Что я говорил? Что я говорил? Заняли! Теперь мы все убитые и дорога перехвачена. Нас уничтожили.

Вбегает группа «южан». С ними Стрельцов.

Стрельцов. Вперед! За мной! Сдавайтесь! Нас больше.

Горкуша. Поздно, брат, поздно! Нас уже не существует.

Мы все перебиты. (*Вытирает мокрый лоб.*)

Стрельцов. Горкуша, ты? Ты что здесь делаешь?

Горкуша. Переживаю поражение.

Стрельцов. Не ожидал?

Горкуша. Не ожидал.

Стрельцов. А что ж, мы должны были ждать, пока вы нас разгромите?

Горкуша. Значит, это ты против меня воевал?

Стрельцов. Нет, я только консультировал.

Горкуша. Хорошенькое дело! Если бы я знал, что ты у них командуешь, я бы другое решение принял. А уж этот танк я бы наверняка сам занял.

Из танка — «пулеметная очередь».

Горкуша. Кто же там сидит, в танке?

Миша. Наши или ваши?

Вася. Эй, кто там? Выходи! (*Бросается к танку; его встречает «пулеметная очередь».*) Ваши! (*Ложится.*)

Из танка появляется Вова, за ним Женя.

Миша (*удивленно*). Вова! Женька!

Вася. Что-то я совсем ничего не понимаю. Посторонние девчонки стреляют из пулемета. Это не считается.

Миша. Это Женя Хват. Наш парень, наш разведчик. Молодец, Женька!

Горкуша. Постойте, постойте! Так это же Тамара. Верина подруга. Я ее знаю.

Вася. Конечно, Тамара.

Миша (*смеется*). Это наш Женька.

Ребята смеются.

Стрельцов. Я-то знаю, что это не Тамара.

Миша (*Жене*). Кто ты? Женя или Тамара?

Женя. Я Женя.

Миша. Это наш разведчик, Женька Хват.

Вася. Как — разведчик?

Миша. Очень просто. Мы переодели его девчонкой и дали ему особое задание.

Олег. Позор!

Вася. Кошмар!

Горкуша. Вот это ловко! Хвалю. (*Стрельцову.*) Какое? А?

Стрельцов. А ты думал...

Миша (*Жене*). Иди переодевайся: война кончилась. Ты молодец!

Дядя Федя. Герой! Истинный герой девка!

Миша. Это наш парень.

Женя. Я не парень.

Миша. А кто же ты?

Женя. Я девочка.

Юра. Брось, Женька, острить! Здесь не драмкружок.

Женя. Я не острою. Я говорю правду. Я девочка. Я девочка. Я сто раз девочка.

Люба. Она девочка.

Миша. Как же так?

Люба. Вы же девочек в разведчики не брали, а она хотела быть только разведчиком, как ее папа, вот и переделалась в мальчика, а я привела ее к вам в дружину. Помнишь?

Миша. Значит, ты нас всех одурачила?

Женя. Как не стыдно! Ну, пусть девочка. А разве я не действовала в тылу противника?

Все (*вместе*). Действовала.

Женя. Разве я не выполнила задания штаба?

Все (*вместе*). Выполнила.

Миша. Выполнила.

Стрельцов. В данном случае разведка обеспечила победу. Такими бойцами нужно гордиться.

Горкуша. Подумать только! Если бы она нам не устроила такую засаду, мы, пожалуй, не проиграли бы.

Олег. Факт!

Стрельцов. Хвалю! Товарищ достоин награды.

Горкуша. Безусловно.

Вася (*Жене*). Значит, ты к нам на дачу приходила шпионить?

Женя. Я выполняла особое задание.

Дядя Федя. Так, так. Герой, истинный герой девка!

Женя. Вы получили мое донесение?

Миша. Получили.

Женя. Кто принес?

Миша. Бобик принес.

Женя. А Сережка где?

Миша. Сережка пропал без вести.

Женя. Я так и знала.

Горкуша. Стало быть, вы знали о нашем решении?

Женя. Знала.

Горкуша (*Гаврику*). А вы говорили, что у них разведка слабая?

Гаврик. Недоглядели.

Горкуша. Вот именно, недоглядели.

Стрельцов. Никогда нельзя рассчитывать на слабость противника. Одним словом, вы проиграли.

Миша. Отдавайте ваше знамя. Мы его с честью заработали. Посмотрим, какое у вас знамя.

Юра. Наше — вот!

Миша. Ну-ка, покажите свое. Где оно?

Вася (*смущенно*). Вот.

Миша. А почему оно в чехле?

Вася. Просто так. А что? Зачем оно вам? Мы проиграли, вы выиграли. Не обязательно из чехла вынимать.

Стрельцов. Обязательно вынимать. Мы хотим видеть, что мы у вас отобрали. Давайте-ка его сюда.

Миша. Давай, давай!

Вася. Пожалуйста.

Миша (*снимает чехол*). Что это?

Стрельцов. Да. Это пока еще не знамя.

Миша. Где знамя?

Вася (*растерянно*). Не знаю, оно было тут.

Юра. Где знамя?

Миша. Это нечестно.

Вася. Оно... оно...

Женя. Ребята, вот оно! (*Вынимает из папки знамя и поднимает его.*) Вот северянское знамя! Оно у меня! Вот оно, вот!

Вася (*бросаясь к ней*). Ты? Ты?

Женя (*гордо*). Я!

Вася. Откуда ты узнала, где оно хранится? Вера... Вера... выдала...

Горкуша. Это уж совсем неожиданно. Вот это действительно позор!

Вбегает Вера.

Вера (*кричит*). Кто принимает в игру? Кто здесь главное всех? (*Оглядывает всех.*)

Олег. Вера! Ты с ума сошла!

Вера (*кричит*). Немедленно примите меня играть!

Я могу быть сапером, связистом, санитаром, поваром. Мне все равно кем. Даже адъютантом. А-а-а...

И ты здесь, коварная Тамара? Обманщица... Полотенцем меня вязать? Меня? Меня?

Олег (*Вере*). Ты опоздала... Все уже кончилось. Мы проиграли. Из-за тебя...

Вера. Все равно. Я хочу воевать против Тамары. Я еще покажу, на что я способна!

Женя. Вера, послушай...

Вера. Уйди от меня, я тебя ненавижу!

Женя. Вера, выслушай. Прости меня. Я же была разведчицей, а ты мне могла помешать.

Люба. Игра-то ведь военная!

Женя. Меня зовут Женей. А кто тебя развязал?

Вера. Никто. Зина. Сестра. Вот кто.

Женя. Ну, давай помиримся.

Ребята мирят девочек. «Северяне» тащат Сережу. Сережа быстро что-то дожевывает и глотает.

Гаврик. Вот Сережик.

Женя (*Мише*). Вот он, пропавший без вести. Где донесение?

Сережа. Я его съел.

Женя. Как — ты его съел?

Сережа. Как вы приказали. Меня «северяне» поймали, я его и съел.

Все (*вместе*). Судить его! Трус! Сбежал!

Женя. Ребята! Я все объясню. Он сбежал на именины, но мы дали ему возможность исправить свою ошибку.

Сережа. Да! Мне дали донесение. Я его съел. Я, может, даже отравился. Я, может, помру.

Женя. Игра уже кончилась.

Смех.

Сережа. Как — кончилась? Значит, я его напрасно съел?

Общий смех.

Ребята! Клянусь вам, если будет еще раз война, я... я не знаю, что я сделаю, но я докажу, что могу быть таким же храбрым, как все.

Миша. Ну хорошо. Ради нашей победы мы простим его.

Все (*вместе*). Простим, ладно.

Женя (*Сереже*). Мы прощаем тебя, но это в последний раз. Заруби себе на носу.

Сережа. Хорошо, я зарублю.

Стрельцов. Товарищи! Внимание! Подведем итог.

В общем, оба отряда проявили свою волю к победе.

Отступавших не было. Ошибки и успехи разобрать на совете дружины, и разобрать серьезно, потому что на всех маневрах и даже на такой игре мы учимся защищать нашу Родину, учимся побеждать. А сейчас мы все были как на настоящей войне.

Все (*вместе*). Ура! Ура!

Появляется Тимофей Антонович.

Тимофей Антонович. Здравствуйте, товарищи!

Все. Здравствуйте.

Тимофей Антонович. Вы ко мне? За яблоками?

Стрельцов. Нет, мы не за яблоками. Мы с маневров возвращаемся.

Тимофей Антонович. Добро, добро! А то яблок нынче много. Вот только убирать некому.

Дядя Федя. Яблоки у нас трогать воспрещается. Ты приди попроси, я сам дам.

Ребята. Дайте, дайте...

Дядя Федя. Угостим, Тимофей Антонович, их яблоками?

Тимофей Антонович. Ну что ж, можно. Выдайте им, дядя Федя.

Дядя Федя. Орлы-молодцы, за мной!

Дядя Федя раздает ребятам яблоки. Капитаны подходят к председателю колхоза и разговаривают с ним.

Стрельцов. Лозников Миша, ко мне! Построить отряд! Миша. Ребята, стройся!

Ребята выстраиваются в шеренгу.

Товарищ гвардии капитан! Сводная группа «южан» и «северян» построилась по вашему приказанию.

Горкуша. Хорошо. Займите место в строю.

Миша. Есть! *(Становится в строй.)*

Горкуша. Товарищи! Есть боевое особое задание.

Слово предоставляю председателю колхоза имени Первого мая Тимофею Антоновичу.

Тимофей Антонович. Вот что, ребята! У нас урожай нынче невиданный. Такого урожая мы давно не знали.

Деревья от яблок ломаются, а рабочих рук не хватает. А еще мы слышали, что будто вы, ребята, очень дружные. Так, может, вы нашему колхозу поможете урожаем собрать? Доброе дело сделаете.

Горкуша. Поможем колхозу, ребята?

Все *(дружно)*. Поможем, поможем!

Дядя Федя. Ну, тогда, орлы-молодцы, получайте корзинки. *(Раздает ребятам корзинки.)*

Ребята, разобрав корзинки, поют «Песню пионеров».

За горками-пригорками

В траве лежат стрелки.

Приказ о наступлении

Летит, летит в полки.

Знамена развеваются,
Доносится «ура!».
У нас обыкновенная
Военная игра.

Припев.

Послушай, как горны трубят:
Идет пионерский отряд.
А вам по секрету
Мы скажем, что нету
На свете дружнее ребят!

У нас такое правило
На суше и в воде,
Что друга и товарища
Не бросим мы в беде.
А если пионерское
Мы слово вам даем,
То можно быть уверенным,
Что мы не подведем!

Припев.

За партами над картами
Сидят ученики.
Приказ о наступлении
Записан в дневники.
И с двойками и с тройками
Война у нас идет.
Равняйся по отличникам!
Отличники — вперед!

Припев.

Занавес

1946

КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

Пьеса в трех актах, восьми картинах

Посвящаю 25-летию организации юных пионеров

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Вишняков Кузьма Емельянович, директор завода, 43 лет.

Надежда Ивановна, его жена, 35 лет.

Капитолина Петровна, мать Вишнякова, 65 лет.

Валерий }
Марина } дети Вишняковых, близнецы, 13 лет.

Шура Бадейкин }
Чашкин } ученики 6-го класса, товарищи
Валерия, 13 лет.

Кочубей, демобилизованный офицер, 30 лет.

Действие происходит в русском областном городе в 1946 году.

Премьера спектакля состоялась 6 июня 1947 года в Центральном детском театре.

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Одна из комнат в квартире Вишняковых. Направо и налево — двери в другие комнаты. За окнами свежий, ясный осенний день. Комнаты заставлены различной мебелью и предметами домашнего обихода. Это тот беспорядок, который сопутствует въезду хозяев в новую квартиру. На полу, у стены, настойчиво звонит телефон. Звонки прекращаются, за сценой слышны голоса. В комнату входит Валерий Вишняков и Шура Бадейкин. Шура прижимает к груди готовую рассыпаться связку книг.

Шура (*осматриваясь в комнате*). Куда книги-то сложить?

Валерий. Брось вон туда — на пол.

Шура. Я их лучше сюда, на кушетку, положу. (*Кладет книги, разбирает их.*) Ишь какие у тебя книжки-то есть!

Валерий. А что?

Шура. Хорошие у тебя, говорю, книжки есть.

Валерий. Попадаются ничего, интересные.

Шура. Даешь читать? Если кто почитать просит, даешь?

Валерий. Смотря кому.

Шура. Мне дашь? Вот эту. (*Показывает книгу.*) На выходной. Слово даю: в понедельник верну. В школу принесу или сюда домой — как скажешь.

Валерий. Да уж возьми.

Шура (*прячет книгу за пазуху*). А то в библиотеке на нее за три недели записывают. У меня двадцатая очередь!

А ты не бойся, я чисто читаю. Я пальцы не мусолю.

Ну, мне идти надо.

Валерий (*открыл папку и что-то рассматривает*). По-годи.

Шура (*подходит к нему*). Чего это ты смотришь?

Валерий. Так. Ничего особенного.

Шура (*заглядывает Валерию через плечо*). Кто это рисовал? Ты?

Валерий (*польщенный*). Так, это я для себя.

Шура. Между прочим, неплохо. Вот бы тебе в нашу газету рисовать.

Валерий. Очень мне нужно в вашу газету рисовать! (*Захлопывает папку.*) Я тебе сейчас нашу квартиру покажу.

Шура. Ой, мне бежать надо! Некогда мне.

Валерий. Ты откуда это шел, когда мы подъехали?

Шура (*серьезно*). Я в больницу ходил. У меня мама в больнице лежит. Не знаю, что мне с ней делать. Совсем плохо ей стало.

Валерий. А что у нее?

Шура. Не знаю. Она у меня всегда слабая была, а как узнала, что отца на войне убили, так и совсем зачахла. Таяла, таяла, а теперь вот уже третий месяц с кровати не встает... Ее уж и в больницу положили, а ей все не лучше. Мне бы сейчас такое лекарство достать, чтобы мать до весны дожила. А там я бы ее, может, куда в деревню отвез. (*Мечтательно.*) Неужели нельзя такое лекарство открыть, чтобы любую болезнь вылечивало?! Ведь открывают же новые звезды?.. Столько ученых на земле...

Валерий. Ты мне только скажи, я своего отца попрошу, он тебе какое хочешь лекарство из Москвы выпишет. У них в Москву каждый день самолеты ходят. А сейчас, Шурка, я тебе нашу квартиру покажу.

Шура. Некогда мне.

Валерий. Только посмотришь — и пойдешь. Значит, здесь у нас будет столовая, а вот здесь...

Валерий увлекает за собой Шуру в дверь направо. Из противоположной двери выходят Капитолина Петровна и Марина. Они нагружены домашними вещами. Бабушка тут же в изнеможении опускается на кушетку.

Капитолина Петровна. Ноги меня не держат. (*Тяжело дышит.*)

Марина. Я тебе, бабушка, говорила, чтобы ты не спешила и столько вещей сразу не брала. Я бы лучше сама два-три раза сбегала.

Капитолина Петровна. Ох, верхотура! (*Качает головой.*)

Марина. Какая же это верхотура — четвертый этаж? И потом, лифт есть. Только его еще не пустили. А когда его пустят, тебе вовсе не придется пешком по лестнице подниматься. (*Подходит к окну.*)

Какой отсюда вид хороший! И папин завод виден. Бабушка, посмотри! Весной мы окна откроем, стекла вымоем и будем с тобой на балконе чай попивать. Правда, бабушка?

Капитолина Петровна. Совсем ноги не держат. Так меня и до весны не хватит. Я выше второго этажа никогда не забиралась. Ну, да что уж там рядить. Свой дом — свой простор. Больно мне ваша гостиница надоела!

Марина. Мне тоже в гостинице жить надоело. Если бы папу сюда не перевели, мы бы жили себе в нашем Звенигорске и жили.

Капитолина Петровна. В жизни больше ни в какие номера не поеду! *(Вскочила.)* Господи! Никак, я в машине сумку плетеную забыла! А в ней кастрюльки! *(Спешит к двери.)*

Марина. Бабушка! Машина сейчас вернется! Не пропадет наша сумка!

Капитолина Петровна. И чайник там, и ложки...

Бабушка, за ней Марина выбегают из комнаты. Появляются Валерий и Шура.

Валерий *(продолжает разговор)*. Это только одной полезной площади. Правда, ничего квартирка?

Шура. Просторно жить будете. *(Провел ладонью по стене.)* Мажется.

Валерий *(тоже провел ладонью по стене)*. Еще не высохло.

Шура *(деловито)*. Мастера клейкú пожалели, потому и мажется. Ничего, жить можно. У меня вот беда. Нас, понимаешь, когда мы сюда в сорок втором эвакуировались, вселили с матерью в одну комнату. Небольшая такая комнатенка, метров на тринадцать, в деревянном доме. Как дождь пойдет, так таскай ведра. Перекрытия, понимаешь, гнилые, и крыша худая. Одним словом, ремонт требуется. Не знаю, что и делать с этими бюрократами.

Валерий. С какими бюрократами?

Шура. Известно, с какими: которые жилищами управляют. Зима на носу, а они все «завтра да завтра». Мать больна, а я тоже не свободный человек, чтобы к ним каждый день ходить кланяться. У меня — школа. И по хозяйству разве у меня мало дел? Я уж и в горком партии писал.

Валерий. В горьком? Ну и что же?

Шура. Комиссию прислали. Все записали, что я указал. Обещали помочь. Есть там такой товарищ Васильев. (Пауза.) Этот, может, поможет... (Задумался.) Нам бы только с матерью через эту зиму перевалить. А весной видно будет. Там солнышко... (Решительно.) Заговорился я с тобой! Мне еще за хлебом бежать надо. За книжку спасибо. Держи. (Пожимает товарищу руку и уходит.)

Валерий подходит к окну. За сценой слышны мужские голоса. Валерий быстро выходит из комнаты.

Валерий (за сценой). Сюда, сюда! Этот буфет нужно сюда. Здесь будет столовая.

Мужской голос. Взяли! А ну, еще раз! Давай на меня. Разворачивай! А ну, взяли-и!

В дверях показывается втаскиваемый в комнату буфет.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната, что и в первой картине. Над обеденным столом — лампа под большим цветным абажуром. Со стены на кушетку спускается ковер. Полка с книгами. За окнами теплый осенний вечер. За столом сидит Капитолина Петровна и шьет на швейной машинке. Марина сидит на кушетке и с выражением читает вслух.

Марина (читает). «...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой — он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои, — ведь им столько выпало работы в жизни, — но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки...» (Задумалась.)

Капитолина Петровна. Чего остановилась? Читай дальше.

Марина (продолжает читать). «...Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо, в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяже-

лый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе. Я помню, как они сновали в мыльной пене, стирая мои простынки, когда эти простынки были еще так малы, что походили на педенки, и помню, как ты в тулупчике зимой несла ведра на коромысле, положив спереди на коромысло маленькую ручку в рукавичке, сама такая маленькая и пушистая, как рукавичка...» Ты знаешь, бабушка, кто такой Олег Кошевой? Это был простой мальчик, шестнадцати лет, красивый и страшно смелый. Вот бы у меня такой брат был! *(Отложила книгу.)* Послушай, бабушка, — вот как это интересно получается. Написано здесь, в книжке, про маму Олега Кошевого, а я читаю и думаю про свою. А у меня ведь мама совсем другая, и я, например, совсем даже не помню, как она мои простынки стирала. А вот читаю, и мне кажется, что все это написано про мою маму. И, наверное, каждый, кто это прочтет, обязательно подумает про свою маму. А наш папа, наверное, вот так про тебя думает. Правда, бабушка?

Капитолина Петровна. А как же ему не думать? И я свою матушку как любила...

Марина *(поежилась)*. Одиннадцатый час, а ее все нет. Хоть бы позвонила!

Капитолина Петровна. Не маленькая — придет. *(Вспоминает.)* Что-то она мне говорила — я не разобрала. Будто ее на какое-то бюро вызвали: про ихнюю фабрику там разговор будет.

Марина *(настороженно)*. А почему про мамину фабрику разговор будет? Что-нибудь случилось?

Капитолина Петровна. Конвейер они пустили. Нынче праздник у них там.

Марина *(привскочила, захлопала в ладоши)*. Наконец-то! Наконец! Как я рада! Как я рада за мамочку! Она так волновалась!

Входит Валерий.

Валерий *(Марине)*. Чего это ты прыгаешь? Чай пить будем?

Капитолина Петровна. Когда все пили, не пил. Теперь подожди.

Марина. На маминой фабрике конвейер пустили!

Валерий. А-а-а!.. Вы скорее давайте. Я пить хочу.

Капитолина Петровна *(откладывает в сторону)*

шитье, приподнимаясь). Пошевеливайся, бабка, становись во фронт — внучек чаю требует. Все-то вам сразу подай! Звали ведь к чаю-то... Не казенные дела решал, мог бы со всеми отчайпить! (*Ворча, уходит.*)

Марина (*брату*). Неужели ты ничего не можешь похорошему попросить, по-человечески?

Валерий. А что я сказал? Ничего особенного.

Марина. Я уверена, что Олег Кошевой со своей бабушкой так не разговаривал.

Валерий. Ты меня еще учить будешь!

Марина. Не нравится, когда тебе правду в лицо говорят? А я чистую правду говорю. Ты вообще со всеми так разговариваешь. И с бабушкой, и с мамой, и со мной. Только папу одного боишься. Ты читал, как в этой книжке про обыкновенную маму написано? (*Показывает на книгу.*)

Валерий. Нет, не читал.

Марина. А говорил, что прочел «Молодую гвардию»!

Валерий. Я это место пропустил. Это неинтересно. Я только самое главное читал — про борьбу с немцами.

Марина. Вот видишь! Ты всегда такой. Конечно, как же, есть у тебя время про Олегову маму в книжках читать, когда ты свою-то почти не замечаешь!

Валерий. Знаешь! Надоело! Не люблю, когда читают нотации. И не тебе их мне читать.

Марина. Я и не собираюсь их тебе читать. Только я одно скажу: тебя бы молодогвардейцы в свою организацию не приняли. Ни за что!

Валерий. Это почему же?

Марина. Потому, что они в свое подполье эгоистов не принимали. А ты самый настоящий эгоист. Они служили народу, а ты хочешь, чтобы все служили тебе. И тебя ни чужое горе, ни чужая радость — ничего не интересует. И сам ты не можешь бороться ни с какими трудностями.

Валерий. Откуда ты знаешь?

Марина. Просто я тебя знаю. Этого достаточно.

Валерий. А с какими трудностями мне бороться? Мне еще пока не с чем бороться. Ты лучше про себя скажи. У меня по всем предметам пятерки, четверки и только одна тройка, а у тебя только две четверки, а осталь-

ные все тройки! Почему ты с тройками не борешься?
А? Что?

Марина (*горячо*). Я не виновата, что мне все трудно дается, но я учусь, я стараюсь, я была больна и много пропустила. У меня аппендицит вырезали! А у тебя не вырезали. И с тройками я борюсь! Ты не имеешь права так говорить! Я до часу ночи с ними борюсь. А на подсказках я не вылезаю. Все!
(*Резко повернулась к Валерию спиной и взялась за книгу.*)

Валерий. Подумаешь, тоже мне Зоя Космодемьянская!
(*Вышел из комнаты.*)

В передней звонок. Марина вскочила с кушетки и выбежала из комнаты. После небольшой паузы слышен ее радостный голос, затем в комнату входят Надежда Ивановна, Марина, за ними Капитолина Петровна с чайником в руке.

Надежда Ивановна (*проводя рукой по мокрым волосам*). Ну и погодка! Ну и грязь! Ветер. Дождь. Настоящая осень! Бабушка, мне, пожалуйста, чаю, да погорячей!

Капитолина Петровна. Сейчас, голубушка, сейчас.
(*Хлопочет у буфета.*)

Марина (*обнимает и целует мать*). Мамочка! Мамулечка! Как я рада! Как я рада!

Надежда Ивановна. Дочка, дочка, пусти! Что с тобой?

Марина. Мамочка, ты ничего не понимаешь. Я просто страшно тебя люблю. Ужасно люблю. Больше жизни! Ты у меня единственная-разъединственная. Ручки мои с прожилочками! (*Целует матери руки.*)

Надежда Ивановна. Мариша! Пусти! Не целуй мне руки! Что с тобой?

Капитолина Петровна. Через книжку это все. Гвардейскую книжку мы с ней тут читали. Больно в ней задушевно обо всем прописано.

Надежда Ивановна. Вот оно что! Выходит, если бы не книжка, не слышать бы мне таких ласковых слов от дочки.

Марина (*горячо*). Неправда! Неправда! Я тебя всегда люблю и всегда любила. А сегодня я тебя люблю еще больше, еще крепче, чем всегда, потому что мне вдруг показалось, что ты можешь... умереть...
(*Прильнула к груди матери.*)

Надежда Ивановна (*шутливо*). Ну, это ни к чему такое думать. Я здорова, и обо мне так уж беспокоиться не нужно. А потом, умирать мне никак нельзя. Нас сегодня в горькоме здорово похвалили и поставили всем в пример. Мы сегодня конвейер пустили!

Марина (*радостно*). Знаю! Знаю! Мне бабушка сказала. Надежда Ивановна (*ласково*). Ты в этом что-нибудь понимаешь?

Марина (*неуверенно*). Понимаю.

Надежда Ивановна. Ничего ты не понимаешь! Одним словом, на днях мы гостей встречать будем. Приедут к нам из соседней области по ширпотребу опыт перенимать. Вот какая у нас фабрика!

Капитолина Петровна. Это, стало быть, может, и знамя у кого отберете. А там, глядишь, и премию определяют. Дай бог, дай бог. Все — в дом!

Надежда Ивановна. Тут не в премии дело. Будем хорошо работать — нам и премия будет. Главное, народ у нас замечательный. Золотые руки! Не подвели!

Капитолина Петровна. Ты бы Мариночке хоть у себя на фабрике шелковое платье заказала. Пусть ей там у вас по всем правилам науки и техники платьице к Новому-то году сошьют. Что она у нас больно просто ходит? Барышня уж. А то я стара стала. Шью, да не вижу, куда иглой колю.

Марина (*вспыхнув*). У нас в школе все девочки так ходят. А тебе, бабушка, просто надоело меня обшивать, вот ты так и говоришь! Ашьешь ты, как все бабушки, — очень даже хорошо. И мне на маминой фабрике ничего шить не нужно. Что я буду как белая ворона, — разоденусь лучше всех?

Надежда Ивановна. Смотри, как разошлась... В кого ты у меня уродилась такая скромница?

Марина (*быстро*). Не знаю в кого. Нет, правда, мама, ты же сама говорила, что нужно быть одетой просто, скромно и опрятно. И это самое главное. Вы лучше Валерию сшейте, он у нас форсить любит.

Входит Валерий.

Капитолина Петровна. Легок на помине. Просил чаю — садись пей.

Валерий (*садится к столу*). Мама, на улице дождь?

Надежда Ивановна. Дождь. Мы ведь с тобой сегодня еще не виделись. Здравствуй, сынок!

Валерий. Я забыл. Здравствуй. *(Небрежно целует мать в щеку; бабушке.)* Налей мне еще чаю.

Надежда Ивановна. «Пожалуйста».

Валерий *(сквозь зубы)*. Пожалуйста.

Марина. А теперь: «Спасибо, бабушка».

Валерий. Спасибо, бабушка.

Капитолина Петровна. Как хорошо: «пожалуйста», «спасибо» — давненько я этих простых слов не слышала.

Марина. Я всегда говорю.

Валерий. Подлиза!

Надежда Ивановна. Валерий!

Валерий. Что?

Надежда Ивановна. Какой ты у нас грубый, Валерий! Ты раньше не был таким.

Валерий. А что я сказал? Ничего особенного.

Надежда Ивановна. Вот именно «ничего особенного». Ты ничего особенного не сказал, а получилась грубо. Ты же сам прекрасно понимаешь, что не прав.

Марина. Конечно, он понимает. Он только очень упрямый и никогда не сознается в том, что не прав.

Валерий. Что ж поделаешь, раз я такой уродился.

Капитолина Петровна. Заносчивого коня по-строже взнуздывают.

В передней звонок.

Надежда Ивановна. Кто это может быть?

Марина. Папа.

Надежда Ивановна. Рано для отца. Я ему звонила, он сказал, что поздно придет.

Звонок повторяется.

Капитолина Петровна. Верно, Гребешковы. У них гости. Небось опять чашек не хватило.

Надежда Ивановна. Валерий, пойдешь открой.

Валерий идет к двери. Все прислушиваются. В передней раздаются приглушенные голоса.

Валерий *(в дверях кому-то)*. Заходи, заходи. Не стесняйся... Заходи.

На пороге появляется Шура. Он мнет в руках кепку.

Надежда Ивановна. Ах, это Шура? Почему ты так поздно? И в такую погоду!

Валерий. Чего ты три дня в школу не ходишь? Мы думали, ты заболел.

Надежда Ивановна. Шура! Раз ты пришел — раздевайся и садись к столу. Мы тебя сейчас горячим чаем напоим.

Валерий. Раздевайся, раздевайся.

Шура медленно расстегивает пуговицы курточки.

Надежда Ивановна (*внимательно вглядываясь*). Шура! У тебя нехороший вид. Ты не болен? Почему у тебя такие красные глаза?

Шура вдруг как-то сразу теряет свою собранность и, рыдая, прислоняется к двери.

Что с тобой, мальчик? Что с тобой? Почему ты плачешь?

Шура (*сквозь рыдания*). У меня... мама... умерла...

Капитолина Петровна. Господи!

Надежда Ивановна. Шура, голубчик, как же это? Когда это случилось? Почему ты раньше к нам не пришел? Может быть, мы сумели бы чем-нибудь помочь?

Шура (*всхлиывая*). Вчера... в пять часов... Я думал, что зиму мы... вместе... а она не дождалась. Врачи мне ничего не говорили. Они знали, что она умрет.

Надежда Ивановна (*гладит Шуру по голове*). Что же нам теперь делать? Чем я могу тебе помочь? Мальчик ты мой хороший!

Шура (*сквозь слезы*). Я не мог дома оставаться... Не мог... я к вам пришел...

Надежда Ивановна. Очень хорошо сделал, что к нам пришел. Успокойся. Не плачь. Выпей-ка чаю горячего.

Шура. И ремонт делать пришли... А она не дождалась...

Валерий. Значит, ремонт все-таки пришли делать?

Шура. Да, пришли. Только меня из этой комнаты, наверно, выселять будут. Хозяин комнаты вернулся, офицер Кочубей. Он в армии был, а теперь демобилизовался.

Надежда Ивановна. Ты не волнуйся. Никто тебя не выселит.

Капитолина Петровна. Как же ты, горемычный, один жить будешь?

Шура. Я еще ничего не знаю.

Надежда Ивановна. Переночуешь у нас, а завтра что-нибудь придумаем.

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же комната, что и в первых двух картинах. За окнами ясный зимний день. Шура за столом что-то пишет.

Капитолина Петровна (*за сценой*). Проходите, пожалуйста, проходите. Я ему сейчас скажу. Проходите, гражданин. Как про вас сказать-то?

Входят Капитолина Петровна и Кочубей.

Кочубей. Скажите просто — капитан Кочубей. Он меня знает.

Капитолина Петровна. Кочубей? Ладно, так и скажу. (*Уходит.*)

Шура (*подвигает Кочубею стул*). Садитесь, пожалуйста.

Кочубей. Спасибо. А-а-а! Мы с тобой, кажется, знакомы. Ты не тот самый Бадейкин?

Шура. Тот самый. Я вас тоже знаю. Я в вашей комнате жил. Вы офицер.

Кочубей. Теперь, брат, я учитель. А ты ученик. Так что берегись! Зря ты из моей комнаты выехал. Мне бы горсовет другую нашел. Где ты теперь живешь?

Шура. Здесь я живу. У Вишняковых. Они меня к себе взяли. А вам ремонт сделали?

Кочубей (*удивленно*). Ремонт? Сделали.

Шура. И полы, и крышу, и перекрытия?

Кочубей. Все, что нужно было, все сделали.

Шура. Это я писал в горком партии, жаловался, что ремонт не делают. Они быстро ко мне комиссию прислали. Я им все показал, что нужно сделать.

Кочубей. Значит, я должен тебе спасибо сказать. Спасибо, Бадейкин. В гости заходи. Адрес помнишь?

Шура (*улыбаясь*). Спасибо. Не забыл еще. Зайду как-нибудь. А печку они вам не переложили?

Кочубей. Печку не переложили.

Шура. Вы напишите в горком, есть там такой Васильев. Он прикажет, вам и печку переложат. А то в ней жар не держится. Только закроешь, а его уже выдуло.

В комнату входит Вишняков. Шура уходит.

Кочубей. Здравствуйте, товарищ Вишняков!

Вишняков. Здравствуйте. Слушаю вас.

Кочубей. Не узнаете меня?

Вишняков. Простите, не припомню.

Кочубей. Моя фамилия Кочубей. Помните, я был у вас на приеме, насчет площади, которую незаконно заняли? Вы еще и в горсовет звонили. Правда, я тогда в погонах был и голова у меня еще была перевязана. Капитан Кочубей, нынче демобилизованный.

Вишняков. Помню. Артиллерист? Ваша комната была занята семьей Бадейкиных.

Кочубей. Да, да. Комната моя была занята Бадейкиными.

Вишняков. Слушаю вас. Чем могу быть полезен?

Кочубей. Я к вам, товарищ Вишняков, пришел не как к депутату, а как к родителю.

Вишняков. Простите, не понял. Почему к родителю?

Кочубей. Я ведь учитель. Педагог. Так вот, сейчас я вернулся к своей основной профессии.

Вишняков. Понимаю.

Кочубей. Я работаю в двадцать первой школе. Руководжу шестым классом «Б», в котором учится ваша дочь Марина. В будни вы очень заняты, поэтому я решил зайти к вам в воскресенье. Меня беспокоит успеваемость вашей дочери...

Вишняков (*перебивая*). Пройдемте в другую комнату. Здесь нам будут мешать.

Кочубей. Пожалуйста.

Уходят.

В комнату входит Валерий с журналом «Огонек» в руке, за ним Марина и Шура. Валерий ложится на диван и начинает рассматривать журнал. Шура садится к столу, пишет.

Марина (*весело*). Мальчики, мы пойдем на каток или нет? Вы только посмотрите, что это за день се-

годня! Солнце. Ни одна веточка не шелохнется. Мы же давно собирались на каток!

Валерий (*просматривая журнал*). Холодно.

Шура. На то и зима, чтобы было холодно.

Марина. Шурик, ну пойдем на каток. Кончай уже свои сочинения!

Шура. Это не сочинения, а план работы отряда на декабрь месяц.

Марина (*читает через Шурино плечо*). «Вылазка в лес для выбора и заготовки елки к Новому году. Участвует весь отряд. Двадцать седьмого декабря сборы звеньев». И у нас тоже. (*Читает.*) «В первом звене обзор международных событий...» А у нас встреча с бывшим партизаном. (*Читает.*) «Во втором и третьем звеньях беседа на тему «Счастливое детство». Беседу проводит Вася Чашкин». (*Шуре.*) Что же он вам будет рассказывать о счастливом детстве?

Шура. Как он его понимает.

Валерий. А как ты его понимаешь? У тебя, например, счастливое детство?

Шура (*подумав*). Счастливое. Конечно, при отце и матери было бы еще лучше...

Валерий. А у Кости Звонкова?

Шура (*уверенно*). Счастливое.

Валерий. Его мать в школе уборщица. Знаешь, как им трудно живется?

Шура. Не ему одному сейчас так живется, а все равно у него детство счастливое.

Валерий. Ну, это ты загнул! Какое же это счастье?

Шура. А вот такое: какое тебе счастье, если ты, например, негр и живешь в Америке? Тебя же за человека там не считают. Ты сегодня, например, только что родился, и ты уже не человек, раз ты родился черным, а не белым.

Валерий (*неопределенно*). Так это где-е-е... А потом, Костя ведь не негр.

Марина (*раздражаясь на брата*). Неужели ты не понимаешь? Шура тебе говорит для сравнения. У нас в стране можно любого цвета родиться: и черным, и желтым, и белым, и всяким... Все равно никто рабом не будет! Ни-ко-гда! Это же счастье! Ты прекрасно все понимаешь, ты просто нарочно споришь, я тебя знаю... Спорщик противный! (*Шуре.*)

А вообще я во всем с тобой согласна: счастливое детство — это не только тогда, когда есть компот на третье, через день — кино и каждое лето — Артек.

Валерий. Ты про меня, что ли?

Марина. Не обязательно про тебя.

Валерий. А я думал, про меня.

Шура (после паузы). Чудак человек! Компот тоже неплохая штука, и в Артеке побывать не вредно — это каждый понимает. Но вот стать в жизни кем хочется — это действительно счастье. Костя Звонков — сын уборщицы, а он кем стать может? Кем захочет! Захочет стать ученым — будет ученым. Захочет стать военным — будет военным. Токарем — так токарем! Ему нужно только захотеть кем-нибудь стать. Ему уже с самого детства все дороги открыты. Я у вас сейчас живу, а ведь я бы все равно не пропал. Уж как бы мне ни жилось, я бы все равно счастливым был. У меня мечта доктором стать, как Пирогов! Чтобы меньше советских людей умирало. Кто мне запретит? Никто! А жил бы я не в Советском Союзе, я бы все свои мечты только во сне видел, раз у меня в банке золотых денег нет. Разных там фунтов и долларов. (Встает.) Довольно философствовать. Идем на каток!

Валерий (встает). Я на «бегунах» пойду. Так что учтите.

Марина. Мы сегодня мировые рекорды ставить не собираемся. Давайте только быстро. Нам нужно с утра покататься, чтобы до обеда успеть. А вечером опять не пробьешься, как в прошлый раз.

Шура. Пошли одеваться!

Валерий. Пошли!

Ребята выходят. Появляются Вишняков и Кочубей.

Вишняков. Очень хорошо сделали, что зашли. А Мариша у меня выправится. Ей многое с трудом дается, но, мне кажется, то, что она выучила, это уже на всю жизнь.

Кочубей. Да. Другой тебе ответит быстро и гладко, а спросишь его о том же через неделю — он уже все забыл. Вы извините, что я вас задержал.

Вишняков. Хорошо, хорошо сделали, что зашли. А с книгами я вам помогу.

Вишняков провожает Кочубея и возвращается в комнату. Входит Капитолина Петровна.

Капитолина Петровна. Чего этому Мазепе надо? Вишняков. Не Мазепе, а Кочубею. Опять вы, мама, фамилию перепутали!

Капитолина Петровна. Ну, все одно, что Мазепа, что Кочубей.

Вишняков. Большая разница.

Капитолина Петровна. Мазепа тоже тогда был — в одно время. Им что будни, что праздник, подай депутата, и только...

Вишняков. Не ворчите, мама, ко мне по делу приходили.

Капитолина Петровна. Отдохнуть человеку не дадут! Пошел бы куда на улицу, прогулялся бы, подышал бы свежим воздухом. Всю неделю покоя не знаешь!

Вишняков. И то правда.

Капитолина Петровна уходит. Появляются ребята с коньками в руках.

Куда это вы, младое племя?

Марина. Неужели ты, папочка, не видишь? На каток!

Вишняков. А я? А про меня все забыли! Я уже никуда не гожусь! Молодые кадры, значит, на каток, а старые — сиди дома! Нехорошо, нехорошо получается. Можно и обидеться.

Марина (*бросаясь к отцу*). Папа! Папочка! Ты у нас самый молодой-размолодой кадр! Пойдем с нами! Пойдем!

Валерий. Папа, пойдем.

Шура. Дядя Кузьма, на вашу ногу всегда коньки подобрать можно. Пойдемте с нами!

Вишняков. Может, и в самом деле пойти? Размяться? А?

Марина (*прыгая от радости*). С папой! С папой! Пойдем с папой!

Вишняков (*озорно*). Только смотрите, я вас обставлю! Обязательно обставлю. Тряхну стариной! Хотя вы ведь хитрый народ, за вами разве утонишься! Ишь какие вы сегодня нарядные и красивые. (*С удовольствием смотрит на Марину и Шуру.*) А ты, сын, почему без галстука?

Шура, взглянув на Валерию, выходит.

М а р и н а. Галстук, папа, сейчас носить каждый день не обязательно, а вот почему он свой пионерский значок никогда не носит, я прямо даже не знаю. Все ведь носят.

В и ш н я к о в. Иди надень свой значок, или я с тобой на каток не пойду.

М а р и н а. Ты слышал, что тебе папа сказал?

В а л е р и й. Слышал.

В и ш н я к о в. Валерий, что с тобой? Почему ты покраснел? Где твой значок?

В а л е р и й (*глухо*). У меня его нет.

М а р и н а. То есть как так — нет?

В а л е р и й. Очень просто. Нет у меня значка.

М а р и н а. Может, у тебя и галстука нет?

Валерий молчит.

В и ш н я к о в. Где твой галстук, Валерий?

М а р и н а. Отвечай папе. Тебя папа спрашивает.

В и ш н я к о в (*серьезно*). Валерий, я тебя спрашиваю: где твой пионерский галстук?

В а л е р и й (*вдруг решившись*). Я... я вообще не пионер.

Большая пауза.

М а р и н а (*смотрит то на отца, то на брата*). Я не понимаю: что он такое говорит? Ты же был пионером!

В и ш н я к о в. Я видел тебя в красном галстуке за две недели до нашего отъезда из Звенигорска. Тебя, что же, исключили?

В а л е р и й. Да.

М а р и н а. Папа! Что он говорит? Этого не может быть! Как же так — исключили?

В и ш н я к о в. Ты это серьезно говоришь?

В а л е р и й. Да. Seriously. Это правда.

В и ш н я к о в. Надежда! Надя!

Н а д е ж д а И в а н о в н а (*входя*). Что случилось?

В и ш н я к о в. Послушай, Надя: сейчас наш сын расскажет нам, за что его исключили из пионерской организации. Говори, Валерий, мы ждем.

Н а д е ж д а И в а н о в н а. Что? Что такое? Кого исключили?

Валерий молчит.

Вишняков. Нет, ты, пожалуйста, не молчи. Ты сядь вот сюда на стул и расскажи, за что тебя исключили.

Надежда Ивановна. Когда это случилось?

Валерий *(тихо)*. Когда мы еще в Звенигорске жили. В той школе. Весной.

Надежда Ивановна. И мы ничего не знали?

Вишняков *(подтверждая)*. И мы ничего не знали. Что же ты натворил?

Валерий. Ничего особенного.

Вишняков. Что же все-таки ты сделал? Так просто из пионеров не исключают.

Надежда Ивановна. Ты сделал что-нибудь плохое, Валерий? Что ты сделал?

Валерий. Мне велели в отряде оформить газету, а я не хотел. Никто больше не умеет рисовать, вот они на меня и свалили.

Вишняков. Дальше! Ты отказался рисовать. Дальше!

Валерий. Они постановили, чтобы я не отказывался. А я сказал, что все равно не буду, пусть исключают. Они стали меня за эти слова прорабатывать. Тогда я снял галстук...

Марина *(вскрикнула)*. Ой!

Валерий *(продолжает)*. Снял и положил им на стол. И тогда они меня исключили.

Пауза.

Вишняков *(встал)*. Да... *(Ходит по комнате.)* Исключили, значит, из пионеров Валерия Вишнякова. Ну что ж... Он бросил в лицо своим товарищам галстук, и они правильно сделали, что не захотели больше видеть его в своих рядах.

Валерий. Во-первых, я не бросил, а положил, и, во-вторых, не в лицо, а на стол. И потом, они сами виноваты. Почему они...

Вишняков. Я все же не могу понять, почему ты это сделал? С тобой были грубы? Тебя обидели?

Валерий. Никто меня не обижал. Просто я отказался сам.

Вишняков *(ходит по комнате)*. Сам... Если бы мне сказали: «Поручаем тебе построить станок». А станок сложный, делать его трудно. Как он получится, кто его знает, — дело-то новое. А я бы взял пришел в райком, вынул свой партийный билет и сам положил на стол: «Трудно мне! Не хочу делать

станок. Я и без вашего станка проживу». Ведь меня бы, пожалуй, тоже исключили. Дали бы по шапке! Кому я такой нужен?

Валерий *(робко)*. Партийный билет — все-таки не галстук.

Вишняков. Кто не умеет в детстве дорожить красным галстуком, тот не сбережет и партийного билета. Понимаешь, Надя, он воспользовался нашим переездом из Звенигорска в другой город и скрыл это от нас. Он еще и трус к тому же.

Валерий. Папа...

Надежда Ивановна *(сыну)*. Теперь я понимаю, зачем ты потерял характеристику звенигорской школы. Почему ты ничего не сказал нам, Валерий?

Валерий. Мне было стыдно. Но, мама...

Надежда Ивановна. Не надо. Не оправдывайся. Ты обманул нас. Я думала, что ты честнее.

Вишняков. А что смотрели пионеры, новые друзья-товарищи? Шура! Где Шура?

Шура *(входит)*. Я здесь.

Вишняков. Ребята в классе знали, что Валерий не пионер?

Шура. Знали.

Вишняков. И вас это не удивило?

Шура. Удивило.

Вишняков. Вы с ним говорили? Спрашивали его, почему он не носит галстука, почему он не пионер, не вместе с вами? Он уже три месяца в вашей школе учится.

Шура. У нас сейчас вожатый scarлатиной болеет, но мы с ним говорили. Валерий сказал, что не хочет участвовать в нашей работе. Ему неинтересно.

Валерий *(возражая)*. Мне интересно, но я же знаю: сначала примут, а потом замучают своими заданиями. То им стенгазету один оформляй, то плакаты рисуй, то лозунги всякие. Папа, ведь ты не был пионером! Разве коммунист обязательно должен быть сначала пионером?

Вишняков *(выслушав сына, серьезно)*. А ты разве хочешь быть коммунистом?

Валерий. Хочу, как ты.

Вишняков. Одного желанья мало. Да, я не был пионером. В мое время пионерских отрядов не было. И жизнь другая была. Нас не в пионерских лагерях

закаляли. Я в твои годы уже паровозные котлы скоблил, кочегарил. Я, да и не только я, разве мы так жили, как сейчас живешь ты? Мы на хозяина горб гнули. Я только при советской власти читать научился. А тебе лень лишний шаг пешком ступить — просишь подвезти.

Марина. Я ему сто раз говорила. Сто раз!

Вишняков. Ты подумай о тех ребятах, которым живет сейчас труднее, чем тебе, у которых нет того, что есть у тебя. Они не снимают пионерских галстуков, потому что они — юные ленинцы. Они свято чтут дело, за которое боролись их отцы. Они сами борются за это дело. Ты не смог быть настоящим пионером, вряд ли ты сможешь быть настоящим коммунистом.

Валерий. Папа, не сердись...

Вишняков. Я не сержусь. Во всем этом, может быть, есть и моя вина...

Вишняков выходит из комнаты, за ним идет Надежда Ивановна. Дети молча глядят друг на друга. Глаза Валерия полны слез.

Марина. Я была уверена...

Валерий (*перебивая сестру*). А что, разве я не могу обратно вступить? Меня же примут?

Марина. Неизвестно. Ты же такое сделал... и от всех скрыл.

Валерий. Что же, выходит, по-вашему, я теперь никогда не могу быть пионером? Так не бывает.

Марина. Очень даже бывает. Неужели ты думаешь, что тебя в отряде так и ждут? Хотя я, конечно, не знаю, какой у вас отряд. У нас тебя бы ни за что не приняли. Разве что когда-нибудь, когда ты докажешь, что исправился.

Валерий. А я и не портился. Ошибки могут быть у каждого.

Шура. Ошибки? Это ты называешь ошибкой? Вот это удивительно! А если это ошибка, то очень большая.

Марина. Очень большая!

Валерий (*Шуре*). Ты член совета отряда, скажи: меня примут, если я заявление подам?

Шура. Не знаю.

Валерий. А кто же знает?

Шура. Совет отряда. Я — не совет отряда.

Валерий. Отметки у меня хорошие. По дисциплине пятерка.

Марина. Это в школе. А ты разве в глухом лесу живешь? Один? Без людей? У нас, например, в отряде очень большое внимание обращают на поведение дома.

Валерий. Подумаешь, дома... Да что говорить? *(Шуре.)* Ты же, в конце концов, за меня скажешь? Скажешь. И потом, меня вообще примут...

Марина. Почему «вообще»?

Валерий. Так. *(Резко.)* Одним словом, завтра я подаю заявление. Посмотрим, как вы меня не примете. Я пошел на каток. Кто со мной?

Марина. Никуда я не пойду. У меня все настроение испортилось! Я удивляюсь, я страшно удивляюсь, как можешь ты сейчас так спокойно идти на каток, когда папа такое тебе сказал! И ты еще возмутился, когда я заявила, что краснодонцы тебя бы никогда не приняли в свою подпольную организацию!

Валерий *(упрямо)*. Я ушел. *(Берет коньки, уходит.)*

Марина *(Шуре)*. Ты все время молчал. Я хочу знать твое мнение.

Шура. Очень прошу тебя, Марина, не спрашивай сейчас моего мнения. Не спрашивай... *(Уходит.)*

Входит Капитолина Петровна.

Капитолина Петровна. Чего это наш из дому выскочил как ошпаренный? Чуть меня с ног не сбил. За что ему нагоняй-то был?

Марина. Ты, бабушка, этого, наверное, и понять не сможешь.

Капитолина Петровна. Так я вдруг и поглупела? То — «бабушка, скажи, бабушка, послушай, бабушка, посоветуй», а то вдруг — «понять не сможешь»!

Марина. Другое ты все понимаешь. Ты у нас мудрая, но это... это... ты же ведь еще не партийная, и у тебя еще не все взгляды переменялись. Ты скажешь, что все это пустяки, а если ты так скажешь, мы с тобой поссоримся.

Капитолина Петровна. Здравствуйте, люди добрые! Взгляды у меня не все еще переменялись! Может, я побольше вашего партийная, только что не в партии. Сейчас же докладывай про нашего баламута!

Марина. Бабушка, бабуля, ты не можешь себе представить, что он за человек! Я в нем совсем

разочаровалась. Я его сейчас презираю. Презираю и... и хочу ему помочь... и не знаю как. *(Смахнула слезу.)*

Капитолина Петровна. За что же ты его так?

Марина. Его выгнали из пионеров!

Капитолина Петровна. Это нашего Валерку выгнали из пионерии? Вычистили?

Марина. Да. Исключили.

Капитолина Петровна. Не дело это, чтобы наших, Вишняковых, исключали, не дело. Ой, не дело! *(Качает головой.)* Что же теперь будет-то? *(Уходит.)*

Марина. Галстук! Красный галстук! Он же частица нашего красного знамени! Другие ребята за него жизнью рисковали. В селе Покровском от немцев его прятали, а мой родной брат... Мне грустно, что я родилась с ним в один день. Я хотела бы родиться или позже, или раньше.

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Та же столовая. В углу стоит небольшая украшенная елочка. Она уже осыпается, и у нее не такой праздничный вид, какой, очевидно, был, когда ее украшали. Звонит телефон. В комнату суетливо входит Капитолина Петровна, на ходу развязывая шаль.

Капитолина Петровна. Раздеться не дадут! Чистое наказание! *(Снимает трубку.)* Слушаю. Нет его... Не знаю... Только вчера в Москву улетел... А кто говорит-то? Откуда?.. Я не для своего интереса спрашиваю — мне велено узнавать, когда кто звонит... Избиратель? Ну, так и скажу. *(Кладет трубку.)* Избиратель! Чай, у каждого избирателя своя фамилия есть... Когда ребята наши елку-то вынесут? Уж совсем осыпалась. Заметать надоело!

Входят Шура и Валерий. Они в верхней одежде, прямо с улицы. Оба возбуждены. Валерий бросает портфель через стол на кушетку и шумно отодвигает стул. Шура кладет свои книги на стол и выходит в переднюю.

Ноги бы отряхнули! Ноги! Веник в прихожей. Прибираешь целый день за вами... Пятый день прошу, чтоб елку вынесли!

Валерий молча раздевается и швыряет одежду на кушетку.

У нас что — вешалки нет? Место тебе тут раздеваться?

Валерий. Отстань! Не до тебя!

Капитолина Петровна (*берет с кушетки вещи, смотрит на внука, качает головой*). Ох, и тяжело тебе, Вишняков, в жизни придется, если ты себя не переломишь. (*Уходит.*)

Появляется Шура. Он уже разделся.

Валерий (*после паузы*). Какой ты после этого товарищ? Ты предатель!

Шура. Я не предатель. Я товарищ. Но ради тебя я не буду врать.

Валерий. Тебя никто не просил врать. Мог бы просто не выступать.

Шура. Промолчать? Я член совета отряда, потом, я живу с тобой вместе, значит, я тебя лучше знаю, за тебя тоже отвечаю. Я должен был выступить.

Валерий. Выступить... Как выступить? Так, как ты выступил?

Шура. Именно так, как я выступил.

Валерий. Опозорить товарища перед всем отрядом! Наговорить про него, что он такой, он сякой! Так выступить? Спасибо, спасибочки! Уж на что Игнатку Кобчикова никто не уважает, а даже он такой подлости никогда бы не сделал! А он, между прочим, тоже пионер.

Шура. А я пионер не «*между прочим*»! Я галстук свой ношу не «*между прочим*»! Я честно говорил сегодня все о тебе! Честно! Понимаешь, честно! И ты не имеешь права на меня обижаться. Не имеешь права!

Валерий. Почему я не имею права на тебя обижаться?

Шура. Потому что мы не билеты в театр распределяли, а решали твою судьбу. Должен понимать это.

Валерий. Чего ты добился? Чего? Меня все равно согласились принять? Согласились. То бы меня в День Советской Армии приняли, а теперь только Первого мая. Ты этого добился! Чтобы меня три месяца проверяли? Эх, ты! Подумаешь! Я со своей бабушкой дома не так разговариваю, грубости у меня много! У сестры сочинение списал. Больно ты из себя много воображать стал! Подумаешь, какой перевоспитатель нашелся! Очень ты мне нужен!

- Ты у нас живешь не для того, чтобы во все нос совать... Мы тебя не за этим в дом впустили!..
- Шура. Знаешь, ты брось такой разговор! Не то я соберу свои вещи и уйду. Мне ведь недолго.
- Валерий. Напугал! Он уйдет! Иди, пожалуйста, тебя никто не держит!
- Шура. Я к вам в дом не набивался. Понятно?
- Валерий. Мой отец тебя из жалости пустил. Он хотел, чтобы ты человеком стал. Ты...
- Шура (*едва сдерживая себя*). Что? Из жалости? (*Резко.*) Не нужно мне вашей жалости! (*Начинает собирать книги.*) Обойдемся. (*Лихорадочно стягивает книги ремешком.*) Не нужно мне, чтоб вы меня кормили! И жилплощади мне вашей не нужно! (*Выбегает в переднюю и сейчас же возвращается, уже одетый: пальто внакидку, шапка косо сидит на голове.*) Я тебя больше не знаю и знать не хочу! Прощай! Да и прощаться-то с тобой, с таким, не стоит... Я и без вас человеком стану! Я не в Америке живу! (*Убегает.*)
- Валерий (*один*). Ну и пожалуйста! Никто тебя не просит у нас жить. (*Машинально разбирает тетрадки.*)
- Марина (*вбегая в комнату*). Что с Шурой? Куда он побежал?
- Валерий. Я откуда знаю? Он мне не докладывает.
- Марина. Сейчас же говори, что у вас тут произошло? Слышишь? Сейчас же!
- Валерий. Ничего особенного.
- Марина. Врешь! Что случилось? Говори! (*Наступает на брата.*)
- Валерий. Он сказал, что больше не хочет у нас жить. Вот и все.
- Марина. Это ты, ты его до этого довел! Он из-за тебя ушел! Какое ты имел на это право? Не ты здесь хозяин! Вот папа из Москвы вернется, он тебе покажет, как тут распорядиться!
- Валерий. Ничего я тут не распорядился. Ему уж и слова не скажи. Какой он нежный!
- Марина. Он гордый. Он идейный! Он больше не вернется. Ты его, наверное, насмерть обидел. Я тебя знаю. Ты никогда не следишь за тем, что говоришь. Я тебя за это ненавижу!.. Что же теперь делать? Что ты ему сказал?

Валерий. Я ему сказал... я ему сказал, что он у нас живет не за тем, чтобы во все вмешиваться.

Марина (*возмущенно*). Как ты смел ему так сказать? Разве он у тебя живет? Он живет не у тебя, а у нас! Во что он вмешивается?

Валерий. Меня почти приняли в пионеры, а он влез, вмешался и испортил все дело!

Марина. Я сейчас маме позвоню! (*Бросается к телефону.*)

Входит Чашкин.

Чашкин. Пламенный пионерский салют! Шура дома?

Марина. Нет. А что?

Чашкин (*садится*). Просто так. (*Валерию.*) В основном вопрос касается тебя. Есть такое решение: пригласить твоего отца, товарища Вишнякова, на торжественный сбор дружины. Чтобы он сделал нам небольшой доклад о нашей Конституции. Минут на сорок пять. Доклад намечен на конец месяца. Так вот, поскольку ты являешься членом его семьи и, насколько мне известно, собираешься вступить в пионеры, дружина поручает тебе взять разговор с отцом на себя, уговорить его к нам приехать. И рассматривай это как свое первое пионерское поручение. У меня все. Вопросы есть?

Молчание.

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Небольшая комната в деревянном доме. За столом сидит Кочубей и правит ученические тетради.

Кочубей (*читает про себя*). «Все деревья, за исключением сосин...» (*исправляет*) сосен «и елей, одеты осенним нарядом...» (*исправляет*) в осенний наряд. Точка. «Листья у них есть и зеленые», запятая, «но больше красные», запятой не надо, «и желтые...» (*исправляет*) красных и желтых. Точка.

Стук в дверь.

Входите!

Чашкин *(с порога)*. Здравствуйте! Пионерский салют!
Простите, пожалуйста, Шура Бадейкин тут живет?
Кочубей. Здравствуйте. Да, Шура Бадейкин живет
здесь.

Чашкин. Можно мне его увидеть?

Кочубей. Он сейчас придет. Можешь его подождать.

Чашкин. Спасибо.

Кочубей *(продолжает править тетради)*. «Иногда, пролетая, опускается отдохнуть запоздалая стая птиц и не надолго» *(исправляет)*, «ненадолго» пишется вместе... «наполняет лес веселым щибетанием...» *(исправляет)* щибетанием.

Чашкин *(растегнул пальто, снял шапку)*. Я ваш дом искал-искал, насилиу нашел. Сказали — по Калининской, направо от угла не то первый, не то двенадцатый дом с красной крышей. А у вас вовсе не красная, а зеленая. Простите, я вам не мешаю?

Кочубей. Пожалуй, немного мешаешь. *(Правит тетрадь.)*

Чашкин. Простите, пожалуйста. Я тогда помолчу.

Кочубей *(после паузы, обернувшись)*. А ты не стой у дверей, Вишняков. Проходи, садись.

Чашкин. Спасибо. *(Садится.)* Только я лично не Вишняков. Я Чашкин Василий, член совета дружины.

Кочубей. А я почему-то был в полной уверенности, что ты Валерий Вишняков и пришел к Шуре мириться. Хотя, признаюсь, меня несколько удивила твоя вежливость. «Здравствуйте», «простите, пожалуйста»... Слышал я, будто ваш Валерий не часто такие слова говорит. Правда это?

Чашкин *(пожимая плечами)*. Есть отчасти. Валерий, понимаете ли, подал заявление в нашу организацию юных пионеров. В прошлом в его биографии было одно темное пятно, один серьезный проступок, за который его своевременно исключили, но суть в том, что в настоящий момент он осознал свою ошибку и изъявил желание вернуться в коллектив. Успеваемость у него в процентном отношении хорошая, дисциплина в школе — тоже, но вот в домашней обстановке, как выяснилось, проявляются резко выраженные грубость, зазнайство и...

Кочубей (*перебивая Чашкина*). Погоди, погоди! Где это ты научился так разговаривать?

Чашкин (*не понимая*). Я всегда так разговариваю.

Кочубей. Нет, не всегда. Когда ты вошел, поздоровался и спросил, где Шура, — словом, первые пять минут ты говорил по-человечески, хорошо, по-русски. Но вот когда ты начал мне рассказывать про Вишнякова, тут ты съехал на какой-то деревянный язык: «настоящий момент», «в процентном отношении»... Что это такое? Откуда это у тебя?

Чашкин (*неуверенно*). Может быть, это потому, что я последнее время часто выступаю?

Кочубей. Э-э-э, брат, можно выступать часто, но мысли свои надо выражать совсем другими словами. Ты ведь дома не говоришь: «Мой организм принимает необходимое питание», а говоришь: «Я обедаю». Верно?

Чашкин. Верно.

Кочубей. Вот видишь. Когда человек говорит простыми словами, люди лучше его понимают. Ты же пионер! У тебя должен быть молодой, живой язык! Ну ладно, не огорчайся... А про всю эту историю с Валерием я уже от Шуры слышал. Ты что, пришел уговаривать его вернуться к Вишняковым?

Чашкин (*решительно*). Вот именно. В настоящий момент...

Кочубей (*добродушно*). Проще, проще.

Чашкин. Тут, видите ли, что получается. С одной стороны, одно, с другой — другое. Дружина считает, что Валерий серьезно виноват в создавшемся конфликте. Он там нагрубил, оскорбил Бадейкина, тот обиделся и ушел. И правильно сделал!..

Кочубей (*улыбнувшись*). Это, значит, с одной стороны, а с другой?

Чашкин (*возбужденно*). А с другой стороны — Валерка сейчас переживает, мучается. Дома его все время прорабатывают. Сам Вишняков в Москве, он еще ничего не знает. Надежда Ивановна в школу два раза приходила, к директору. О чем она там говорила, этого мы еще не знаем, но это — раз! Шурка от Валерия на другую парту пересел, это — два! Да и в классе с Валерием никто не хочет разговаривать, это — три.

Кочубей. Раз ему так туго приходится, что ж он не придет к Шуре и не помирится?

Чашкин. Понимаете ли: может, он и придет, то есть он даже наверняка сейчас придет, а вот Бадейкин... Дружина и я в том числе опасаемся, что из этого ничего не выйдет. Потому что Вишняков уже однажды.... *(Сделал выразительный жест рукой.)* А Бадейкин его... *(Повторил жест, но в другую сторону.)* Наотрез! Гордость заела!

Кочубей. Значит, однажды дело уже сорвалось? Примирение не состоялось?

Чашкин *(кивнув головой)*. Поэтому меня ребята и послали в случае чего проявить инициативу и оказать влияние. Ведь если они не помирятся, то это же все, вместе взятое, — минус в нашей пионерской работе! Верно?

Кочубей. Верно, минус.

В дверях появляется Шура с охапкой дров.

Шура *(Чашкину)*. Уговаривать пришел? *(Сваливает дрова у печки.)* Я сказал, что между нами все кончено, — и отрезано.

Чашкин. Дружина считает, что ты, Бадейкин, проявлением своего самолюбия тормозишь пионерскую работу...

Шура. Здравствуйте! Выходит, что я еще и виноват? Я возвращаться не собираюсь. И вообще я отсюда никуда не уйду. *(Кочубею.)* Конечно, если вы меня не прогоните.

Чашкин. Ну, а если...

Шура. Тогда я еще куда-нибудь уйду. Я не пропаду. В конце концов, я могу к самому Вишнякову на завод пойти. Что, у них работы для меня не найдется? Найдется.

Чашкин. А где жить будешь?

Шура. И общежитие найдется!

Чашкин. А школа? Ты что, школу бросишь?

Шура *(подумав)*. А то в ремесленное махну. Я и в суворовское имею право или в нахимовское, как захочу. Там тоже общеобразовательные есть. Мне пропасть не дадут. Я и сам себе пропасть не дам. Я упорный.

Чашкин *(после паузы)*. А отчего вы не помирились? Мало ли что бывает. Меня, например, тоже однажды

после сбора ребята поколотили. Ошиблись просто. Ничего, забылось.

Шура. Не все забывается.

Чашкин. А если Валерий сам мириться придет, ты вернешься к Вишняковым?

Шура. Я не вернусь, а он не придет.

Чашкин (*взглянув на Кочубей*). А если? Если он все-таки придет, вы помиритесь?

Шура. На что он мне нужен? Я в его извинениях не нуждаюсь.

Кочубей. Погоди, погоди, тут что-то не так. Ты же с ним дружил?

Шура. Ну, дружил. Что из того? А теперь раздружился.

Кочубей. Тогда это была не дружба.

Шура. Это была дружба.

Кочубей. Нет, брат, тогда это было знакомство, а не дружба. Как бы меня мой друг ни обидел, но если он раскаялся в своем поступке и первый подал мне руку, я не могу оттолкнуть его и остаться равнодушным. Это, конечно, в том случае, если дружба была настоящая. У меня на фронте такой случай был: один боец-разведчик другого бойца, своего товарища, в трусости обвинил. Зря обвинил, погорячился. Не был этот боец трусом, не хуже других задания выполнял. Был он просто осторожнее своего товарища, зря не рисковал. Так вот, когда его трусом назвали, он два дня себе места не находил. То вместе ели, рядом спали — водой не разольешь, а тут сразу все врозь. Дошло дело до командира. Как быть? Хорошие разведчики оба, а выходит, что в разведку их посылать вместе нельзя, раз у них дружба поломалась. Но вот случилось так, что в одном бою друзья рядом оказались. И тут же в бою один у другого прощения попросил, признал свою вину. А когда одного из них ранило, другой его из-под огня на себе вытащил.

Шура. А если бы они не помирились?

Кочубей. Кто знает, может быть, одного не было бы сейчас в живых.

Чашкин. А они сейчас дружат?

Кочубей. И переписываются.

Шура. Это на каком фронте было?

Кочубей. На Южном.

Шура. Это вы про себя рассказали?

Кочубей. Это я просто так, для примера рассказал. Важно, что это было.

Стук в дверь.

Войдите!

На пороге стоит Валерий.

Валерий. Можно Шуру?

Чашкин *(шепотом)*. Валерий.

Кочубей. А ведь верно мне говорили, что Валерий Вишняков редко здороваётся. Заходи, заходи, Валерий.

Валерий. Простите. Я забыл. Можно Шуру? Здравствуйте!

Шура. Заходи. Прикрой дверь. Не май месяц.

Валерий нерешительно входит.

Кочубей *(встает, собирает тетради)*. Мне в школу пора. Вы, ребята, тут оставайтесь, а я пойду. *(Шуре.)* Будешь уходить — ключ, где всегда. Понял?

Шура. Да понял, понял. Все понял. А вы, если рано придете, печь закрыть не забудьте. А то опять все тепло выдует. Замерзнете ночью.

Кочубей. Хорошо. Я тоже все понял. Всего хорошего, ребята.

Чашкин *(вставая)*. Я тоже пойду. Мне еще к докладу готовиться нужно. Кое-какие материалы почитать, проработать. Пионерский салют!

Кочубей и Чашкин уходят. Шура продолжает возиться у печки. Валерий растерянно смотрит по сторонам, не решается начать разговор.

Валерий. Наши все здоровы. И мама, и Марина, и бабушка. А папа еще в Москве. *(Пауза.)* Шур, пойдем к нам... Пойдем, а?

Шура. Что мне у вас делать? Мне и тут хорошо. Тепло и не дует. Видишь, ремонт сделали.

Валерий. Шура... Я знаю, что поступил подло, не товарищески, не по-пионерски. Хочешь, я у тебя прощения попрошу? Ну, прости меня! Забудь, что было. Ты же сам всегда говоришь: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Пойдем, Шура!

Шура. «Пойдем, пойдем»! Я не маленький, чтобы меня уговаривали. Вернусь, а ты опять попрекать нач-

нешь: «Мы тебя приютили, мы тебя накормили, мы тебя напоили». Я и без вас проживу. Мне за отца пенсию дали.

Валерий. Не буду. Отсохни язык, не буду!

Шура. Я тебя знаю. Верить тебе нельзя.

Валерий. Можно. Теперь уже можно. Шур, пойдем домой! У меня все из рук валится. Дома со мной никто не разговаривает.

Шура. А чего с тобой разговаривать? Ты же зазря человека обидеть можешь.

Валерий. Кончено! С этим кончено. Я слежу за собой. *(Ударил себя кулаком в грудь.)* Слежу! Шура! Пропаду я без тебя, если ты не вернешься. Меня уже и так совесть замучила. Честное слово! Ты знаешь, сколько я передумал за эти два дня... Знаешь!..

Шура *(встает, подкладывает дров в печку, закрывает дверцу)*. Ладно. Только ты запомни: не ради вашей площади или там компота — ради товарищества. За тебя, дурака, душа болеть начинает!

Шура протягивает руку. Валерий хватается ее, притягивает товарища к себе и обнимает. Дружеские объятия переходят в веселую возню. Через мгновение друзья уже катаются на полу, стараясь положить друг друга на лопатки. В дверь стучат. Мальчики не слышат.

Входит Надежда Ивановна.

Немая сцена.

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Столовая в квартире Вишняковых. Вечер. Валерий, вооружившись карандашами, красками и всякими другими необходимыми для художника принадлежностями, оформляет стенгазету. Шура поодаль чинит электрический выключатель.

Валерий *(что-то ворчит про себя, затем вдруг резким движением бросает карандаш)*. Не буду! Надоело! Не могу!

Шура *(спокойно)*. «Не могу». Странно слушать. Не нужно было братья.

Валерий. Не люблю я рисовать эти карикатуры, заставки, концовки!.. Ненавижу! *(Поднимает с полу карандаш.)* У меня природа хорошо получается.

Шура *(спокойно)*. Лес, полянки, да?

Валерий. Вообще лучше всего деревья всех пород и цветы.

Шура. Это ты всегда успеешь. Это летом рисовать надо. А сейчас зима: ни цветов, ни зелени.

Валерий (*успокоившись, рисует*). Природу я и на память рисовать могу. А вот эти самые рожицы вырисовывать — ух, не люблю!.. (*Рисует.*)

Шура. Вывесим газету. Соберутся ребята. Начнут высказываться. Один спросит: «Кто же все это нарисовал?» Чашкин скажет: «Смотрите, какое качество». А третий подойдет и добавит: «Да ведь это Валерка Вишняков рисовал! Чего вы удивляетесь? Вот его подпись!» — «Как же это он сумел один все нарисовать?» — «А очень просто, — скажет четвертый. — Талант!» — «Ах, талант, тогда другое дело! Тогда понятно!..» А ты говоришь: надоело рожицы рисовать.

Валерий (*поднимая голову*). Хитер же ты, Шурик! Ты меня все равно не купишь. Разве я для славы работаю? Я вообще могу подпись свою не ставить.

Шура. Подпись нужно поставить. У нас каждая замечточка подписана, а тут дело поважнее.

Валерий. Вот тут одна замечточка называется «Чудесная двойка». (*Читает.*) «Лучше что-нибудь, чем ничего!» — сказал Кобчиков, получив двойку». Мне что — двойку рисовать?

Шура. Суховато будет. Ты лучше самого Кобчикова изобрази.

Валерий. Ну его, еще обидится. Знаешь ведь он какой!

Шура. Ничего, ничего. Пусть обижается. Это иногда помогает. Это же «здоровая пионерская критика», как говорит Чашкин. Изобрази его посмешнее.

Валерий (*ворчит*). Не умею я эти рожицы вырисовывать! Я не Кукрыниксы.

Шура. В нашем школьном масштабе, может быть, ты даже и Кукрыникс.

Входит Капитолина Петровна.

Капитолина Петровна (*Шуре*). Исправил выключатель-то?

Шура. Готово. Сейчас пойду поставлю.

Капитолина Петровна. Я, Шурочка, знала, что ты с ним разберешься. Голова у тебя техническая. Не иначе, ты по моторам пойдешь. А лампочку

ты у меня в шкафу возьми. На верхней полке. Только большую-то не завинчивай. Поменьше какую возьми. Нечего зря энергию переводить. Экономиию соблюдать велели.

Шура. Хорошо. Только я все равно доктором буду, а не по моторам. *(Уходит.)*

Капитолина Петровна смотрит, как Валерий рисует.

Капитолина Петровна. Очень наглядно у тебя выходит. Будешь ты у нас художником.

Валерий. На художника знаешь сколько нужно учиться?

Капитолина Петровна. Не учась, и лаптя не сплетешь. *(Уходит.)*

Валерий *(выпрямляясь)*. Все! На сегодня довольно! Завтра кончу!..

С учебником в руках появляется Марина. Отчаяние написано на ее лице.

Марина. Ничего я не понимаю! Ничего! В кого я только такая дура уродилась! Зубрю, зубрю, долблю — ничего в голову не лезет!

Валерий. Чего тебе в голову не лезет? Давай помогу.

Марина. Я лучше Шуру попрошу.

Валерий. Давай, давай! Чего ты там не понимаешь?

Марина. Вот эту задачу. Все эти гипотенузы и катеты у меня в голове так перепутались, что я прямо даже не знаю! А мне еще историю повторять. Вот, посмотри. *(Показывает.)*

Валерий *(соображает)*. Так... так... Ага... Что ж тут непонятного? Чему равен угол A ?

Марина. Угол A равен тридцати градусам.

Валерий *(тише)*. Правильно. А чему равно BC ? BC равно AB , деленному на два. Верно?

Марина. Я вот дальше не понимаю.

Валерий. А дальше будет так. *(Решает.)* Если AB равно тридцати миллиметрам, то BC равно пятнадцать. Так... Вот смотри. Проверь!

Марина *(проверяет)*. Теперь понятно. Я сначала тоже так думала, а потом запуталась и сделала наоборот. *(Благодарно посмотрела брату в глаза и поцеловала его.)*

Валерий. Чего это ты?

Марина. Знаешь, Валерик, я тебя прямо не узнаю. Что-то с тобой случилось.

Валерий. Ничего со мной не случилось. Каким был, таким и остался.

Марина. Не говори, пожалуйста, глупостей! Если бы ты был таким, как всегда, я бы тебя ни за что не поцеловала.

Валерий *(смеется)*. Придется тебе свой поцелуй взять обратно. Тебе просто померещилось, что я стал другим. *(Смеется.)*

Марина *(чмокает брата еще раз в щеку)*. Беру обратно. Мне показалось. *(После паузы.)* Ну, я иду спать. Поздно уже. Историю завтра до школы повторю.

Валерий. И я тоже. У меня глаза болят. Я три часа рисовал.

Марина, а за нею Валерий уходят. Появляется Шура и Капитолина Петровна с постельными принадлежностями в руках. Она стелет постель на кушетке.

Шура. Спасибо, бабушка, я сам постелю.

Капитолина Петровна. Ладно уж. Набегался за день. *(Постелила постель, присела на край кушетки.)* Валерка-то наш ломается. Как лед весной. *(Вздыхнула.)* Корочка-то с него слетает, слетает... *(Вздыхнула.)* Скоро ты его в пионеры-то сдашь?

Шура. Скоро.

Капитолина Петровна. Слышала я, будто в мае.

Шура. Первого мая.

Капитолина Петровна. А раньше-то нельзя?

Шура. Так совет отряда постановил.

Капитолина Петровна. Ну, раз совет постановил — значит, нельзя. *(Вздыхнула, поднялась.)* Ты активничать активничай, а грамоту не забывай. Знала я таких: на языке густо, а в голове-то пусто. Ты с таких пример не бери. Это все пыль.

Шура. Я с таких примера и не беру.

Капитолина Петровна. Завтра чей день за хлебом идти? Валеркин, что ли?

Шура. Он сегодня ходил. Завтра мой день.

Капитолина Петровна. Завтра я сама схожу. А ты спи.

Шура. Спокойной ночи, бабушка. *(Зевает. Встает, начинает раздеваться, тушит свет и быстро забегает под одеяло.)*

За окном светлая, лунная ночь.

В комнату входит Надежда Ивановна.

Надежда Ивановна (*вполголоса*). Шура, ты спишь?
Шура. Нет, я еще не сплю. Я только что лег.

Надежда Ивановна подходит к кушетке и присаживается в ногах у Шуры.

Надежда Ивановна. Шура, я хотела с тобой поговорить.

Шура. Пожалуйста, Надежда Ивановна. Я еще не хочу спать.

Надежда Ивановна. Шура, тебе хорошо у нас?

Шура. Хорошо.

Надежда Ивановна. Ты с моими ребятами дружишь?

Шура. Дружу.

Надежда Ивановна. По-настоящему дружишь, да?

Шура (*сладко зевая*). По-настоящему.

Надежда Ивановна. Я вижу, что у вас, мальчиков, самые хорошие отношения. Меня это радует. Валерий теперь тебе верный друг, и он очень дорожит этой дружбой. Мы с ним не раз говорили об этом. А Кузьма Емельянович так до сих пор ничего и не знает о том, что тогда случилось между вами.

Шура (*зевая*). Не знает? А я думал — знает.

Надежда Ивановна. Я хотела тебе сказать, Шура, что мы к тебе очень привыкли. Мы тебя очень любим. Нам хочется, чтобы тебе у нас было хорошо и тепло.

Шура (*засытая*). Мне тепло.

Надежда Ивановна. Знаешь, Шура, мы с Кузьмой Емельяновичем хотели с тобой посоветоваться. У тебя ведь отец на фронте погиб, мама умерла, родных, ты сам говоришь, никаких нет, так вот мы и решили тебя спросить: что бы ты сказал, если бы мы тебя усыновили? Если бы ты стал Шурой Вишняковым, нашим вторым сыном.

Шура молчит.

Шура!

Шура молчит.

Спит. Заснул.

Надежда Ивановна наклоняется, целует Шуру, поправляет одеяло и тихо выходит из комнаты, закрыв за собой дверь.

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Известная нам комната в квартире Вишняковых. Солнечный, яркий весенний день. С улицы доносятся голоса, песни, шум, далекая музыка духовых оркестров и радио. Марина и Капитолина Петровна входят в комнату.

Марина. Демонстрация кончилась, а наших все нет.
Капитолина Петровна. Явятся. Сейчас явятся.
Пойду на стол собирать. Время.

Марина. Бабушка, неужели ты не заметила, как мама нам рукой махала? Я ее сразу узнала. Она шла впереди колонны.

Капитолина Петровна. Это когда большие деревянные ножицы несли?

Марина. Да, да. Это шла их швейная фабрика.

Капитолина Петровна. Не разглядела я. Ножицы заприметила, а ее не видела.

Марина. Я ее сразу узнала. Сегодня было замечательно! Наша школа первая шла. Все отличники впереди. Мне дали нести пятерку. Мне так неудобно было. У меня же все-таки одна четверка есть. А когда мы мимо трибун проходили, для нас специальный призыв кричали: «Юные пионеры, к борьбе за дело Ленина будьте готовы! Ура-а!»

Капитолина Петровна. Вот «ура» — это я расслышала. *(Уходит.)*

Входит Валерий. У него возбужденно-сосредоточенный вид.

Валерий *(напевает)*.

Готовься в дорогу на долгие годы —

Бери с коммунистов пример:

Работай, учись и живи для народа,

Советской страны пионер!

Марина *(накрывая на стол)*. Ты, главное, не волнуйся.

Все будет очень хорошо. Я тебе предсказываю.

Валерий. Я и не волнуюсь. *(Напевает.)*

Работай, учись и живи для народа,

Советской страны пионер!

Валерий, напевая, уходит. Через некоторое время появляется уже в пионерском галстуке.

(Марине.) Марина, посмотри. Как? Идет?

Марина *(строго)*. Сейчас же сними! Ты еще не имеешь права. Ты еще не дал торжественного обещания.

Валерий (*оправдывается*). Я только примерил. Через два часа я буду пионером.

Марина. Ты еще не пионер. Сними красный галстук!

Валерий. Я же буду пионером! Сегодня Первое мая!

Марина. Валерий!

Валерий. Хорошо, хорошо. Снимаю. (*Снимает галстук и, напевая «Песню юных пионеров», уходит.*)

В комнату входят Шура и Чашкин.

Чашкин. Пламенный пионерский салют! Поздравляем вас с Международным праздником трудящихся!

Марина. Ой, как официально!

Шура. Мы задержались. Валерий так и не выходил на улицу?

Марина. Конечно. Он с самого утра готовится и волнуется. Мне кажется, что его нужно чуть-чуть успокоить. Это все-таки ненормально так волноваться.

Чашкин. Правильно! Прием в пионеры для каждого из нас должен быть особым, радостным и важнейшим событием... Что это? Кажется, я опять выступаю. Я хотел сказать, что это ведь не каждый день бывает. Это бывает три раза в жизни: когда принимают в пионеры, в комсомол и в партию.

Шура. У меня сегодня с утра такое чувство, как будто это не его будут принимать, а меня. А я уже четыре года пионер. Это все-таки стаж. Скоро буду комсомольцем.

Марина. Я тоже только об этом и думаю.

Шура. Сбор дружины через два часа.

Чашкин. Я, кажется, сегодня оригинальнейшую речь скажу! Ни одного деревянного слова! Все свое!

Мальчики и Марина уходят. Появляются Вишняков, Кочубей и Надежда Ивановна.

Вишняков (*в дверях*). Я вас не уговариваю, а в порядке приказа. Заходите, заходите.

Кочубей (*проходит, улыбался*). Нет, честное слово, как-нибудь в другой раз. Меня дома ждут.

Вишняков (*Кочубею*). А в другой раз еще зайдете. Надюша, приготовь нам что-нибудь закусить.

Надежда Ивановна. Сейчас все обедать будем. У нас сегодня майские пироги пекли.

Вишняков (*решительно, Кочубею*). Прекрасно! Первомайские пироги — это прекрасно! А мы пока на

балкончике посидим, полюбujemy на окрестности.
(*Кочубею.*) Раньше отсюда наш завод хорошо был
виден, а теперь вот как построили этот дом, так
он мне все и загородил. Только дым из трубы вижу.

Кочубей и Вишняков выходят.

Надежда Ивановна (*окликает мужа*). Кузьма,
можно тебя?

Вишняков (*входит*). Что, Надюша?

Надежда Ивановна. Ты не забыл?

Вишняков (*серьезно*). Нет, нет. Где он?

Надежда Ивановна. Ты пройди в нашу комнату,
а я его тебе сейчас пришлю. Скажи ему то, что
ты хотел. Он ждет этого.

Вишняков. Непременно, непременно. Зови сына.
(*Уходит.*)

Надежда Ивановна уходит в другую комнату. Через минуту
Валерий проходит в комнату отца. Появляются Шура
и Чашкин.

Чашкин. Я тоже волновался, когда меня принимали.

Шура. Наверное, все-таки не так, как он.

Входит Кочубей.

Кочубей (*Чашкину*). Члену совета дружины компри-
вет! (*Шуре.*) И обыкновенный привет — члену совета
отряда. (*Заметил вторую полосу на рукаве у Шуры.*)
Извини, председателю совета отряда. Поздравляю
с повышением. (*После паузы.*) Говорят, ты сегодня
отчитываешься?

Шура. Где? Перед кем?

Кочубей. Вот тебе нá! Перед кем? Перед дружиной.

Сегодня, кажется, Валерия в пионеры принимают?

Шура. Принимают.

Кочубей. Примут?

Шура. А как же! Он — настоящий парень.

Кочубей. Добрый приятель?

Шура. Не приятель, а друг.

Кочубей. А какая же разница?

Шура. С приятелями в кино ходят, футбол гоняют,
а с другом все напополам идет — и радость и горе.

Приятель — что! Их много бывает. А друг — один.

Кочубей. Верно, Бадейкин! Верно!

Шура. Только я теперь не Бадейкин, а Бадейкин-

Вишняков. Мне Валерий теперь братом приходится.

Капитолина Петровна (*за сценой*). Шура, голубчик!

Шура. Здесь я. (*Кочубею*.) Бабушка зовет! Жить без меня не может! (*Убегает*.)

Появляется Валерий.

Валерий (*Кочубею*). Здравствуйте, Иван Савельевич! Кочубей. Здравствуй, здравствуй! Как дела? Приятель твой говорит, что лучше всех.

Валерий. Какой приятель?

Кочубей. Бадейкин-Вишняков.

Валерий. Не приятель, а друг. С приятелем в кино ходят, футбол гоняют, а с другом — все напополам. Друг — один, а приятелей много. А потом — он мне даже и не друг, а еще ближе. Я за него жизнь могу отдать.

Входят Шура и Вишняков. Вишняков положил Шуре на плечо руку.

Вишняков. Вот какая мне смена растет! Добрый у меня сокол?

Кочубей. Хоть куда!

Вишняков (*показывая на Валерия*). А этот?

Кочубей. И этот хоть куда!

Вишняков. Верно, и этот сын хоть куда.

Валерий. Папа, нам пора на дружину.

Входят Надежда Ивановна, Марина, Капитолина Петровна.

Марина. Вы опоздаете! Вы опоздаете на сбор дружины!

Шура (*Марине*). Без нас не начнут. Мы же как-никак два члена совета.

Марина. Нечего зазнаваться! Папа, им пора. Не задерживайте их.

Чашкин. Действительно, надо торопиться во избежание каких-либо недоразумений.

Вишняков (*Кочубею*). Сегодня у нас в семье большое событие.

Занавес

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Та же комната. За открытыми окнами звездная майская ночь. На кушетке лежит Шура. Рядом с ним, завернувшись в одеяло, сидит Валерий. Мальчики тихо беседуют.

Валерий (*вполголоса*). Ты знаешь, как мне сначала трудно было!

Шура. Знаю.

Валерий. Прямо как будто я с другим человеком боролся. А он не слабее меня. Я иногда зубами скрипел, но делал не то, что хочется. Бабушка однажды услышала — так испугалась. Она даже не догадалась, что я в эту минуту хотел ей нагрубить, но только зубами поскрипел, а сдержался. (*Вздыхнув.*) Ох, Шурка, Шурка! Я понял, какой ты мне настоящий друг оказался.

Шура. А я знаешь как вчера волновался! Я только, конечно, сдерживался, чтобы виду не показать, но ведь ты понимаешь, тебя же в пионеры принимали. Как тебе галстук повязали, так у меня прямо гора с плеч упала. Честное слово. Верить?

Валерий. Верю.

Шура. А потом, ребята все-таки тоже за нами наблюдали: как да что... А вдруг наша дружба не выдержит?

Валерий. Выдержит. Что я говорю: выдержит (*смеется*)... выдержала!

Шура. И дальше выдержит.

Валерий. Знаешь, Шура, почему ты себе целиком нашу фамилию не возьмешь? Чтобы не Шура Бадейкин-Вишняков, а просто Александр Вишняков. А?

Шура. Ишь ты! Мой настоящий отец кто был? Гвардии старшина Бадейкин! Он в последний день войны за Родину погиб. Как же я от него откажусь, чужак человек! И потом, не в фамилии дело.

Валерий. Тоже верно. (*Помолчав.*) Знаешь, Шурка, теперь, когда мы вроде как братья, давай поклянемся всегда и везде помогать друг другу.

Шура. И если один из нас сделает какую-нибудь ошибку в жизни, а другой это заметит или узнает, — где бы он ни был, пускай честно не побоится в глаза товарищу правду сказать.

Валерий. И чтобы не обижаться на эту правду. Давай так договоримся! Нам ведь с тобой еще лет семьдесят жить. Сколько мы с тобой еще ошибок наделать можем!

Шура. Ладно. Мы ведь с тобой тогда уже коммунистами будем, а настоящие большевики всегда правду говорят.

В дверях появляется Марина.
Она закутана в простыню.

Марина (*приглушенным голосом*). Мальчики! Не бойтесь — это я. Чего вы не спите?

Валерий. А ты чего не спишь?

Марина. Я проснулась. Мне такой страшный сон приснился: будто ты пошел на сбор дружины и опоздал! И вместо тебя другого мальчика приняли. Так ты плакал, что я не выдержала и проснулась. О чем вы тут шепчетесь?

Валерий. О жизни.

Марина (*присела рядом*). А что о жизни? О будущем?

Шура. И о будущем.

Марина. Я тоже люблю мечтать о будущем. Кем я буду, какая у нас всех жизнь будет.

Шура. А ты думаешь, какая жизнь будет?

Марина (*вдохновенно*). Я думаю так: вот мы вырастем, выучимся, будем жить, работать. (*Шуре.*) Ты будешь доктором, Валерий — художником, а... я еще не знаю, кем я буду. Но кем-нибудь обязательно буду. Может быть, просто обыкновенным техником-строителем. Ведь сколько построить надо и нового и то, что немцы разрушили.

Шура. На наш век хватит работы. Может, еще драться придется. Мы ведь не одни на земле подрастаем.

Валерий (*мечтательно*). Если я буду настоящим художником, знаете какую я картину напишу? Я уже задумал. Она будет называться «Дружба». На фоне голубого-голубого неба два друга — два комсомольца.

Марина. Лучше не два друга, а три. И чтобы третий друг была девушка, комсомолка. (*Подходит к окну.*)

За окном светает.

Мальчики, посмотрите, как светает!

Мальчики подходят к Марине, смотрят в окно и вполголоса напевают «Песню юных пионеров».

Занавес

1947

Я ХОЧУ ДОМОЙ

Драма в трех актах и девяти картинах с прологом и эпилогом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Добрынин, майор, представитель Советского Союза.

Сорокин, капитан Советской Армии.

Саша Бутузов

Ира Соколова

Маша Любимова

Толя

Владис

Женя

} советские дети.

Соколов, подполковник медицинской службы.

Пескаев, капитан Советской Армии, комендант заставы.

Месяченко

Цаплин

} советские солдаты.

Смайда Ландмане, латышка, воспитательница приюта.

Янис, латыш, из перемещенных лиц.

Упманис, латыш, старший воспитатель приюта.

Кук

Скотт

Эйт

} представители английской военной администрации.

Додж, американская журналистка.

Американский сержант.

Английский офицер-переводчик.

Вурст, худая немка.

Шпек, хозяйка пивной.

Беккер, худой немец.

Мюллер, немец, учитель.

Марта, немка, его жена.

Английские и американские солдаты.

Действие происходит в 1948 году в одной из западных зон Германии.

Премьера спектакля состоялась 22 марта 1949 года в Центральном детском театре.

ПРОЛОГ

Перед занавесом — офицер Советской Армии майор Добрынин.

Добрынин.

Минута бежит за минутой, за днями недели текут.
Пять лет, как в английских приютах советские
дети живут!

Как нищих, детей одевают, не досыта дети едят,
По капле им в души вливают разведкой
проверенный яд.

Над ними чужой и надменный британский
полощется флаг.

Встречая английских военных, они говорят:
«Гутен таг!»

Они на коленях в костелах и в кирхах молитвы
поют,

А в дальних заснеженных селах их русские матери
ждут...

Кем будет малыш из-под Пскова? Солдатом?
Шпионом? Рабом?

Лишенным отчизны и крова безмолвным рабочим
скотом?

Какого злодейского плана секретная тянется нить?
Какой дипломат иностранный велел ее в тайне

хранить?
Спросить бы у мистера Кука, который заведует тут,
Хотел бы он сына или внука устроить в подобный

приют?

Спросить бы у мистера Скотта (коль есть у такого
душа),

Хотел бы узнать он, что кто-то калечит его
малыша?..

...У дымных развалин Берлина я был в сорок
пятом году,

Я знал, что трехлетнего сына я дома, в России,
найду!
Я ждал его возгласа: «Папа!» И вот я вернулся
домой.
Сегодня несутся на Запад два голоса — детский
и мой:
«В колледжах возвращенные звери! Чудовища в
масках людей!
Откройте приютские двери — верните советских
детей!»

АКТ ПЕРВЫЙ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Английский сиротский приют. За решеткой, в полумгле карцера, сидит мальчик. Откуда-то доносится нестройный детский хор, поющий католическую молитву. За дверью карцера возникает женская фигура.

Женский голос. Саша!.. Саша Бутузов!.. Ты здесь?
Мальчик. Я здесь, мисс Смайда!

Смайда (*протягивает что-то мальчику через решетку*). Возьми!

Саша. Спасибо, мисс Смайда!

Слышны шаги. Смайда исчезает. Саша ест, прислушивается. Появляется Упманис. Саша вскакивает и вытягивается перед вошедшим.

Упманис (*ласково*). Ну как, волчонок? Не надоело тебе сидеть в этой вонючей дыре? Молчишь?.. Вот до чего доводит дурное поведение! Вместо того чтобы быть сейчас со всеми на молитве, ты сидишь в карцере.

Саша. Меня здесь заперли.

Упманис (*усмехнувшись*). Ясно, что ты не по своей воле забрался сюда. Тебя наказали. Кто тебя наказал? Я тебя наказал.

Саша. За что вы меня наказали, мистер Упманис?

Упманис. Как будто ты не знаешь, за что тебя наказали! Ты же прекрасно знаешь, за что тебя наказали. Нечего было собираться и сочинять это дурацкое письмо. Кому из вас первому пришла в башку эта дурацкая мысль? Ну? Отвечай? Почему

ты молчишь как пень! Кто тебя научил? Мисс Ландмане?

Саша. Никто меня не научил. Я сам.

Упманис. Я это предвидел. Хорошо, по крайней мере, что ты чистосердечно признаешься в своем дурном поступке. Теперь ты понимаешь, что вам не надо было писать это письмо?

Саша. Почему?

Упманис. Какое вам дело до того, как в Советской России живут советские дети?

Саша (*помолчав*). Нам интересно. Мы хотели, чтобы они нам ответили. Мы же ничего о них не знаем.

Упманис. И очень хорошо, что вы ничего о них не знаете. Чем меньше вы будете знать о них, тем скорее вы станете настоящими людьми. Благодарите господ бога и английское правительство за то, что вы сами живы и здоровы, что у вас есть крыша над головой. И нечего вам заниматься перепиской с маленькими коммунистами. И вообще, поменьше разговаривай и выполняй то, что тебе приказывают старшие.

Саша. Я выполняю.

Упманис. Плохо, плохо ты выполняешь то, что тебе приказывают! Ты точно не помнишь, что ты должен быть благодарен Красному Кресту Великобритании за все заботы о тебе. Повторяй за мной: «Я должен быть благодарен английскому правительству...»

Саша (*повторяет*). Я должен быть благодарен английскому правительству.

Упманис. А за что?

Саша (*повторяет*). А за что?

Упманис. За все заботы о тебе.

Саша (*повторяет*). За все заботы о тебе...

Упманис. Ты сирота. У тебя нет ни отца, ни матери. Ты бы умер с голоду, если бы не находился сейчас в этом сиротском приюте. Англичане и я — мы хотим сделать из тебя человека. А ты вместо благодарности все еще иногда говоришь на русском языке. Да еще поешь русские песни!

Саша. Я ведь русский, мистер Упманис!

Упманис. Какое мне дело до того, что ты был русским? Сейчас ты воспитанник английского приюта и должен говорить и петь на том языке, на котором тебя учат говорить и петь.

Саша. Я должен говорить только по-немецки?
Упманис. Ты должен говорить на том языке, на котором тебя учат...

Слышны приближающиеся голоса.
Мимо карцера проходят Скотт и Додж.

Скотт. Осторожно, мисс Додж!.. Здесь ступенька...
Так... Теперь направо.

Додж. Благодарю вас, мистер Скотт! Куда ведет эта дверь?

Скотт. Это наш карцер. Мы им почти не пользуемся.

Додж. Напрасно, мистер Скотт! Иногда это помогает.

Скотт. Мы предпочитаем гуманные меры воздействия, мисс Додж! Дети много пережили во время войны. Их психика травмирована. Они должны почувствовать разницу между нашими методами воспитания и тем, что они видели у немцев... Теперь сюда, по этой лестнице...

Проходят. Голоса и шаги удаляются.

Упманис (*Сама*). Выходи, волчонок! Надеюсь, теперь ты будешь умнее...

Гаснет свет.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Столовая в сиротском приюте. Несколько столов, накрытых клеенкой, убогие деревянные стулья. Один из столов празднично сервирован на четыре человека: белая скатерть, цветы, хлебница с нарезанным белым хлебом. На стене — большой деревянный крест, обвитый зеленью. В столовую входят воспитанники: Толя, Владис, Женя, Саша Бутузов. За ними — Упманис и служащий приюта. В руках у последнего алюминиевая кастрюля с дымящейся кашей. Мальчики опрятно одеты, головы причесаны. Упманис удовлетворенно осматривает сервировку стола. Дети недоумевающе переглядываются.

Упманис. Вот что, волчата! Вам придется сегодня пообедать второй раз, и не совру, если скажу, что вы останетесь довольны. (*Смеется, начинает сам раскладывать кашу по тарелкам.*) На этот раз вы будете сыты по горло, и вам не придется вылизывать свои миски так, что их можно даже не мыть после вашего обеда. Нечего переглядываться. Будет все, как я сказал: здесь нет никакого подвоха.

Вот я ставлю перед вами по полной тарелке, даю команду — и вы начинаете работать ложками. Это вы умеете делать, этому вас не надо учить.

Тол я. А за что нас будут кормить второй раз?

Упманис. Ваше дело — прочитать молитву и сесть за стол. Нечего спрашивать, зачем это нужно. Вас будут фотографировать для американского журнала. И вы должны вести себя как джентльмены, как порядочные люди, а не как голодные волчата. Помните, что вы счастливики. Я сам отобрал вас из ста двадцати таких же дармоедов, как вы.
(Смотрит на Сашу.)

Владис. Мы вам очень благодарны, мистер Упманис!

Упманис. То-то!.. Не всегда же я вас наказываю. Это надо ценить.

Владис. Мы это ценим, мистер Упман!

Упманис. К сожалению, вместо благодарности некоторые из вас предпочитают упрямыться и нарушать порядок, раз навсегда заведенный в нашем приюте. Садитесь к столу и ждите. Ждите моей команды.

Мальчики садятся за стол. Упманис и служащий с кастрюлей уходят.

Тол я (смотрит в тарелку с кашей). С маслом!

Все смотрят в тарелки с кашей.

Саша. Когда я был маленький, моя мама кормила меня тоже белой кашей.

Тол я. На молоке? Она была на сгущенном молоке, я знаю.

Владис (Тол я). Положи ложку. Упман сказал, чтобы мы ждали его команды.

Тол я. Я только попробую... (Пробует кашу.) Мы никогда еще не обедали два раза в день...

Саша. Зато нас иногда сажали по два раза в карцер.

Владис. Надо слушаться, тогда не будут сажать. Я слушаюсь, и меня не наказывают. Я еще ни разу не сидел в карцере.

Саша. Тебе хорошо говорить: ты латыш, и мистер Упманис тоже латыш. А я русский! Мистер Упманис русских не любит.

Владис. Это потому, что русские не любят латышей.

Саша. Откуда ты знаешь?

Владис. Так сказал мистер Упман. Я сам слышал.

Саша. А Смайда сказала, что это неправда. Она тоже латышка.

Толя. Еще она сказала, что я, может быть, тоже русский.

Владис. Ты поляк.

Толя. Почему я поляк?

Владис. Мистер Скотт сказал, что ты поляк.

Толя. Я не поляк.

Владис. Ты самый настоящий поляк. Я латыш. *(Саше.)* Ты русский. *(Толе.)* Ты поляк. *(Молчавшему до сих пор Жене.)* А ты кто?

Женя. Я еще не знаю. Мне еще не сказали, кто я... *(Жадно смотрит в свою тарелку.)* Я все-таки попробую...

Женя пробует кашу. Входит Упманис. Женя ест кашу. Мальчики видят Упманиса, но никто не предупреждает Женю об опасности. Упманис подходит сзади к Жене и несколько раз тычет его лицом в тарелку.

Упманис. Я, кажется, ясно сказал: ждать моей команды! Разве была команда есть кашу?

В столовую входят Скотт и Додж. На груди у американки фотоаппарат с открытым объективом, в руках блокнот. Мальчики вытягиваются при виде начальства. Женя вытирает лицо, запачканное кашей. Скотт вопросительно-недовольно смотрит на Упманиса.

Детские шалости, мистер Скотт!

Скотт *(улыбающейся Додж)*. Дети всегда дети! Вы можете приступить к съемке.

Додж. Олл райт!

Упманис, поймав взгляд Скотта, подает мальчикам знак. Мальчики складывают на груди руки для молитвы.

Упманис. Дети, прочтите молитву!

Мальчики *(вместе)*. Благодарим тебя, боже, ниспославшего нам земную пищу щедрой рукой!

Саша *(тихо добавляет)*. Второй раз!

Скотт. Дети могут сесть.

Мальчики, давась от смеха, садятся к столу и берутся за ложки.

Додж. Вот так!.. Пусть они улыбаются!

Скотт. Дети, я просил бы вас не шевелиться! Улыбайтесь!

Упманис. Не шевелиться! Улыбаться!

Додж. Олл райт! (*Снимает.*) Еще раз!.. (*Снимает.*)
Скотт. Теперь мы пройдем к малышам. Они ждут нас.

Скотт и Додж уходят. Мальчики жадно едят кашу. Упманис подходит к Саше и больно хватает его за плечо.

Упманис. Что ты сказал во время молитвы?

Мальчики торопятся доесть кашу, давятся.

Саша. Я сказал: «Благодарим тебя, боже, ниспославшего нам земную пищу щедрой рукой второй раз!»

Упманис. Зачем ты сказал «второй раз»?

Саша (*морщась от боли*). Я не говорил второй раз, я это сказал только один раз.

Упманис. Ты еще пробуешь шутить? Это тебе дорого обойдется! Я тебе покажу, как портить молитву! Ты у меня еще завоешь, русский волчонок!

Тащит Сашу из-за стола. Толя доедает кашу из Шашиной тарелки.

Саша. Разве я сказал неправду? Нас ведь сегодня второй раз накормили! Второй раз!

Упманис. Я тебе покажу, как портить молитву!

Тащит Сашу к двери. Мальчики выскабливают свои тарелки, облизывают ложки.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Окраина небольшого немецкого местечка. Фасад и угол неприветливого серого здания. Из подъезда выходит Смайда. Она тревожно осматривается, как бы ища кого-то, затем машет рукой.

Смайда (*зовет вполголоса*). Янис! Янис!

Из-за угла здания выходит Янис. В руке у него автомобильный ключ. Рукава засучены.

Янис. Я думал, ты не выйдешь. Здравствуй, Смайда!

Смайда. Выскочила на одну минутку. Я видела, как вы подъехали. Зачем ты ее привез к нам, эту американку?

Янис (*усмехаясь*). Ты говоришь так, как будто это зависит от меня... Мало ли всякой дряни придется мне развозить на моем джипе... Вчера она целый день ходила по нашему лагерю.

Смайда. Она у вас тоже фотографировала?

Янис. Как же! Это был настоящий спектакль в постановке полковника Билла.

Смайда. Ты все шутишь, Янис...

Янис (*серьезно*). Нет, мне сейчас не до шуток! Слушай, что я тебе скажу...

Смайда подходит ближе.

Приехал русский офицер. Он ищет ваш приют. Я встретил его вчера в Дрюкендорфе. Мне удалось указать ему правильный адрес.

Смайда (*взволнованно*). Янис, милый... Если бы ты только знал, как я боялась!..

Янис. За себя?

Смайда. Нет, за детей... Знаешь, на них начали составлять характеристики и посылать в Швецию.

Янис. Тебе надо будет встретиться с русским офицером и все рассказать ему. Но это еще не все!.. Я мог бы тебя еще кое-чем порадовать...

Смайда. Чем?

Янис. Есть у меня кое-какие новости...

Смайда. Оттуда?

Янис. Может быть...

Смайда. Письмо?

Янис. Хотя бы.

Смайда (*нетерпеливо*). Покажи!

Янис. Вот!

Янис достает из кармана помятый конверт и протягивает его Смайде. У Смайды дрожит рука, она никак не может вынуть письмо из конверта.

Смайда (*шепотом*). Неужели оттуда?

Янис. Из самой Риги!.. От моей сестренки... Живут хорошо, и многое другое...

В подъезде появляется Упманис. Он подозрительно смотрит на Яниса и Смайду.

Упманис. Мисс Ландмане, к шефу!

Смайда. Сейчас, мистер Упман!

Упманис. Вас ждут! (*Скрывается в подъезде.*)

Смайда быстро просматривает письмо.

Янис. Письмо могу тебе оставить. Я заеду за ним послезавтра.

Смайда. Спасибо, Янис! *(Прячет письмо в карман.)*
Янис. С каких пор он стал называть себя «мистер Упман»?

Смайда. С тех пор как он окончательно продался. Он любит, чтобы его так называли. Как я его ненавижу! И он смеет считать себя латышом!..

Янис. Он просто законченный фашист! Мне иногда начинает казаться, что никакой войны с ними и не было... *(Горько усмехается.)*

Смайда. Военному преступнику сейчас легче получить работу, чем инвалиду войны... Мне нужно идти. До свиданья, Янис!

Янис. Будь осторожна. И постарайся встретиться с русским майором.

Смайда. Хорошо, Янис! Я постараюсь. *(Убегает.)*

Янис скрывается за углом здания.

Некоторое время сцена пуста. Затем появляется Додж, Скотт и Упманис.

Додж *(продолжая разговор)*. Кто они по национальности, эти милые крошки? Как они забавно играли в войну против русских! «Русс, капут!» *(Смеется.)*

Скотт. Кто бы они ни были, у них нет прошлого. У них есть только настоящее и будущее!

Додж записывает.

Об их настоящем заботится Красный Крест Великобритании, их будущее в надежных руках Соединенного королевства...

Додж. Олл райт! *(Прячет блокнот.)* Позвольте мне, мистер Скотт, выразить вам как шефу этого прекрасного сиротского дома благодарность нашей редакции. Надеюсь, в самое ближайшее время вы прочитаете мой очерк в праздничном номере нашего журнала.

Скотт. Я надеюсь. Мы с удовольствием читаем американские журналы.

Додж. Мы тоже... Прошу вас!

Угощает Скотта сигаретами. Все трое скрываются за углом дома. Через некоторое время слышно, как отъезжает автомобиль. Появляются Скотт и Упманис.

Скотт *(раздраженно)*. Слушайте, Упман! Ландмане не умеет вести себя в присутствии американцев. Пора поставить ее на место. Это ваше дело.

Упманис. Она вечно сует свой нос туда, куда ее не просят!

Скотт. Прищемите ей нос.

Упманис. Слушаюсь, сэр!

Скотт. Звонили из управления. Предупредили, что могут быть незваные гости. Для них меня нет дома. Все остальное — согласно инструкции.

Упманис. Я вас понял, сэр! (*Проходит в дом вслед за Скоттом.*)

Слышен нарастающий звук приближающегося автомобиля. Автомобиль останавливается за домом. Появляются Добрынин, Сорокин и сопровождающий их английский офицер.

Английский офицер. Насколько мне известно, приют находится в Дрюкендорфе.

Добрынин (*спокойно*). Находился в Дрюкендорфе. А теперь он находится здесь, в Клингенберге, Блюменштрассе, двадцать семь... По-моему, мы находимся как раз возле этого дома.

Сорокин (*смотрит на номер дома*). Блюменштрассе, двадцать семь...

Английский офицер. Возможно. Я первый раз в этом городишке.

Добрынин. Надо зайти в дом и спросить... Товарищ Сорокин!

Английский офицер. Не беспокойтесь, господа! Я сейчас все выясню.

Входит в подъезд дома. Через мгновение у подъезда появляется часовая.

Добрынин (*невозмутимо*). Здесь! Объект охраняется.

Сорокин. Во время войны легче было свое назад отбирать! Тогда у нас в руках оружие было...

Добрынин. А у нас и сейчас в руках оружие — наша правда!

Сорокин. У нас правда, а у них инструкция да еще солдат с ружьем. Стрелять не стреляет, а пройти не дает!

Добрынин. Пройдем как-нибудь... Чувствую я, Сорокин, придется нам с тобой здесь повоевать. И крепко повоевать! А за что драться? Вот что удивительно! Казалось бы, кончилась война, нам бы сейчас совсем другими делами заниматься... Да что говорить!..

Сорокин. Почему они все-таки не хотят возвращать нам наших ребяташек? На что они им?

Добрынин. Не хотят они, чтобы наши дети советскими людьми стали. Иную судьбу они им готовят — страшную судьбу людей без роду, без племени... Куда это пропал наш англичанин?

Сорокин (*в сторону часового*). Ишь как стоит!.. Мумия!..

Добрынин. Шеф приюта — какой-то Роберт Скотт! Уж не тот ли Скотт, с которым я встречался в Норвегии? Помнится мне, что тот Скотт служил в британской военной разведке.

Сорокин. А теперь занимается сиротами?

Добрынин. Бывает... Бывает... Здесь ничему не приходится удивляться... Ничему. А вот и наш прожогатый!

Появляются Упманис и английский офицер.

Что вам удалось узнать, господин лейтенант?

Английский офицер. К сожалению, ничего утешительного.

Добрынин. Разве приют, перевезенный из Дрюкендорфа, помещается не здесь?

Упманис (*нагло*). Здесь.

Добрынин. Так в чем же дело? Значит, мы у цели! Нам следует войти в помещение.

Упманис. Это невозможно.

Добрынин. С кем я имею честь разговаривать?

Упманис. Я старший воспитатель приюта.

Добрынин. Тем лучше. Мы бы хотели познакомиться с вашим приютом. Я представитель Советского Союза. У вас в приюте находятся советские дети.

В дверях появляется Смайда. Она останавливается.

Упманис. Мы получили инструкцию не допускать в приют посторонних лиц без разрешения нашего командования.

Добрынин. Вам должны были звонить от полковника Моррисона.

Упманис. Нам не звонили. Я ничего не знаю.

Добрынин. Я хотел бы видеть шефа приюта мистера Роберта Скотта.

Упманис. Он выехал в управление.

Добрынин (*английскому офицеру*). В таком случае

я прошу вас позвонить полковнику Моррисону и передать ему от моего имени, чтобы он подтвердил свое разрешение на посещение нами этого приюта. Произошло явное недоразумение.

Английский офицер. Я только что звонил полковнику Моррисону. Он на совещании у командующего.

Добрынин. Понятно... *(Подумав.)* Ну что ж, мы никуда особенно не торопимся, мы можем заехать в другой раз. Пошли, Сорокин!

Резко поворачивается и идет к машине. За ним идут Сорокин и английский офицер. Смайда делает движение, чтобы остановить Добрынина.

Упманис *(зло)*. Мисс Ландмане! Мне нужно с вами поговорить! Прошу вас! *(Пропускает ее в дом.)*

Занавес

АКТ ВТОРОЙ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Сцена представляет собой часть коридора и кабинета шефа сиротского приюта. В коридоре, недалеко от двери в кабинет, — большая деревянная скамья со спинкой. На скамье сидят две немки: фрау Вурст и фрау Шпек. Рядом с ними две девочки: Ира и Маша. Они давно уже ждут. Одна из немок дремлет. Девочки шепотом переговариваются между собой. Возле двери стоит английский часовой.

В кабинете идет заседание комиссии. На заседании присутствуют с советской стороны Добрынин и Сорокин, с английской стороны — Скотт, Кук, Эйт, Упманис, переводчик и стенографистка. Английские представители знакомятся с какими-то документами, передавая их друг другу. Перед столом комиссии стоит воспитанник Женя. Заседание продолжается не первый час. Англичане говорят по-русски, с акцентом.

Кук. Ребенок не понимает по-русски. Он говорит польски и по-немецки. В данных упоминается о его польском происхождении. Не так ли?

Скотт. Да, это так.

Добрынин. Данные неверны! Кем они были составлены?

Кук. Это не имеет значения. Мы должны руководствоваться ими, потому что других пока не имеем. *(Скотту.)* Не так ли?

Скотт. Других данных у нас нет.

Добрынин (*упорно*). Я еще раз свидетельствую, что отец этого ребенка (*показывает на мальчика*), советский офицер Степан Руденко, был убит в боях за город Харьков. Мать ребенка, Анна Руденко, погибла в немецком тылу. Сейчас мальчика разыскивает его бабушка, мать его отца, Галина Григорьевна Руденко. Доказательство этому — ее личное заявление. Я представил его комиссии. Имя, фамилия и приметы Жени Руденко сходятся с именем, фамилией и приметам этого ребенка. На левой руке мальчика, чуть повыше локтя, родимое пятно.

Кук (*Скотту*). Есть пятно?

Скотт. Пятно есть.

Кук. Это может быть совпадением... (*Просматривает бумаги.*)

Эйт (*Добрынину*). Имя мальчика Евгений?

Добрынин. Евгений Руденко.

Эйт. Господин майор назвал сначала другое имя?

Добрынин. Я назвал мальчика Женей. Это уменьшительное от Евгений. Так же, как у вас... Эдуард и Эди.

Эйт (*кивает головой*). Может быть...

Кук. У нас мало времени, господа. Может быть, мы отпустим мальчика? Он устал. Он нам больше не нужен. Он может идти.

Англичане соглашаются. Добрынин, наклонившись к Сорокину, говорит ему что-то. Упманис выводит мальчика, ведет его по коридору. Англичане перебирают документы, переговариваются. Добрынин что-то записывает.

Вурст (*в коридоре, провожая взглядом Упманиса и Женю*). Бедный мальчик! Неужели они его отправят в Россию? Он там погибнет. Что он будет делать в этой ужасной стране с ее морозами и медведями?

Ира (*робко*). Разве там везде медведи? По-моему, нет...

Вурст. Я, кажется, училась в школе. Я знаю, что я говорю. (*Проснувшейся соседке.*) Всех сирот они посылают на работы в Сибирь. Всех, кто хоть один день побывал в Германии, они посылают на работы в Сибирь. (*Ире.*) Но ты можешь не волноваться. Если тебя спросят, как тебя зовут, отвечай, что тебя зовут Ирма и тебе у меня хорошо живется. (*Сосед-*

ке.) Я ее кормлю, пою, обуваю, одеваю и учу ремеслу. (*Поправляет воротничок на платье Иры.*) Она должна быть довольна. (*Ире.*) Ты довольна?

Ира (*робко*). Я довольна.

Шпек. Моя Матильда получает тоже все необходимое. Она должна благодарить бога за то, что я ее терплю. Если она будет прилежна, я разрешу ей посещать школу. Но не раньше будущего года. Учиться никогда не поздно. Главное — уметь получить с клиента деньги и правильно отсчитать ему сдачу. У нее миленький голосок. Мне нравится, когда она поет...

Вурст (*тихо*). Она русская?

Шпек (*с сожалением*). Русская.

По коридору идут Упманис и Саша. Упманис оставляет Сашу в коридоре, а сам заходит в кабинет. Саша садится на скамью, искоса посматривает на девочек. Немки тихо о чем-то беседуют между собой.

Скотт (*наклоняясь к Добрынину*). Я вижу, господин майор награжден британским орденом?

Добрынин. Да. Я получил его за спасение английских военнопленных в Норвегии.

Скотт. Я тоже имею такой крест. Вот видите, в дни великих испытаний мы делали одно общее дело!

Добрынин. К сожалению, этого нельзя сказать сегодня...

Кук (*посоветовавшись с Эйт*). Итак, я думаю, что мы можем считать Евгения Руденко ребенком польской национальности. Не так ли?

Добрынин. Я против такого решения!

Кук. У нас нет никаких оснований считать его русским.

Добрынин. Я так же не могу считать его русским, как и не могу считать его поляком. Он украинец. Его родители — украинцы, и сам он родился в Полтаве.

Кук. Но украинцев как национальности не существует. Не так ли?

Добрынин (*спокойно*). Я удивлен этим заявлением! В Советском Союзе существует не только украинская национальность, но есть Украинская Советская Социалистическая Республика со своим правительством во главе. Эта республика является членом Организации Объединенных Наций!

Кук (*как ни в чем не бывало Скотту*). Восьмой параграф нашей инструкции говорит, что украинцев

как самостоятельной национальности не существует...

Скотт. Украина — это, так сказать, географическое понятие...

Добрынин. Может быть, в ваших инструкциях сказано, что и весь Советский Союз есть только географическое понятие?

Кук (*невозмутимо*). Нет, об этом в нашей инструкции ничего не сказано. Я думаю, мы наконец можем перейти к обсуждению следующей кандидатуры?

Англичане соглашаются. Добрынин говорит что-то Сорокину, тот записывает.

Скотт. Следующий ребенок — Саша Бутузов. По имеющимся у нас данным, Саша Бутузов, двенадцати лет, — русский.

Эйт. У него даже фамилия какого-то известного русского генерала... Бутузов!

Добрынин (*усмехнувшись*). Вы хотите сказать — Кутузов?

Эйт. Кутузов?.. Может быть... может быть...

Кук (*просматривая документы*). Я полагаю, мальчика можно считать русской национальности. Не так ли?

Скотт. Да, он русский.

Эйт. Он русский.

Кук. Итак, нам остается решить, следует ли Саше Бутузову рекомендовать вернуться в Советский Союз.

Добрынин. Как? Как вы сказали?.. Простите, я не совсем вас понимаю! Само собой разумеется, ему нужно вернуться на родину! Не оставаться же ему здесь, в чужой ему Германии!

Кук (*Скотту*). Задача нашей комиссии — не только определить национальность того или иного ребенка, но и решить его дальнейшую судьбу.

Скотт. Решить его судьбу.

Кук (*Упманису*). Я прошу ввести Сашу Бутузова.

Упманис выходит в коридор и приглашает войти Сашу.

Вурст (*Упманису*). Господин воспитатель, может быть, скажет, когда же наконец нас вызовут для дачи показаний? Мы сидим уже три часа.

У п м а н и с. Сидите. Ждите. Вызовут.

Саша останавливается перед столом комиссии. Он стоит, опустив руки по швам, и смотрит прямо перед собой. Он заметно волнуется.

К у к (*Саше*). Wie heißt du?

С а ш а. Саша Бутузов.

К у к. Du bist zwölf Jahre alt? Du bist Russe?

С а ш а. Jawohl.

К у к. Ты можешь отвечать по-русски. Ты еще не забыл этот язык?

П е р е в о д ч и к. Kannst du russisch sprechen? Hast du diese Sprache noch nicht vergessen?

С а ш а. Ja, ich kann russisch... Я могу по-русски... говорить...

Д о б р ы н и н. Саша Бутузов! Ты хочешь вернуться на родину? Ты меня не понял? Хорошо. Скажи мне: хочешь ли ты ехать домой?

Саша хочет что-то сказать, но, поймав взгляд Скотта, продолжает молчать.

С о р о к и н (*Саше*). Du wirst gefragt, ob du nach Hause zurückkehren willst?

С а ш а. Nein.

С о р о к и н (*Добрынину*). Он не хочет ехать домой.

Д о б р ы н и н (*Саше*). Почему ты не хочешь ехать домой?

Саша молчит.

С о р о к и н (*Саше*). Warum willst du nicht nach Hause?

С а ш а. Ich kann nicht.

Д о б р ы н и н. Warum?

С а ш а (*поймав взгляд Скотта*). Ich habe kein Zuhause...

К у к (*Саше*). По-русски, по-русски!

С а ш а. У меня... нет... дома...

К у к. Спросите его, что он знает о своих родителях.

П е р е в о д ч и к. Was weißt du über deine Eltern?

С а ш а. Ich habe keine Eltern.

С о р о к и н (*Добрынину*). Он говорит, что он сирота.

Д о б р ы н и н (*Куку*). Разве он не знает, что его мать жива?

К у к. Мы не можем сказать ему этого до тех пор, пока сами не убедимся, что это соответствует действительности. По нашим данным, он круглый сирота.

Д о б р ы н и н. Я передал вам номер газеты, где напечатано письмо его матери.

Кук. Совершенно верно. Мы с большим интересом ознакомились с этой статьей. Но мы не можем верить всему тому, что печатается в ваших газетах. Вы, русские, сами достаточно часто опровергаете многое из того, что появляется в нашей, английской и американской, печати. Не так ли?

Добрынин. Наши газеты не издаются частными лицами. Они описывают только истинные факты.

Кук. Я ничего не могу добавить к тому, что я уже сказал. (*Скотту.*) Так где же хочет жить этот мальчик? (*Саше.*) Wo willst du leben?

Саша. In Deutschland! (*Заученно.*) Ich werde lernen. Ich werde satt sein. Ich muß dem englischen Roten Kreuz dankbar sein.

Эйт одобрительно кивает головой.

Переводчик. Он говорит, что он хочет остаться в Германии, где его будут учить ремеслу и кормить. Он благодарен Красному Кресту Великобритании.

Добрынин. Я его понял. (*Саше.*) Was weißt du über die Sowjetunion?

Англичане переглянулись.

Саша. Gar nichts.

Добрынин. Ты советский мальчик! Ты русский! Ты из Советского Союза! Тебе рассказывали о Советском Союзе? Ты помнишь, как ты жил дома, в Советском Союзе?

Саша. Нет. Я забыл... Vergessen.

Добрынин (*англичанам*). У меня вопросов больше нет. Вы, господа, слышали ответы Саша Бутузова?

Англичане кивают головами.

Что же тут удивительного, что мальчик не хочет ехать на родину? Да он не имеет о ней никакого представления. Он забыл все, что знал о ней. Из него вытравили воспоминания о родной семье, о родном доме. Я не знаю, господа, кого винить в этом! Может, вы назовете мне его учителей?

Кук. Мальчик получает образование, предусмотренное учебными программами сиротских приютов.

Добрынин. Образование, устраивающее попечителей этих заведений?

Кук. Я просил бы советского представителя...

Добрынин. Я не могу не выразить своего удивления и удивления моего народа по поводу того, что детей, отцы которых спасли Европу от фашизма, советских детей, английские оккупационные власти задерживают в Германии! Почему их не отправляют домой, к родителям, которые их ждут? Почему от них скрывают правду? Почему им говорят, что они сироты, когда у многих из них живы матери и отцы? Вы молчите, господа? Вам нечего мне ответить?

Англичане перелистывают бумаги. Добрынин достает что-то из папки с документами.

Саша! Подойди ко мне! Не бойся!

Протягивает Саше какую-то фотографию. Саша берет фотографию в руки, долго смотрит на снимок.

Кто это, Саша?

Саша (*с трудом и волнением*). Мама...

Добрынин. Да! Это твоя мама, Саша! Она сама дала мне эту фотографию! Она живет сейчас в Москве! Она ждет тебя домой! Домой!

Кук (*резко*). Я считаю поведение советского представителя недопустимым! Я прошу господина майора ознакомить комиссию с предъявленной воспитаннику фотографией!

Саша взволнован. Он не отрываясь смотрит на фотографию.

Саша (*громко*). Моя мама! (*Добрынину.*) Хочу домой! (*Протягивает фотографию Куку, радостно.*) Meine Mutter! Das ist meine Mutter! Ich will nach Hause!

Англичане знакомятся с фотографией. Добрынин взволнованно переговаривается с Сорокиным.

Кук (*кладя фотографию перед собой на стол*). Это не имеет существенного значения для решения вопроса. Не так ли?

Англичане соглашаются.

Добрынин (*взволнованно*). Господа! Ребенок узнал свою мать!

Кук. Допустим, что это так.

Добрынин (*горячо*). Неужели возможно какое-либо иное решение, кроме того, чтобы вернуть матери ее сына? Я не говорю уже о том, господа, что то,

чему я являюсь свидетелем, наполняет меня чувством глубокого возмущения и тревоги за судьбу наших детей! Оторвать ребенка от родной семьи, от родного дома — жестоко! Но насильно лишать его родины, заставить почти совсем забыть родной язык — это уже не просто жестокость, это бесчеловечность, навеки калечащая детскую душу! Я требую...

Кук. Господин майор, очевидно, забыл...

Добрынин (*продолжая*). Я ничего не забыл! Я все помню и все понимаю. Я требую, чтобы Саша Бутузов и все другие советские дети, находящиеся здесь: русские, украинцы, латыши, — все, кто бы они ни были, были отпущены домой! Только домой! И отпустить их — ваш долг, ваша служебная обязанность, господа!

Саша испуганно переводит глаза с Добрынина на Кука.

Кук. Насколько я мог понять интересную речь советского представителя, дело идет о тех детях, которых приютило и о которых заботится английское правительство. Не так ли? К сожалению, тон этой взволнованной речи скорее напоминает выступление адвоката на судебном заседании, чем выступление советского офицера, допущенного к заседанию нашей комиссии. Мы заседаем уже четвертый час, а рассмотрели всего пять дел. Не так ли?

Добрынин. Меня не интересует, сколько времени мы заседаем! Меня интересует судьба советских детей и их будущее! Я знаю, где нахожусь, и потому беру на себя смелость так выступать! Я говорю сейчас от имени сотен матерей и отцов, которым вы, господа, незаконно и бесчеловечно отказываете в праве на счастье! Вряд ли ваши несправедливые решения найдут одобрение честных людей всего мира, в том числе и сочувствие подлинных представителей вашего, английского, народа, испытавшего все тяготы войны! Что вы ответите мне на это, мистер Кук? Что вы ответите мне на это, мистер Скотт?

Кук. Мы солдаты, и мы не считаем для себя возможным вмешиваться в политику! К большому сожалению, члены британской комиссии не имеют возможности выслушивать красноречивые нотации со-

ветского офицера, как бы непосредственны они ни были! Объявляю заседание закрытым!

В коридоре появляется Смайда. Она заметно волнуется.

Добрынин (*встает*). В таком случае я как представитель Советского Союза заявляю протест по поводу незаконного и необоснованного решения вопроса о советских детях!

Добрынин и Сорокин покидают кабинет. Смайда подходит к Добрынину.

Смайда (*на ходу, прерывающимся от волнения голосом*). Товарищ майор! Я Смайда Ландмане, воспитательница этого приюта. Я советская гражданка! Нас вывезли из Латвии... Мне необходимо поговорить с вами... Мне необходимо... передать вам этот список.

Передает что-то Добрынину, идет рядом с ним. Все трое уходят. Англичане молча разбирают бумаги. Все забыли про Сашу. Саша стоит в стороне, руки по швам. Кук первый замечает Сашу и берет в руки фотографию, оставленную Добрыниным. Рассматривает ее. Саша наблюдает за Куком.

Кук (*неожиданно*). Пропаганда! Советская пропаганда! (*Рвет фотографию и бросает в корзину для бумаги.*)

Саша (*хрипло кричит*). Das ist meine Mutter! Моя мама!

Бросается к корзине.

Кук (*Упманису*). Уберите ребенка! Посмотрите, до чего его довел этот большевик!

Упманис уводит всхлипывающего Сашу.

Вурст (*Упманису*). Когда же нас вызовут? Дети устали... Упманис. Не до вас, фрау! Сейчас не до вас! (*Уводит Сашу.*)

Эйт (*Куку*). Зачем нам все-таки эти дети, мистер Кук? Кук. Не знаю, мисс Эйт! Может быть, затем, чтобы в лесах Канады работал не ваш сын, чтобы в шахтах Бельгии и на плантациях Аргентины работал не ваш сын, чтобы в тыл врага с парашютом прыгал не ваш сын, — словом, вы должны понять, мисс Эйт, что не следует задавать мне вопросы, на которые с исчерпывающей ясностью вам может ответить только Лондон! Лондон!

Эй т. Благодарю вас, мистер Кук... Но у меня нет детей...

Англичане выходят из кабинета.

В у р с т (*Куку*). Простите, я хотела бы знать, когда нас вызовут для дачи каких-то показаний. Мы ждем с самого утра.

К у к. Идите домой! Домой! Когда надо будет, мы вас вызовем! Вызовем!

Англичане уходят.

В у р с т. Какие невежи! Три часа просидеть даром! А говорят еще, что у них есть пословица: «Время — деньги!»

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Спальня воспитанников в сиротском приюте. Поздний вечер. На убогих койках, накрывшись серыми байковыми одеялами, лежат дети. Рядом, на табуретках, аккуратно сложена одежда. Под койками стоят ботинки на деревянных подошвах. Дети вполголоса переговариваются.

Т о л я (*Жене*). Значит, ты еще не знаешь, кто ты: поляк или русский.

Ж е н я. Не знаю. Они мне не сказали.

Т о л я. А он страшный?

Ж е н я. Кто? Офицер?

Т о л я. Русский офицер.

Ж е н я. Я не знаю...

С а ш а. Он хороший.

В л а д и с. Если вы не замолчите, я скажу мистеру Упману, о чем вы разговаривали!

Мальчики замолкают.

Т о л я (*Саше, совсем тихо*). Он тебе сам дал фотографию?

С а ш а. Сам.

Т о л я. И ты узнал свою маму?

С а ш а. Я ее сразу узнал.

Т о л я. А ты ее помнишь?

С а ш а. Помню.

Т о л я. Она была добрая?

С а ш а. Добрая. Мы жили в деревне... Хорошо было!..

Ж е н я. А у меня, наверное, не было мамы.

Толя. Совсем не было? Так не бывает...

Женя. Почему? Бывает...

Саша. Молчите, а то он пожалуется Упману!

Толя. Он уже спит. *(Саше.)* А кто был твой папа?

Саша. Я хочу спать. Спи!

Толя. А мой папа был военным. У него вот здесь, на воротнике, были такие крестики, вроде маленьких пушечек. Вот здесь, посмотри!

Саша молчит.

Пауза.

Почему ты сегодня не молился перед сном?

Саша молчит.

А Смайда сегодня опять плакала. Я видел...

Саша не отвечает. Толя накрывается с головой одеялом и умолкает. Некоторое время Саша лежит, не двигаясь, закинув руки за голову.

Он весь во власти нахлынувших на него воспоминаний, разбуженных приездом Добрынина и фотографией матери. Затем Саша садится и прислушивается. Мальчики спят. Саша осторожно спускает ноги с койки, еще раз прислушивается и тихо выскальзывает из комнаты. Гаснет свет.

Занавес

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Обстановка четвертой картины. Ночь. В кабинет через окно проникает свет луны. По полутемному коридору пробирается Саша Бутузov. Он останавливается возле двери в кабинет и прислушивается. Убедившись в том, что никто за ним не следит, Саша открывает дверь и входит в кабинет. Он осторожно подходит к столу, под которым стоит корзина для бумаг. Саша роется в корзине и достает из нее обрывки порванной Куком фотографии. Слышны голоса и приближающиеся шаги. По коридору идут Скотт и Упманис. Они останавливаются возле двери. Саша мечется по кабинету, не зная, куда ему спрятаться. Наконец, он прячется за одну из раздвинутых оконных штор.

Скотт *(в коридоре, берясь за ручку двери)*. Вы уверены, что это письмо у нее?

Упманис. Да, сэр! Оно должно быть у нее. После того как она последний раз виделась с этим Янисом, с ней что-то произошло. Она стала говорить какими-то загадками...

Скотт. Вы думаете, Янис передал ей письмо при последнем свидании?

Упманис. Да, я так думаю, сэр!

Скотт. Это не лишено вероятности... Вы видели, как она разговаривала с русским офицером?

Упманис. Да, сэр! Своими глазами. Я подошел поближе, для того чтобы услышать, о чем они говорят, но Ландмане заметила меня, оборвала разговор и сделала вид, что задержалась на лестнице случайно. Вы же знаете, она меня недолюбливает.

Скотт. Я не уверен, что меня интересуют ваши взаимоотношения... Попросите-ка ее ко мне!

Упманис. Сейчас?

Скотт. Сейчас.

Упманис вопросительно смотрит на Скотта.

Упманис. Она живет одна в комнате...

Скотт. Я задержу ее у себя. Исследуйте комнату. Можете не торопиться.

Упманис. Я не люблю торопиться в таких делах, сэр! В конце концов, мы ничем не рискуем. Если письма у нее не окажется, я...

Скотт (*продолжает*)... я буду считать, что она имеет все основания вас недолюбливать. Идите.

Упманис уходит. Скотт входит в кабинет, зажигает настольную лампу, подходит к окну и задергивает шторы. Саша остается незамеченным. Скотт включает радио, настраивает аппарат на музыкальную передачу, слушает музыку. По коридору идет Смайда. Она на ходу поправляет прическу, приводит себя в порядок. Подойдя к двери кабинета, Смайда стучит.

Войдите!

Входит Смайда.

Смайда. Добрый вечер, мистер Скотт! Вы меня вызывали?

Скотт. Добрый вечер, мисс Ландмане! Да, я хотел вас видеть. Надеюсь, вы не успели еще лечь спать?

Смайда (*сдержанно*). Нет... Я читала...

Скотт. Садитесь, пожалуйста! (*Предлагает Смайде стул. Смайда садится.*) Так что же вы читали? Интересный роман? Стихи?

Смайда. Газету... «Голос латыша»...

Скотт. Ну, и что же вы в ней вычитали?

Смайда. Так... Все то же самое... Мне сказали, что вы хотели со мной говорить, мистер Скотт.

Скотт. Говорить? Совершенно верно. Разве мы сейчас с вами не разговариваем?

Смайда. Я думала, что-нибудь срочное.

Скотт. Нет. Ничего срочного пока нет. Просто я давно хотел с вами познакомиться, мисс Ландмане! Я хотел познакомиться с вами поближе, потому что многое слышал о вас.

Смайда. Что же вы обо мне слышали?

Скотт. О! Только хорошее! Вы курите? (*Предлагает закурить.*) Американские!

Смайда. Благодарю вас, я не курю.

Скотт. Похвальная скромность. (*Закуривает.*) Итак, я очень много слышал о вас. Как вы очутились в этом приюте?

Смайда. Я работала в нем до войны. Война застала нас в десяти километрах от Риги. Мы не успели эвакуироваться и остались в Латвии. А потом, когда немцы начали отступать, они насильно вывезли наш детский дом сюда, в Германию.

Скотт. Почему вы не остались в Латвии?

Смайда. Я не хотела оставить детей. Я в какой-то мере отвечала за их судьбу, я не могла поступить иначе.

Скотт. Я восхищен вашей привязанностью к чужим детям. Мне рассказывали вашу историю.

Смайда. Я не считаю их чужими. А что касается моей судьбы, то она похожа на судьбу многих женщин, мистер Скотт! Просто я оказалась крепче и выносливее, чем другие!

Скотт (*прислушиваясь к музыке*). Вы любите музыку, мисс Ландмане?

Смайда. Музыка нельзя не любить.

Скотт. Я в детстве играл на скрипке. Отец хотел видеть меня музыкантом. Я не оправдал его надежд. (*Смеется.*)

Смайда. У нас есть очень музыкальные дети, мистер Скотт! Я хотела бы просить вас разрешить нам уроки пения.

Скотт. Да, да... Я доложу об этом командованию... Сам я не могу это решить... Я надеюсь, что командование пойдет нам навстречу... Я переговорю с генералом...

Пауза. Звучит музыка.

Смайда. Благодарю вас.

Скотт. Да-а, эта война заставила многих из нас испытать горе и лишения!..

Смайда. И унижение, и чувство стыда за иных людей...

Скотт. О каких людях идет речь, мисс Ландмане?

Смайда. Я говорю о тех людях, которые потеряли в эту войну самое дорогое, что есть у человека, — совесть! Я говорю о тех немногих, которые делают сотни других несчастливymi...

Скотт. Чего же хотят эти несчастные?

Смайда. Они хотят домой, мистер Скотт!

Скотт. Ах, вот оно что? Понятно! Тепер я понимаю, о каких людях идет речь! А вы тоже хотите домой, мисс Ландмане?

Смайда (*спокойно*). Да, мистер Скотт. Я тоже хочу домой.

Скотт. Где же ваш дом?

Смайда. Мой дом в Риге. Улица Кришьяна Барона, дом номер семь, второй подъезд, третий этаж, квартира десять, первая дверь налево.

Скотт. Вы хорошо запомнили адрес.

Смайда. Я там родилась.

Скотт (*прохаживаясь по кабинету*). Да-а, весьма любопытно! Весьма любопытно! Это первый случай в моей практике, чтобы человек, находящийся под покровительством такой страны, как Великобритания, изъявил желание вернуться в страну мрака и запустения. Я понимаю тех, кто едет сейчас в Канаду, в Бразилию, в Южную Америку. Они хотят жить в цивилизованном мире! Этих людей я могу понять.

Смайда. Эти несчастные едут куда глаза глядят, потому что они запуганы. Это для них издают газетки вроде «Голоса латыша» — газетки, которые ссорят нас друг с другом.

Скотт. «Голос латыша» издается вашими соотечественниками.

Смайда. Это не наш голос, мистер Скотт!

Скотт. Он издается латышами.

Смайда. Латышами вроде Упманиса? Разве вы не знаете, что он предатель, мистер Скотт? Таким, как он, нельзя ступить на родную землю! Его будут судить за преступления!.. Но есть и другие.

Это те, которые хотели бы вернуться домой, но стоит им только заявить об этом...

Скотт. Продолжайте, продолжайте! Я люблю откровенные разговоры. Гораздо лучше сказать все, что думаешь, чем держать все это в себе! Мне нравится ваша прямота и откровенность. Продолжайте. Мы пойдем друг друга.

Смайда. *(горячо)*. А дети? Почему Саше Бутузову говорят, что он сирота, когда у него жива мать? Что вы хотите с ним делать? Зачем он вам? Я как воспитательница имею право знать это!

Скотт. Конечно, вы имеете на это законное право.

Из-за портьеры видны переминающиеся ноги Саши. Он все еще остается незамеченным.

Смайда. Почему вы решили считать Женю Руденко поляком, когда я точно знаю, что он украинец? Я знала его мать! Их при мне разлучили! Мать, как жену русского офицера, увезли в лагерь, а ребенок попал к нам в детский дом.

Скотт. Возможно. Но это надо доказать юридически.

Смайда. Разве это честно? Разве честно запрещать детям говорить на их родном языке? Кто дает право Упманису называть их волчатами? У меня очень много вопросов к вам, мистер Скотт! Вы извините меня, но вы сами вызвали меня на этот разговор.

Входит Упманис. Смайда не замечает его, потому что сидит спиной к двери. Упманис за спиной Смайды показывает Скотту пустой конверт от письма Яниса. Скотт кивает ему головой. Упманис остается стоять у двери.

Скотт *(Смайде как ни в чем не бывало)*. Вы можете ехать в свою Ригу, Смайда Ландмане! Она в развалинах! Воды нет, света нет, трамваи не ходят...

Смайда *(вздрагнув)*. Это неправда!

Скотт. Что неправда? Откуда вы знаете, что это неправда?

Смайда. Это неправда!

Скотт *(неожиданно ударив кулаком по столу)*. Письмо! Где письмо? Вы получили письмо!

Упманис показывает Смайде пустой конверт.

Смайда. Подлец!

Скотт. Где письмо?

Упманис ловко хватаяет Смайду за руку и, больно вывернув ее, достает из кармана Смайды письмо Яниса. Протягивает его Скотту.

Смайда (*задыхаясь*). Ну что ж, прочтите его! Прочтите! Боюсь только, вы не напечатаете его в своем «Голосе латыша»! Я давно хотела сказать вам, что вы негодяй, Упманис! Я вас презираю!

Упманис. До вашей встречи с русским офицером вы были со мной вежливее. Только советую вам от души, мисс Ландмане, не забывать, что вы еще не на советской земле.

Скотт (*прочитав письмо Яниса, Смайде и Упманису*). Письмо останется у меня. Вы можете быть свободны!

Смайда, пошатываясь, выходит из комнаты.

Упманис. Мы ничем не рисковали, сэр. Конверт лежал у нее под подушкой.

Скотт. Я сказал, что вы можете быть свободны!

Упманис. Я вас понял, сэр! (*Уходит.*)

Скотт (*набирает номер телефона*). Алло!.. Докладывает «двадцать один сорок»! Письмо, которое мутило лагерь, находится у меня!.. Да... Она... По-видимому, она... Предполагаю... Через шофера лагеря Яниса... Да, письмо адресовано ему... Согласен... Устранить?.. Упманис?.. Подходит... Будет выполнено... (*Кладет трубку.*)

Скотт закуривает и подходит к окну. Раздергивает шторы. По тому, как одна из штор сдвигается, Скотту кажется что-то неладным. Он отходит и смотрит на пол возле окна. Из-под шторы торчат детские ноги в белых носках. Скотт медленно подходит к окну и отодвигает штору. Перед ним стоит испуганный Саша Бутузов. Широко раскрытыми глазами смотрит он в глаза Скотту. Скотт, ни слова не говоря, дает Саше сильную пощечину. Саша падает на пол. Гаснет свет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Обстановка четвертой и шестой картин. В коридоре на скамье в той же позе сидит Вурст, рядом с ней — Ира. Немка дремлет. Ира волнуется, ей не сидится на месте. У двери стоит тот же солдат. В кабинете идет заседание комиссии. На нем присутствуют те же лица, что были на первом заседании. За спиной Добрынина сидит подполковник медицинской службы Соколов.

Добрынин. Я могу засвидетельствовать, что все родители этих детей — подчеркиваю: все без исключения — значатся по документам вашего приюта гражданами Советского Союза! К сожалению, вы держите эти документы в сейфе, а руководствуетесь списками детей, составленными значительно позже и к тому же составленными нечестно, недобросовестно, с искажением фамилий, возраста и национальности детей!

Кук. Откуда у вас такие сведения? Они не соответствуют действительности!

Добрынин *(спокойно)*. Они соответствуют действительности. Вот копии ваших списков, а вот копии подлинных документов. *(Предъявляет копии.)* Здесь, у вас, а также в Мессене, Ролшдорфе, Ханенклее и в других пока не известных нам таких же сиротских приютах находятся десятки, сотни советских детей, оторванных от своей родины, от своих родителей. Все эти дети должны быть отпущены домой! Мы остановились на рассмотрении вопроса о советской девочке, зарегистрированной у вас как Ирма Вурст...

Кук. Что касается этой девочки, то мы считаем претензии советского представителя необоснованными и бездоказательными. Девочка в течение двух с половиной лет живет у своей опекуниши фрау Вурст, носит ее фамилию и не изъявляет желания ехать в Советский Союз.

Добрынин. Но у нее есть отец, он жив и ждет свою дочь! Я думаю, что Ирина Соколова, а не Ирма Вурст, как вы ее называете, с большей охотой поедет домой, нежели предпочтет остаться в Германии у чужого ей человека!

Кук. Девочка привязана к своей опекунише, которая ее обувает, одевает и учит ремеслу, как к родной матери. Кроме того, нам неизвестно, жив ли ее отец или нет. Если бы он мог сюда приехать и мы убедились бы в том, что он жив, мы бы, может быть, пересмотрели этот вопрос. Не так ли?

Добрынин. Прекрасно. Я попросил бы только членов комиссии пригласить сюда девочку, для того чтобы я мог задать ей несколько вопросов.

Англичане соглашаются. Упманис приглашает в кабинет Вурст и Иру. Стараясь сдержать свое волнение, Со-

колов осторожно выглядывает из-за спины Добрынина. Вурст с притворной улыбкой здоровается с англичанами.

Кук (*Ире*). Когда девочка входит в комнату, где сидят старшие, она должна здороваться. Не так ли?

Вурст. Девочка очень переволновалась. Мы второй раз приходим сюда и ждем по три часа.

Ира (*делая книксен*). Guten Tag.

Добрынин (*Куку*). Разрешите?

Кук. Пожалуйста, господин майор!

Добрынин (*Ире*). Ты говоришь по-русски?

Ира. Да.

Добрынин. Как тебя зовут?

Ира. Ирма.

Добрынин. Ты русская?

Ира. Да.

Добрынин. Почему же тебя зовут Ирма? Это не русское имя. Может быть, тебя зовут Ира?

Ира молчит.

Ты живешь у фрау Вурст?

Ира. Да.

Вурст (*поспешно*). Больше двух лет ребенок живет у меня. Я одинока. У меня нет своих детей. Мы привыкли друг к другу... По воскресеньям...

Добрынин (*перебивая немку*). Я думаю, девочка сама расскажет нам о том, как ей у вас живет! (*Ире*). Как же тебе живется в твоей новой семье? Фрау тебя кормит? Одевает?

Ира. Да.

Добрынин. Учит какому-нибудь ремеслу?

Ира. Да.

Добрынин. Какому же ремеслу учит тебя фрау?

Ира. Я кормлю поросят, стираю белье, мою посуду...

Добрынин. Это не ремесло.

Вурст. Девочка помогает мне по хозяйству. Я одинокая. По воскресеньям...

Добрынин. По воскресеньям она ходит в кирху и вы разрешаете ей надеть праздничное платье? Это я все знаю! (*Ире*.) Ты сирота?

Ира. Да.

Добрынин. У тебя нет ни отца, ни матери?

Ира. Не знаю.

Добрынин. Ты жила до войны в Николаеве?

Ира. Да.

Добрынин. Твой папа был доктором? Как его звали?
Ира (*вспоминает*). Иван Петрович.

Добрынин. Его звали Иван Петрович? Ты его помнишь?

Ира. Не знаю.

Добрынин встает. Ира видит своего отца — Соколова. Отец и дочь одно мгновение смотрят друг на друга. Напряженная пауза. Англичане недоумевающе переглядываются.

Соколов. Ариша!..

Ира. Папа!..

Вурст. Ирма!

Соколов обнимает дочь.

Ира (*всхлипывает*). Папа, не отдавай меня им! Я не хочу к ней! Не хочу! Она на меня целый день кричала! Она меня била! Она меня запирала в чулан! Меня зовут Ирина! Она заставляла меня говорить неправду!

Добрынин (*растерявшимся англичанам*). Есть ли у кого-либо из членов комиссии сомнения в том, что наши претензии достаточно обоснованы и справедливы? По-видимому, нет! Эта девочка — Ирина Соколова, а не Ирма Вурст! Товарищ Соколов работает в настоящее время в Берлине, в одном из наших управлений. (*Вурст*). Вам, фрау, придется подыскивать себе другую работницу!

Кук (*немке*). Вы можете быть свободны.

Вурст. Простите...

Кук. Что такое?

Вурст. Когда я обращалась в английскую администрацию с ходатайством дать мне на воспитание девочку-подростка, мне обещали дать круглую сироту. Я именно об этом просила в своем заявлении. Мне обещали. Мне дали наконец девочку, и что же? Оказывается, у нее есть отец! Почему меня обманули? У меня большое сердце! Я одинока! Я потеряла мужа на Волге!

Добрынин (*Куку*). Мне кажется, что претензии этой дамы к английскому правительству вы сможете разобрать в другом месте!

Кук (*немке*). Идите! Вас вызовут! (*Упманису.*) Уберите старуху.

Упманис выпроваживает немку.

Вурст (*в дверях*). Я сшила ей новое праздничное платье! Я прошу вернуть мне это платье! Я не могу за свой счет одевать советских детей!

Добрынин. Платье вы получите завтра! (*Соколову.*) Вы можете идти, товарищ Соколов. Поздравляю вас!

Сорокин (*Соколову*). Поздравляю вас!

Соколов и Ира уходят. Англичане мрачно разбирают бумаги.

Добрынин. Теперь вернемся к вопросу о Саше Бутузове.

Кук. Этот вопрос придется отложить.

Добрынин. Согласна ли комиссия решить вопрос о возвращении Саши Бутузова в Советский Союз на основании представленных документов или есть необходимость привезти сюда его мать?

Англичане переглядываются.

Скотт. К сожалению, мы не можем в настоящее время передать мальчика советским органам.

Добрынин. Почему?

Скотт. Потому что его нет в нашем приюте.

Добрынин. Где же он?

Скотт. Он исчез.

Кук. Да. Он убежал из приюта.

Добрынин (*строго оглядев членов комиссии и остановив свой взгляд на Упманисе*). Куда же он убежал?

Скотт (*пожимая плечами*). Не знаю. (*Куку.*) Может быть... в Бразилию? Мало ли какая фантазия могла прийти ему в голову!

Добрынин (*повышая голос*). Где Саша Бутузов? Вы, господа, отвечаете за судьбу каждого советского ребенка! (*Спокойно.*) Нельзя ли пригласить сюда воспитательницу Смайду Ландмане?

Скотт (*замявшись*). Это также невозможно, господин майор!

Добрынин. Почему? Она тоже исчезла из вашего приюта?

Скотт. Да. Она тоже исчезла.

Добрынин. Странные дела творятся в вашем приюте, господа!

Занавес

АКТ ТРЕТИЙ

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Небольшое немецкое местечко. На повороте дороги — лавочка. Под навесом — два столика, покрытых бумажными скатертями. За одним из столов сидят три американских солдата. Перед ними пустые кружки и несколько пустых бутылок. Солдаты шумно разговаривают, хохочут, нестройным хором поют какую-то популярную джазовую песенку. За соседним столом сидят трое немцев — двое мужчин и худая женщина, — пьют пиво и, искоса поглядывая в сторону американцев, вполголоса беседуют между собой.

Беккер (*кивнув в сторону американцев*). Мы назывались «Курт Поль и Адольф Буш» — фирма электрических бытовых приборов. Они пришли в июне и велели нам временно закрыть наши мастерские. Мы закрыли. Приказ есть приказ. А уже в июле они привезли из Америки свои электрические утюги, чайники и плитки. Они завалили своим товаром магазины по всей зоне.

Мюллер. Меня опять уволили из школы. Теперь — англичане...

Беккер (*вытягивает из-под стола ногу*). Я уже ношу американские носки

Немцы смотрят на ногу Беккера.

и жую американскую резинку, потому что мне нечего больше жевать...

Девочка выходит из помещения и ставит перед американцами три кружка пива. Один из американцев фамильярно берет ее за подбородок, что-то говорит остальным. Все смеются. Девочка смущенно улыбается, уходит обратно в помещенне.

Марта. У нас был небольшой огород, но они отобрали всю землю в нашем районе для постройки аэродрома.

Мюллер. Война, слава богу, кончилась, зачем им аэродром? Еще один американский аэродром на немецкой земле...

Беккер. У меня есть брат. Он живет в советской зоне. Я получил от него письмо.

Мюллер. Что он пишет, если это не секрет?

Беккер. У него теперь достаточно земли для того, чтобы прокормить всю нашу семью... Здесь мы никогда не дождемся земельной реформы...

Мюллер. Теперь многие переходят в советскую зону... Верно, Марта?

Немка кивает головой.

Появляется американский сержант. Американцы шумно приветствуют его появление. Сержант, проходя мимо немцев, трогает Беккера за плечо. Беккер встает. Сержант бесцеремонно забирает его стул и присоединяется к веселой компании.

Беккер (стоя, Мюллерам). Вот так они со всеми! *(Стучит по пустой кружке.)* Эй, получите с нас за пиво!

Мюллеры поднимаются.

Мюллер. Англичане все-таки вежливее.

Беккер. Не замечал... Эй, получите за пиво!

К столу подходит девочка. Немцы расплачиваются и уходят. Девочка убирает пустые кружки. Из-за угла появляется Саша Бутузов. Американцы подзывают девочку и тоже расплачиваются. Напевая все ту же песенку, пошатаваясь, они уходят. Саша, прижавшись к стене, пропускает их мимо себя. Затем, оглянувшись, он подходит к девочке, убирающей со стола кружки и бутылки.

Саша. Guten Tag! Добрый день!

Маша. Добрый день, мальчик! У нас сейчас есть только пиво. Из еды ничего нет.

Саша. Я тебя знаю. Тебя зовут Матильда. Ты русская!

Маша. Откуда ты меня знаешь?

Саша. Помнишь, мы сидели рядом в уютном коридоре? Ты была с толстой немкой. Ты разговаривала с девочкой, которую звали Ирма. Помнишь?

Маша. Теперь я тебя узнала. Что ты здесь делаешь?

Саша. Я тоже русский. Меня зовут Саша. Я убежал из приюта.

Маша. Ты убежал? Почему ты убежал?

Саша. У меня есть мама.

Маша. Где она?

Саша. Там... *(Показывает рукой куда-то неопределенно.)*

Маша. Откуда ты знаешь, что у тебя есть мама?

С а ш а (*достает из-за пазухи порванную фотографию*).

Вот моя мама! (*Показывает фотографию Маше.*)

М а ш а. Кто ее так порвал?

С а ш а. Мистер Кук!

М а ш а. А откуда ты ее достал, эту фотографию?

С а ш а (*доверительно*). Приехал русский офицер и привез мне эту фотографию. Он сказал, что меня нужно отпустить домой, а они не захотели. Тогда я убежал.

М а ш а. Ты бежишь к русским?

С а ш а. Да. Только я не знаю, как мне пройти поближе... Я боюсь спросить...

М а ш а. Сейчас тебе идти направо и все время прямо, прямо...

Ш п е к (*из помещения*). Матильда! Матильда! Где ты болтаешься, дрянная девчонка?

М а ш а. Целый день она на меня кричит! Ты голоден?

С а ш а. Да.

М а ш а. Подожди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Саша садится за крайний столик. Видно, что он очень устал и волнуется. Возвращается Маша. В руках у нее небольшой кусок хлеба и полкружки пива.

Вот все, что я могу тебе дать.

Саша жадно ест хлеб. Слышен звук приближающегося мотоцикла. Появляется Упманис. Он оставляет мотоцикл на улице и входит под навес. Не замечая Сашу, садится за свободный столик. Саша пригибается, чтобы Упманис его не заметил.

Что с тобой?

С а ш а (*шепотом*). Он ищет меня.

М а ш а. Кто это?

С а ш а. Упман. Старший воспитатель. Он не любит русских.

М а ш а. Подожди меня за углом, я тебе что-то скажу. Не бойся!

У п м а н и с (*стучит по столу*). Эй, девочка!

Маша подходит к столику, заслоня спиной Сашу, который вылезает на улицу, прямо к мотоциклу.

Кружку пива! Попроворнее!

Маша скрывается в помещении. Упманис, сидя спиной к улице, курит. Саша, прижавшись к стене, возле мотоцикла ждет Машу. Из-за угла появляется М а ш а.

С а ш а. Что ты хотела мне сказать?

М а ш а. Если ты найдешь свою маму... там... у русских, скажи ей, чтобы она поискала мою маму... Мы раньше жили в городе Воронеже... *(Протягивает Саше клочок бумаги.)* Вот я тут записала... наш адрес... Мою маму звали Катя Любимова... Я тебя очень прошу... Очень...

С а ш а *(прячет записку)*. Хорошо.

У п м а н и с *(стучит по столу)*. Девочка! Где мое пиво?

М а ш а *(Саше, торопливо)*. Сейчас ты пойдешь направо и все время прямо, прямо, до того места, где будут три дороги. Ты пойдешь по той, которая на Линдендорф. Там будет написано. А дальше я сама не знаю...

С а ш а. Дальше я опять спрошу.

М а ш а. Будь осторожен. Смотри, будь осторожен!..
У тебя есть деньги?

С а ш а. Нет.

М а ш а. Вот! *(Протягивает Саше деньги.)* Возьми!

С а ш а. Не надо.

М а ш а. Возьми! Это мои деньги. Я скопила. Мне давали на чай. Возьми! Тебе они пригодятся.

С а ш а. Как я их потом отдам тебе?

М а ш а. Возьми! Я тебя очень прошу!

С а ш а. Спасибо! *(Прячет деньги.)*

М а ш а. Не забудь только то, о чем я тебя просила!
Не забудешь?

С а ш а. Никогда! До свиданья!

М а ш а. До свиданья! Счастливого пути! *(Скрывается за углом.)*

Саша внезапно наклоняется к мотоциклу и быстро отвинчивает что-то в заднем колесе. Из колеса с шипеньем выходит воздух.

У п м а н и с *(потеряв всякое терпение)*. Дьявол! Что это за грязный кабак, где приходится столько времени ждать глотка пива?

Из помещения выходит Шпек и сама ставит перед Упманисом кружку пива.

(Раздраженно.) Кажется, вы не особенно заинтересованы в том, чтобы продать лишнюю кружку пива?

Шпек. Извините, мы открывали свежую бочку.

Из помещения выходит Маша и ставит перед Упманисом вторую кружку пива.

Упманис. Я просил одну кружку!

Шпек незаметно дает Маше подзатыльник.

Не видели ли тут мальчишку в полосатой рубашке?
Сбежал из приюта... Говорят, шел по этой дорожке...

Маша хочет унести вторую кружку пива.

Куда?

Маша (*растерянно*). Не знаю...

Упманис. Куда уносишь? Дай сюда! (*Берет у девочки кружку и стоя допивает ее. Расплачивается.*)

Шпек (*получая деньги*). Благодарю вас. Извините за то, что мы вас задержали. Мы специально для вас открывали свежую бочку пива!

Упманис. Я никогда не верю тем, у кого что-нибудь покупаю...

Упманис выходит из-под навеса. Немка скрывается в помещении. Маша с пустыми кружками в руках наблюдает за Упманисом. Упманис возится возле мотоцикла.

(*Кричит.*) Дьявол! Кто же это сделал? Дьявол!..
(*Возится с мотоциклом.*)

Маша улыбается.

Шпек (*из помещения*). Матильда! Матильда! Дрянная девчонка! Что ты там возишься?

Занавес

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Комендатура в советской зоне. За столом — комендант Пескаев. Он разбирает бумаги. В углу на табуретке стоит радиоприемник. Старшина Месяченко крутит ручку приемника, настраиваясь то на одну, то на другую волну.

Пескаев (*прислушиваясь*). А ну-ка, задержиись, Месяченко! Задержиись! (*Прислушивается.*) Дай-ка громче!.. Крути дальше!

Месяченко продолжает искать в эфире.

Месяченко. Вчерась аккурат на этой волне Алма-Ата была!

Пескаев. А ты, Месяченко, бывал в Алма-Ате?

Месяченко. Не довелось, товарищ капитан! В Будапеште был, в Берлине был, а в Алма-Ате побывать не довелось: далековато. А ребята рассказывали — город, говорят, подходящий. Яблок много.

Пескаев. Что «яблок»? Горы какие!.. Край какой!..

Месяченко. А по мне, лучше Полтавы нашей на земле места нет! Там и вишня, там и всё!

По радио звучит советская песня.

«...Немало я стран перевидал,
Шагая с винтовкой в руке,
Но не было большей печали,
Чем жить от тебя вдалеке.

Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю,
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою!

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду!

Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой,
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой!..»

Пескаев. Найди-ка мне, старшина, Алма-Ату! Я тоже хочу песню послушать! Свою песню, казахскую песню хочу послушать!

За сценой слышны голоса.

Что та еще?

Месяченко выходит. Пескаев встает, выключает радио.

Месяченко (*появляясь в дверях*). Так что фрицы,

товарищ капитан! Двое взрослых и мальчонка с ними. Прикажете к вам?

Пескаев. Сколько раз я вам говорил, Месяченко: не «фрицы», а «немцы»! Пора бы привыкнуть!.. Давай их сюда!

Месяченко *(с порога кричит кому-то)*. Часовой! Давай фриц... тьфу... немцев сюда!

В комнату в сопровождении солдата с автоматом входят Мюллер, его жена и Саша Бутузов с рюкзаком за плечами. Немцы беспокойно глядят на коменданта. Саша замер у порога.

Часовой. Ефрейтор Цаплин со второй заставы! Разрешите доложить, товарищ капитан! Немцы! Все трое задержаны при переходе границы из английской зоны. Сопротивления не оказывали.

Пескаев *(разглядывая немцев)*. Подойдите поближе. Подойдите и садитесь. *(Показывает на стулья.)*

Мюллер *(сделал шаг и улыбнулся)*. Спасибо, господин комендант... Нас задержали...

Пескаев *(улыбнувшись)*. Я вижу, что вас задержали. Садитесь. *(Обращаясь к немке и Саше.)* И вы садитесь.

Немка и Саша присаживаются на края стульев.

Рассказывайте: откуда вы, по каким делам, куда?..

Саша не сводит восторженного взгляда с Пескаева.

Мюллер *(достает из-за пазухи кошелек, протягивает его Пескаеву)*. Пожалуйста, господин комендант!..

Пескаев *(строго)*. Что это такое?

Мюллер *(вздвигнув)*. Там документы.

Цаплин и Месяченко неодобрительно переглянулись.

Пескаев *(строго)*. Деньги оставьте у себя, а документы покажите! *(Возвращает кошелек.)*

Мюллер *(дрожащими руками достает из кошелька документы, передает их Пескаеву)*. Пожалуйста, господин комендант... Я думал...

Пескаев. Я не знаю, что вы думали... *(Знакомится с документами.)* Вы учитель?

Мюллер. Да, господин комендант, я учитель.

Пескаев. Ваша фамилия?

Мюллер. Артур Мюллер. Сколько лет я учил немецких детей! И вдруг меня признали политически опасным. (*Обращаясь к жене.*) Помнишь, Марта? (*Пескаеву.*) Это моя жена, Марта Мюллер, урожденная Фукс. И меня уволили.

Пескаев. Вы выступали против фашизма?

Мюллер. Нет. Против фашизма я не выступал. Верно, Марта? Я просто не соглашался с тем, чтобы в нашей школе заводили новые порядки. Мне это сразу не понравилось. Помнишь, Марта? Я честно заявил об этом. Я сказал, что у нас школа, а не юнкерское училище. Меня сначала выгнали из школы, а потом арестовали и посадили в концлагерь.

Пескаев. Долго вы сидели в этом лагере?

Мюллер. Нет. Я сидел недолго: всего десять месяцев. Но мне они показались вечностью. Нас освободили английские войска.

Пескаев. И вы опять стали учителем?

Мюллер. Да. И в той же школе. Но в ней ничего не переменилось. Представьте себе, господин комендант, учителя преподавали по гитлеровским учебникам, а руководили школой те же люди, которые меня прогнали, когда к власти пришел фюрер. Это мне не понравилось. Помнишь, Марта? Я опять выступил. Я заявил, что я с этим не согласен...

Пескаев. Ну и что же?

Мюллер (*разводя руками*). Тогда меня уволили уже по распоряжению англичан. Они решили, что я коммунист, хотя я никогда не принадлежал ни к одной партии. Это может подтвердить моя жена. Правда, Марта? Я далек от политики.

Пескаев. Это вам так кажется.

Мюллер (*продолжая*). Я протестовал, я жаловался, но спорить было бесполезно. Мы продавали наши вещи. Мы ели только один раз в день.

Марта Мюллер. У нас был небольшой огород, но они отобрали всю землю в нашем районе для военного аэродрома.

Пескаев. Понятно. И тогда вы решили бежать в советскую зону? Куда же вы держали путь?

Мюллер (*поспешно*). Если господин комендант раз-

решит, мы хотели пройти в Дрезден. Там у нее брат. *(Показывает на жену.)* Верно, Марта?

Немка кивает головой.

Пескаев *(возвращая немцу документы)*. Хорошо. Можете идти в Дрезден. Уверен, что вы найдете себе работу. *(Показывая на Сашу.)* Это ваш сын?

Саша порывается что-то сказать.

Мюллер. Что? О-о-о нет, господин комендант! *(Забирая у Саши рюкзак.)* Это не мой сын! У нас была дочь, Шарлотта, но она умерла от дифтерита. Верно, Марта? А этот мальчик пристал к нам по дороге, и мы пошли вместе. Он говорит, что он русский.

Пескаев *(удивленно)*. Русский? *(Саше.)* Подойди-ка сюда!

Саша вскочил и вытянулся, не двигаясь с места.

(Немцам.) Хорошо. С мальчиком мы тут разберемся. Вы можете идти. Товарищ старшина, проводите граждан к капитану Савельеву.

Месяченко выходит. Немцы, кланяясь коменданту, выходят из комнаты в сопровождении солдата с автоматом.

(Выходит из-за стола, ласково Саше.) Ну, чего ты тянешься? Я не генерал, а ты не солдат, чтобы передо мной тянуться. Как тебя зовут?

Саша *(сдавленным голосом)*. Саша Бутузов... Я русский.

Пескаев. Саша Бутузов? Действительно, похоже, что ты русский. Откуда ты? Куда ты идешь?

Саша. Я хочу домой... У меня мама... есть... Вот...

Саша поспешно достает обрывки фотографии и передает их Пескаеву, не смея приблизиться к столу. Пескаев раскладывает обрывки на столе и собирает из них фотографию.

Пескаев *(рассматривая фотографию)*. Кто же тебе ее так порвал?

Саша *(гневно)*. Мистер Кук!

Пескаев. Мистер Кук!.. Так... А это, значит, твоя мама?

Саша. Das ist meine Mutter!

Пескаев. Понятно... Значит, ты русский мальчик, Саша Бутузов, а это «дейне муттер»? Ты по-русски-то разговариваешь?

Саша. Да... Ja, ein bißchen. Немножко.

Неожиданно всхлипывает и бросается на грудь растерявшегося коменданту. Пескаев обнимает плачущего мальчика.

Пескаев. Ну, чего ты? Откуда ты появился?

Саша (*успокаиваясь*). Из приюта!

Пескаев. Из приюта? Из какого же это приюта?

Саша. Я убежал из приюта.

Пескаев. Вот как! Удрал из приюта? Смелый парень!
Где же этот приют?

Саша. Сначала он был в Дрюкендорфе, а потом нас перевезли в Клингенберг.

Пескаев. Клингенберг... Так... Так... (*Смотрит на карту, висящую на стене. Затем снимает телефонную трубку.*) Четвертый... Савельев, ты? Вот какое дело: тут у меня паренек сидит, говорит, что сбежал из английского приюта. Понятно? Да. (*Улыбаясь, смотрит на Сашу. Саша тоже улыбается.*) Ничего паренек. Первое впечатление хорошее. Так вот, если эта гражданка, с которой мы сегодня занимались, еще не уехала... Знаешь, о ком я говорю? Ты ее еще не отправил? Оформляешь? Хорошо. Пусть она сейчас зайдет ко мне! (*Кладет трубку, Саше.*) Стало быть, ты убежал из приюта?

Саша. Да.

Пескаев. Вот как! Удрал из приюта! Так ведь это же далеко! Сейчас тебя помогут, подстригут, перекорнут и накормят. И все, брат, сразу! (*Смеется.*)

Саша, счастливый, улыбается. В комнату входит Смайда Ландмане.

Смайда (*радостно*). Саша Бутузов?!

Пескаев. Вы знаете этого мальчика?

Смайда. Это один из наших воспитанников.

Саша (*шепчет*). Мисс Ландмане...

Смайда. Как он сюда попал? Саша! (*Обнимает Сашу за плечи.*)

Пескаев. Убежал из приюта.

Смайда. Да, да... Я заметила в нем последнее время большие перемены. На прогулках он стал отставать от других мальчиков, стал уединяться... Я помню его еще совсем маленьким, когда они сдали его к нам в детский дом.

Пескаев. Кто — они?

Смайда. Гитлеровцы. Его мать увезли куда-то, а пятилетнего ребенка отдали нам.

Пескаев. Ну, все ясно. Я вызвал вас для того, чтобы удостовериться в том, что мальчик говорит правду. Большое спасибо. Когда вы летите в Москву? Кажется, завтра идет самолет?

Смайда. Завтра, на рассвете.

Пескаев. И когда в Ригу? *(Улыбается.)*

Смайда. А из Москвы в Ригу.

Пескаев. Небось ждете не дождетесь?

Смайда. Жду и дождусь! Я столько лет ждала...

Пескаев *(Смайде)*. Не исключена возможность, что вам придется завтра захватить с собой мальчика.

Смайда. Буду рада. У него в Москве родители. Они его ждут. Я охотно доставлю им эту радость.

Пескаев *(Саше)*. Хочешь в Москву?

Саша. Я хочу домой.

Пескаев. Скоро будешь дома.

Саша. Я хочу домой...

Входит Месяченко.

Месяченко. Разрешите доложить, товарищ капитан!

Пескаев. Что такое?

Месяченко. Прибыл английский офицер. Желает до вас. Хочет видеть коменданта.

Пескаев. Пусть заходит.

Месяченко выходит.

Смайда. Мне уйти? *(Поднимается.)*

Пескаев. Нет. Оставайтесь. Сядьте с Сашей вон там, к окну... Вы можете мне понадобиться. Вы, кажется, хорошо говорите по-английски?

Смайда. Я к вашим услугам.

Саша и Смайда садятся к окну. Входит Упманис. Он в форме английского младшего офицера. Смайда вздрагивает. Саша прижимается к ней.

Упманис *(не замечая Сашу и Смайды, отрекомендовывается Пескаеву)*. Лейтенант Ричард Упман! Прибыл по заданию британской военной администрации. Есть неотложное дело, господин комендант.

Пескаев. Слушаю вас.

Упманис. Из сиротского дома в Клингенберге убежал воспитанник.

Пескаев. Я знаю.

Упманис. Нам удалось установить, что три часа назад он и двое немцев, к которым он пристал по дороге, перешли из английской зоны в советскую и задержаны вашей комендатурой.

Пескаев. Я знаю.

Упманис. Мальчик убежал из английского приюта. Британские власти отвечают за его судьбу. Ребенок должен быть возвращен в английскую зону.

Пескаев. Он русский. Ему нечего там делать.

Упманис. Он должен вернуться в приют. Британские власти в настоящее время решают вопрос о его возвращении домой.

Пескаев. Он уже дома.

Упманис. Британские власти не считают такой способ репатриации законным.

Пескаев. А насильно задерживать советских детей в Германии вы считаете законным?

Упманис. Я выполняю приказ своего командования. *(Протягивает удостоверение.)*

Смайда *(неожиданно)*. С каких это пор вы стали англичанином, Упманис? С тех пор как вы надели эту форму?

Упманис резко оборачивается, видит Смайду и Сашу.

Пескаев *(Смайде)*. Вы знакомы?

Смайда. К сожалению. Это Упманис. Он не англичанин! По национальности он латыш, по профессии — предатель.

Пескаев. А по виду англичанин. *(Внимательно изучает документ Упманиса.)*

Смайда. Вы не ожидали меня здесь встретить? *(Пескаеву.)* Это он донес директору приюта о том, что у меня хранилось письмо Яниса, — помните, про которого я вам говорила? *(Упманису.)* Что вы сделали с Янисом? Я знаю, вы его убили! Убили только за то, что он был честным человеком, за то, что он был настоящим латышом, а не таким, как вы...

Упманис. Британские власти...

Смайда *(перебивая Упманиса)*. ...пользовались вашими услугами? Вы это хотите сказать? Вы не ожидали меня здесь встретить? Вы думали, что я умерла, когда вы, выполняя задание английской разведки,

сшибли меня своим мотоциклетом и промчались мимо, даже не оглянувшись... Нет, Упманис, я осталась жива!

Упманис. Простите! Я не могу продолжать наши переговоры. Я обязан доложить своему командованию.

Пескаев. Одну минуту! Я попрошу вас задержаться, мистер... или как вас там... гражданин Упман... Одну минуту... У вас документы не совсем в порядке.

Упманис. Они в порядке! Посмотрите хорошенько!

Пескаев. Я очень хорошенько посмотрел. У вас в документах нет подписи советского представителя. Я обязан выяснить этот вопрос.

Саша. Вы меня ему не отдадите?

Пескаев. Нет, уж теперь мы тебя никому не отдадим!

Упманис. Я являюсь...

Пескаев (*строго*). Я вас задерживаю до выяснения вашей личности. Прошу вас! Товарищ старшина, проводите гражданина к капитану Савельеву!

Месяченко выводит Упманиса.

Саша (*что-то вспомнив, громко*). Я знаю одну девочку. Она тоже русская! Ее зовут Маша! У нее есть мама! Она просила, чтобы нашли ее маму, Катю Любимову! Вот ее адрес! (*Протягивает Пескаеву записку.*)

Пескаев. Хорошо, Саша! Мы и Машу Любимову домой вернем! Дай срок!

Гаснет свет.

ЭПИЛОГ

На сцену выходит Добрынин.

Добрынин
Я видел своими глазами за серой приютской
стеней
Детей из Орла и Рязани, забывших язык свой
родной,
Детей, потерявших свободу, детей, потерявших
семью,

Не знающих, чьи они родом, затерянных в дальнем
краю...
Я видел, как девочка Маша в немецкой пивной
подает,
Как русская девочка наша нерусские песни поет!
Я видел и куков и скоттов, которые наших ребят,
Задумав ужасное что-то, домой отпустить не хотят!
Не в силах сдержать возмущенья, всем гневом,
всей правдой своей
Я требую их возвращенья от имени честных людей!
Никто у ребенка не смеет Отчизну и дом отнимать!
Советский ребенок имеет великую Родину-мать!

Из-за занавеса выходят Саша Бутузов и Ира Соколова. Они в пионерских костюмах.
Звучит музыка.

1949

ЧУЖАЯ РОЛЬ

Комедия в трех действиях, четырех картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кирилл Петрович Племянников, научный работник.

Тамара Ивановна Племянникова, его жена.

Алик Племянников, их сын, ученик 5-го класса.

Зоя Семеновна Зябликова, соседка Племянниковых.

Таня Зябликова, ученица 6-го класса } ее дети.

Миша Зябликов, ученик 5-го класса }

Гриша Ивушкин }

Толя Пучеглазов } ученики 5-го класса.

Костя Ручейков }

Нина Кондратьевна Зимина, учительница.

Сергей Константинович Дундаковский, кинорежиссер.

Арнольд, ассистент кинорежиссера.

Пуговкин, помощник кинооператора.

Николай I } киноактеры.

Бенкендорф }

Действие происходит в наши дни.

Премьера спектакля состоялась 25 февраля 1954 года в Центральном детском театре.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Столовая в квартире Племянниковых. У стены — пианино. Алик и Миша сидят за столом. На столе лежит мясорубка и стоит чернильный прибор. В руках у Алика школьный дневник.

Алик (*после большой паузы*). Слушай, а если ее бритвой, а?

Миша. Бритвой не надо: дырка будет.

Алик. Ты говоришь, что резинкой лучше и не пробовать? У меня совсем новый ластик есть: «Сангигиена».

Миша. Этим ластиком ничего не сотрешь, только размажешь.

Алик. Ну, а чем тогда?

Миша. Лучше всего, как я тебе сказал: хлебным мякишем.

Алик. Откуда ты знаешь?

Миша. Меня один художник научил. У вас дома хлеб есть?

Алик. Должен быть. (*Заглядывает в буфет.*) Есть и черный и белый. Тебе свежий надо?

Миша. Во-первых, это не мне, а тебе надо. А во-вторых, нужен белый.

Алик. Одного батона хватит? (*Достает из буфета белый батон.*)

Миша. Ты что, с ума сошел?

Алик. А что? Мало?

Миша. Кусочек надо.

Алик. Какой кусочек?

Миша. Отщипни кусочек мякиша.

Алик. Ну, я отщипнул. Столько хватит? (*Показывает.*)

Миша. Хватит.

Алик. А теперь что делать?

Миша. А теперь скатай катышек и стирай, как резинкой, что тебе нужно.

Алик садится к столу. Раскрывает дневник. Задумывается.

Чего ты задумался?

Алик (после паузы). Какая жирная! Смотри!

Миша (смотрит на отметку в дневнике). Да, уж Нина Кондратьевна постаралась...

Алик. Ну хотя бы троечку поставила, а то ишь какую двойку вывела!

Миша. Как же можно было троечку, если ты восемь ошибок сделал? Это же рекорд!

Алик. А ты рядом сидел... Я тебя толкал, толкал... Сам-то на четверку написал!

Миша. Ну вот, теперь я виноват?

Алик. Конечно, виноват! (Не может оторвать взгляд от отметки в дневнике.)

Миша. При Нине Кондратьевне подскажешь, как же! Сразу же на другую парту пересадит или вообще из класса попросит.

Алик (ворчит). «Попросит, попросит»!.. (Вздыхает.) Ну и жирнющая же эта двойка! На тройку ее никак не переправишь. Заметно будет.

Миша (смотрит). Да, на тройку она не похожа.

Алик. Четверку из нее тоже не сделаешь.

Миша. Слепой увидит.

Алик. Лучше всего из нее пятерка получится. Если вот тут подтереть, а тут подрисовать остороженько... Смотри сюда! (Показывает.)

Миша. Не много ли?

Алик. Я сам знаю, что много, но тройка-то ведь не получается!

Миша. А может, вообще не стоит?

Алик. Ну какой ты, Миша, человек! Я же тебе русским языком объяснил, какое у меня положение! Нина Кондратьевна сегодня при всех меня предупредила в последний раз, что, если мой дневник не будет подписан родителями, она примет какие-то меры. А как я его с двойкой дам подписывать? Вдруг родители обратят внимание и тоже примут меры? А завтра у меня день рождения, сам понимаешь... Вот и выкручивайся!

Миша. У тебя родители разве сами дневник не смотрят?

Алик. Папе некогда. Он сейчас какую-то научную дис-

сергацию пишет. Каждый день до самой ночи в библиотеке работает — книги читает. Когда он домой возвращается, я уже сплю. А утром он спит, когда я в школу ухожу. Вот так и живем. Редко видимся.

Миша. И мать дневник не спрашивала?

Алик. И мама не спрашивала.

Миша. Ты разве с ней тоже редко видишься?

Алик. Часто. Но она вообще никогда мой дневник не смотрит, если я сам не покажу.

Миша. У меня каждую неделю интересуются. Такой, брат, контроль! Прямо госконтроль!

Алик. Я, конечно, мог бы и сам расписаться за родителей, но больно у меня почерк плохой. Нина Кондратьевна его сразу узнает. Я лучше подчищу.

Миша. А какая разница? Она ведь все равно заметит, что вместо ее двойки твоя пятерка стоит.

Алик. Так я же эту пятерку сразу же обратно в двойку переделаю! У меня коварный план! Понимаешь?

Миша. Что-то я ничего не понимаю.

Алик *(объясняет)*. Я подчищаю двойку на временную пятерку. Даю дневник на подпись родителям. Они смотрят: две пятерки, две четверки, три троечки. Ничего страшного! Дневник подписан. Подарок ко дню рождения можно дарить? Можно. С этим вопросом все!.. Я сейчас же переделываю временную пятерку обратно в двойку. Показываю дневник Нине Кондратьевне. Она смотрит: дневник подписан, двойка на месте. С этим вопросом тоже все!

Миша. А потом? Она может все равно позвонить родителям. И вообще...

Алик. Потом я не знаю, что будет. Наверно, мне придется подтягиваться и исправляться, но главное-то ведь не потом, а сейчас! Завтра день рождения! Подарок-то ведь уже купили! Я его уже в руки брал.

Миша. А что купили?

Алик. Что просил, то и купили: фотоаппарат!

Миша. Выпросил?

Алик. Выпросил... *(Начинает подчищать отметку в дневнике.)*

Миша с интересом следит за ходом дела.

Миша. Не нажимай, не нажимай так сильно. Дырку протрешь!

Алик. Стирается!

Миша. Вот как мякишем-то! Лучше всякой «Сангиены»!

Алик вытирает пот со лба.

Эх, не так! Опятьжимаешь! Стой! Дай сюда!

Алик. Ничего уже не видно. Теперь надо подрисовать.
(*Берет перо. Осторожно обмакивает его в чернила.*)

Миша. Кляксу не посади. Попробуй отдельно на бумажке. Вот так... Теперь можно.

Алик осторожно пытается исправить отметку в дневнике.

Алик (*переводя дыхание*). У меня, понимаешь, рука почему-то дрожать начинает. Первый раз, понимаешь... (*Умоляюще.*) Мишук, будь другом!..

Миша. Только не плачь! Давай перо!

Склоняется над дневником товарища.

Алик (*смотрит Мише через плечо*). Замечательно получается! Все-таки сразу видно, что ты начинающий художник!

Миша. При чем тут художник? Рисовать это одно, а подделывать — совсем другое... Я ведь тоже в первый раз... Только ради дружбы.

Алик. За мной не пропадет. Готово?

Миша (*переводя дыхание*). Готово.

Друзья любуются исправленной отметкой.

Алик. Красавица! Прямо даже жалко будет из нее обратно двойку делать! Кому угодно можно показывать.

Миша. Простым глазом, конечно, не видно.

Алик. А через лупу никто на нее смотреть не собирается. (*Протягивает Мише руку.*) Спасибо, Мишук! Выручил в беде! Приходи завтра на день моего рождения. Приглашаю. Вместе с сестрой!

В передней звонок. Алик лихорадочно прячет в буфет батон хлеба, смахивает со стола крошки, выбегает. Возвращается в комнату вместе с Таней.

Таня (*еще в дверях*). Извини, Алик! Я за Мишей. (*Брату.*) Миша! Это безобразие! Тебя послали за мясорубкой, а ты исчез и пропал на целый час!

Алик. Он забыл.

Миша. Я забыл.

Таня. А просить у мамы деньги на краски и на альбомы ты почему-то не забываешь! Давай сюда мясорубку! (*Берет мясорубку.*)

Миша. Ладно. Не шуми. Ты не у себя дома.

Алик. Она не шумит.

Таня. Я не шумлю. Я спокойно разговариваю.

Миша (*ворчит*). «Краски»... «альбомы»... А сама вчера деньги на новые ноты просила? Что? Просила ведь! Я сам слышал. Просила? Не будешь отказываться?

Таня. Ты прекрасно знаешь, что ноты мне необходимы как учебное пособие: я играю на рояле.

Миша. А я рисую на бумаге. Мне краски и альбомы не меньше нужны!

Алик. Миша! Таня! Перестаньте спорить! Таня, я приглашаю тебя завтра на свой день рождения.

Таня. Спасибо, Алик! Если я буду свободна, приду.

Миша (*Алику*). Только береги пирожные: она сразу пять штук съедает.

Таня. Безобразие! Честное слово, возмутительно, какие ты глупости говоришь!

Алик (*неожиданно*). Таня! Какие у тебя отметки за эту неделю?

Таня. Одна четверка есть.

Алик. Остальные все пятерки?

Таня. Как всегда. А у тебя?

Алик (*протягивает Тане свой дневник*). Пожалуйста, на, посмотри!

Таня берет дневник, Алик и Миша переглядываются.

Таня. Да-а-а...

Алик. Что? Что-нибудь заметно?

Таня. Заметно.

Алик (*упавшим голосом*). Неужели заметно?

Таня. Конечно, заметно.

Миша. А что именно?

Таня. Заметно, что Алику надо подтянуться. Две четверки, три тройки.

Алик. А пятерки? Две пятерки! Две! Целых две!

Таня. Я вижу, что две. А могло бы быть больше. (*Возвращая Алику дневник.*)

Алик (*берет дневник*). Ну, это в дальнейшем...

Таня (*улыбаясь*). Смотри, как бы в дальнейшем возле троек двоек не появились. Они ведь сестры.

Алик. Как-нибудь не появятся. (*Подмигивает Мише.*)

В передней звонок. Алик выходит открыть дверь. Возвращается в сопровождении Зои Семеновны.

Зоя Семеновна (*обращаясь к Тане и Мише.*) Дети! Что же это такое? Я просила тебя, Миша, сходить за мясорубкой, ушел и как сквозь землю провалился. Таня пошла за тобой и тоже пропала. Мы с бабушкой сидим на кухне, ждем, а вы тут, я вижу, о чем-то дискутируете?

Таня. Мы говорили об успеваемости.

Входит Тамара Ивановна. В руках у нее покупки.

Тамара Ивановна. Здравствуйте, Зоя Семеновна! Здравствуйте, дети!

Зоя Семеновна. Добрый день. Я к вам, Тамара Ивановна, за мясорубкой. Моя сломалась. Вы разрешите воспользоваться вашей?

Тамара Ивановна. Сделайте одолжение. Вас, Зоя Семеновна, кажется, можно поздравить? И Танюшу тоже?

Зоя Семеновна. С чем же это поздравить?

Тамара Ивановна. Будто и не знаете? Ваша Таня выступает в открытом концерте. По городу расклеены афиши. Я была в парикмахерской, там тоже афиша висит.

Зоя Семеновна. Концерт? Ну, это слишком громко сказано. Обычный утренник учащихся музыкальной школы.

Тамара Ивановна. Таня, наверно, хорошо играет, если ее допустили к такому ответственному выступлению.

Зоя Семеновна. Она могла бы играть лучше. Мало занимается.

Таня (*укоризненно*). Мама!.. Неправда, я много занимаюсь.

Зоя Семеновна. Не спорь!

Тамара Ивановна (*Тане*). Это, наверно, очень приятно — видеть свое имя напечатанным в афише?

Таня (*скромно*). Приятно.

Тамара Ивановна. Я думаю! (*Зое Семеновне.*) У вас будут приглашительные билеты на этот концерт? (*Тане.*) Не забудь, Танюша, три билета для нашей семьи.

Таня. Хорошо. Не забуду.

Тамара Ивановна. Наверно, это очень волнительно — быть в зале при выступлении своего ребенка!

Зоя Семеновна. Не скрою, Тамара Ивановна, волнительно.

Тамара Ивановна. Мы Алика хотели учить музыке. Показывали его музыкантам и врачам-ларингологам, купили пианино, но... все специалисты в один голос сказали, что у него абсолютно нет никакого слуха. Просто удивительно! Отец играл когда-то на мандолине, я немного пою, а у ребенка нет музыкальных способностей. Очень странно... А ваш Миша, кажется, недурно рисует? Алик нам говорил, что его рисунки даже в Париж поехали. Это правда?

Зоя Семеновна. Представьте себе. Две его небольшие картинки были на выставке детского рисунка, посвященной борьбе за мир. Так вот, рисунок «Концерт Поля Робсона» в числе других был отобран для выставки в Париже.

Тамара Ивановна (*не без зависти*). Смотрите пожалуйста! Какие у вас талантливые дети!

Зоя Семеновна. Да о талантах, пожалуй, судить еще рано. Тане очень трудно совмещать учебу в двух школах: в простой и в музыкальной.

Тамара Ивановна. Как мать, я вам завидую. У вас очень одаренные дети.

Миша и Алик, которые во время разговора взрослых стояли у окна и о чем-то совещались, подходят к матерям.

Миша! Ты бы своего товарища хоть рисовать научил! Алик! Что это ты в руках вертишь?

Алик (*неожиданно*). Мама, подпиши, пожалуйста, мой дневник. (*Протягивает матери дневник.*)

Тамара Ивановна. Подписать дневник? Где нужно подписать?

Алик (*быстро раскрывает дневник и показывает*). Вот здесь.

Тамара Ивановна, не глядя на отметки, подписывает дневник и возвращает его Алику. Алик и Миша отходят в сторону.

(*Мише, тихо.*) Напрасно старались — даже не взглянула!

Уходят в смежную комнату.

Тамара Ивановна. Один мой знакомый, научный

работник — он работает в Академии педагогических наук, — делился со мной темой своей диссертации. Он утверждает, будто в каждом ребенке — буквально в каждом! — скрыт тот или иной талант и что долг родителей вовремя раскрыть его и способствовать дальнейшему развитию.

Зоя Семеновна. В нашей семье все это произошло как-то само собой. Миша с детства любил рисовать, а Таня сама упросила меня отдать ее в музыкальную школу.

Тамара Ивановна. В этом случае можно предполагать, что у детей талант лежал где-то на поверхности. А у нашего Алика он, очевидно, скрыт глубоко внутри. Не знаю только, когда и в какой области он себя начнет проявлять.

Звонок телефона.

(Снимает трубку.) Слушаю вас... Да, это мама Алика. Кто говорит?.. Здравствуйте, Нина Кондратьевна! Слушаю вас, дорогая! Не могли ко мне дозвониться?.. Что?.. Да. Дневник Алика я только что подписала. Как вы говорите?.. Огорчена? Я вас не понимаю, Нина Кондратьевна, какая двойка? По русскому языку? Нет, я ее не заметила! Одну минуточку, Нина Кондратьевна! Подождите, пожалуйста, у телефона... *(Обращается к Тане, просматривающей журнал «Огонек».)* Танюша, позови, пожалуйста, сюда Алика. И пусть принесет свой дневник.

Таня выходит.

(Зое Семеновне.) Звонит Нина Кондратьевна и сообщает мне, что у Алика в дневнике выставлена двойка. А я ничего не знаю. Поразительно!

Входят Алик, Миша и Таня. В руках у Алика дневник. Алик растерян.

Алик! Разве у тебя по русскому языку двойка?

Алик молчит.

Таня. У него по русскому языку пятерка.

Тамара Ивановна *(говорит по телефону)*. Нина Кондратьевна, вы меня слушаете? Нина Кондратьевна! У Алика по русскому языку пятерка. Что вы говорите? Вы ему сами ставили двойку? Одну

минуточку... *(Обращается к Алику.)* Алик, давай-ка сюда дневник!..

Алик молча протягивает матери дневник.

(Держа раскрытый дневник перед собой, говорит по телефону.) Нина Кондратьевна! Может быть, вы что-нибудь перепутали? Я держу дневник в руках. По русскому языку у Алика стоит пятерка. Да. За вашей подписью. Огромная пятерка... *(Слушает.)* Понимаю... Тут какое-то недоразумение, Нина Кондратьевна. Хорошо, я разберусь. До свиданья! *(Кладет трубку.)*

Все смотрят на Алика.

(Еще раз смотрит на отметки в дневнике.) Ничего не понимаю! Никакой двойки здесь нет.

Протягивает дневник Зоя Семеновна. Зоя Семеновна внимательно смотрит отметки Алика. Все молчат.

Зоя Семеновна. Вам не кажется, что здесь что-то подчищено, Тамара Ивановна? *(Показывает.)*

Тамара Ивановна. Не может быть! *(Смотрит. Неожиданно обращается к сыну.)* Алик! Принеси-ка большую лупу с папиного стола.

Алик выходит. За ним следует Миша.

Зоя Семеновна *(смотрит страницу дневника на свет)*. Да тут никакой лупы не надо, Тамара Ивановна. Посмотрите-ка на свет! Отметка подчищена. Здесь была двойка!

Входят совершенно растерянные и смущенные Алик и Миша. В руках у Алика большая лупа.

Тамара Ивановна. Алик, скажи честно, ты получил двойку по русскому языку?

Алик молчит.

Алик! С тобой говорит мать. Я тебя спрашиваю. Ты пионер, и ты должен честно отвечать на все мои вопросы. Ты получил двойку по русскому языку?

Алик *(с трудом)*. Да.

Тамара Ивановна *(повышая голос)*. А почему я не вижу этой двойки в твоём дневнике? Я хочу ее видеть! Где она?

Алик молчит.

Зоя Семеновна. Тамара Ивановна, мы пойдем...
Миша! Таня!

Все, кроме Алика и Тамары Ивановны, уходят.

Тамара Ивановна. Алик! Ты мне должен чисто-сердечно во всем признаться. Где двойка?

Алик. Я ее переделал.

Тамара Ивановна. Боже мой! Что я слышу! На что ты ее переделал?

Алик. На пятерку... Мама! Я хотел на тройку, но тройка не получалась.

Тамара Ивановна. Как же ты учишься, если учительница ставит тебе такие отметки?

Алик. Я думал, она мне тройку поставит, а она мне поставила двойку.

Тамара Ивановна. Значит, ты ее заслужил. Значит, ты ничего не знаешь. Ну что мне с тобой делать? Ты меня совершенно не щадишь! Я потеряю с тобой все свое здоровье. Двойка! Это ужасно! Кошмар какой-то!

Алик. Я обещаю... Я ее исправлю.

Тамара Ивановна. Ты ее уже исправил! Превосходно! Нечего сказать, мой сын меня сегодня порадовал! Вот придет отец с работы, я ему преподнесу сюрприз. Мало того, что сын у нас учится на двойки, он еще пятерки подделывает. У всех дети как дети, а у Племянниковых какой-то фальшивомонетчик!

Алик. Мама! Я, честное слово, хотел...

Тамара Ивановна. Меня не интересует, что ты хотел! Раньше меня бы это интересовало, а теперь больше не интересует! Господи! У ребенка, кажется, есть все! Хочет ребенок идти в кино — ему дают деньги, и он идет в кино. Хочет ребенок купить себе удочку — ему дают деньги, и он покупает себе удочку. О нем заботятся, его балуют: «Алик, Алик!», а Алик, оказывается, только о том и думает, как бы обмануть отца с матерью! Черная неблагодарность! Черная! (*Ходит по комнате.*) Другие дети занимаются музыкой, рисуют, пишут стихи, развивают свои таланты и радуют родителей хорошими отметками. У них есть время хорошо учиться. А наш сын и не рисует, и не поет, и не танцует, и не занимается музыкой — у него есть только одна святая обязанность: хорошо учиться, — а он, видите

ли, приносит домой двойки, да еще подделывает в дневнике отметки!

Алик (*жалобно*). Мама! Первая двойка за все время! **Тамара Ивановна**. Он еще оправдывается! Он еще смеет возражать матери! Нет, вы только поглядите на него! Нет! Моему терпению пришел конец! Конец! Я умываю руки! Можешь сегодня же сообщить своим гостям, которых ты пригласил на свое рождение, что рождение не состоится. Ты не родился! Ты меня опозорил перед соседями! Позор! Позор!

Алик. Мама! Послушай!

Тамара Ивановна. И слушать тебя не желаю, и разговаривать с тобой больше не буду! Ни одного слова ты от меня больше не услышишь! (*Выходит, в сердцах хлопнув дверью.*)

Алик стоит в глубоком раздумье, держа в руках злополучный дневник. Звонок. В передней хлопает дверь. Слышны голоса. Тамара Ивановна пропускает в комнату Гришу Ивушкина и Костю Ручейкова.

Вот ваш Алик! (*Закрывает за собой дверь.*)

Ивушкин. Мы за тобой зашли, как уговаривались.

Мы на шесть тридцать билеты взяли. Пойдешь?

Алик (*мрачно*). Не знаю.

Ручейков. Ты что такой кислый?

Алик. Просто так. Живот болит.

Ивушкин. В кино пройдет. Пошли! А то твой билет пропадет.

Входит Тамара Ивановна.

Ручейков. Тамара Ивановна, можно Алику с нами пойти прогуляться?

Алик. Мама...

Тамара Ивановна. Я с ним не разговариваю. Он может делать что хочет! (*Проходит в смежную комнату.*)

Ивушкин. Разрешила. Пошли, Алик! Новый заграничный фильм. Дети до шестнадцати лет не допускаются! Пошли!

Алик (*вытерев глаза*). Пошли! (*Первым выходит в переднюю.*)

За ним выходят остальные. Сцена некоторое время пуста, затем появляется Кирилл Петрович Племянников. Он явно

утомлен и озабочен. Снимает пиджак и вешает его на спинку стула. Глубоко вздохнув, садится к столу и начинает просматривать принесенные с собой книги. Входит Тамара Ивановна.

Кирилл Петрович (*усталым голосом*). Здравствуй, милая! Ох, устал! Я есть ничего не буду — пообедал в нашей столовой. Будь добра, если можешь, налей мне стакан чаю. Покрепче и погорячей, пожалуйста!

Тамара Ивановна выходит. Затем возвращается со стаканом чаю в руках. Ставит его перед мужем. Садится к столу.

Тамара Ивановна (*не сразу*). Кирилл, я просто убита!

Кирилл Петрович. Чем ты убита? Что случилось?

Тамара Ивановна. Алик получил двойку по русскому языку. Звонила Нина Кондратьевна, его классная руководительница. Она им очень недовольна. Что делать?

Кирилл Петрович. Что делать, что делать!.. Драть его надо. Ремнем. Будет пятерки получать.

Тамара Ивановна. У Зябликовых детей не дерут, а они хорошо учатся. И еще музыкой занимаются, рисуют...

Кирилл Петрович. Тамара, мне двойками сына заниматься сейчас некогда. Я работаю над своей диссертацией. У меня голова пухнет от одной мысли, сколько мне еще надо прочесть и проработать... Так что уж ты как-нибудь сама...

Тамара Ивановна. Я это понимаю. Я это прекрасно понимаю. И я не хочу тревожить тебя мелочами, но в данном случае ты должен мне помочь. Я ведь еще не сказала тебе самого главного.

Кирилл Петрович. Что еще?

Тамара Ивановна. Мало того, что он получил двойку, он еще подделал пятерку.

Кирилл Петрович. Какую пятерку?

Тамара Ивановна. Подделал отметку в своем дневнике.

Кирилл Петрович. Вот артист! Я говорю, драть его надо. Ремнем драть.

Тамара Ивановна. Его, несомненно, надо наказать, но как и когда?.. Завтра день его рождения. Алик всю зиму мечтал о фотоаппарате. Но разве можно

дарить ему фотоаппарат после того, что он натворил? Это же будет непедагогично!

Кирилл Петрович. Можно не дарить.

Тамара Ивановна. Но аппарат мы уже купили. Я ему его уже показала.

Кирилл Петрович. Не знаю, не знаю, что тебе посоветовать. Парня мы избаловали. Сами виноваты! Где он?

Тамара Ивановна. За ним зашли товарищи, и они пошли прогуляться.

Кирилл Петрович. И ты, конечно, ему разрешила? Прогуляться — это на их языке значит по пути зайти в кино.

Тамара Ивановна. А что я могла поделаться?

Кирилл Петрович. Как это? Запретить! Приказать сидеть дома и готовить уроки. Повторять пройденное!

Тамара Ивановна. Я не могла этого сделать. Для этого я должна была с ним разговаривать. А я ему сказала, что он от меня не услышит больше ни одного слова. Если бы я с ним после этого заговорила, это было бы непедагогично.

Кирилл Петрович. Это не воспитание.

Тамара Ивановна. Значит, ты считаешь, что я должна с ним говорить? И это будет педагогично?

Кирилл Петрович. Педагогично. *(Встает.)* В восемь часов прошу меня разбудить. В девять пойду опять в библиотеку. *(Проходит в смежную комнату и закрывает за собой дверь.)*

Тамара Ивановна. Как воспитывать?.. Как воспитывать?.. *(Вздыхает.)*

В передней раздаются звонки. Тамара Ивановна идет открывать дверь. Возвращается вместе с Алик о м. Алик очень возбужден и чем-то взволнован.

Почему ты так звонишь? Отец лег отдохнуть.

Алик *(всматриваясь в лицо матери)*. Мама, ты со мной разговариваешь?

Тамара Ивановна *(не отвечая на вопрос)*. Что произошло? Почему ты так быстро вернулся?

Алик *(возбужденно)*. Мама, мы с ребятами решили прогуляться, но в кино я не пошел. Я познакомился с одним человеком.

Тамара Ивановна *(испуганно)*. С каким еще человеком?

Алик. Мама! Мы стояли на улице и разговаривали. Вдруг Гриша Ивушкин толкает меня плечом и тихо говорит: «Алик! За нами следят!» — и показывает одним глазом на какого-то человека в шляпе, в кожаной куртке на «молнии» и с «лейкой» через плечо. Понимаешь, мама?

Тамара Ивановна. Пока еще ничего не понимаю. Алик. Этот человек стоит в сторонке и все время на нас смотрит.

Тамара Ивановна. Алик! Умоляю тебя, пощади мое сердце! Говори толком, что ему было нужно от вас?

Алик. Не успели мы подумать, что нам делать, как этот человек сам подходит к нам и знакомится. Его зовут Арнольд. И оказывается, он следил не за ребятами, а за мной.

Тамара Ивановна. Алик! Надо было подозвать милиционера! Зачем ты нужен этому неизвестному гражданину?

Алик. Мама, он хочет меня снимать в кино!

Тамара Ивановна. Тебя? Снимать в кино?

Алик. Этот самый Арнольд работает в кино. Он помощник режисера. Они сейчас снимают новую детскую картину «Семафор открыт», и им нужен как раз такой тип, как я.

Тамара Ивановна. Надеюсь, ты не давал ему нашего адреса?

Алик. Дал. И номер телефона тоже. Он все записал: и адрес, и фамилию, и как зовут родителей.

Тамара Ивановна. Какая неосторожность! Теперь нас обкрадут! Обязательно обкрадут! Разве можно знакомиться на улице с неизвестными Арнольдами и давать им свой адрес? Может, это просто бандит какой-нибудь!

Алик (*убежденно*). Нет, мама, это не бандит. Это помощник режиссера.

Тамара Ивановна. Ты видел его документы? Он тебе их показывал?

Алик. Нет, я не видел никаких документов, и он нам их не показывал, но он все равно помощник режиссера. И потом, он тоже дал мне номер телефона и фамилию того режиссера, который снимает картину. Можно позвонить и проверить. Вот записочка. (*Протягивает матери записочку.*)

Тамара Ивановна (*читает вслух*). «Дундаковский Сергей Константинович. Режиссер кино. Арбат шесть два ноля двадцать». Я ему сейчас позвоню. (*Подходит к телефону. Набирает номер. Говорит по телефону.*) Алло! Это Арбат шесть два ноля двадцать? Можно попросить к телефону режиссера кино товарища... (*смотрит в записочку*) Дундаковского?

Алик (*подсказывает*). Сергея Константиновича... Сергея Константиновича...

Тамара Ивановна (*говорит по телефону*). Ах, вы у телефона? Очень приятно. Здравствуйте. С вами говорит мать мальчика Алика Племянникова. Только что моему сыну, предложили сниматься в кино...

Алик (*подсказывает*). «Семафор открыт», «Семафор открыт»...

Тамара Ивановна (*говорит по телефону*). С ним разговаривал ваш помощник. Ах, ассистент, извините! Он сейчас находится у вас и вы в курсе дела?.. Понимаю... Простите меня, но мне, как матери, было бы желательно знать более подробно, чего вы хотите от моего сына... Понимаю, понимаю... Это что же, главная роль? Ах, не главная... А какая же? Эпизод? Героический эпизод? Понимаю, понимаю... А что он будет делать? Как вы сказали? Останавливать поезд, предотвращать крушение? А это не опасно? Понимаю, понимаю... Согласие родителей на актерскую пробу? Я должна посоветоваться с отцом. Понимаю... Нам будут звонить? Кто нам будет звонить? Товарищ Арнольд? Очень приятно. До свидания. (*Кладет трубку.*) Как будто все правильно. Голос очень интеллигентный.

Алик (*торжествующе*). Что я тебе говорил, мама!

Тамара Ивановна. Надо будить отца! (*Уходит в смежную комнату.*)

Через некоторое время Тамара Ивановна появляется вместе с мужем.

Алик. Здравствуй, папа!

Кирилл Петрович. Здравствуй, артист!

Тамара Ивановна. Отец, со мной только что говорил известный кинорежиссер Дундаковский. Он сни-

мает детский фильм. Нашего сына приглашают сниматься в кино.

Кирилл Петрович. Штаны с него надо снять, да и всыпать как следует! Что это за двойку ты подчистил?

Алик (*чуть не плача*). Я исправлюсь! Папа! Я подтянусь! Папа, разреши! Это же один раз в жизни бывает! Все ребята мечтают об этом! Можете мне никогда больше ничего не дарить, только разрешите мне сниматься! «Семафор открыт»! Папа, ведь «Семафор открыт» — детская картина! Папа! Я буду хорошо учиться, только разреши! Я им подошел как тип!

Кирилл Петрович. Да, ничего не скажешь, ты хороший тип!

Тамара Ивановна. Алик, выйди. Мы тебя позовем.

Алик выходит.

Кирилл Петрович. Что это еще за глупости? Парню учиться надо как следует, а не в кино сниматься! Пусть снимают Дружникова или Крюкова.

Тамара Ивановна. Кирилл, им нужен мальчик. Он будет совершать героический поступок — предотвращать крушение поезда. По-моему, для Алика это было бы полезно.

Кирилл Петрович. Ты только что возмущалась поведением своего сына, не знала, как его наказать, отказалась с ним разговаривать, а теперь потакаешь ему в его диких желаниях! Это ты считаешь педагогичным? У парня двойка по русскому языку. Его надо наказать. Ему надо помочь. Надо серьезно заняться его воспитанием. Мне некогда, я с утра до ночи занят, но ты мать! У тебя больше возможностей, в конце концов, больше свободного времени!

Тамара Ивановна (*помолчав, осторожно*). Кирилл, может быть, Алик и не так уж виноват в этой двойке? Когда у тебя была персональная машина и ты был начальником отдела, Алик меньше тройки не приносил. А теперь ты стал заместителем, и к нему, возможно, стали предъявлять больше требований, стали придираться. Как ты думаешь, Кирилл, так может быть?

Кирилл Петрович (*возмущенно*). Тамара, что ты

говоришь! При чем тут я и моя персональная машина? Это же советская школа! Парень распустился, разбаловался, вот ему и ставят отметки по его заслугам! «Стали придираться»!.. Дикое предположение! (*Смотрит на часы.*) Мне пора. Я заказал на сегодня уйму материалов. Вернусь поздно. (*Проходит в комнату.*)

Т а м а р а И в а н о в н а. Кирилл, а как же насчет съемок в кино? Как твоё мнение? Что я должна сказать режиссеру Дундаковскому? От него будут звонить.

Голос Кирилла Петровича за дверь: «Не знаю, не знаю... Ты уж сама, сама как-нибудь разберись со всеми этими делами. Тебе виднее...»

(*Зовёт.*) Алик!

А л и к входит.

Алик, отец разрешил при условии, если ты обещаешь нам хорошо себя вести и учиться на одни пятерки.

Алик прыгает на одной ноге.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ВТОРАЯ

Столовая в квартире Племянниковых. За столом друг против друга сидят Алик и Миша. Они разбирают большую пачку фотографий.

А л и к. Здесь пятьдесят фотографий. Я во всех видах. Миша (*с некоторой завистью*). Ты, брат, в кино здорово получаешься! (*Рассматривает фотографии.*)

А л и к. Это пока еще только первая проба. Дальше будет интереснее: натура пойдет.

Миша. Какая такая натура?

А л и к. Это так называется, когда артистов на природе снимают. Например: я иду по шпалам, я бегу навстречу поезду. Мы еще в экспедицию поедem сниматься.

Миша. В какую такую экспедицию?

А л и к. Это так по-киношному называется, когда артисты куда-нибудь в командировку уезжают сниматься.

Например, куда-нибудь на море, или в лес, или просто в другой город.

Миша. И ты поедешь?

Алик. А как же! Мне же не трамвай, а поезд останавливать надо будет!

Миша. Вот уж повезло тебе так повезло!.. Ну, а что же ты теперь думаешь делать с этими фотографиями? Зачем ты столько карточек заказал?

Алик. Так вышло. Мне третий оператор, Леонид Саврасович Шарниров, говорит: «Тебе, Алик, с кадров сделать отпечатки?» Я говорю: «Сделайте». Он мне пять штук сделал и бесплатно подарил. Мама их увидела и родственникам разослала: бабушке, дяде, тетке в Саратов. Тогда я решил еще заказать со всех кадров, какие были. Вот он мне сегодня их принес. А теперь деньги платить надо.

Миша. А сколько?

Алик. Десять рублей.

Миша. За все про все?

Алик. Конечно, за все.

Миша. Это стоит.

Алик. Опять у матери просить?

Миша (*разбирает фотографии*). Карточки почти все одинаковые.

Алик. Я и не думал, что они с меня столько кадров снимают.

Миша. Целая галерея. (*Раскладывает снимки, как пасьянс.*)

Алик. Вот я и думаю: куда их распределять, кому дарить и как с третьим оператором расплачиваться?

Миша. Сначала надо решить, кому ты их дарить будешь. Мне подаришь?

Алик. Тебе в первую очередь, как другу. Выбирай любую.

Миша (*выбирает себе фотографию, сравнивает снимки*). Вот эту!

Алик. Хорошо! Теперь, значит, одну карточку твоей сестре... (*Откладывает одну фотографию в сторону.*) Одну Нине Кондратьевне, как классному руководителю, и потом вообще, чтобы не думала, что я на нее за двойку обиделся. Правильно?

Миша. Правильно.

Алик откладывает еще одну карточку в сторону.

Алик. Как ты думаешь, директору школы надо?

Миша *(решительно)*. Не надо.

Алик. Почему?

Миша. Подхалимаж!

Алик *(подумав)*. Тоже правильно. Директору, значит, дарить не будем.

Миша. Картина выйдет — она на тебя в кино посмотрит.

Алик. Еще как посмотрит-то! За билет деньги заплатит.

Миша. А если с мужем пойдет, то и за два билета сразу.

Алик. А если с детьми, то и все восемь! У нее шесть человек детей!

Оба смеются.

(Став серьезным.) Одну карточку обязательно преподнесу тете Груше, чтобы она мне без очереди пальто выдавала, когда я буду на съемку торопиться. Ну, вот и все. Остаются только сорок четыре карточки.

Миша. А нашим ребятам?

Алик. Можно, конечно, и нашим ребятам подарить, но очень уж дорого мне эти подарки обойдутся. Десять рублей! *(Подумав.)* Знаешь что, Мишук? Все наши ребята наверняка захотят иметь по моей карточке. Может быть, когда я стану известным артистом кино, такой карточке цены не будет. Это будет музейная редкость! Я думаю, что сейчас за нее по полтиннику каждый даст. Кто на завтраке экономит, кто на троллейбусе... Зато какая память о школьном товарище, который на глазах у всех становится артистом!

Миша. По полтиннику-то нехорошо. Неудобно наживать. Это же двадцать два рубля получается, а надо всего десять.

Алик. А мы их красочно оформим. Акварелью раскрасим. Будет как цветное кино. И краски окупим, и еще кое на что останется.

Миша *(загоревшись идеей Алика)*. Знаешь, а если вдруг желающих окажется больше и карточек не хватит, ты их своим «Любителем» переснимешь и размножишь! Можно будет большие портреты сделать: тринадцать на восемнадцать, двадцать четыре на тридцать и еще больше!

Алик. Я печатать буду, а ты раскрашивать!

Миша. А девочкам только предложи!.. Они всех кино-артистов собирают.

Алик (*складывает карточки и передает их Мише*).
Забирай и раскрашивай.

Миша (*протягивает Алику отобранную им одну фотографию*). Эту ты мне подарил. Надо ее надписать. Надписывай! Давай автограф!

Алик (*надписывает карточку*). «Моему ближайшему другу Михаилу Зябликову. А. Племянников».

Миша (*протягивает вторую карточку*). А это Танина. Ты ей будешь надписывать?

Алик. Я все фотографии буду надписывать. Давай. (*Надписывает фотографию Тане.*)

Миша. Я ей сейчас и отдам. Она будет очень рада. (*Забирает все карточки.*)

Алик. Заходи попозже.

Миша. Ладно. Зайду.

Миша уходит. Алик достает из портфеля переплетенный в жесткую папку сценарий и начинает его читать. Звонок телефона. Алик снимает трубку.

Алик (*говорит по телефону*). Слушаю. Нина Кондратьевна? Да, это Алик. Что? Почему я ушел с физкультуры? Я не ушел, а уехал. За мной пришла машина из студии. Что? Конечно, с разрешения. Мама позвонила Петру Петровичу, и он меня отпустил. Что? Не знаю. Наверно, в парикмахерской. Хорошо, Нина Кондратьевна. Я передам. (*Кладет трубку.*)

В дверь стучат. Входит Таня. В руках у нее фотография Алика.

Таня (*останавливается в дверях*). Алик, что с тобой?

Алик. А что со мной?

Таня. Почему у тебя такие волосы?

Алик. Ах, волосы! Меня перекрасили. Я уже два дня так хожу.

Таня. Зачем же тебя так перекрасили?

Алик. Это так для кино нужно, чтобы меня с героем не перепутали. Герой в картине, понимаешь, черный брюнет, а я должен быть блондином. Вот меня и покрасили перекистью.

Таня. Ты сам герой, если разрешил такое над собой сделать.

Алик. Искусство требует жертв.

Таня. Это ты сам сейчас придумал?

Алик. Нет. Это так Леонид Саврасович Шарниров всегда говорит. Наш третий оператор... Получила мою карточку?

Таня. Большое тебе спасибо! Я как раз зашла для того, чтобы тебя за нее поблагодарить.

Алик. А надпись тебе нравится?

Таня. По поводу надписи я хотела тебе кое-что сказать.

Алик. Скажи.

Таня (*мягко*). Мне кажется, что она немного нескромная.

Алик (*с удивлением*). Почему нескромная?

Таня. Ты пишешь: «Талантливой юной пианистке Татьяне Зябликовой от юного артиста кино. А. Племянников». Так?

Алик. Правильно. Разве это нескромно? По-моему, очень даже скромно.

Таня. Не совсем.

Алик. Почему?

Таня. Я еще не талантливая пианистка, я еще пока только учусь в музыкальной школе, а ты еще пока не артист.

Алик. Ну, положим, ты уже пианистка, раз тебя печатают на афишах. А я уже начинаю сниматься. Мне уже и сценарий дали, и со всеми артистами познакомили. Осталось только еще один раз попробовать на звуковую запись, и тогда уже все! (*Смотрит на надпись на карточке. Сердито.*) Я могу эту надпись перечеркнуть и написать другую. (*Садится к столу.*) Что тебе писать? Диктуй!

Таня. Знаешь, Алик, ты сейчас ее не надписывай. Ты оставь карточку у себя. Будешь в хорошем настроении — надпишешь. Лучше что-нибудь смешное. Какую-нибудь поговорку или поговорку.

Алик (*усмехнувшись*). «Не в свои сани не садись», да?

Таня (*помолчав*). Я хотела тебе еще кое-что сказать. Не обидишься?

Алик. Говори.

Таня. После той истории с двойкой, которую ты подчистил, я думала о тебе. Конечно, не о тебе лично, а о твоей успеваемости, о том, почему ты так неровно учишься. И я решила, что это потому, что ты, во-первых, очень неорганизованный.

Алик. Откуда ты знаешь?

Таня. За все берешься, ничего до конца не доводишь.

Алик. Например?

Таня. Например, купил себе удочку и руководство по рыбной ловле, решил стать юным рыболовом. Решил?

Алик. Ну, решил.

Таня. Червей во дворе накопал?

Алик. Ну, накопал.

Таня. Где черви?

Алик (*замаялся*). Черви?.. Черви — не помню. А где они?

Таня. Целую неделю в консервной банке у нас под окном простояли. Сегодня утром бабушка их на помойку выбросила.

Алик (*помолчав*). Ну ладно. Во-первых, я неорганизованный. А что во-вторых?

Таня. А во-вторых, ты, по-моему, мало читаешь. Двойка-то у тебя по русскому языку. Ты что, не любишь читать?

Алик. Почему не люблю? Люблю.

Таня. А почему ты мало читаешь?

Алик (*пожимает плечами*). Я читаю.

Таня. Ну, назови мне последнюю книгу, которую ты прочитал.

Алик (*мнется*). Это... это... Ну, это... я забыл название... Ну, ты знаешь... Я ее у вас брал... Там еще действует этот... Как его... (*Напрягает память*.)

Таня (*улыбнувшись*). Ну вот, теперь ты сам видишь, как ты читаешь. А ты знаешь, что сказал о книге Пушкин?

Алик. «Чтение — вот лучшее учение!» Это я знаю.

Таня. Знаешь, а сам читаешь мало. Алик, все-таки я на один год старше тебя и потому могу тебе давать советы. Больше читай и пореже ходи в кино.

Алик. Кино тоже развивает.

Таня. А пока что я могу тебе помочь подтянуться. Хочешь, я буду к тебе приходить и мы будем писать диктанты? Полчаса в день. Мне это совсем не трудно. Мы ведь соседи. Хочешь?

Алик молчит.

Ты знаешь, я ведь сама так подтянулась. Мне мама диктовала. Всего полчаса в день. Из Гоголя, из

Тургенева. И потом, я очень много читала. Развивала зрительную память.

Алик молчит. Входит Тамара Ивановна.

Тамара Ивановна (*увидев Таню*). Танюша? Как твои успехи?

Таня. Спасибо, Тамара Ивановна.

Тамара Ивановна. Скоро мы тебя опять в концерте услышим?

Таня. Не знаю, Тамара Ивановна.

Тамара Ивановна. Будто и не знаешь?

Таня. Правда не знаю, Тамара Ивановна.

Тамара Ивановна. Не скромничай, не скромничай. Все мы знаем, какая ты у нас талантливая пианистка. А наши новости ты уже знаешь? Алик начинает сниматься в кино. Скоро мы с тобой увидим его на экране. У него прекрасная роль. Он совершает героический поступок — предотвращает крушение поезда. Алик, ты рассказывал Тане о своей роли?

Алик. Она знает.

Таня. Извините, Тамара Ивановна, я пойду, меня мама ждет. До свиданья, Алик. До свиданья, Тамара Ивановна.

Тамара Ивановна. Передай маме привет.

Таня. Спасибо. Передам. (*Уходит.*)

Тамара Ивановна (*заинтересованно*). Что ж ты мне ничего не рассказываешь? Тебе дали сценарий.

Алик. Дали. Вот он. (*Протягивает матери сценарий.*)

Тамара Ивановна. Где же тут твоя роль?

Алик. На тридцать седьмой странице, потом на сорок третьей и еще кусочек на сорок седьмой. Там подчеркнуто красным карандашом.

Тамара Ивановна начинает перелистывать сценарий. Находит указанные Аликом страницы.

Тамара Ивановна (*читает вслух*). «Общий план. Деревенский мальчик идет по полевой тропинке. На боку у него холщовая сумка с учебниками. Десять метров. Звук. Пение птичек. Средний план. Идет мальчик. Четыре метра. Звук. Пионерская песня». (*С тревогой смотрит на Алика.*) Ты будешь петь?

Алик. Да. Только песня еще не написана и музыки еще нет.

Тамара Ивановна. Как же ты будешь петь, если у тебя нет музыкального слуха?

Алик. А мне сказали, что если у меня не получится, то запишут другого мальчика — мальчика из хора мальчиков, а на съемке я буду только рот раскрывать.

Тамара Ивановна (*продолжает читать вслух по сценарию*). «Общий план. Мальчик выходит на железнодорожную насыпь. Десять метров. Общий план. Уходящее в перспективу железнодорожное полотно. Три метра. Звук. Пионерская песня... Средний план. Шагающий по шпалам мальчик. Пять метров... Крупный план. Лицо поющего мальчика. Один метр. Звук. Песня...»

Алик. Мама! Ты не читай, что по бокам написано, про планы и метры, ты читай серединку.

Тамара Ивановна (*читает по сценарию*). «Мальчик выходит на железнодорожную насыпь»... Это я уже читала... Да... Вот... (*Читает.*) «Музыка. Мчится большой товарный состав. Платформы с грузом. Цистерны... Мелькают телеграфные столбы, перелески... Паровоз. В окне паровоза спокойное лицо машиниста Сычева... Шагающий по шпалам мальчик... Мальчик нагнулся поправить шнурок у ботинка... Лицо мальчика — увидел лопнувший рельс... Испуганное лицо мальчика... Мчащийся поезд... Мальчик лихорадочно срывает с себя пионерский галстук... Лицо машиниста в окне мчащегося паровоза... Сычев увидел... Рука машиниста на тормозе... Навстречу появившемуся из-за поворота поезду бежит мальчик, размахивая красным галстуком... Поезд замедляет ход и останавливается... Взволнованное лицо мальчика... Мальчик, запыхавшись: «Стойте! Стойте!»... Лицо машиниста. Машинист: «Что случилось, парень?» Мальчик: «Дяденька машинист! Там впереди рельса лопнутая!..» Три метра. Затемнение». (*Перестав читать.*) Все?

Алик. Все.

Тамара Ивановна. Очень интересно. Прекрасная роль! Небольшая, но очень существенная. Невозможно читать без волнения. Меня только беспокоит эта песня. Как ты ее будешь петь? Не представляю себе...

Алик. Ничего, мама, не волнуйся, Арнольд сказал, что главное хорошо сыграть и не растеряться перед аппаратом. На днях меня вызовут на вторую пробу вместе с машинистом. Ты знаешь, кто его будет играть? Лауреат Государственной премии артист Николай Крючков!

Стук в дверь.

Тамара Ивановна. Войдите!

Входит Зоя Семеновна Зябликова.

Зоя Семеновна. Здравствуйте!

Тамара Ивановна. О! Зоя Семеновна! Заходите, заходите!

Зоя Семеновна. Тамара Ивановна, я к вам по делу. Тамара Ивановна. Очень рада вас видеть. Слушаю вас, Зоя Семеновна.

Зоя Семеновна. Мне бы хотелось поговорить с вами наедине.

Тамара Ивановна. Алик, выйди.

Алик выходит, захватив с собой сценарий.

Что-нибудь случилось?

Зоя Семеновна (*не сразу*). Видите ли, Тамара Ивановна, мне хотелось бы, чтобы вы меня правильно поняли. Мы старые соседи и давно знаем друг друга. Наши дети дружат. Наши сыновья учатся в одном классе.

Тамара Ивановна. Зоя Семеновна, мне очень нравятся ваши дети, и я, откровенно говоря, искренне завидую вашему умению воспитывать их!

Зоя Семеновна. О, что вы! Я порой просто не знаю, что с ними делать!

Тамара Ивановна. Неужели? Мне кажется, что они у вас такие воспитанные!

Зоя Семеновна. Трудно мне с ними. Очень трудно. Таня — девочка способная, но ленится и любит спорить. Миша страшно слабохарактерный мальчик.

Тамара Ивановна. У меня, Зоя Семеновна, один ребенок, а я до сих пор никак не могу подойти к нему достаточно педагогично. Последняя история буквально вывела меня из душевного равновесия. Буквально. Меня беспокоит вопрос его воспитания. Очень беспокоит. Отец страшно загружен по работе,

ребенка почти не видит, и мне приходится за все отвечать одной.

Зоя Семеновна. Очень хорошо, что вы сами затронули эту тему. Я как раз и хотела побеседовать с вами об Алике. Собственно говоря, наш родительский комитет даже поручил мне поговорить с вами об этом.

Тамара Ивановна. Родительский комитет? При чем тут родительский комитет?

Зоя Семеновна. В школе стало известно, что Алик собирается сниматься в кино.

Тамара Ивановна. Да. В картине «Семафор открыт». Новый детский фильм. Ему поручен главный эпизод.

Зоя Семеновна. Вы дали на это свое согласие?

Тамара Ивановна. Да, мы, как родители, дали свое согласие.

Зоя Семеновна. Не посоветовавшись со школой?

Тамара Ивановна. А при чем здесь школа?

Зоя Семеновна. Простите, Тамара Ивановна, но мне кажется, что в первую очередь вы должны были бы посоветоваться со школой. История с подделанной отметкой обсуждалась на родительском собрании, на которое вы не пришли.

Тамара Ивановна. Я не могла в этот день.

Зоя Семеновна. Приближаются экзамены. Успеваемость Алика оставляет желать много лучшего. Участие в киносъемках не может не отразиться на его отметках. Мысли Алика будут направлены не на занятия в школе и дома, а на кино.

Тамара Ивановна. Насколько я понимаю, вы хотите запретить Алику сниматься в кинофильме?

Зоя Семеновна. Мы не можем ничего запрещать, но наш долг, долг родителей, принимающих участие в работе школы, посоветовать вам сказать режиссеру, что Алик не может участвовать в съемках. Я уверена, что студия пойдет вам навстречу. Конечно, если это уже не поздно.

Тамара Ивановна (*сухо*). Об этом говорить поздно. Ребенка уже перекрасили. Первая проба снята. Алику дали учить его роль. Сейчас запретить Алику сниматься было бы, на мой взгляд, непедагогично. Это травмировало бы ребенка и еще больше отразилось бы на его успеваемости.

Зоя Семеновна (*горячо*). Будь я на вашем месте,

я бы ни за что не разрешила своему сыну отвлекаться от учебы накануне экзаменов! Тем более, если бы у него были такие отметки, как у вашего Алика. Вы говорите, что Алику надо сейчас учить роль?

Тамара Ивановна. Да, роль. Героическую роль.

Зоя Семеновна. Алику было бы во много раз полезнее учить то, что ему задают на уроках.

Тамара Ивановна. Я вам признательна, Зоя Семеновна, за ваши советы, но, простите меня за откровенность, вам-то их легко давать! Ваши дети уже выявили свои таланты: ваша Таня — пианистка, у вашего Миши рисунки на парижской выставке. Позвольте же и нам способствовать выявлению таланта нашего единственного сына. И потом, дорогая Зоя Семеновна, это государственное дело! У них тоже есть и смета, и график, и планы. Мы не можем подводить государственное учреждение! Мы должны быть хозяевами своего слова. Я с вами согласна: Алику нужно подтянуться в учебе. Мы, в конце концов, можем найти ему репетитора, будем брать частные уроки, но сниматься в кино он будет!

Зоя Семеновна (*поднимается*). Ну, Тамара Ивановна, вы родители, и вам, как говорится, виднее... Хотя в данном случае, кажется, виднее нам. Простите за беспокойство. До свиданья.

Тамара Ивановна. До свиданья, Зоя Семеновна.

Соседка уходит.

(*Оставшись одна.*) Кино — это самое массовое искусство. Алика увидят миллионы людей!

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната отдыха для артистов киностудии. У стены диван с большой спинкой, возле него ломберный столик и несколько кресел красного дерева. В креслах друг против друга сидят артисты, исполнители ролей Николая I и Бенкендорфа. Они в парадных мундирах.

Бенкендорф (*продолжая разговор*). Я рассмотрел положение и утверждаю, что оно серьезно. Большие материальные потери и рискованные маневры значи-

тельно ослабили позицию короля. Необходимо немедленно перейти к обороне. Иначе неизбежно поражение.

Николай I. Я не предрешаю исхода партии. Смыслов несколько неосторожно ослабил пешечную позицию на королевском фланге. Это дало возможность Бронштейну остроумной жертвой фигуры за три пешки получить сильную атаку на короля. Однако я считаю, что и в этой партии вторая часть борьбы была проведена Бронштейном не наилучшим образом. В результате Смыслов отразил непосредственные угрозы, и я думаю, что он может еще одержать победу.

Бенкендорф. Я не спорю. Партия отложена в очень сложной позиции.

Дверь открывается. В комнату заглядывает Алик. Он загримирован и одет деревенским мальчиком, с холщовой сумкой через плечо.

Алик (обращаясь к Николаю I). Кузьма Матвеевич, Арнольда не видели?

Бенкендорф (Алику). Как дела, юный артист? Когда сниматься?

Алик. Сейчас вторую пробу снимать будут. С машинистом. Я Арнольда ищу. Хочу ему показаться, как меня загримировали.

Николай I. Он в буфете сидит. Кефир пьет.

Алик исчезает.

Бенкендорф. Спит и видит, как его в кино снимать будут. А я вот с превеликим удовольствием вылез бы сейчас из этого проклятого мундира шефа жандармов вашего императорского величества! (*Смотрит на часы.*) Часа три нас, пожалуй, еще промучают. Как вы думаете?

Николай I. Говорят, Пушкина еще нет. Никак не могут к нему домой дозвониться — все время занято. А я так, грешным делом, думаю, он на футболе задержался.

В комнату в сопровождении Арнольда входят Гриша Ивушкин, Костя Ручейков и Толя Пучеглазов. При виде загримированных артистов ребята в нерешительности останавливаются.

Арнольд. Вот здесь посидите и подождите. Дунда-

ковский к вам сюда придет. Я его сейчас найду и скажу ему, что вы пришли. Кто из вас с ним договаривался?

Ручейков *(не сводя глаз с Николая I)*. Я договаривался.

Арнольд. Предупреждаю вас, ребята, что если вы по поводу съемок, то вам надо обращаться в актерский стол, а не к Дундаковскому. Группе «Семафор открыт» ребята больше не нужны.

Ручейков *(не сводя глаз с Николая I)*. Мы не по личным делам сюда пришли.

Арнольд. Ну, раз так, сидите здесь и ждите. *(Исчезает.)*

Николай I *(после паузы, ребятам)*. Что, никогда живого царя не видели?

Ручейков *(улыбаясь)*. Не видели.

Бенкендорф. Ваше счастье.

Ивушкин *(Николаю I)*. Вы Николай Первый?

Николай I. Как ты узнал?

Ивушкин. Портрет видел в одной книжке. *(Бенкендорфу.)* А вы этот... Бенкендорф?

Бенкендорф. Бенкендорф.

Ручейков. А где Пушкин?

Николай I. Хотите на Пушкина посмотреть?

Ручейков. Хорошо бы.

Николай I. Попросите Арнольда, чтобы он вас в третий павильон проводил. Увидите там Пушкина и заодно посмотрите, как картину снимают.

Ивушкин. А как она называется?

Бенкендорф. «Невольник чести». Знаешь стихи Лермонтова: «Погиб поэт, невольник чести...»?

Ручейков *(продолжает)* «...пал, оклеветанный молвой...»

Бенкендорф. Верно. Снимаем, брат, картину о Пушкине.

Ручейков. А она скоро в кино пойдет?

Николай I. Как закончим, так и пойдет.

Дверь открывается. Мужской голос кричит: «Николай! Бенкендорф! На съемку!» Дверь захлопывается.

Бенкендорф. Пушкин приехал. Интересно, как «Торпедо» сыграло. Пошли, император!

Артисты поднимаются.

Николай I (*ребятам*). Заходите к нам в павильон, ребята! Посмотрите, как мы играем.
Ручейков. Спасибо. Если можно, зайдем.

Артисты выходят.

Ивушкин. Страшно подумать, с кем мы сейчас разговаривали!..

Ручейков. Они, наверное, народные или заслуженные!

Ивушкин. Я не про то. Я про другое. Когда он узнал, что мы живого царя не видели, он сказал: «Это ваше счастье!» Вот я про что...

Пучеглазов (*жалобно*). Давайте уйдем...

Ручейков. Как же так — уйдем? Мы же договаривались! Ты только не робей!

Пучеглазов. Не хочу я показываться...

Ивушкин. Что это, Пучеглазик, в самом деле! Мы тебя выделили, мы тебе доверяем, мы тебя уговорили, а ты теперь робеть начинаешь? Не надо, Пучеглазик!

Ручейков. Надо только этому режиссеру Дундаковскому все объяснить как следует. Чтобы он не подумал, будто мы Алику завидуем.

Ивушкин. А ведь он сейчас где-то здесь, Алик-то! Надо бы с ним еще разок поговорить.

Ручейков. Да ведь он разговаривать с нами не будет! У него сейчас мозги набекрень!

Пучеглазов (*жалобно*). Ребята, давайте уйдем! Ну чего вы меня сюда притащили? Зачем мне это надо?..

Ручейков. Пучеглазик, запомни: это твое пионерское поручение!

Ивушкин. Зря ты робеешь, Пучеглазик.

Пучеглазов (*обиженно*). Что ты все: Пучеглазик, Пучеглазик... У меня имя есть!

Ручейков. Ладно, Толя, не обижайся. Мы ведь любя...

Входит Дундаковский.

Дундаковский. Здравствуйте, ребята! Я Дундаковский. Вы ко мне пришли?

Ручейков. К вам.

Дундаковский. Кто из вас Ручейков?

Ручейков. Я Ручейков.

Дундаковский. Это мы с тобой по телефону разговаривали?

Ручейков. Со мной.

Дундаковский (*протягивая руку*). Ну, давайте знакомиться! (*Пожимает руку Ручейкову.*) Сергей Константинович.

Ручейков. Костя.

Ивушкин (*пожимая руку режиссеру*). Гриша. Ивушкин.

Пучеглазов (*пожимает руку режиссеру*). Толя.

Ручейков (*добавляет*). Пучеглазов.

Дундаковский (*не расслышав*). Как? Как?

Ручейков. Пучеглазов. Это у него фамилия такая.

Толя неодобрительно смотрит на товарища.

Дундаковский (*садится в кресло*). Ну, а теперь слушаю вас, дорогие друзья! Какое же это у вас может быть ко мне неотложное дело? Небось в кино сниматься хотите? За этим пришли?

Ручейков. Нет, не за этим.

Дундаковский. Слушаю вас, друзья!

Ручейков (*посмотрев на ребят*). У вас Алик Племянников снимается?

Дундаковский. Пока еще не снимается, но, возможно, будет сниматься.

Ручейков. Сергей Константинович, можно с вами говорить откровенно?

Дундаковский. А я себе много разговора и не представляю. Вы ведь пионеры?

Ивушкин. Пионеры.

Дундаковский. А я член партии. Так что разговор у нас может быть только по душам, откровенным!

Ручейков (*решительно*). Сергей Константинович, вы про Алика все знаете? Он вам все о себе рассказал?

Дундаковский. А о чем он должен был поставить меня в известность?

Ивушкин. Ну, вообще... обо всем...

Дундаковский (*Ивушкину*). Если уж мы решили говорить откровенно, то надо договаривать.

Ручейков. Алик наш товарищ. Мы учимся с ним в одном классе.

Дундаковский. Понятно.

Ручейков. Конечно, каждый из нас хотел бы сниматься в кино. Это большая честь. Но вы понимаете, Сергей Константинович...

Дундаковский. Честно говоря, я пока что-то ничего

еще не понимаю. Вот что: рассказывайте-ка мне сейчас все по порядку. *(Ручейкову.)* Ты рассказывай! *(Приготовился слушать.)*

В комнату заглядывает Арнольд.

Арнольд. Сергей Константинович! Без вас начинать? Дундаковский. Заходите сюда, Арнольд, и садитесь! Вам это, очевидно, тоже нужно знать. *(Ребятам.)* Вы не стесняйтесь: это мой ассистент. Итак, мы вас слушаем.

Ручейков *(помолчав)*. Алик Племянников наш товарищ. Мы учимся с ним в одном классе.

Дундаковский. Это я уже слышал.

Ручейков *(обращаясь к ребятам)*. С чего начинать?

Ивушкин *(тихо подсказывает)*. С учебы.

Ручейков *(Дундаковскому)*. Алик Племянников у нас не отличник. У него бывают тройки. Но вот месяц назад он получил по русскому языку еще и двойку. Он получил эту двойку и проявил малодушие перед родителями: взял и подчистил плохую отметку в дневнике. Он сделал из нее пятерку и в таком виде дал дневник на подпись родителям.

Ивушкин. Дневник — это же документ! Как паспорт!

Ручейков. Вы согласны?

Дундаковский. Согласен.

Ручейков. В школе на родительском собрании обсуждали этот поступок. Совет отряда и совет дружины тоже обсуждали этот поступок. Он поклялся, что это больше не повторится.

Дундаковский. Понятно. *(Переглядывается с ассистентом.)*

Ручейков. Мы приняли к сведению обещание Алика и стали ему помогать. Но в это время его пригласили сниматься в кино. Его родители разрешили ему сниматься в кинокартине «Семафор открыт», и вот тут получилось все обратное! Алик сразу зазнался и сразу же получил еще две двойки: по математике и по физике. Он говорит, что для артиста точные науки не имеют значения!

Дундаковский переглядывается с Арнольдом.

(Продолжает.) А теперь он стал торговать своими портретами.

Дундаковский *(с удивлением)*. Какими портретами?

И в у ш к и н. Разными. Десять на тринадцать, тринадцать на восемнадцать... Вот такими. (*Протягивает Дундаковскому завернутый в газетную бумагу портрет Алика.*)

Д у н д а к о в с к и й (*развернув бумагу*). И сколько же стоит такое художество?

И в у ш к и н. Если не раскрашенный, то тридцать копеек. А раскрашенный — сорок. Дорого! Не у всех есть такие деньги!

Д у н д а к о в с к и й (*читает надпись на портрете*). «В Советской стране широко открыты дороги юным талантам. А. Племянников». Смотри пожалуйста! (*Передает портрет Арнольду.*) Уже цитата!

Р у ч е й к о в. Можно продолжать?

Д у н д а к о в с к и й. Пожалуйста.

Р у ч е й к о в. На совете отряда и на совете дружины опять поставили вопрос об Алике. Во-первых, осудили его за саморекламу и спекуляцию, а во-вторых, решили дать ему совет: отказаться от съемок, учитывая плохие отметки и приближающиеся экзамены. Алик выступал пятнадцать минут. Он сказал, что исправится и подтянется, но отказаться от кино не может. Во-первых, потому, что его уже пере-красили, во-вторых, это дело государственное, в-третьих, ему разрешили родители. А в-четвертых, у его мамы слабое сердце и она этого не переживет.

И в у ш к и н. Мы знаем, что родителей и вообще старших критиковать не полагается, но у Алика такая мама... Такая мамочка... Как бы вам сказать... Она хочет, чтобы ее Алик был каким-то особенным. Вы понимаете, что такое слава?

Д у н д а к о в с к и й. Понимаю.

Р у ч е й к о в. Но это не главное! Главное другое! Мы знаем, что Алик должен изображать пионера, который совершает героический подвиг. И вот мы на совете дружины поставили такой вопрос: может ли пионер, который плохо учится и совершает всякие отрицательные поступки в своей жизни, изображать в кино пионера-отличника и героя? Кино ведь самое массовое искусство.

Д у н д а к о в с к и й. И что же вы решили?

И в у ш к и н. Мы решили, что может, но не имеет права!

Р у ч е й к о в. Это право надо заслужить личным при-

мером. А то что получается? Снимут картину. Пойдут ребята смотреть эту картину. И увидят, например, такого Алика, которого они знают лично и встречаются с ним каждый день. И в жизни этот Алик совсем не такой, чтобы с него брать пример. А в кино он играет, например, Олега Кошевого! Это не вяжется! В жизни — такой, а на экране — другой! После этого и другим героям трудно будет верить. Все будешь думать: в жизни он отрицательный, а в кино смотри какой положительный!

Дундаковский (*серьезно*). Вот как? Вы так думаете?

Ручейков. Мы так думаем. Если, например, писатель написал для детей хорошую книжку про хороших героев, с которых надо брать пример, то, значит, и он сам должен быть в жизни таким человеком.

Ивушкин. Как Аркадий Гайдар!

Ручейков. Как Николай Островский!

Арнольд. А вот несколько минут тому назад вы в этой комнате познакомились с нашими артистами. Один из них снимается в роли Николая Первого, а другой в роли Бенкендорфа. Вы с ними познакомились?

Ивушкин. Познакомились.

Арнольд. Нельзя сказать, чтобы это были положительные образы?

Ивушкин. Конечно, нельзя: они Пушкина убили.

Арнольд. А ведь играют их наши советские артисты. Один из них коммунист, бывший разведчик. Что вы об этом думаете?

Ручейков. А некоторые наши разведчики во время войны, когда в тылу работали, тоже в чужие мундиры переодевались и даже играли роль немецких генералов.

Ивушкин. А потом, взрослые — это одно, а ребята — другое. Они же еще не настоящие артисты.

Дундаковский (*серьезно*). Верно. Это верно.

Ручейков. Вот мы и решили поговорить с вами. Мы Алику не завидуем, то есть мы, конечно, завидуем, что он должен останавливать поезд, но мы ему не завидуем... ну, вы понимаете, в каком смысле?

Дундаковский. Понимаю. Понимаю. Что же вы предлагаете?

Ручейков. Мы ничего не предлагаем. Мы хотели с вами посоветоваться.

Дундаковский (*помолчав и посмотрев на Арнольда*).

Надо подумать... Надо подумать...

Ручейков (*помолчав*). Мы знаем, что у вас тоже производство и дело государственное. Может быть, вам уже некогда искать другого мальчика. Поэтому мы постановили вам помочь. (*Показывает на Пучеглазова*.) Вот это наш лучший отличник. Он прекрасный товарищ. В прошлом году, летом, на озере он спас девочку, которая тонула. Мы ему дали пионерское поручение, чтобы он вас выручил и остановил в вашей картине поезд.

Дундаковский (*с трудом оставаясь серьезным*). Вот как?

Ивушкин (*в сторону Пучеглазова*). Он для вас басню Крылова подготовил. Прочти, Пучеглазик!

Пучеглазов переминается с ноги на ногу.

(*Дундаковскому*.) Он дал нам свое согласие. Он будет сниматься, если надо.

Ручейков. Он только немножко непонятно говорит — не то на «а», не то на «о». Пучеглазик, не робей! Читай басню!

Пучеглазов (*Дундаковскому*). Читать?

Дундаковский. Попробуй.

Пучеглазов (*очень волнуясь, начинает читать*). Басня Ивана Андреевича Крылова «Скворец».

У всякого талант есть свой;

Но часто, на успех прельщаяся чужой,

Хватается за то иной,

В чем он совсем не годен.

А мой совет такой:

Берись за то, к чему ты сроден,

Коль хочешь, чтоб в делах успешный
был конец.

Какой-то смолоду Скворец

Так петь щегленком научился,

Как будто бы щегленком сам родился...

Пауза.

Я забыл.

Дундаковский (*сдержав улыбку*). Спасибо. Достаточно. Ну что ж, дорогие мои друзья, я вас понял. И понял, по-моему, правильно. Я с вами во многом согласен. Да... Согласен... Но так

сразу решить вопрос я не могу. Надо подумать...
Надо еще посоветоваться... Да... Спасибо... Спасибо,
что зашли...

Ручейков. Вы только не подумайте, что мы...

Дундаковский. Я сказал уже, что понял вас правильно... Понял так, как надо понимать...

Ручейков (*показывает на Пучеглазова*). А он для кино подойдет?

Дундаковский. Это тоже нельзя решить так, на ходу.
Арнольд! Запишите адрес молодого дарования.

Ручейков. У нас к вам большая просьба: можно нам посмотреть, как снимают картину про Пушкина?

Дундаковский (*Арнольду*). Где у них съемка?

Ручейков. В третьем павильоне.

Дундаковский. Оказывается, вы сами знаете?

Ившкин. Нам Николай Первый сказал.

В комнату заглядывает помощник кинооператора Пуговкин.

Пуговкин. Сергей Константинович, у нас все готово!
Мы вас ждем!

Дундаковский (*Пуговкину*). Сеня, начинайте пока без меня. Да покажите этим трем мушкетерам, как пройти в третий павильон. Хотят на Пушкина посмотреть. Только смотрите не попадитесь на глаза Бенкендорфу. А то он ваши красные галстуки увидит и прикажет заточить вас в крепость.

Ручейков. В Петропавловскую? А мы там уже были. Там теперь музей.

Дундаковский. Все-то вы знаете!.. Арнольд, а вы задержитесь на минуточку. До свиданья, ребята!

Ребята уходят за Пуговкиным. Арнольд остается.

(*После паузы.*) Ну?.. Что скажете?

Арнольд. Хорошие ребята!

Дундаковский. Ребята-то хорошие. Я вас не об этом спрашиваю. Я вас спрашиваю, что нам с Аликом делать? (*Берет в руки портрет, оставленный ребятами на столе. Качает головой.*) Тринадцать на восемнадцать!..

Арнольд (*мягко*). Неплохой он парнишка, Алик-то!

Дундаковский. Все может быть... все может быть... Я не говорю, что он плохой... Но прислушаться к голосу его школьных товарищей нам надо.

Надо! Они правы. А вы меня подвели! Ох, подвели!

Арнольд. Чем я вас подвел, Сергей Константинович?
Дундаковский. Вы, как мой ассистент, должны были знать об Алике все. Почему вы не связались со школой, с пионерской организацией?

Арнольд. Я говорил с родителями. С матерью. Она заверила меня в том, что Алик без ущерба для своей учебы может сниматься в нашей картине.

Дундаковский. Может, но не будет.

Арнольд. Вы это серьезно, Сергей Константинович?

Дундаковский. Совершенно серьезно. Снимать Алика мы не будем. Вы слышали, как эти мальчики говорили об искусстве? Как они верят в то, что мы пишем, снимаем, показываем на сцене. Так думать и говорить об искусстве могут только наши дети, наши советские ребята. Какое чистое и искреннее представление об образе положительного героя и о праве на изображение такого героя! Можем ли мы пройти мимо наивных, но не лишённых смысла утверждений этого Ручейкова? По-моему, не можем. Я бы даже так сказал: не должны! *(Покачав головой.)* И мне это нравится! Честное слово, нравится!

Арнольд. Ну, а кем же мы заменим Алика? Ведь не этим же долговязым отличником, который читал нам басню?

Дундаковский *(улыбнувшись)*. Да, этот отличник нас не устроит.

Арнольд. Ой! Прямо даже не знаю, что будет с Аликом, когда он узнает наше решение!

Дундаковский. Ничего, переживет. Я ему сам сообщу об этом. А сейчас действительно надо подумать, кого нам снимать в роли пионера Тимоши. *(Думает.)*

Пауза.

Арнольд. Идея!

Дундаковский. Что такое?

Арнольд. Помните девочку, которая снималась у Бочарова в «Чайки летят»?

Дундаковский. В эпизоде с рыбаками? Белобрысенькая такая? Помню.

Арнольд. Девочка способная. Хороший голосок. Кста-

ти, очень похожа на Алика. Тот же возраст. Как ее зовут... (*Вспоминает.*) Зина... Зина Рудакова! Предложим автору сценария нашу поправку: поезд останавливает не пионер, а пионерка! Это даже трогательнее! На сюжете сценария это никак не отразится, а из положения мы выйдем.

Дундаковский (*подумав*). Это мысль! И Алику будет не так обидно. Шарниров его приучил к тому, что «искусство требует жертв». Так и решим. Вызывайте на завтра Зину Рудакову. Только позвоните раньше в школу, узнайте, как она сейчас учится Искусство-то искусством, но ученье-то — свет, а неученье — тьма!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Столовая в квартире Племянниковых. За столом молча сидят Алик, Миша и Таня. Пауза. Звонок. Алик вздрагивает. Миша идет открыть дверь. Возвращается с газетой в руках. Кладет ее на стол.

Миша. «Вечерку» принесли!

Алик (*разворачивает газету*). И тут «Семафор открыт»! Куда ни пойдешь, везде «Семафор открыт», «Семафор открыт», «Семафор открыт»! Проклятая картина! Что я буду делать, когда мама с папой из кино вернутся? Они же пошли, чтобы меня на экране увидеть! Посмотреть, как я поезд останавливаю! Они же понятия не имеют, что я не снимался! Мама просто с ума сойдет!

Миша. А папа?

Алик. Папа тоже рассердится за то, что я их не предупредил. А как я мог предупредить, когда мама уже всем родственникам написала: и дедушке, и сестре, и тетке в Саратов! Когда уже все знакомые знают, что я снимаюсь в «Семафоре открыт»! Все ее поздравляют! Теперь я опять буду лгун враль и тому подобное... Ну что делать?! Посоветуйте, если вы друзья. Вы же меня покрывали

Таня. Мы тебя не покрывали. Нам было известно, что ты не снимаешься, но мы никому про это не рассказывали.

Миша. Да нас никто и не спрашивал.

Таня. По-моему, все обойдется. В конце концов, ты не виноват.

Алик. Как не виноват? Как не виноват, когда я столько времени дома обманывал, что хожу на съемки!

Миша. А ты скажи, что тебя сначала отсняли, а потом вырезали. Так очень часто бывает. Отснимут и вырежут!

Алик. Врать я больше не буду. Хватит! Хватит! Довольно!

Таня. Лучше сказать все как есть.

Миша. Показать письмо этого Дундаковского, и дело с концом!

Таня. Показать и все объяснить.

Алик. Конечно, придется объяснить. Придется. Это я сам знаю. Но какой ценой? Папа, он, конечно, легко переживет — он вообще не особенно одобрял все эти съемки, — но мама...

Миша. Да-а-а... У тебя мама...

Таня (*предостерегающе*). Миша...

Миша замолкает.

Алик (*помолчав*). У меня на душе прямо кошки скребут! Вы уж меня не бросайте в тяжелую минуту.

Миша. Когда сеанс кончается? Они в какое кино пошли?

Алик. В «Прогресс». На шесть тридцать.

Таня (*смотрит на часы*). Скоро придут.

Звонок. Алик вздрагивает. Миша спешит открыть дверь. Возвращается с Ивушкиным и Ручейковым.

Ручейков. Не опоздали?

Миша. В самый раз пришли.

Ивушкин. Пучеглазик еще подойти хотел.

Ручейков (*Алику*). Мы вокруг тебя такую оборону создадим — никакие родители не прорвут.

Алик. Вы только подольше у меня сидите, пока все устроится.

Ручейков (*Алику*). Сказать тебе, что ли?

Алик (*встревоженно*). Что сказать?

Ручейков. Если уж неприятности, то лучше все сразу!

Я сегодня в канцелярию зашел и случайно услышал, как насчет тебя из редакции звонили.

Алик (*испуганно*). Насчет меня? Откуда звонили?

Ручейков. Не знаю. Из какой-то редакции. Нина Кондратьевна сама разговаривала.

Алик (*садится на стул*). На бедного Макара все шишки валяются!

Миша. Откуда, откуда звонили? Из редакции?

Ручейков. Ага. Оттуда.

Миша (*уверенно*). Ничего плохого не может быть. Отметки у Алика высший сорт. Ругать его не за что.

Ивушкин. А почему обязательно ругать? Может, наоборот, где-нибудь похвалить собираются? Вот и согласовывают.

Звонок. Алик вздрагивает. Миша выходит. Возвращается с Пучеглазовым.

Пучеглазов. Не опоздал?

Ручейков. Нормально пришел.

Таня. Так по-русски не говорят: «Нормально пришел».

Ручейков. Это сказано для юмора.

Таня. А-а-а! Простите, не поняла. Можно смеяться? Ха-ха-ха!

Алик (*Ручейкову*). А ты не слышал, о чем Нина Кондратьевна по телефону разговаривала?

Ручейков. Неудобно было подслушивать. Я только слышал, как она спросила: «Это из редакции? Слушаю вас. Алик Племянников? Да. Это мой ученик». Вот все, что я услышал.

Алик. Пожар, наводнение, землетрясение — все вместе!

Ручейков (*Тане*). Таня! Может быть, ты нам что-нибудь сыграешь, разрядишь атмосферу?

Ивушкин. Правильно! Музыка успокаивает.

Пучеглазов. Что-нибудь повеселее. Какой-нибудь марш!

Миша. Похоронный. Шопена.

Ручейков (*Тане*). Сыграй что хочешь!

Таня (*пожав плечами*). Пожалуйста! Я могу сыграть.

Садится за пианино. Играет полонез Шопена. Все внимательно слушают музыку. Звонок. Алик вздрагивает. Таня перестает играть. Миша спешит открыть дверь. Быстро возвращается.

Миша (*громким шепотом*). Родители!

Ребята принимают независимый вид. Входят Племянниковы. В руках у Тамары Ивановны большая коробка с тортом.

Тамара Ивановна (*с порога*). О! Сколько гостей! Хорошо, что я зашла в кондитерскую! Здравствуйте, дети!

Ребята. Здравствуйте, Тамара Ивановна! Здравствуйте, Кирилл Петрович!

Кирилл Петрович. Здравствуйте, ребята! Здравствуйте!

Ребята переглядываются.

Тамара Ивановна (*неожиданно*). Алик! Превосходно! Просто превосходно! Это для меня такая неожиданность! Такой сюрприз! Почему ты только скрыл это от меня?

Алик. Мама...

Тамара Ивановна. Я понимаю! (*Мужу.*) Ложный стыд! (*Сыну.*) Глупый, это же огромная актерская удача! Такое перевоплощение!

Алик (*осторожно, не понимая*). Какое перевоплощение?

Тамара Ивановна. Так сыграть роль девочки, как сыграл ее ты, может только настоящий актер! Как ты ее сыграл! Изумительно! Потрясающе! Я сидела открыв рот. Я совершенно недоумевала. Я же знаю твою роль наизусть: «Стойте! Стойте!», а потом: «Дяденька машинист! Там впереди рельса лопнутая!..» Я сидела как на иголках, ждала поезда. И вдруг...

Алик (*испуганно*). Что — вдруг?..

Тамара Ивановна. И вдруг вижу: по полевой тропинке идет девочка! Через плечо у нее холщовая сумка с учебниками. Она идет и поет: «Полевая тропиночка вьется, облака над полями летят...» Поет твою пионерскую песню! Я смотрю и ничего не понимаю!..

Алик (*растерянно*). Поет песню?..

Тамара Ивановна (*продолжает*). А потом летит поезд. Общий план. Смотрит вперед машинист. Средний план. Я с нетерпением жду того места, где ты нагибаешься и замечаешь лопнутый рельс.

И вот я вижу опять ту же девочку, и тут я понимаю, что это ты!

Ребята с удивлением переглядываются. Кирилл Петрович внимательно наблюдает за Аликом.

Алик (*ничего не понимая*). Я?

Тамара Ивановна. Да. Я смотрю и вижу, что девочка — это ты! Ты играешь ее гениально! Это я тебе говорю как мать, как женщина! Удивительно, как мы до сих пор не замечали твоего актерского дарования! К сожалению, эпизод быстро кончился, и я не успела как следует разглядеть тебя, когда ты был крупным планом. И в титрах я тебя пропустила. Я хотела остаться на следующий сеанс, но потом решила, что мы пойдем еще один раз все вместе. Я купила десять билетов на девять тридцать. (*Быстро достает из сумочки билеты. Отрывает несколько билетов. Раздает их недоумевающим ребятам. Обращается к Тане.*) Танюша, а это вам четыре билета: для тебя с Мишей, для папы и мамы. Долг платежом красен. То мы тебя в концерт слушать ходили, а теперь вы пойдете в кино-театр, посмотрите на Алика. На экране это вылитая девочка. И тут нечего стесняться! Совершенно нечего стесняться! Настоящее искусство всегда требует жертв! Мне только немного обидно, что Алик ничего не сказал мне о том, что произошла такая перемена в сценарии. И Дундаковский даже не позвонил мне. Это невнимательно с его стороны.

На лицах ребят выражены недоумение, и тревога, и любопытство. Пучеглазов начинает неожиданно фыркать. Его толкают в бок. Наконец он не выдерживает и выбегает из комнаты.

(*Вслед Пучеглазову*). Что с ним?

Ручейков (*с трудом сдерживая смех*). Это с ним бывает.

Алик (*с трудом владея собой*). Мама! Папа! Я не снимался в этом фильме!

Тамара Ивановна. Как ты сказал? (*Мужу.*) Что он сказал?

Алик. Мама! Папа! Я не снимался в этой картине. Это был не я!

Тамара Ивановна. Не ты? А кто же?

Алик. Не знаю.

Кирилл Петрович. А кто же знает?

Ручейков. Режиссер Дундаковский.

Тамара Ивановна *(в смятении)*. Ты не снимался в этом фильме? Да как же это может быть? *(Мужу.)* Кирилл, этого просто не может быть! Я этого не переживу!

Алик протягивает отцу письмо.

Кирилл Петрович *(читает вслух письмо)*. «Дорогой Алик! К сожалению, вынужден тебя огорчить: на роль мальчика Тимоши мы взяли другого исполнителя. Желаю тебе успеха в учебе и хороших отметок. Передай, пожалуйста, привет своим товарищам по классу, они твои настоящие друзья! Режиссер Дундаковский. PS. Если ты станешь отличником, то даю тебе слово, что сниму тебя в своем новом фильме в главной роли...» Алик, когда ты получил это письмо?

Алик. Давно.

Тамара Ивановна *(смотрит на дату письма)*. Пять месяцев тому назад! Кошмар! И ты нам его не показал? Ты скрыл от нас? Я сейчас же позвоню Дундаковскому! *(Бросается к телефону.)* Я скажу ему, что приличные режиссеры так не поступают! Это просто издевательство какое-то! Я сижу как дура в кино, смотрю на экран, на какую-то девчонку, думаю, что это мальчик и к тому же еще наш сын, переживаю, волнуюсь, а потом оказывается, что все зря, что мы вообще здесь ни при чем! *(Неожиданно.)* Алик! Как же так получилось? Ты ведь ходил на съемки. Три раза в неделю. Куда ты ходил? Сейчас же признавайся. Куда ты ходил?

Алик. Я ходил читать.

Тамара Ивановна. Куда ты ходил читать?

Алик. Сначала на бульвар, а потом я записался в библиотеку.

Кирилл Петрович. В какую библиотеку?

Алик. В центральную... Папа, а я тебя видел, когда ты в научном зале занимался: как войдешь, сразу налево, около окна. А я ходил в детский читальный... Я очень боялся, что ты меня тоже увидишь...

Кирилл Петрович. Да?.. Гм!.. Боялся?.. Читал книги, значит?

Таня (*приходит на выручку*). Алик за это время сорок две книги прочитал.

Тамара Ивановна. А вы, дети, знали, что Алик не снимается?

Пучеглазов (*в дверях*). Знали..

Тамара Ивановна. И молчали?

Пучеглазов. Мы не молчали. Мы обсуждали этот вопрос на совете отряда.

Ивушкин. Мы одобрили решение режиссера Дундаковского и признали его правильным.

Тамара Ивановна. Алик! Почему ты сразу не сказал мне об этом?

Алик. Я не хотел тебя волновать.

Тамара Ивановна. Я купила столько билетов... Что делать? Что делать?

Миша. Тамара Ивановна! Давайте мне билеты, я их продам.

Таня. Миша-а-а! Сначала портреты, а теперь билеты?

Миша умолкает. Звонок. Таня идет открывать. Возвращается вместе с молоденькой девушкой.

Миша (*в ужасе шепчет*). Нина Кондратьевна...

Нина Кондратьевна (*улыбаясь*). Добрый день, Тамара Ивановна!

Тамара Ивановна. Здравствуйте, Нина Кондратьевна! Познакомьтесь, пожалуйста: мой муж, Кирилл Петрович.

Нина Кондратьевна. Очень приятно! Зиминая. (*Знакомится. Смотрит на ребят.*) А я шла мимо и зашла к вам для того, чтобы сообщить вам одну приятную новость, касающуюся Алика.

Тамара Ивановна. Что за новость?

Нина Кондратьевна. Неделю тому назад мы в классе писали сочинение на свободную тему. Алик написал сочинение на тему: «Как я не стал артистом кино». Работой Алика заинтересовалась редакция пионерской газеты.

Все смотрят на Алика. Алик стоит молча. Он очень взволнован. Нина Кондратьевна подходит к нему и кладет ему руку на плечо.

Тамара Ивановна (*неожиданно*). Нина Кондратьевна! Вы говорите, Алик написал хорошее сочинение?

Нина Кондратьевна. Да. Хорошая работа. И остроумная! Написана хорошим русским языком.

Та м а р а И в а н о в н а (*с надеждой*). Может быть, он со временем будет литератором! Как вы думаете?

Н и н а К о н д р а т ь е в н а (*улыбаясь*). Будет ли он литератором, Тамара Ивановна, я не знаю.

Та м а р а И в а н о в н а (*мужу*). Кирилл! А ты как думаешь?

К и р и л л П е т р о в и ч. А не все ли равно, кем он будет? Важно, чтобы он был честным и образованным советским человеком. Путь свободен. Семафор открыт!

Н и н а К о н д р а т ь е в н а (*серьезно*). Это вы правильно сказали, Кирилл Петрович! Путь свободен! Семафор открыт! Надо только, чтобы вы, родители Алика, помогли ему не сойти с этого пути!

Занавес

1954

СОМБЕРЕО

Комедия в трех действиях, пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Шура Тычинкин, школьник, 13 лет.

Ольга Михайловна Тычинкина, его мать, 40 лет.

Александр Цаплин, двоюродный брат Шуры, дипломат,
30 лет.

Вова Пестиков

Вадим

Слава

Алла

Адриан

Соседка.

} ребята-школьники, 12—14 лет.

Действие происходит в дачном подмосковном поселке летом,
в наши дни.

Премьера спектакля состоялась 9 октября 1957 года в Централь-
ном детском театре.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Знойный полдень. Скромный стандартный дачный домик с открытой верандой. На веранде плетеная мебель, круглый стол. На столе ваза с букетом увядших цветов. В глубине сцены видна часть садовой изгороди. В саду много живых цветов. В момент поднятия занавеса сцена пуста. Доносится гневный, возбужденный голос Шуры Тычинкина: «Убирайтесь вон! Проваливайте отсюда! Понятно? Идите, идите, не оглядывайтесь! Я больше с вами не дружу! Можете ко мне больше не приходить! Слышите? Я вас больше не знаю и знать не хочу!» Хлопает садовая калитка. Появляется Шура Тычинкин. Пионерский галстук у него съехал набок, волосы всклокочены, глаза полны слез. В руке самодельная деревянная шпага.

В большом волнении он поднимается на веранду, затем сбегает вниз и садится на ступеньках лестницы. Опершись на шпагу, мрачно смотрит перед собой в одну точку.

Шура (*про себя*). Провалитесь вы все в болото! Чтоб всех вас лягушки заели!..

Из дома на веранду со ступкой в руках выходит Ольга Михайловна Тычинкина.

Тычинкина. Шура! Что случилось?

Шура (*не сразу*). Ничего не случилось, мама!

Тычинкина. А на кого ты кричал? Почему у тебя глаза красные?

Шура. Просто так. (*Вытирает глаза*.)

Тычинкина. Это не ответ. Где ребята?

Шура. Они ушли.

Тычинкина. Скажи мне толком, что у вас произошло? Вы поссорились?

Шура. Да.

Тычинкина. Из-за чего?

Шура. Мама! Ты не поймешь!

Тычинкина. Чего я не пойму? Говори же!

Шура (*возбужденно*). Они нечестные люди!

Тычинкина. Почему же? Они тебя чем-нибудь обидели?

Шура (*дрожащим от волнения голосом*). Мама! Они сказали, что не могут мне доверить роль д'Артаньяна! Мне! Не могут доверить! Я всю роль наизусть выучил, сам себе шпагу сделал... Ну и пусть! Пусть они теперь ищут себе другого исполнителя! (*В сердцах ломает шпагу и швыряет обломки в сад.*)

Тычинкина. Не сори, Шура! И не огорчайся из-за пустяков! Когда я услышала, как ты кричишь, я подумала, что и правда случилось что-то серьезное.

Шура. Для тебя, конечно, пустяки, мама, а для меня это совсем не пустяки! Я же сказал, что ты этого не поймешь!

Тычинкина (*продолжая толочь в ступке*). Шура!

Шура. Что, мама?

Тычинкина. Пойди и вымой лицо. И перемени рубашку... Да срежь, пожалуйста, цветов и поставь их в вазу на веранде, а то эти совсем завяли. (*Вынимает из вазы букет увядших цветов и уносит их в дом.*)

Шура (*оставшись один, неожиданно, с выражением*). «Господа! Вы ввязываетесь в скверную историю и будете изрешечены пулями! Я и мой слуга угостим вас тремя выстрелами, столько же вы получите из подвала. Кроме того, у нас имеются шпаги, которыми мы недурно владеем, могу вас уверить!» (*Вздыхает.*) Почему же я им все-таки не подхожу для этой роли? Я же подходил!.. «Господа! Вы ввязываетесь в скверную историю...» (*Уходит в дом.*)

Сцена некоторое время пуста. Затем в саду хлопает калитка и появляется Алла. Она осторожно подходит к веранде. Из дома выходит Шура. Он переоделся, вымыл лицо, причёсался. В руках у него большие садовые ножницы. Делая вид, что не замечает Аллу, он начинает срезать цветы.

Алла (*после паузы*). Шура! Мне очень, очень неприятно, что все так получилось. Поверь мне!

Шура (*не сразу*). Зачем ты вернулась? Чтобы убедить меня в том, что я бездарность? Хорошо! Я бездарность! А вы все таланты и гении?.. Оставьте

меня в покое! Что тебе от меня надо? Что? Говори!

Алла. Я просто хотела тебе посоветовать...

Шура. Что посоветовать? Что? Говори!

Алла. Не обижаться на Вадима и согласиться на другую роль.

Шура. Не обижаться? Отказаться от роли д'Артаньяна и не обижаться?

Алла *(тихо)*. Да.

Шура. А кто будет играть д'Артаньяна? Кто? Говори, если знаешь!

Алла. Ее, кажется, хотят отдать Адриану... Я не знаю...

Шура. Адьке?! Это который с академической дачи? Что они, с ума посходили, что ли? Он же всегда простуженный! Ну ладно! Ладно! *(Срезает цветы.)* Мне все равно! Пожалуйста! Пожалуйста!

Алла. Что ты делаешь? Разве так срезают цветы?

Шура *(с ожесточением работая ножницами)*. Уйди!

Алла *(пожав плечами)*. Так цветы только портят. *(Помолчав.)* Шура!

Шура. Ты не ушла? Что тебе еще надо?

Алла. Вадим сказал, что он тебе даст другую роль.

Шура. Какую же? *(Настороженно смотрит на Аллу.)*

Алла. Там есть еще одна незанятая роль. Дворянина. Без слов.

Шура *(задохнувшись от возмущения)*. Роль без слов? Дворянина? Без слов? Да? Повтори, что ты сказала! Кому? Мне? Без слов? Да? Без слов? *(Наступает на Аллу с ножницами в руках.)*

Алла *(взвизгнув)*. Ой! Шура! Шура! Убери ножницы! Ты меня зарежешь! Ой! Я скажу твоей маме! Не смей! Ой!

Шура *(кричит)*. Вон отсюда! Чтоб духу твоего здесь не было! Роль без слов! Дворянина! Без слов! Да я вас всех...

Алла убегает. Шура продолжает беспорядочно срезать цветы. Из дома выходит Тычинкина.

Тычинкина. Что за крик? Шура! Батюшки! Что ты делаешь? Честное слово, тебя ни о чем нельзя попросить! *(Пытается отнять у сына ножницы. Собирает выпавшие из рук Шуры цветы.)* Мне нужен небольшой букет в вазу на веранде, а ты испортил

всю клумбу! Знала бы, не просила тебя! Дай сюда!

За сценой раздается сигнал автомобиля. Появляется Александр Цаплин. В руках у него свертки, пакеты, ананас. Его не замечают. Некоторое время Цаплин, улыбаясь, наблюдает за Тычинкиной и Шурой.

Цаплин *(неожиданно)*. Салюд! Буэнос диас!

Тычинкина *(обернувшись, радостно)*. Шурик!

Цаплин. Тетя Оля! *(Целуются.)* Здравствуй! *(Шуре.)* Здорово, тезка!

Тычинкина *(радостно)*. Милый ты мой иностранец! Откуда ты свалился?

Цаплин *(смеется)*. Из Мексики!

Тычинкина. Сколько же лет я тебя не видела?

Цаплин. Больше пяти лет.

Тычинкина. Да-да-да... Ты тогда так стремительно улетел за границу, что я тебя не успела поцеловать на прощание. Надолго в Москву? Насовсем или опять куда-нибудь улетишь?

Цаплин. Обратно в Мехико, тетя Оля! Я ведь в отпуск приехал.

Тычинкина. Страшно, наверно, соскучился по родной земле?

Цаплин. Еще бы! Там жара, сушь. Бывало, вспомнишь березнячок — щемит! *(Прикладывает руку к сердцу.)*

Тычинкина. Еще бы! У родителей уже был?

Цаплин. Нет еще. Завтра еду к ним в Ленинград. А сегодня вот к вам собрался. Выпросил у приятеля «Москвич», сел за руль и прикатил! *(Смеется.)* Два раза меня по дороге милиция останавливала. Насилу отвертелся.

Тычинкина. На то ты и дипломат! Кто же ты теперь по должности?

Цаплин. Атташе посольства. До посла еще далеко... *(Смеется.)*

Тычинкина. Я очень рада тебя видеть, мой дорогой! Сейчас будем обедать. Может быть, ты хочешь принять душ с дороги? У нас в саду душ сконструирован. Такая жара стоит...

Цаплин. А речка у вас тут есть?

Шура. Есть небольшая. *(Показывает.)* По колено... Мелкая очень.

Цаплин. Жаль, что по колено... Плавать, значит, нельзя?

Шура. Имеется одно местечко, только там омут — затягивает!

Цаплин. Тогда действительно лучше принять душ!

Тычинкина. Я сейчас принесу полотенце. Впрочем, пойдем, я тебе покажу сначала нашу дачу. Ты же здесь в первый раз?

Цаплин. У вас прелестный вигвам!

Тычинкина. Сами строили. Сами! Вот только покрасить денег не хватило...

Цаплин и Тычинкина уходят в дом. Оставшись один, Шура с любопытством трогает лежащие перед ним свертки и пакеты. Пробует в одном из них проковырять пальцем дырку. За этим занятием и застает его Вова Пестиков, неожиданно появившийся возле веранды.

Вова (*окликает приятеля*). Шурк!

Шура (*вздвогнув от неожиданности*). Чего тебе?

Вова. Тебя что, из постановки прогнали?

Шура. Никто меня не прогонял, я сам из игры вышел. Больно много они из себя воображают.

Вова. Получается, ты зря эту свою ролицу учил?

Шура. А я ее и не учил вовсе! Я ее и так знал. Я этих «Трех мушкетеров» тридцать три раза читал туда и обратно. От корки до корки запомнил.

Вова. Я сейчас Алку встретил. Она про тебя знаешь что сказала?

Шура. Не интересуюсь знать!

Вова. Она сказала, что ты, к большому сожалению, не оправдал их надежд как исполнитель главной роли. У них есть теперь другой исполнитель.

Шура. Знаю. Слышал. Кто?

Вова. Адик с академической дачи. Только знаешь, что я тебе скажу? Этот Адик их чем-то купил. Он им за эту твою роль наобещал что-то. Вот они и сделали вид, что ты им не подходишь. Очень даже ты им подходишь! Но этот Адик им такое условие поставил — чтобы они его назначили вместо тебя, и за это он им...

Шура (*перебивая Вову*). Знаешь, Пестик, мне сейчас с тобой некогда разговаривать. Заходи в другой раз.

Вова (*подсмеиваясь*). Некогда?

Шура. Занят я.

Вова. А чем ты занят? В пакетах дырки ковыряешь?

Шура. Ко мне брат двоюродный приехал. Гости у нас.
Вова. Подумаешь, гость! Брат! Приехал к нему брат...

Шура (*как бы между прочим*). Из Мексики!

Вова (*с удивлением*). Откуда, откуда?

Шура (*раздельно*). Из Мек-си-ки! Ясно?

Вова. Ну да! Вот это то, что доктор прописал!..

Шура. Ну чего ты рот разинул? Сказал, что из Мексики, — значит, из Мексики!

Вова. А чего он, мексиканец, что ли?

Шура. Какой тебе еще мексиканец! Просто он жил там. Ясно? Так что ты сам понимать должен — не до тебя мне сейчас! Иди! После поговорим.

Вова. А чего он рассказывает про Мексику? Кто там? Ковбой, да?

Шура. Ничего он пока не рассказывает, он сейчас нашу дачу смотрит, а потом душ принимать будет. Иди, Пестик! А то, знаешь, он все-таки из-за границы, а ты в таком виде... босиком... шея грязная...

Вова (*третьею*). Я по субботам моюсь, а сегодня еще среда... Ладно, я пойду. Только ты смотри расскажи потом... (*Качает головой*.) Из Мексики!.. (*Про себя*.) А у меня братишка в Малаховке живет!.. (*Уходит*.)

Шура (*гневно*.) Адик — д'Артаньян!.. Докатились!..

На веранду выходит Цаплин. Через плечо у него мохнатое полотенце.

Цаплин (*Шуре*.) Ну, а ты, друг дорогой, чем в жизни увлекаешься? Спортом? Шахматами?

Шура (*пожимает плечами*). Не знаю пока... Так...

Цаплин. Ну, не может быть, чтобы ты не знал, что тебе больше нравится. Строишь какие-нибудь модели?

Шура. Нет, не строю.

Цаплин. Вырезаешь лобзиком?

Шура (*улыбаясь*). И не вырезаю.

Цаплин. Ну, а кем бы ты хотел быть?

Шура (*неожиданно*). Артистом!

Цаплин. Кино, театра, цирка или эстрады?

Шура (*пожав плечами*). Я этой зимой в драмкружок записался.

Цаплин. Стало быть, ты увлекаешься театральной самодеятельностью. Так бы сразу и сказал. Прекрасно! В таком случае я не ошибся в выборе

подарка. *(Берет со стола два свертка и передает их Шуре.)*

Шура *(осторожно развернув свертки, достает из одного большую шляпу — сомбреро, из другого цветную рубашку типа ковбойки, узкие брюки, туфли, яркий шейный платок и такой же пояс; растерянно)*. Спасибо, товарищи.

Цаплин *(улыбаясь)*. Эх ты, «товарищи»! Нравится?

Шура. Очень!

Цаплин. Примерь-ка сомбреро!

Шура. А что это такое?

Цаплин. Это шляпа так называется: сомбреро!

Шура. Сомбреро! Красивое название! Лучше, чем просто «шляпа». Она настоящая мексиканская?

Цаплин. Подлинная! Все эти вещи — подлинные мексиканские и куплены мною лично в Мехико на праздничном базаре.

Шура. Вот здорово!

Появляется Тычинкина. Видит сына, стоящего в шляпе, с подарками в руках.

Тычинкина. Что это за маскарад? Какая прелестная шляпа!

Цаплин. Теперь он будет одет по самой последней мексиканской моде!

Шура *(показывает на подарки)*. Смотри, мама! Это тоже мексиканские!

Тычинкина. Ты, по крайней мере, поблагодарил Шурика?

Цаплин. Да, конечно. Он выразил мне благодарность во множественном числе. Он сказал: «Спасибо, товарищи».

Шура. Я просто растерялся...

Цаплин. Я так и понял.

Шура *(прижимая к груди подарки)*. Можно, я надену?..
(Убегает в дом.)

Цаплин. Тетя Оля, и для тебя есть сюрприз.

Тычинкина. Да ну? Неужели не забыл старую тетку?

Цаплин. Как можно! *(Берет в руки один из свертков.)* Зная твою страсть ко всевозможным диковинным цветам и растениям, я решил обрадовать тебя вот этим... *(Протягивает Тычинкиной сверток.)* Осторожно!

Тычинкина заинтересованно разворачивает сверток и обнаруживает в нем кактус.

Он колется!

Тычинкина (*восклицает*). Чудовище!

Цаплин. Тетя Оля! Я могу обидеться! Если бы ты знала, сколько трудов мне стоило довести его до Москвы!

Тычинкина (*любуясь подарком*). Это чудовище — прелесть! Просто прелесть! Куда мне его высадить? Как воспитывать? (*Прижимает к груди горшок с кактусом.*)

Цаплин. Воспитывать ты его можешь, как своего родного сына. Во всяком случае, этот кактус незаменим в хозяйстве. Из него можно варить компот. Да, да, я не шучу! А кроме того, его можно использовать как сторожа. Если у вас в заборе есть дырка, то достаточно эту дырку заткнуть таким кактусом и никто в нее не пролезет! (*Смеется.*)

Тычинкина (*смеется*). Я тебе очень благодарна! Ты мне доставил огромное удовольствие! (*Любуется кактусом.*) Прелесть какая форма! Какой чудесный урод! Это будет гордость моего сада... Ты еще не видел мой сад! О! Я купила книжку «Садовод-любитель» и досконально изучила это дело. Ты заметил, сколько у нас цветов? Я облучаю их кварцем и посыпаю специальным удобрением.

Появляется Шура. Он переоделся в мексиканский костюм.

Шура. Смотрите на меня!

Цаплин. Здорово! Настоящий мексиканец!

Тычинкина (*неожиданно восклицает*). Шурик! Шурик! А вы знаете, что вы очень похожи друг на друга?

Цаплин (*улыбаясь*). Имена и носы у нас, во всяком случае, одинаковые.

Тычинкина (*приглядываясь к племяннику и сыну*). Нет-нет! Большое сходство! А ну, станьте рядом! Вот так. (*Решительно.*) Похожи! Сразу можно сказать, что вы — близкие родственники.

Цаплин (*смеется*). Почти близнецы!

Тычинкина. А ты не смейся! Родство-то ведь у вас по двум линиям. Твой отец приходится мне родным братом, а твоя мать — двоюродная сестра моего мужа, отца Шуры... Ну, иди под душ, а потом сразу сядем за стол. Я сегодня как будто чувство-

вала, что ты приедешь, — напекла твоих любимых ватрушек! (*Уходит в дом.*)

Цаплин (*Шуре, все еще стоящему в сомбреро*). Значит, насколько я понял, ты мечтаешь стать артистом?

Шура. Если талант позволит.

Цаплин. Ты хочешь сказать, что у тебя его нет?

Шура (*пожимает плечами*). А я еще сам не знаю. Память у меня хорошая, но по-настоящему притворяться я пока не научился. Меня иногда в самых серьезных местах смех разбивает.

Цаплин. Это никуда не годится. Надо тренироваться.

Шура (*вздыхнув*). Но я чувствую, что в душе я артист! Ты «Трех мушкетеров» читал?

Цаплин. Еще бы! Несколько раз.

Шура. А я тридцать три раза туда и обратно. Помнишь это место... (*С большим чувством.*) «Послушайте, сударыня, послушайте, будьте смелее, доверьтесь мне! Неужели вы не прочли в моих глазах, что это сердце исполнено расположения и преданности вам!» Это говорит д'Артаньян!

Цаплин (*серьезно*). Здорово говорит!

Шура. И в этот момент он пронзает ее пламенным взглядом. Вот таким! (*Прищурившись, смотрит куда-то в сторону.*)

Цаплин (*сдерживая улыбку*). Прекрасно!

Шура. Как по-твоему, могу я играть роль д'Артаньяна?

Цаплин. А почему нет? Определенно можешь.

Шура (*горячо*). Ну вот! А они предлагают мне роль вообще без всяких слов! Роль дворянина! Без слов! Мне! Когда я — д'Артаньян! Справедливо? Нет, ты скажи — справедливо?! А?!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка прежняя. Шесть часов вечера того же дня. Шура одет в мексиканский костюм. За забором появляется Вова. Он обул ботинки, передел рубашку. На груди — ряд фестивальных значков. Шура, оставаясь незамеченным, быстро садится в кресло-качалку и, надвинув на лицо сомбреро, притворяется спящим. Хлопает калитка. Увидев сидящего в столь необычном наряде приятеля, Вова останавливается в нескольких шагах от качалки и, замерев на месте, с нескрываемым интересом смотрит на спящего. Шура шевелится, шляпа падает на землю, и он просыпается. Большая пауза. Шура поднимает с земли сомбреро и надевает на голову.

В о в а (*нарушая молчание*). Шурк! Чего это ты так... А?
Чего?

Шура молчит.

Ох и здорово же ты разрядился: то, что доктор прописал!

Шура (*продолжая оставаться серьезным*). Прости, мальчик! Ты к кому пришел?

В о в а (*опешив*). Чего это ты?.. А? Чего ты спрашиваешь? К тебе пришел! Ты же сам сказал, чтоб я попозже зашел. Вот я и зашел. Ботинки надел... Шею тоже... вымыл.

Шура (*делает вид, что не понимает*). Ты, мальчик, ошибся! Я тебя не знаю. Кого тебе нужно?

В о в а (*махает рукой*). Брось ты!.. Ты меня разыгрываешь, да? Что это — не ты, что ли? (*Указывает на Шуру.*) Что, я тебя не вижу, да?

Шура (*принимая решение*). Слушай! Тебе, наверно, нужен мой братишка? Мой двоюродный братишка Шура Тычинкин? Он скоро придет. Он погулять пошел. На речку. А я тоже Шура, только я Цаплин, а не Тычинкин. Мы просто с ним похожи, и нас всегда путают. Вот и ты меня тоже с моим братом спутал. Тебе ведь Тычинкина надо? Верно?

В о в а (*растерянно*). Ага... А ты... это самое... как его... Приехал... да?.. Вот здорово!.. Близнецы, да?

Шура (*входя в роль*). Почти. Мы с ним родственники сразу по двум линиям. Понимаешь? Мой папа — родной брат его мамы, а моя мама — двоюродная сестра его папы. Вот мы и получились очень похожими... А тебя как зовут?

В о в а (*с трудом обретая дар речи*). Меня? Меня-то Вовкой зовут. А вообще больше Пестик. Моя фамилия Пестиков, вот и прозвали... Ой, я сейчас с ума сойду! Я не могу, как ты на нашего Тычинкина похож! Ну живой, живой! (*Садится на землю.*)

Шура. Конечно, не мертвый! (*Очень довольный удавшимся розыгрышем, поднимается и протягивает руку Вовке.*) Давай дружить!

Обмениваются рукопожатием.

В о в а. А ты мексиканец или как?
Ш у р а. Просто я жил в Мексике.
В о в а. А зачем?
Ш у р а. Как — зачем? С родителями.
В о в а. А они у тебя кто?
Ш у р а. Ну как — кто? Люди.
В о в а. Кем отец работает?
Ш у р а. Он у меня атташе советского посольства. Вот он кто! А я — с ним. Вот так.
В о в а. Антраше, значит?
Ш у р а. Атташе, а не антраше!
В о в а. Все равно не по-нашему... А ты зачем так одет?
Ш у р а. А что особенного? По-мексикански, и все!
В о в а. У вас там все так ходят?
Ш у р а. Все.
В о в а. И ты тоже?
Ш у р а. И я тоже.
В о в а. Ты и здесь так ходить будешь?
Ш у р а. А что? Плохо разве?
В о в а. Как на Московском фестивале.
Ш у р а. Ну и что?
В о в а. Ты у них на даче гостить будешь?
Ш у р а. Нельзя разве?
В о в а. А что? Нельзя спросить? Будешь тут у них жить? Да?
Ш у р а. Буду.
В о в а (*помолчав*). Шляпа-то какая. Шляпища!
Ш у р а. Сомбреро называется.
В о в а. Дай померить!
Ш у р а. Попробуй.
В о в а (*надев шляпу*). В такой шляпе сколько хочешь по самой жаре гуляй — никогда солнечный удар не хватит!
Ш у р а. Специально так задумана. В Мексике солнце не такое, как здесь.
В о в а. А Мексика что, ближе к солнцу разве?
Ш у р а. Не ближе, но климат-то там все-таки не такой, как здесь.
В о в а (*возвращая шляпу*). Держи свою собреру!
Ш у р а (*поправляет*). Сомбреро, а не собреру! (*Надевает шляпу.*) А ты, значит, дружишь с моим братишкой, с Шуриком Тычинкиным?
В о в а (*неопределенно*). Ну да... дружу... Ой, ну до чего

же ты на него смахиваешь! Просто я не понимаю, как это может быть! Просто не понимаю!

Шура. Тут понимать нечего. Похож — и ничего не делаешь!

Вова. А вас тут не перепутают?

Шура. Так я же ведь в этом костюме ходить буду, а он — как все. Сразу можно будет узнать, кто — кто! Как-нибудь не перепутают... Ну, а как он парень? Ничего?

Вова. Ничего. Больно только обидчивый. Гордый он, Тычинкин!

Шура. Гордый? Что-то я не заметил.

Вова. заметишь еще. погоди, увидишь!

Шура. А на кого он обижается? За что?

Вова. Так... Ему вообще слова сказать нельзя, а теперь тем более.

Шура. Почему — тем более?

Вова. Тут такое дело сегодня получилось, просто жуть: не то, что доктор прописал, а совсем наоборот.

Шура. Что за дело такое? Расскажи, Вовка!

Вова. Ты меня лучше Пестиком зови. Я так больше привык, когда меня Пестиком зовут.

Шура. Ладно. Пестик так Пестик. Так какое же дело тут получилось с моим братишкой?

Вова. А ты меня не выдашь? Может, он вовсе не хочет, чтобы ты про это узнал? Он мне тогда покажет...

Шура. Ты не бойся! Во-первых, я болтать не люблю. В Мексике болтунов, знаешь, не очень-то... А во-вторых, он мне сам все расскажет. Еще советовать будет. Я у него почетный гость!

Вова. Ладно. Расскажу.

Шура. Давай!

Вова (*конспиративным шепотом*). Тут наши, понимаешь, ребята — неорганизованные дачники, которые в пионерские лагеря не поехали, — решили сами постановку разыграть и показать ее в пионерском лагере ликеро-водочного завода — он отсюда недалеко, прямо за речкой и через лес, а там через овраг...

Шура (*перебивает Вову*). Ты покороче рассказывай! Покороче!

Вова. Решили, значит, наши ребята разыграть постановку «Три мушкетера». Дюма-отца! А то есть

Дюма-сын, так это не он написал, а его папа.

Шура (*нетерпеливо*). Ну, решили, и что же дальше?

Вова (*отвлекаясь от рассказа*). Ужас прямо как ты на Шурку похож! Я вот тебе все это рассказываю, а сам думаю: зачем я это рассказываю, когда он сам все знает!

Шура. Ничего я не знаю.

Вова. Чудной ты, честное слово! Я же на тебя смотрю и думаю: до чего ты на Тычинкина похож! Вылитая копия! Что же ты на меня удивляешься! Ты бы в зеркало на себя посмотрел — сам бы удивился!

Шура. Рассказывай дальше!

Вова. Интересно сразу на двоих посмотреть, когда рядышком стоите!

Шура. А когда мы вместе, тогда мы не так похожи. Тогда видно, что я — я, а он — он. А вот когда врозь, тогда действительно многие путают... Давай дальше про постановку!

Вова. На чем я остановился?

Шура. На Дюма-сыне, который не писал «Трех мушкетеров».

Вова (*вспоминает*). Значит, так... И твоему братишке дали играть роль д'Артаньяна. Он ее, конечно, выучил наизусть и стал репетировать — привыкать к чужим словам. А тут как раз на академическую дачу и приехал этот Адриан. И этот Адриан захотел сам играть роль д'Артаньяна. И тогда твоему братишке дали отставку.

Шура. Почему же? Как же так?

Вова. А потому, что этот Адриан пришел к Вадиму и сказал, что если он отдаст ему роль д'Артаньяна, то он достанет четыре настоящие рапиры! Вадим, конечно, сначала не поверил и сказал, что Тычинкина он принципиально обижать не согласен. А когда Адриан притащил ему четыре настоящие рапиры, то Вадим согласился и сказал, что Шурка на роль д'Артаньяна принципиально уже не подходит по своим каким-то данным и что он теперь принципиально назначает на эту роль Адриана.

Шура (*с трудом сдерживает возмущение*). «Принципиально», «принципиально»... А ваши ребята чего смотрели? Это же нечестно так продавать своего

товарища за какие-то рапиры! Подумаешь, рапиры!
Что особенного?

Вова (*усмехнувшись*). Ребята? Алка... Ты ее не знаешь, она в этой постановке играет одну знатную даму, забыл, как по фамилии — Монпасье, что ли... Алка у Вадима на побегушках! Она его, как собачка, слушается! Славик — тот приличный парень, но у него никакого характера нет... Остальные тоже Вадиму в рот смотрят, потому что он всех старше и сам однажды в кино снимался. А со мной никто не считается. Я всех меньше ростом и вообще... На меня даже никаких ролей не хватило, когда их распределяли. Хотели мне сначала дать роль дворянина без слов, но я не согласился. Его убивают, а он и тут молчит! Глупость какая-то! А потом, у меня память плохая. Я за всю жизнь только один стих как следует запомнил, а то все из головы выскакивает. Ты этот стих знаешь?
(*Декламирует с выражением.*)

Что мясо есть?

Коровы тело,

И есть его мы можем смело,

Особенно когда оно

Как следует прожарено!

Что млеко есть?

Продукт коровы,

И пить его весьма здорово,

Особенно когда оно

Как следует проварено!

Понял, что такое «млеко»? Это значит — молоко.
Смешной стих, верно?

Шура (*вскакивает и начинает ходить взад и вперед по садовой дорожке; гневно*). Я им отомщу! Отомщу!

Вова. За брата? Кровная месть, да?

Шура. Я им отомщу! Отомщу!

Вова. Что ты им сделаешь?

Шура. Я знаю, что я им сделаю! Знаю!

Вова. Видно, ты хороший парень, если ты так за братишку переживаешь!

Шура (*приходя в себя*). У нас в Мексике знаешь...

Слышны голоса Тычинкиной и Цаплина.

Вова. Мне идти или здесь оставаться?

Шура. Знаешь, ты лучше ступай. Завтра приходи.

Я сейчас буду занят.

Вова. А Тычинкин тоже будет занят?

Шура. Тычинкин? Да-да, тоже. Мы оба будем заняты.

Вова. Он приглашал заходить... Вот если бы на вас вместе посмотреть...

Шура. Беги, Пестик! Беги! Завтра посмотришь! Беги, дорогой!

Вова. Ты с нашими ребятами будешь знакомиться?

Шура. Буду, буду! Завтра договоримся!

Вова. Вот смеху-то будет, когда они вас двоих увидят!

Ну ладно, прощай, мексиканец! Я тебя мексиканцем звать буду. Можно? А ты меня — Пестиком!

Шура. Привет!

Вова убегает. Появляются Тычинкина и Цаплин.

Тычинкина (*сыну*). Напрасно ты с нами на реку не пошел. Просто невежливо с твоей стороны.

К тебе брат приехал, такие подарки привез, а ты даже не пожелал показать ему наши места.

Шура (*оправдываясь*). Я заснул. А потом Вовка пришел.

Цаплин. Ничего, тетя Оля. Не сердись на него! Мы так хорошо прогулялись, поговорили...

Тычинкина. Я с огромным удовольствием слушала твои рассказы, с огромным удовольствием... Бой быков! Какое это, наверно, ужасное зрелище. Дикость какая! А семена этих мексиканских цветов ты мне обязательно пришли с оказией. Я их должна иметь! Во что бы то ни стало!

Цаплин. Я обещал. Ты их получишь, тетя Оля!

Тычинкина. Спасибо. (*Сыну*.) Может быть, ты уже снимешь свой фестивальный наряд?

Цаплин (*смеется*). А он ему удивительно идет!

Тычинкина. Теперь это надолго! Уж если он чем-нибудь увлечется... Вот что, товарищи: сейчас будем есть ананас! (*Уходит в дом*.)

Шура (*Цаплину*). Шурик! Можно с тобой посоветоваться? По секрету.

Цаплин. Безусловно!

Шура отводит брата в сторону и что-то оживленно рассказывает. Раздаются возгласы: «Колоссально!», «Блеск!», «Гениально!». Оба смеются.

Шура. Ты понимаешь, что я задумал?

Цаплин. Любопытно. Только смотри не промахнись!
Тут надо все очень тонко продумать и все взвесить...

Шура. Надо составить план.

Цаплин (*заинтересованно*). Верно. Настоящий стратегический план действий.

Шура. Ты мне поможешь? Ты же дипломат! Ты все знаешь!

Цаплин. Тащи сюда чистый лист бумаги. Давай все запишем...

Шура. Есть! (*Убегает в дом.*)

Цаплин остается на веранде. Хлопает калитка. Появляется Адриан. У него завязано горло.

Адриан (*кричит*). Эй! Выдь сюда!

Цаплин (*Адриану*). Здравствуй, молодой человек!

Адриан (*не здороваясь*). Мне Шуру. Можно?

Цаплин. Шуру Тычинкина?

Адриан. Он дома?

Цаплин. Дома. А кто его спрашивает?

Адриан. Я.

Цаплин. Не имею чести знать. С кем разговариваю?

Адриан. Скажите, что его Адриан спрашивает.

Цаплин. С академической дачи?

Адриан. Адриан, и все!

Цаплин. Так и доложим! (*Уходит в дом.*)

Адриан замечает в траве сломанную шпагу. Поднимает куски, складывает их и, усмехнувшись, бросает в кусты. Возвращается Цаплин. В руках у него ученическая тетрадь. Он протягивает ее Адриану.

Адриан (*берет тетрадь*). Что это?

Цаплин. Насколько я понимаю, это переписанная роль.

Адриан. Д'Артаньяна?

Цаплин. Очевидно.

Адриан (*перелистывает тетрадь*). А тут все правильно переписано? Ошибок нет?

Цаплин (*серьезно*). Послушай, Адриан с академической дачи! Тебе дают переписанную роль, а ты еще спрашиваешь, нет ли в ней каких-нибудь ошибок! Ты бы сам мог ее переписать!

Адриан. Ну вот еще, переписывать!

Цаплин. Знаешь, я хочу дать тебе один добрый совет.

Адриан. Ну?

Цаплин. Когда выучишь наизусть роль Д'Артаньяна,

возьми у кого-нибудь несколько уроков вежливости. Мне помнится, что д'Артаньян и его товарищи — Атос, Портос и Арамис — были вежливыми и корректными людьми. Без этого ты не сможешь создать правдивый образ благородного мушкетера.

А д р и а н (*пряча тетрадь в карман, растерянно*). Ладно. Пока. (*Уходит.*)

Появляется Шура. Он переоделся в обыкновенный костюм. В руках у него лист бумаги и карандаши.

Шура. Ушел?

Цаплин. Ушел.

Шура. Нахал, правда?

Цаплин. Невоспитанный парень. Дикарь!

Шура. А его папа — настоящий академик, такой вежливый дяденька! Всегда первый со всеми здоровается... Даже с ребятами!

Цаплин. И так бывает... Стало быть, будем составлять план действий?

Шура. Да. Вот бумага и карандаши — синий и красный. На всякий случай.

Цаплин и Шура садятся к столу.

Цаплин. Стратегический план должен иметь условное название... Назовем его «Сомбреро».

Шура. «Сомбреро»? Сила!.. Писать?

Цаплин. Пиши!

Шура (*пишет*). «План «Сомбреро». В кавычках... Написал. (*Поднимает голову.*) Ты от нас когда уезжаешь? Завтра?

Цаплин. Нет, сегодня. Часов в десять вечера.

Шура. Это хорошо, что ты сегодня уезжаешь. Тебя никто из наших ребят, кроме этого простуженного, здесь не видел! (*Неожиданно.*) Послушай, Шурик, а ты знаешь какие-нибудь настоящие мексиканские песни?

Цаплин. Знаю. А что?

Шура. Спой мне какую-нибудь такую песню.

Цаплин. Какую же песню тебе спеть? (*Задумывается, затем вполголоса напевает на испанском языке народную мексиканскую песню.*)

На веранду выходит Тычинкина с ананасом в руках. Цаплин продолжает петь песню. Шура внимательно слушает.

Медленно идет занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дачный участок. В саду деревянный стол и две скамьи, врытые в землю. Вадим и Слава ожесточенно фехтуют на рапирах. Они прыгают с земли на скамейки, со скамеек — на стол и снова на землю. Адриан, полулежащий на земле с рапирой в руках, и Алла, сидящая под деревом с книгой, наблюдают за фехтующими.

Вадим (*нападая на Славу и нанося ему удары рапирой*). «Кроме того, у нас имеются шпаги, которыми мы недурно владеем, могу вас в этом уверить!» (*Делает прыжок.*) Защищайся! За Атоса! За Портоса! За Арамиса! Получай! Получай! (*Ударяет Славу по ногам шпагой.*)

Слава (*кричит*). Ах, ты по ногам! (*Наступает.*)

Вадим (*оправдывается*). Это коварный прием!

Слава (*наступает*). Ах, коварный?!

Вадим. Стоп! Не по правилам! В стойку! В стойку! Защищайся! (*Адриану.*) Смотри, Адик! Выпад! А теперь коронный удар!

Слава подставляет грудь под удар.

«Умри, презренный!» (*«Убивает» Славу.*) Теперь дрыгни ногой!

Адриан. Готов!

Вадим. Хорош!

Слава поднимается с земли. Алла аплодирует. Адриан со скупающим видом смотрит на Вадима.

Слава (*Вадиму*). Слушай, ты не очень-то коли — она все-таки железная! (*Показывает на рапиру.*) А то ты уж по-настоящему начал! (*Потирает плечо.*) Больно все-таки...

Вадим. Прости, пожалуйста, Славик! Извини! Я нечаянно. Увлекся, понимаешь... (*Адриану.*) Ну? Видел?

Адриан (*уныло*). Видел.

Вадим. Надо нападать! А ты только защищаешься и без толку машешь. Понял?

Адриан. Понял!

Вадим. Давай все сначала!

Слава. Я не могу больше. Я устал. (*Садится на землю.*)

Вадим. Последний раз! Я тоже устал. Последний раз!

Адриан (*поднимается*). Рука ноет.

Слава (*поднимается*). Только пусть он не машет у меня перед самым носом! Он мне в глаз упадет своей рапирой!

Вадим (*Адриану*). Помни, что ты д'Артаньян!

Адриан и Слава фехтуют. Адриан трусливо машет рапирой. Слава ловко парирует его удары и наконец выбивает рапиру.

Адриан (*кричит*). Эй, ты! Не имеешь права!

Вадим (*хлопает в ладоши*). Стоп! Стоп! Принципиально все сначала!

Адриан (*поднимает с земли рапиру*). Я так не согласен. Что это такое? Выбивает рапиру...

Вадим (*Славе*). Зачем ты у него выбил из рук шпагу? Он же д'Артаньян.

Слава (*ворчит*). А чего он ее держит как мокрая курица? Держал бы ее крепче, если он д'Артаньян!

Адриан. Это не твое дело, как я ее держу! Ты должен отступать, а не нападать на меня! Нападать должен я! Я тебя все равно заколю по ходу действия!

Слава (*про себя*). Это мы еще посмотрим!

Вадим (*хлопает в ладоши*). Начали! Начали! Еще раз! Все с самого начала! Адриан, нападай! Славик, защищайся! Так... так! Теперь прыгай на скамейку! Теперь — на стол.

Адриан неуклюже вскакивает на скамейку, хочет вскочить на стол, но оступает и летит на землю. Алла вскрикивает. Адриан сидит на земле и трет ногу, морщась от боли. Слава равнодушно отходит в сторону и садится под деревом.

Вадим (*Адриану*). Ушибся?

Адриан. Ой! Погоди! Косточку ударил. (*Трет ногу*.)

Алла (*Вадиму*). Вадик! А ты со мной будешь сегодня репетировать?

Вадим. С тобой?

Алла. Ну да. С госпожой Бонасье.

Вадим. Знаешь, давай завтра с утра. А то я уж не в силах. Я ведь тут с ними с трех часов вожусь.

А потом — эти ведь сейчас придут...

Алла. Кто?

Вадим. Забыла уже? Пестик с мексиканцем.

Алла. Этот мексиканец большой задавала, как я погляжу: целую неделю здесь живет, а ни с кем,

кроме Пестика, еще не разговаривал. Дикий какой-то!

Вадим. Может быть, у него характер такой. Отвык от родины...

Алла. Я вчера мимо тычинкинской дачи вечером проходила, слышу — кто-то в саду на гитаре играет. Это, наверно, он играл. Какой-то такой мотив... не наш мотив...

Слава. Пестик к нему каждый день ходит.

Вадим. А Тычинкин что же, принципиально обиделся на нас и уехал?

Слава. Пестик сказал, что ему родители путевку в какой-то пионерский лагерь достали. На две недели, кажется.

Алла. Нечего сказать! К нему брат из Мексики погостить приехал, а он его бросил и в лагерь умчался! Как-то не очень гостеприимно...

Слава (Вадиму.) Он сильно обиделся, что ты у него роль отобрал.

Вадим. Не отобрал, а принципиально передал другому. Что особенного? В настоящем театре или кино так бывает. Какой-нибудь артист главную роль репетирует, репетирует, а потом вдруг — бац! — и передают эту роль другому артисту, который лучше подходит! И все!

Слава (негромко). Тому, кто лучше подходит, — это я понимаю. А у нас-то... эрзац! (Кивает в сторону Адриана, который продолжает сидеть на земле, потирая ушибленную ногу.)

Вадим (негромко). У нас рапир настоящих не было, а теперь зато есть! Адик! Ну, как твоя нога?

Адриан. Лучше.

Вадим (подходит к нему). Ты несколько раз про-репетируешь эту сцену и будешь играть как бог! (Хлопает его по плечу.) Я из тебя принципиально сделаю такого д'Артаньяна, что все ахнут, и только!

Доносится мексиканская песня. Появляются Вова и Шура. Шура в мексиканском костюме, с гитарой в руках. Он поет. Ребята поднимаются им навстречу.

Вова (возбужденно). Ребята! Знакомьтесь! Вот это брат Шурки Тычинкина — Шурик Цаплин! Из Мексики! Похож, да?

Шура (*невозмутимо*). Салюд! Буэнос диас!

Все пожимают руку Шуре, изумленные его сходством с братом-двойником. Большая пауза.

Вадим. Да-а-а! Похож! Ничего не скажешь!

Вова. Что я говорил? Это потому, что его папа родной брат его мамы, а его мама — родная сестра его папы. Поняли?

Алла. Правда?

Шура (*улыбаясь*). Си.

Вова (*поясняет*). «Си» — это значит «да» по-испански.

Вадим (*Вове, тихо*). А он по-русски разговаривает?

Вова. Еще как разговаривает! Лучше нас!

Шура. Я русский гражданин. Наш подданный.

Вадим (*Шуре*). Это хорошо. Значит, ты по-русски разговариваешь?

Шура. Конечно. Я только жил в Мексике. Поэтому я и по-испански могу немного.

Слава. А почему ты целую неделю от нас прятался?

Шура (*замявшись*). У меня горло болело. Здесь у вас климат такой... В Мексике — там климат тропический и субтропический, жарко там... А тут прохладно. Вот я и простудился немного...

Алла. От перемены климата?

Шура. Да. От перемены.

Слава. А мы думали, что ты зазнаешься.

Вова. Ничего он не зазнается. Он замечательный товарищ! Лучше Шурки!

Вадим (*Шуре*). А твой братишка, значит, уехал?

Шура. Да. Я приехал, а он на другой же день уехал.

Вадим. Некрасиво! К нему такой гость приехал, а он взял и уехал.

Шура. Ничего. Я не обижаюсь.

Вадим. Зато он здорово обидчивый, твой братишка!

Шура. Я не знаю. Может быть.

Слава. А ты теперь у них гостить будешь, да?

Шура. Погошу немного.

Алла. Сколько — немного?

Шура. Еще недельки две, пока брат не вернется.

Адриан (*неожиданно*). Ты в Мексике в каком городе жил?

Шура (*невозмутимо*). Мы жили в столице, в Мехико, а потом и в других городах. Например, в Агуас-кальентес.

Алла. Мексика! Что-то я забыла, где она находится...

Шура (*спокойно*). Она граничит на севере с США, а на юго-востоке с Гватемалой и Британским Гондурасом. Омывается водами Атлантического и Тихого океанов.

Слава. Львы там водятся или тигры?

Шура. В тропических лесах водятся тапиры и ягуары. В саваннах живут олени, муравьеды и дикобразы. А черепах, ящериц и змей — этих всюду полно!

Вова. Кишат!

Адриан (*недоброжелательно*). А ты, случайно, не попугай?

Ребята неодобрительно смотрят на Адриана.

Шура (*не отвечая на вопрос*). Еще очень много водится рыжих обезьян. Рыжих-прерыжих! Вот таких, как он. (*Показывает на Адриана.*)

Все смеются.

Вадим. Расскажи нам что-нибудь про Мексику.

Шура. Как мы там жили? Какая страна? Что рассказать?

Вова (*Шуре*). Про бой быков расскажи. Ох, ребята, интересно! Он мне рассказывал!

Алла. Ты видел бой быков?

Вадим. Сам видел?

Шура (*усмехнувшись*). Эсо я сэ компрендэ! Само собой разумеется!.. Сто раз видел!

Ребята переглядываются.

Вова. Расскажи им — пусть лопнут от зависти! — Расскажи, как ты лично быка убил.

Вадим (*Шуре*). Ты убил быка?

Шура. Было такое дело.

Вова. Он участвовал в бое быков!

Алла. Правда?

Шура. Один раз... случайно...

Вадим. Расскажи, пожалуйста! Это очень интересно!

Вова. Ребятишки! Это то, что доктор прописал!

Алла (*не сводит восхищенного взгляда с Шуры*). Неужели правда? Расскажи нам, пожалуйста!

Шура. Но эс дифисиль! Не стоит труда. Могу рассказать...

Ребята рассаживаются вокруг Шуры. Адриан мрачно сидит в стороне, ковыряя папирой землю.

Вова. Давай, мексиканец! С самого начала! Ну!

Шура. Но тенго нада эн контра! Что значит: «Не возражаю!» Однажды я пошел на корриду, что значит «бой быков»...

Вадим. Где это было?

Шура. Это было в городе Агуаскальентес. Купил я билет и сел на свое место в первом ряду.

Алла. Без родителей?

Шура. Папа с мамой не любят смотреть корриду. Я пошел один. Пришел я, значит, и сел на свое место. Купил, конечно, за полпесо подушечку из тростника и сел на нее. Сижу и жду.

Слава. А зачем подушечка?

Шура. Там все сидят на подушечках, потому что скамейки каменные.

Алла. Ой как интересно!

Слава. Не мешай, Алка!

Шура. Ну, выпустили быка. Здоровенный такой бычище! Рога — во! Стали его дразнить красными плащами, как полагается. Забегал он по арене. Кружит и кружит. Когда он совсем разозлился, выехали на лошадях пикадоры.

Слава. Какие такие пикадоры?

Вова. Это которые быка пиками дразнят. Они пиками быка колют, и он тогда еще больше расстраивается.

Алла. Ну, а потом?

Шура. Потом выбежали на арену бандерильеро...

Вадим. А эти что делают?

Шура. У них в руках такие длинные спицы с пестрыми лентами на концах. Они втыкают их быку в шею и тоже его дразнят. Раздразнили они быка как следует. Я сижу и вижу со своего места, как у него глаза кровью наливаются. И вот тогда выбежал на арену сам тореро по фамилии де ля Торре де Кайкубурру де Ларра лос-Анголарра. Поклонился он публике и, размахивая широким алым плащом, смело направился прямо на быка.

Вадим. А ты сидишь на своем месте?

Адриан (*язвительно*). На подушечке?

Шура. Сажу на своем месте, на подушечке, и смотрю, что будет дальше.

Слава. Ну и что же ты видишь?

Шура. Бык бросился на красный плащ, а тореро отскочил. Отскочил и опять дразнит. Наконец, когда бык бросился на него в третий раз, тореро выхватил свою шпагу и вонзил ее в шею быка.

Алла. Ой!

Слава (*Алле*). Да не ойкой ты! Мешаешь слушать!

Вадим. Вонзил шпагу, и что дальше?

Вова. Тут бык ка-а-ак мотнет головой, и шпага ка-а-ак вылетит и прямо падает к его (*показывает на Шуру*) ногам.

Шура. Я вскочил, чтобы поднять шпагу и отдать ее тореро, а он сам ко мне бросился.

Вадим. Кто? Бык?

Вова. Тореро! Тореро бросился! Не понимаете?

Шура. Не бык, а тореро. Он же увидел, что шпага к моим ногам упала и что я ее поднял. Он ко мне и бросился за шпагой. А плащ-то у него красный. Тореро — ко мне, а бык-то — за плащом! Публика по-испански кричит: «Кидай ему шпагу! Кидай!» А я не кидаю.

Алла. Почему не кидаешь?

Шура. Кинешь — а вдруг он ее не успеет поднять! Ну, значит, тореро ко мне, а бык за ним. Я стою со шпагой в руке. Чуть-чуть этот бык не поднял на рога беднягу тореро, но я в этот момент — ра-аз! — и вонзил ему шпагу куда надо!

Алла. Кому? Тореро?

Вова. Быку! Быку прямо в сердце!

Большая пауза.

Вадим. Ну и что? Убил быка?

Вова. А то как же!

Шура. В газетах потом об этом писали.

Вова. То, что доктор прописал!

Слава. Вот бы в нашей «Пионерской правде» заметку об этом напечатали: пионер убил быка!

Вадим. Это не большое геройство! И вообще у нас такие вещи не одобряются. Азартное зрелище.

У нас ведь не Мексика! Но все-таки ты герой!
Не растерялся!

Шура. Меня цветами просто забросали. От родителей, конечно, потом попало. Больше уж я на бой быков не ходил.

Адриан. На подушечке больше не сидел?

Слава. Родители все одинаковые: всего боятся.

Адриан. А ты про все это не врешь?

Шура. А зачем мне врать? Я могу газеты показать, где все напечатано. У меня газеты сохраняются. Только вы все равно ничего не поймете. Там на испанском языке напечатано.

Вадим. Ничего нет удивительного. Конечно, это не обычный случай, но писали ведь в газетах про школьника, который медведя убил? Писали! А медведь страшнее быка!

Вова (*Шуре*). Ты им про петушинные бои расскажи. Давай!

Шура. Ладно, про это потом.

Алла. А что за петушинные бои?

Вова. Петухи специально дерутся друг с другом! Страсть! Жуть одна!

Слава (*Шуре*). И ты тоже участвовал?

Вова. У него свой петух был! Свой!

Вадим. Правда?

Шура (*неожиданно*). Я его с собой привез.

Вова. Ну да! А что ж ты мне о нем раньше не рассказывал? Нечестно!

Шура (*пожав плечами*). Не обязательно все сразу рассказывать. Забыл просто.

Вадим. А что за петух такой?

Шура. Индейский петух особой породы. Чемпион! Он двадцать противников насмерть забил. Из тридцати боев победителем вышел. Пятнадцать — вничью!

Слава. И ты его с собой из Мексики привез?

Шура. Безусловно. Можно будет здесь петушиный бой организовать. Куры у вас тут есть?

Слава. Куры-то есть, только нам за это спасибо не скажут, если твой петух всех петухов у дачников перебьет!

Шура. Я это так... между прочим... Можно и не организовывать... Просто мне было жалко с ним расставаться, привык я к нему очень...

Алла (*восторженно*). Это просто замечательно, что ты тут нам рассказал! Я как будто книжку прочитала!

Шура. А вы тут чем занимаетесь?

Вадим. Мы только что репетировали. Мы спектакль задумали поставить — «Три мушкетера» Дюма-отца. Ты эту книгу, конечно, читал?

Шура. Эс муй интересанте! Что значит: «Это очень интересно!»

Вадим. Я режиссер и сам играю Портоса, потому что я толще всех. Она вот (*показывает на Аллу*) — госпожа Бонасье. Вот он (*показывает на Адриана*) играет роль д'Артаньяна. Ее должен был твой братишка играть, но он нам не подошел... Ну, а Атос и Арамис уже ушли.

Слава. А я играю роль дворянина, которого убивают. Без слов. Меня убивают, а я молчу. (*Усмехается.*)

Вадим. Костюмы у нас, конечно, самодеятельные, а рапиры у мушкетеров настоящие! Покажи, Адик!

Шура (*рассматривает без видимого интереса рапиру; передает ее Вадиму*). Обыкновенная рапира.

Адриан. А что ты в рапирах-то понимаешь?

Вадим. Конечно, не такая шпага, какой ты быка убивал, но все же лучше, чем деревянная. Держи, Адик! (*Возвращает рапиру Адриану.*) Ты фехтовать умеешь?

Шура. Индудаблemente! Что значит: «Бессомненно!»

Вова (*Вадиму*). Ну что ты глупости такие спрашиваешь? Он же в бое быков участвовал!

Шура. Если не верите, могу показать. Сэа устэ атэнтю! Будьте внимательны! (*С безразличным видом берет рапиру и становится в позицию.*)

Вадим. Попробуем! (*Берет другую рапиру.*)

Начинается поединок. Шура выходит победителем.

(*Хлопает Шуру по плечу.*) Молодец! У тебя хорошая школа!

Вова (*Алле, с возмущением*). Что он ему говорит? «Хорошая школа»! Человек настоящую шпагу в руках держал, быка убил, а он — хорошая школа!..

Адриан (*с недовольным видом*). Ну как? Кончили? Давайте сюда рапиры, я домой пошел!

Вадим. Зачем ты каждый раз рапиры домой уносишь?

Что мы их съедем, что ли?

Адриан (*забирает рапиры*). А так спокойнее. Целей будут. А то пропадут, а с меня потом голову снимут! Привет!

Шура. Адьос!

Адриан, вздрогнув, роняет рапиры.

Алла. Что ты ему сказал?

Шура. Я ему сказал: «Прощайте!»

Вадим (*вслед Адриану*). Чего он надулся, не понимаю!

Слава. А я понимаю. Он любит быть первым, а сейчас он был вторым. Первым-то был мексиканец! Понятно?

Алла (*Шуре*). Оригинальный костюм. Здесь у нас никто так не ходит.

Шура. А я хожу. (*Вове*.) Ты, Пестик, тут останешься или пойдешь? А то мне домой пора. Тетя к обеду ждет.

Алла. Это ты вчера вечером на гитаре играл?

Шура. Я. От нечего делать. В Мексике гитара — национальный инструмент.

Алла. Обожаю испанские песни!

Шура (*очень холодно*). Я тоже. (*Протягивает руку Вадиму*.) Аста луэго!

Вадим (*улыбаясь*). Что это такое?

Шура. До скорого свидания! Аста маньяна! До завтра!

Вадим. Есть!

Шура всем по очереди пожимает руки.

Слава. Ты нам своего петуха покажешь?

Шура. Можно будет. Адьос, керидос амигос! Что значит: «Прощайте, дорогие друзья!»

Шура уходит, помахав сомбреро. Большая пауза. Звучит мексиканская песня.

Вадим. Ловко он по-испански научился!

Слава. А как он на своего брата похож! Мне не верилось, что это не Тычинкин! Я как во сне!

Вадим. Все-таки заметна разница. Шурка Тычинкин себя совсем не так держит. И глаза у него обыкновенные. А у этого взгляд какой! Обратили внимание? Так и сверлит насквозь!

Вова. Чудаки-рыбаки! Он же в Мексике жил! С настоящими бывшими индейцами встречался! Быка убил! Эх, вы... Салюд! Камарадос! Амигос! *(Запевая мексиканскую песню, убегает.)*

Алла. Вот что значит побывать за границей!

Вадим *(неожиданно, как бы про себя)*. Все-таки не очень хорошо, что у нас д'Артаньян будет рыжим! Это же не клоун все-таки, а мушкетер! А париков у нас нет...

Ребята не без удивления глядят на Вадима.

Пауза.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Дача Тычинкиных. Шура, одетый в мексиканский костюм, ходит взад-вперед по садовой дорожке. Заглядывая в небольшую книжечку, он повторяет испанские слова.

Шура *(про себя)*. Грасиас пор ла атэнсьон, что значит: «Благодарю за внимание». Ага устэ эль фавор дэ пердонармэ — «Извините, пожалуйста». Ло сиенто мучо, перно пуэдо асэптарло — «Очень жаль, но я вынужден отказаться». *(Останавливается.)* Так... *(Задумывается.)* Теперь еще что? *(Поднимается на веранду, берет со стола том Большой советской энциклопедии, садится на ступеньки лестницы и начинает читать.)* «Древнейшим коренным населением Мексики являются индейцы. В первом тысячелетии нашей эры территория Мексики была заселена многочисленными индейскими племенами...»

Хлопает калитка. Шура быстро закрывает книгу и, не зная, куда ее спрятать, садится на нее. Появляется Тычинкина. В руках у нее продуктовая сумка.

Тычинкина. Господи! Как мне надоело видеть тебя целыми днями в этом маскарадном наряде! Знала бы, ни за что не разрешила бы Шурику дарить тебе все эти принадлежности! *(Хочет пройти мимо)*

сидящего на ступеньках Шуры.) Пропусти меня, пожалуйста!

Шура поднимается, чтобы пропустить мать. Она видит книгу.

Что ты ищешь в энциклопедии? (*Читает.*) «Медуза — Многоножка»! Какое слово тебя интересует?

Шура. Мексика.

Тычинкина. Ты просто помешался на этой Мексике!
Я начинаю беспокоиться о твоём здоровье.

Хлопает калитка. Появляется соседка.

Соседка. Петь, Петь, Петь!.. (*Озабоченно.*) Извините, пожалуйста! К вам случайно наш петух не забегал?

Тычинкина (*с удивлением*). Нет... Какой петух?

Соседка. Петух у меня пропал. Второй день ищу. Решила уж по всем дачам пройти. Не забегал ли куда...

Тычинкина. Нет. Я не видела никакого петуха.

Шура. Найдется.

Соседка. Куда же он пропал?.. Он у меня ужасный драчун... Боюсь, не подрался ли с кем-нибудь.

Тычинкина. Нет, мы вашего петуха не видали. К нам он не заходил.

Соседка (*качая головой*). Простите, пожалуйста! (*Зовёт.*) Петь, Петь! (*Удаляется.*)

Тычинкина идет в дом. Шура в раздумье. Где-то раздаётся приглушенное петушиное «кукареку». Шура стремительно убегает. Стучает калитка. Появляется Вадим, Алла, Вова. На веранду выходит Тычинкина. Ребята здороваются с ней.

Тычинкина. Здравствуйте, здравствуйте, ребята!

Вадим (*вежливо*). Здравствуйте, Ольга Михайловна. Скажите, пожалуйста, Шура дома?

Тычинкина. Мексиканец-то? Дома. Только что был здесь. (*Зовёт.*) Шура-а! (*Ребятам.*) Хоть бы вы, ребята, на него повлияли!

Алла. А что такое, Ольга Михайловна?

Тычинкина. Ну что он все время как ряженный ходит? Здесь же все-таки не Мексика! В Подмоскowie живем!

Алла (*осторожно*). Это очень красиво, Ольга Михайловна! Чудесный костюм, и он ему к лицу.

Вадим. Привычка — вторая натура!

Тычинкина. Просто курам на смех — ходит как ряженный! (*Зовет.*) Шура-а! К тебе пришли! (*Уходит в дом.*)

Алла. Вадик!

Вадим. Что?

Алла. Ты видишь, как она к своему племяннику относится?

Вадим (*пожимая плечами*). Да-а-а... Неважно... Просто она чем-то недовольна. Наверно, потому, что он у них гостить остался. Надоел уже.

Алла. Шурка в лагере, он — гость, приходится о нем заботиться, обед ему готовить, может быть, даже стирать на него.

Вадим. Надо было нам про Тычинкина спросить: как он там в лагере живет, пишет домой или нет... Принципиально проявить внимание.

Вова (*мрачно*). Все равно у вас ничего не получится. Я наперед знаю. Он не согласится.

Появляется Шура. Правая рука у него поранена. Он прижимает к ней носовой платок.

Вадим. Салюд! Мы к тебе!

Шура. Буэнос диас! Мучо мэ алэгрэ дэ вэрлес!
Очень рад вас видеть!

Алла. Салюд! Что с тобой?

Шура. Так... ничего... Петух в руку клюнул...

Вадим. Мы как раз зашли на него посмотреть, а потом еще к тебе одно дело... (*Алле.*) Перевяжи ему палец как следует!

Алла (*завязывает*). Так хорошо?

Шура. Грасиас! Спасибо!

Вова. Как же это он тебя клюнул?

Шура. Драться хочет. А драться не с кем. Вот он меня и клюнул.

Вадим. Где он у тебя сидит?

Шура. В дровяном сарае. Только, чур, тихо! Никто здесь про петуха не знает. Это секрет! Я его контрабандой сюда привез!

Вова. А как же пограничники? Не заметили?

Шура. Пропустили. Я их упросил. Сначала не хотели... а потом ничего... пропустили... Майор, конечно, отказал. «Не могу, — говорит, — не положено!» Я — к полковнику! Объясняю ему, прошу. Полковник тоже не разрешил. «Нельзя, — говорит. — Рад бы

помочь, но... инструкция не позволяет. Запрещено петухов через границу перевозить!» Тогда я говорю: «Разрешите мне обратиться к генералу!» — «Пожалуйста! Обращайтесь». Приходит генерал. Вся грудь в орденах. «В чем дело, товарищ? Кто меня вызывает?» Пограничники показывают на меня: «Вот, товарищ генерал. Этот молодой человек везет петуха из Мексики, а мы не пропускаем». Я говорю: «Товарищ генерал! Разрешите доложить?» Генерал меня выслушал, помолчал и потом отдает приказ: «Пропустить! В порядке исключения!» Ну и пропустили. Вошли в положение... Вот так...

Алла. Ты нам сейчас его покажешь?

Шура. Се пуэде! Можно! Пошли! Только осторожно. И громко не удивляйтесь, когда увидите, что он не такой, как все.

Вова. А какой он?

Шура. Увидите! *(Уводит ребят за дом.)*

Хлопает калитка. Появляется Слава. Он осторожно поднимается на веранду. Из дома выходит Тычинкина.

Тычинкина. Здравствуй, Слава!

Слава. Здравствуйте!

Тычинкина. Ты тоже к мексиканцу?

Слава. А он дома? Наши ребята к вам еще не приходили?

Тычинкина. Здесь они. Наверно, в саду. Я вижу, вы с ним опять подружились?

Слава. Почему — опять? Мы с ним и не ссорились!

Тычинкина. Он ведь на вас, кажется, за что-то обиделся?

Слава. Не знаю...

Тычинкина. Ох, ребята! Что-то вы хитрите!

Слава. Да нет...

Возвращаются ребята.

Тычинкина. Вот они.

Вадим. Ольга Михайловна, правда, ваш племянник очень похож на Шуру? Как две капли воды!

Тычинкина. Мой племянник? Шура? Да, похож. Я тоже так считаю.

Алла. Просто поразительно как похож! *(Смотрит на Шуру.)*

Тычинкина. А вы их рядом видели?

Вадим. Нет. Не успели.

Тычинкина. Ну, тогда вы ничего не видели! (*Шуре.*)
Ты будешь дома, или вы сейчас куда-нибудь
уйдете?

Шура (*забывшись*). Я еще не знаю, мам!..

Тычинкина (*смотрит на сына*). Боже мой! До чего
мне надоел этот мексиканский костюм! Видеть его
не могу! (*Уходит в дом.*)

Вадим. Почему ты ее «мама» называешь?

Шура (*нашелся*). Не «мама», а «мэм», что за гра-
ницей значит «мадам», то есть уважительное
обращение к женщине. Ну, как петух? Понра-
вился?

Вадим. Хорошо петух!

Вова. То, что доктор прописал. Замечательный петух!
Только почему он зеленый?

Шура. Порода такая. Петухи разные бывают. Ты
красных петухов видел?

Вова. Красных-то? Видел.

Шура. Ну, а этот — зеленый. Под цвет растительности.

Вова. Первый раз такого вижу! Чудеса!

Алла. Я тоже.

Вадим. И я. Сколько, ты говоришь, боев у него
на счету?

Шура. Тридцать побед! Пятнадцать боев вничью! Ну,
а какое у вас ко мне дело?

Вадим. Выручай нас! Выручай, мексиканец!

Шура. Что случилось? Как выручать?

Вадим (*решительно*). Мы хотим, чтобы ты у нас был
д'Артаньяном! Будь!

Шура. Д'Артаньяном? Я? Вы мне предлагаете?

Вадим. Да. Чтобы ты сыграл эту роль в нашем
спектакле.

Шура. Но ведь у вас же есть д'Артаньян?

Вадим. Мы ему уже отказали! Принципиально!

Шура. А рапиры?

Вадим. Рапиры он забрал обратно.

Шура. Как же без рапир?

Слава. Будем на деревянных драться!

Шура (*подумав*). Нет, не могу! Но эс посиблэ.
Невозможно!

Вадим. Почему?

Шура. Это будет не по-товарищески. Вы же дали
эту роль этому... хриповато-рыжеватому...

Вадим (*машет рукой*). Ерунда! Ну и что из того, что дали? А теперь я передумал. Ты принципиально больше подходишь.

Слава. Коллектив просит!

Шура. А потом еще кто-нибудь вам больше подойдет!

Вадим. Не думаю.

Шура. Вы моего братишку тоже просили.

Вадим. Ну, просили. При чем тут твой братишка? Откровенно говоря, он все равно не справился бы с этой ролью. Он фехтовать как следует не умеет, и у него взгляд не получается... А ты... ты... просто рожден для этой роли, особенно в этой шляпе! В сомбреро!

Алла. А перо на шляпу я сама пришью!

Шура (*не сразу*). Ладно! Пожалуй, я согласен!

Вова с удивлением смотрит на Шуру.

Вадим (*радостно*). Грасиас! Спасибо! Выручил! (*Достает из кармана тетрадь, протягивает ее Шуре.*) Держи! Роль!

Шура (*просматривает тетрадь*). Чей это почерк?

Вадим. Твоего братишки. Это он ее для себя переписывал.

Шура. Если он узнает, смертельно на меня обидится. (*Вздыхает.*) Не по-товарищески...

Вадим. Так ведь Шурка приедет только через две недели, а спектакль у нас через десять дней.

Алла. И потом, все равно он уже привык к мысли, что его роль отдали другому. А когда он узнает, что мы ее взяли у Адика и отдали тебе, он даже будет доволен. Все-таки ты как-никак его близкий родственник.

Вадим. У тебя память хорошая? Ты эту роль быстро можешь выучить?

Шура. Мне достаточно один раз прочитать, и я уже знаю наизусть.

Слава. Да ну?

Шура. Пожалуйста! (*Открывает тетрадь, читает про себя, затем, закрыв тетрадь, наизусть произносит слова роли.*) «Господа! Вы ввязываетесь в скверную историю и будете изрешечены пулями! Я и мой слуга угостим вас тремя выстрелами, столько же вы получите из подвала. Кроме того, у нас

имеются шпаги, которыми мы недурно владеем, могу вас уверить!»

Вадим. Ну, мексиканец, ты гений! И надо честно сказать, ты только не обижайся: у твоего братишки, хоть он и похож на тебя, такого таланта нет! И не было! И не будет!

Шура. Вы думаете?

Вова (*отведя Шуру в сторону*). А как же ты хотел сначала отомстить за брата? А?

Шура. Не суйся, Пестик!

Вова. Значит, ты передумал? Не будешь мстить?

Шура. А это уж мое дело! (*Отходит.*)

Вова пожимает плечами. Вадим, Слава и Алла шепчутся. На веранду выходит Тычинкина.

Алла. Ольга Михайловна, вы придете на наш спектакль «Три мушкетера»?

Тычинкина. А кто у вас будет играть д'Артаньяна? Вадим (*показывает на Шуру*). Шура! Вот!

Тычинкина. Значит, у вас все уладилось?

Вадим. Я надеюсь, что ваш Шурик на нас не обидится!

Тычинкина. Я очень рада!

Доносится приглушенное петушиное «кукареку». Все прислушиваются. Ребята смотрят на Шуру. Шура неожиданно прикладывает руки ко рту и кукарекует в ответ.

Что с тобой?

Шура. Это у нас такой условный сигнал! Древний клич индейцев! Правда, ребята? Си!

Вова (*восторженно, глядя на Шуру*). Си!

Шура. Мерси!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Место действия то же. Шура оживленно беседует со своим двоюродным братом Цаплиным. В руках у Шуры небольшая книжечка, он все еще одет в мексиканский наряд.

Цаплин. Я, брат, не знал, что у тебя такие способности. Упорный ты. Как же по-испански будет: «Это очень хорошо»?

Шура (*подумав*). Эсто эс муй буэно!

Цаплин. Молодец! Честное слово, молодец! Не ожидал! Ну и как же ты орудовал с такими знаниями?

Шура (*польщенный*). Кроме тех слов, которые ты мне дал, я каждый день по пять фраз заучивал из этой книжечки. (*Объясняет.*) Такие книжечки к фестивалю выпустили на всех языках! Чтобы легче было объясняться с иностранцами. Только я самые главные фразы учил, самые разговорные. А «Как проехать на Сельскохозяйственную выставку?» или «Меня интересует система образования в вашей стране» — это я не заучивал!

Цаплин. Неужели ребята поверили?

Шура (*смеется*). О, я их так убедил, будто я — это ты, что им даже в голову не пришло, что я — это я! Они уверены, что настоящий я уехал в пионерский лагерь, а ты, то есть я, вот такой, как сейчас (*показывает на себя*), остался здесь гостить! Они же не знают, что ты старше меня на целых семнадцать лет! Они же думают, что тебе столько же, не больше!

Цаплин. Правильно! Все по плану.

Шура. Еще то хорошо, что нас зовут одинаково и что мама тогда сказала, что мы с тобой похожи! Ребята ее про меня — меня спрашивают, а она про тебя — тебя отвечает. Она только удивляется, что я все время в этом наряде хожу и шляпу целый день с головы не снимаю. Даже сердится. Я эту ковбойку пять раз сам стирал, понимаешь! Я же не могу объяснить маме, зачем мне все это нужно!

Цаплин. Ты ребятам и про Мексику рассказывал?

Шура. Еще как рассказывал-то! И про бой быков, и про петушинные бои! Я три книжки про Мексику почти наизусть выучил и из Большой советской энциклопедии целый кусок. Хочешь, скажу? (*Скороговоркой.*) «Основная масса населения современной Мексики — смешанного индейско-испанского происхождения. Эта группа населения говорит на испанском языке, который является государственным языком. В то же время в Мексике сохранилось свыше сорока пяти индейских племен и народностей. Среди них...»

Цаплин. Верно, верно! Хватит! (*Смеется.*) Ты, брат, я вижу, не только артистом можешь быть, но и отличным разведчиком в тылу противника! Как же ты мне говорил, будто не умеешь притворяться? Будто тебя в самых серьезных местах смех разбирает?

Шура. А я себя перебород! Нарочно что-нибудь самое смешное рассказываю, а улыбку прячу! Смеюсь только внутренне... (Хохочет.)

Цаплин (смеется сам). Чего ты хохочешь?

Шура (хохоча до слез). Вспомнил! Ой, не могу! (Держится за живот.)

Цаплин (не может удержаться от смеха). Что же ты вспомнил?

Шура (давясь от смеха). Петуха...

Цаплин (хохочет). Какого петуха?

Шура (хохочет, вытирает слезы). Которого я как будто с собой из Мексики привез! Ой, не могу!.. А петух этот самый обыкновенный! Я его на улице поймал, в зеленый цвет покрасил и в наш сарай запер!.. Ой, боюсь, мне за него попадет — соседка его уже целую неделю ищет!

Цаплин (перестав смеяться). Ну, уж это ни к чему.

Шура. Я его сегодня выпущу. Ему тут недалеко до дому идти.

Цаплин. Соседка его, зеленого, теперь не узнает.

Шура. Краска с него сама быстро сойдет, ему только под дождь попасть: она акварельная! Если бы я его масляной, тогда другое дело...

Цаплин. Я, видимо, приехал вовремя... Так какой же теперь дальнейший план?

Шура (серьезно). Сегодня все разоблачится, и они будут наказаны! Сегодня спектакль! Я — д'Артаньян! Без меня спектакль состояться не может.

Цаплин. Понимаю...

Шура. Сейчас (смотрит на ручные часы Цаплина) пять часов. Начало в восемь. В пять тридцать ребята заходят за мной, чтобы вместе собраться и в последний раз все повторить. Они заходят за мной, а меня... нет!

Цаплин. А где же ты?

Шура (лукаво). Я здесь, но меня нет. Понимаешь?

Цаплин. Пока не понимаю.

Шура. Я сейчас снимаю с себя весь этот костюм и одеваюсь так, как будто только что приехал из пионерского лагеря, где я отдыхал. Они приходят и видят меня — меня, а не меня — тебя. Понимаешь теперь?

Цаплин (взвешивая). Начинаю догадываться.

Шура (увлеченно). Они спрашивают меня — меня, где

я — ты? Я делаю вид, что ничего не понимаю, и говорю, что ты — я неожиданно уехал в Москву. Никакого испанского языка я не знаю, вообще с ними кое-как разговариваю, потому что я на них обижен, и тогда они понимают, что сами себя поставили в ужасное положение. Кто у них будет играть д'Артаньяна? Адриан больше с ними не водится. Спектакль срывается. Вадим наказан. Вот! Конец!

Цаплин (*серьезно*). Но наказан будет не только он. Наказаны будут все ребята и зрители, которые придут на спектакль.

Шура. Ну и пусть! Пусть!

Цаплин. погоди, не горячись. Ребят, может быть, проучить надо, это я понимаю...

Шура. Еще как надо-то!

Цаплин. Но не надо им мстить!

Шура. Нет, надо!

Цаплин. Нет... Конец всей истории должен быть совсем не таким, каким ты мне его сейчас нарисовал.

Шура. Почему? Я не согласен.

Цаплин. Послушай, дорогой друг, раз мы вместе задумали план «Сомбреро», надо его вместе и довести до конца.

Шура. А что ты предлагаешь?

Цаплин. Надо подумать. Ты иди переодевайся, а я тут пока поразмыслю.

Шура. Си! (*Уходит в дом.*)

Цаплин спускается с веранды в сад. В раздумье гуляет. Хлопает калитка. Появляется Тычинкина. В руках у нее большая корзина грибов.

Тычинкина (*увидев племянника*). Шурик! Приехал? Вот это сюрприз!

Цаплин. Здравствуй, тетя Оля! Давай я тебе помогу. (*Хочет взять корзину.*)

Тычинкина. Не надо! Не надо! Испачкаешься!

Цаплин. Сколько грибов!

Тычинкина. Уйма! Видимо-невидимо! Это я за два часа набрала. (*Показывает.*) Ты любишь грибы? Это опять.

Цаплин. Обожаю.

Тычинкина. Угощу. Жаренными в сметане. Ты к нам надолго?

Цаплин. Приехал проститься.

Тычинкина. В Ленинграде был? Как ваши?

Цаплин. Дома все здоровы. Тебе кланяются, обнимают. Папин юбилей справляли.

Тычинкина. Какой юбилей?

Цаплин. Сорок лет работы в порту.

Тычинкина. Боже мой! А я телеграмму не послала! Сегодня же пошлю!

Цаплин. Письмо тебе привез. Это мама пишет. *(Достает письмо и протягивает его Тычинкиной.)*

Тычинкина *(берет письмо)*. Спасибо. Ах, как же это у меня из головы вылетело! Склероз, склероз, не иначе... Ну, пойду переоденусь! Я под дождь попала! Вся измокла... Да, сегодня у нас тут небольшое событие намечается...

Цаплин. Какое событие?

Тычинкина. Ребята «Трех мушкетеров» ставят своими силами. Самодетальность! Мы все собираемся идти на этот спектакль. Он состоится недалеко отсюда, в пионерском лагере ликеро-водочного завода. Ты пойдешь с нами?

Цаплин. Конечно, тетя Оля!

Тычинкина. Да, Шурик! Ты знаешь, я на тебя сержусь.

Цаплин. За что?

Тычинкина. За твой подарок Шуре. Он как надел этот мексиканский костюм, так из него и не вылезает. С утра напяливает на себя это сомбреро, заворачивается в пояс, надевает ковбойку и в таком вызывающем виде щеголяет по нашему поселку. Его уже иначе как «мексиканец» никто не называет.

Появляется Шура. На нем синие трусы, белая рубашка и пионерский галстук.

Шура *(матери)*. Мама! Много грибов собрала?

Тычинкина *(оборачивается)*. О! Что я вижу! Наконец-то! Совсем другой вид! Переоделся?

Шура. Да.

Тычинкина *(весело)*. Теперь я узнаю своего мальчика! А то живу под одной крышей с каким-то креолом!

Шура! Когда у вас спектакль?

Шура *(настороженно)*. В восемь часов. А что?

Тычинкина. Странный вопрос!.. Я хочу посмотреть, как вы будете играть. Разве я не имею права немного развлечься?

Шура (*поглядывая на брата*). Имеешь, конечно... но... может, еще ничего не состоится...

Тычинкина. Почему же?

Шура. Может... погода испортиться...

Тычинкина (*смотрит на барометр*). Дождя не будет. (*Уходит в дом, унося с собой корзину с грибами.*)

Шура (*брату*). Ты что-нибудь надумал?

Цаплин. Посоветуемся...

Оба уходят в сад. Сцена некоторое время пуста. Затем слышны ребячьи голоса. Появляются Вадим, Алла, Слава и Вова. В руках у ребят плащи, деревянные шпаги, мушкетерские самодельные шляпы. Вова свистит — очевидно, условным свистом. Ребята стоят, ждут. Возвращается Цаплин.

Цаплин. Вам кого, ребята?

Ребята переглядываются.

Вадим. Здравствуйте!.. Нам... Шуру...

Цаплин (*зовет*). Шурик! К тебе пришли!

Появляется Шура в своем обычном костюме.

Шура (*сухо*). Чего вам надо? Зачем пришли?

Вова (*растерянно*). Здорово, Шурик! Разве ты уже приехал?

Алла (*фальшиво*). Ты был в пионерском лагере? Отдохнул? Поправился? На сколько?

Шура (*сухо*). На пять кило.

Вова. То, что доктор прописал... Хоть и незаметно.

Вадим. Что же ты так быстро приехал? Надоело?

Шура. Так захотелось. А вы чего пришли?

Вадим. Прости, пожалуйста, если мы тебе помешали. Нам нужен твой брат. Он дома?

Цаплин, сдерживая улыбку, поднимается на веранду.

Шура. Какой брат? Двоюродный?

Алла. Шура Цаплин.

Слава. Который мексиканец.

Шура. Его нет. Он уехал.

Алла (*вытирает глаза*). Как — уехал?

Вадим. Уехал?

Слава. Не может быть!

Шура. Почему же не может быть?

Вадим. Как же он уехал?..

Шура. А как уезжают?.. Кто на поезде, кто на машине. Он на машине уехал. На «Москвиче». Сел в машину и уехал.

Вадим. А куда?

Алла. Куда он уехал? Ты знаешь?

Шура. Знаю.

Слава. Скажи, если знаешь.

Шура. Он в Москву уехал. А оттуда... в Мексику.

Ребята в растерянности.

Вадим. Как же так... Когда он уехал?

Шура. Вчера вечером. Я его уж не застал. За ним его отец приезжал. Их срочно в Мексику вызывают. Там что-то случилось...

Алла. А как же спектакль?

Шура. Какой спектакль? Я ничего не знаю. Я сам только что вернулся.

Вадим (*садится на землю*). Мы пропали... Все пропало...

Слава. Вот тебе и сыграли... Эх! (*Машет рукой*.)

Алла (*подавленно*). Обманул... Всех обманул...

Вова (*Шуре*). А ты нас не разыгрываешь? Может, он здесь? А?

Шура. Какой мне смысл? Что мы — дети, что ли? (*Медленно поднимается на веранду. Задев Цаплина локтем, подмигивает ему и скрывается в даче*.)

Вадим (*мрачно*). Вот уж подвел так подвел! Неужели он не мог нас предупредить? Это по-свински!

Вова. Ну, уж не тебе, Вадим, говорить, что — по-свински, что — не по-свински! В конце концов, ты с Тычинкиным тоже поступил не очень-то не по-свински... А с Адиком? В конце концов, тоже не очень-то не по-свински...

Слава. Если б ты с самого начала за рапирами не погнался и Шурку с роли не снял, у нас был бы сейчас д'Артаньян! А теперь что? (*Машет рукой*.)

Алла. Попросить Адика?

Вадим. Он с отцом на рыбалку уехал, и потом, он на эту роль совсем не годится. И ни одного слова не выучил...

Вова. А может быть, Тычинкина опять попросим? Он же товарищеский парень! Может, я его уговорю?

Вадим. Он принципиально не согласится.

Появляется Тычинкина, принарядившаяся к вечеру.

Тычинкина. Здравствуйте, «мушкетеры»! Готовитесь? Волнуетесь?

Алла (*грустно*). Спектакль не состоится, Ольга Михайловна!

Слава. Нет главного исполнителя.

Тычинкина (*с удивлением*). А где же он?

Вова. В Мексику уехал.

Тычинкина (*с иронией*). Ну да! Неужели? Уехал в Мексику? Ох, шутники, шутники!

Вадим (*с надеждой*). А что? Разве никто никуда не уезжал?

Тычинкина. Из нашего дома, во всяком случае, никто никуда!

Алла. А ваш племянник?

Тычинкина. Мой племянник?! И племянник мой никуда не уезжал. Все дома, и все пойдут смотреть «Трех мушкетеров». (*Уходит в дом.*)

Вова. Ничего не понимаю! Значит, он дома?

Слава. «Все дома. Никто не уезжал». Что это значит?

Алла. Шурка нас просто разыграл! Вот ведь какой!

Вадим. А вы уши развесили, поверили как дураки.

Из дачи доносится голос Шуры: «Я буду играть д'Артаньяна!» Тот же голос отвечает: «Нет! Ты не будешь играть!» Ребята переглядываются.

Мексиканец!

Слава. Тычинкин!

Алла. Поссорились! Слышите?

Вова. А голоса-то как похожи!

На веранду выходит Шура в мексиканском костюме. Машет сомбреро.

Шура. Буэнос диас! Мучо мэ алэгро дэ вэжлес! Очень рад вас видеть!

Ребята (*радостно*). Салюд! Буэнос диас! Салюд!

Шура. В чем дело? Из-за чего вы тут с моим братишкой повздорили?

Вадим. Он сказал, что ты уехал в Мексику.

Алла. Мы так испугались!

Шура. Это он вам нарочно сказал. Просто он не хочет, чтобы я играл в вашей постановке.

Но я же не могу вас подводить. Это будет не по-товарищески. (*Глядя на Вадима.*) Непринципиально это будет!

С л а в а. Он тебе завидует. Я его понимаю.

Голос Цаплина из дома: «Шура! На минуточку! Тебя мама зовет!»

В а д и м. Кто это?

Ш у р а. Мой дядя. Мамин брат. Иду! (*Уходит.*)

С л а в а (*вслед Шуре*). Хороший парень!

А л л а. Очень хороший!

В о в а. То, что доктор прописал!

В а д и м. Человек с большой буквы! Давайте повторим основные сцены. Пестик, будь временным д'Артаньяном! (*Алле.*) Госпожа Бонасье! Выходи!

Алла подходит к Пестику.

А л л а. «Я уступаю вашим настояниям и полагаюсь на вас. Но клянусь, что если вы предадите меня, то, хотя бы враги мои меня помиловали, я покончу с собой, обвиняя вас в моей гибели...»

В а д и м. Сцена смерти! Слава, давай!

Слава и Пестик разыгрывают сцену смерти дворянина без слов. На веранде появляется переодевшийся Шура. Сейчас он опять Шура Тычинкин. С мрачным выражением лица спускается в сад и, делая вид, что не замечает ребят, проходит мимо них.

(*С укоризной.*) Что же ты нас обмануть хотел? Разыграть? Да?

Шура, не отвечая, скрывается за домом.

Характер выдерживает!

А л л а. Где же мексиканец?

За домом слышно кудахтанье и крик встревоженного петуха. Ребята в недоумении.

Петух?

В о в а. Он его обнаружил!

Появляется Шура. В руках у него зеленый петух.

Ш у р а (*сердито*). Какого-то зеленого петуха в нашем сарае заперли!

В а д и м. Что ты с ним сделал?

Шура. Это не наш петух! (*Выбрасывает петуха через забор.*)

Алла. Что ты наделал! Ой, что ты наделал!

Шура. А что я наделал?

Голос Цаплина из дома: «Шура! Я тебя жду!»

Шура. Сейчас! Сейчас! (*Уходит в дом.*)

Вадим. Выпустил петуха! Что теперь будет? Что будет?

Алла. Он переключает всех петухов на всех дачах! Скандал!

Вова. Надо его поймать! Скорее! Ребята!

Появляется Шура. Он уже в мексиканском костюме.

Шура. Кого поймать? Что случилось?

Алла. Шурка выпустил твоего петуха!

Вова. Только что! Только что!

Шура (*в ужасе*). Карамба! Выпустил петуха? Моего петуха? Он же стоит полтысячи песо! Где мой петух?

Слава. Не знаю. Мы его не видели! Он его там выпустил! (*Показывает за дом.*)

Шура (*кричит*). За мной! Кэй лио! Какая неприятность!

Ребята убегают. На веранду выходят Цаплин и Тычинкина. У Цаплина в руках гитара.

Тычинкина (*с тревогой*). Почему он все время переодевается? Что случилось? Я ничего не понимаю. Может быть, ты мне объяснишь, что все это значит?

Цаплин (*улыбаясь*). Тетя Оля, сейчас ты все сама поймешь.

Тычинкина. Сама пойму! Честное слово, какой-то сумасшедший дом!

Цаплин насильно увлекает Тычинкину в дом. Возвращаются ребята. Вид у них крайне возбужденный. Лица у всех раскраснелись.

Вадим. Разве теперь его поймаешь? След простыл!

Алла. Убежал!

Вова. Он может улететь обратно в Мексику. А что? Есть петухи, которые такие перелеты делают. Я читал.

Шура (*огорченно*). Полтысячи песо стоит такой петух! Это же валюта! А теперь его могут поймать и сварить из него бульон!

Вадим (*смотрит на часы*). Шура! Жалко, конечно, петуха, но нам пора идти. Время уже. Ты так пойдешь, в своем костюме, или будешь переодеваться?

Шура. Я думаю переодеться.

Алла. Правильно. Надень что-нибудь обыкновенное. Все равно сейчас тебе придется переодеться в мушкетера.

Шура. Си! (*Уходит в дом.*)

Вова. Только ты поторапливайся! Да! Сомбреро забери с собой! Будешь в нем играть!

Алла. Перо я пришью тебе сама!

Вадим (*Шуре*). А твоего братишку нам на спектакль звать или нет?

Шура (*из дома*). Как хотите. Можете пригласить. Только он, наверно, не пойдет.

Вова. Раз уж Тычинкин обиделся, да еще петуха чужого выпустил... Не пойдет! Ни за что не пойдет!

Цаплин (*неожиданно, с веранды*). Но пригласить его все же следует.

Вадим. Что?

Цаплин. Я говорю, что пригласить Шуру Тычинкина все же надо.

Алла. Вы думаете? Он в большой обиде на нас.

Цаплин. Вы же себя считаете его товарищами, хотя поступили вы с ним не по-мушкетерски, не по-пионерски — променяли на четыре рапиры.

Вова (*смеется*). Кукушку на ястреба!

Цаплин. А это ты грубо сказал. И неостроумно. Эта пословица совсем не подходит к данной ситуации.

Из дачи доносится голос Шуры: «Зачем ты выпустил моего петуха? Кто тебя просил?» Тот же голос оправдывается: «Я же не знал! Ну как ты не понимаешь? Я же не знал!» Ребята в саду переглядываются. Появляется Шура. На нем синие трусы и белая рубашка без галстука. В руках сомбреро.

Шура. Я готов! Пошли!

Ребята мнутя. Большая пауза.

(*С удивлением.*) Что вы на меня смотрите? Пошли!

Вадим (*заклаясь*). А... ты... это самое... кто ты?

Шура (*смеется*). А ты разве не видишь? Что с тобой?

Вадим. Ты какой... Шура... Какой ты Шура?

Шура. А вы угадайте!

Вова. Э-э-э! Брось притворяться. Мексиканец, я тебя узнаю!

Шура (*зовет*). Шурик! Мексиканец! Чего ты копаешься?

Алла (*Вове*). Это Тычинкин?

Вова. А я и сам не пойму! (*Смотрит на Шуру.*)

Вадим. Ты Шура Тычинкин. Это я сразу увидел. Вот что, Шура! Мы перед тобой виноваты, и мы тебя просим нас простить. Зря мы тебя тогда обидели. Пойдем с нами на спектакль!

Шура. Это вы другому Шуре скажите. Он сейчас к нам выйдет. Вы ошиблись. Кэй ластима! Что значит: «Очень жаль!»

Вова. Э-э-э! Ты не Шура Тычинкин! Я сразу догадался!

Цаплин (*Шуре*). Позови Шуру! Что он там так долго копается!

Шура. Он же переодевается. Сейчас выйдет.

Вова. Э-э-э! Брось притворяться. Мексиканец, я тебя узнаю!

Шура (*кричит, обернувшись*). Шурик! Мексиканец! Скоро ты! (*Вадиму.*) Ты думаешь, я на вас обиделся? Ничего подобного! Мне вовсе и не хотелось играть этого д'Артаньяна. Я с вами пойду сейчас, посмотрю, как вы там представлять будете.

Алла (*осторожно*). Шура! Это ты?

Шура. А кто же? Аллочка! Деточка! Неужели я так изменился за две недели, что ты меня уже не узнаешь?

Слава. Тычинкин! Это ты! Шурик! Брось притворяться!

Шура (*неожиданно*). Сэа устэ атэнтэ! Будьте внимательны! (*Вадиму.*) У Тычинкина таланта нет, он так играть не может!

Вова. Э-э-э... Это не ты! Мексиканец, это ты!

Шура (*озорно*). Нет, не я!

Алла (*хватается за Славу*). Я схожу с ума!

Шура (*зовет*). Шурка! Да выходи же сюда! Чего ты там прячешься? А то мы тут никак не разберемся!

Вадим (*неожиданно кричит*). Ребята! Держите меня! Я падаю!

Вадима подхватывают.

Это... это... (*Показывает на Шуру пальцем.*) Одно и то же! Одно и то же! Ой, мне дурно! (*Закрывает глаза.*)

Слава и Вова держат висящего у них на руках товарища. Алла немигающими глазами смотрит на Шуру, который, надев на голову сомбреро, начинает танцевать испанский танец и петь мексиканскую песню под аккомпанемент гитары, на которой играет Цаплин. На веранду выходит Тычинкина. В руках у нее зонтик. Она готова к тому, чтобы идти на спектакль. Тычинкина видит всю эту сцену и в удивлении останавливается на пороге дачи.

Тычинкина (*всплеснув руками*). Рио-де-Жанейро!

Занавес

1957

ЗАБЫТЫЙ БЛИНДАЖ

Пьеса в семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

в ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ (1962 год)

Отто Винер, коммерсант, 48 лет.

Эльза, его жена, 45 лет.

Эмма
Гертруда } их дети, 14 и 15 лет.

Адольф Монтаг, журналист, 40 лет.

Шелл, представитель американской разведки, 45 лет.

Лотти, элегантная молодая дама.

Кельнер в отеле.

в РОССИИ (1962 год)

Аркадий Михайлович Андреев, врач-окулист, 50 лет.

Саша, его сын, 13 лет.

Василий Алексеевич Шарыкин, директор завода, 49 лет.

Антонина Григорьевна, его жена, 45 лет.

Сережа, их сын, 13 лет.

Наташа, школьница, 13 лет.

Светлана, школьница, 13 лет.

Травкин, инвалид Отечественной войны, 46 лет.

Отто Винер, турист из ФРГ, 48 лет.

Посыльный из магазина «Цветы».

в РОССИИ (1943 год)

Шарыкин, подполковник, 30 лет.

Травкин, капитан, 27 лет.

Кравцов, майор, 27 лет.

Аннушка, санитарка, 22 лет.

Радист.

Отто Винер, немецкий офицер войск СС, 29 лет.

Первый разведчик.

Второй разведчик.

Солдаты у знамени.

Автоматчики.

Премьера спектакля состоялась 22 февраля 1963 года в Центральном детском театре.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Внутренний двор тихого фешенебельного отеля в одном из больших городов Западной Германии. Здесь среди зелени можно отдохнуть, почитать газету, выпить чашку кофе, спокойно побеседовать. Сюда едва доносится шум улицы. Журчат струи небольшого фонтана с подсвеченной водой, вокруг которого стоят столики для посетителей. Между ними бесшумно двигается кельнер с подносом в руках. За одним из столиков сидит Адольф Монтаг. Он просматривает газету, пьет кофе и изредка бросает взгляд на вход, видимо, кого-то ожидая. Появляется Отто Винер. Он видит Монтага и направляется прямо к нему. Здоровается. Присаживается к столику, подзывает кельнера.

Винер. Кельнер! Бутылку минеральной воды!

Монтаг. А если чего-нибудь покрепче? Аперитив?
Виски?

Винер. Не хочется. Вы меня давно ждете?

Монтаг (*смотрит на часы*). Тридцать семь минут.
(*Поправляется.*) Тридцать восемь.

Винер. Я задержался на похоронах.

Монтаг (*опуская руку с газетой*). На похоронах?.. Вы потеряли кого-нибудь из близких, Винер?

Винер. Можно сказать, члена семьи — собаку! Ее задавила машина.

Монтаг. Я видел вашего пса. Отличный был экземпляр.

Винер. Жена в трауре.

Монтаг. Представляю себе... Такое горе! Потерять любимую собаку...

Кельнер ставит перед Винером бутылку минеральной воды и отходит. Винер наливает себе бокал воды.

Винер. Вы не знаете, зачем мы понадобились Шеллу? Я полагал, что наша последняя встреча была заключительной. Все, кажется, ясно.

Монтаг. Не знаю. Может быть, он хочет еще раз закрепить обусловленное, а может быть, и сообщить нам что-либо дополнительно. Он знает, что наш отъезд назначен на воскресенье?

Винер. Я вчера сообщил ему об этом. *(Помолчав.)*

Шелл много берет на себя. Мне кажется, он недостаточно интеллектуален для своей профессии.

Монтаг. Ему доверяют.

Винер. Россию он не знает.

Монтаг. Он ее просто боится. Говорят, что он долгое время работал в Югославии.

Винер. Но не в России. В сущности, я к нему больше придираюсь. С ним можно ладить.

Монтаг. Шелл!

Появляется Шелл. Это почти лысый, худощавый субъект. Дымчатые очки. Галстук-бабочка. Он входит в сопровождении молодой элегантной дамы. Осмотревшись и увидев ожидающих его мужчин, Шелл что-то тихо говорит своей спутнице, и та, мило улыбнувшись, отходит в сторону, где садится за столик. Закуривает. Шелл подходит к Винеру и Монтагу. Здоровается. Придвигает к столу стул. Молодая дама тем временем разговаривает с кельнером.

Шелл *(мужчинам)*. Извините, что заставил вас ждать!.. *(Зовет.)* Кельнер! Порцию виски! И пачку «Кента»!

Кельнер, кивнув головой, исчезает.

Винер. Мы оторвали вас от очаровательной спутницы, Шелл! Она вам этого не простит.

Шелл. Ничего. Она будет меня ждать столько, сколько понадобится. Нам предстоит с ней долгая, но занятая беседа. Винер! Мне не нравится выражение вашего лица. У вас мешки под глазами. Чем вы опечалены? Что-нибудь случилось?

Винер. Вы наблюдательны, Шелл! У меня сегодня действительно кладбищенское настроение. В буквальном смысле. Я только что с кладбища. Похоронил свою собаку.

Шелл. Вашего Патти?

Винер. Да. Он угодил под колеса автомобиля.

Шелл. Чудовищно! Надеюсь, виновный понес наказание?

Кельнер приносит даме кофе, Шеллу – виски.

Винер. Виновный был в форме сержанта американской армии, к тому же он был пьян и ни слова не понимал по-немецки.

Шелл. Назовите мне его фамилию и номер части, и я доведу до сведения командования этот возмуща-

тельный факт! Сержант будет строго наказан. Я лично прослежу за этим! Лично!

Винер. Благодарю вас, Шелл! Но все ваши заботы не вернут мне моего пса.

Шелл. В таком случае я очень жалею о случившемся. Поймите меня, Винер! Я далек от мысли просто ради вежливости утешить вас в вашем горе, я просто хотел бы чем-нибудь помочь вам. Ну, хотя бы как ваш доброжелатель...

Винер. Я буду рад передать это моей жене.

Монтаг в продолжение этого разговора просматривает газету.

Монтаг (*после паузы*). Господа! Вы читали сегодняшние газеты? России не терпится развязать войну! Они опять грозят мирным договором с Германией.

Винер (*раздраженно*). О каком мирном договоре может идти речь? С какой Германией? Единственная, истинная Германия — Германия Федеративная! Остальные немецкие земли, отторгнутые от нас и невозвращенные, должны быть присоединены к нам!

Шелл. Ваш министр иностранных дел говорит то же самое.

Винер. Неудивительно. Мы оба — настоящие немцы! (*Помолчав.*) Вы хотели нас видеть, Шелл? Есть новости?

Шелл (*улыбнувшись*). А вы не допускаете мысли, что я просто по-дружески хотел с вами попрощаться и пожелать вам счастливого пути?

Винер. Нет, почему же?.. Я могу допустить и такую мысль.

Шелл. В таком случае приглашаю вас сегодня провести вечер в одном оригинальном кабачке. Вы не пожалеете... А сейчас — небольшой деловой разговор. Когда вы выезжаете?

Монтаг. Послезавтра. На рассвете.

Шелл. Прекрасно. Вам можно только позавидовать. Обожаю шляться по чужим странам. Да еще на колесах! Автомобильная поездка по России! Что может быть заманчивее в наше время? Все видишь, все слышишь...

Винер (*усмехнувшись*). Успевай только записывать...

Шелл. И запоминать... (*Достает что-то из кармана и кладет на стол перед Винером.*)

Винер. Что это?

Шелл. Для облегчения памяти: сверхчувствительная пленка. Можете снимать почти в полных сумерках. Постарайтесь не тратить на пустяки. Последняя новинка «Акфы».

Монтаг. Что вы считаете пустяками, Шелл?

Шелл (*улыбнувшись*). Ангорских кошек и хорошеньких женщин. Если только они не носят форму разных родов советских войск. (*Серьезно.*) Помните, господа, что нас интересует все: узловые станции и аэродромы, военные суда, продвижение воинских эшелонов, номерные заводы, радарные установки, научно-исследовательские институты особого типа, новые образцы советской военной техники, железнодорожные мосты... Ну и все остальное по вашему усмотрению!.. Вы знаете Россию, Винер. А вы, Монтаг, увидите ее впервые. Там надо быть осторожным! Советы широко открыли ворота иностранным туристам, они пускают их к себе без ограничений, лишь бы текли доллары, но... там надо быть осторожным! Да, да! Советский человек — это... как бы вам сказать... одним словом, сами увидите... То, что вы, Монтаг, журналист, — хорошо. Свои заметки о разных достопримечательностях и о природе вы будете писать как обычно. А то, что интересует нас, будете писать так, как мы договорились... (*Винеру.*) Какой у вас фотоаппарат?

Винер. «Бельтика».

Шелл (*подумав*). Сегодня вечером я вам принесу аппарат «Верра». Он намного совершеннее вашей «Бельтики». Кстати, не помню, говорил ли я вам, что все фотографии и записи, привезенные вами из Советского Союза, будут переданы всем странам — членам НАТО?

Монтаг. Мы польщены, Шелл!

Винер. Будут еще какие-нибудь пожелания?

Шелл (*подумав*). Пожалуй, все!.. Вы запомнили адрес, по которому вы будете извещать нас о вашем продвижении?

Монтаг. ФРГ, Штутгарт-Цуффенхаузен, владельцу почтового ящика № 1-17.

Шелл. И всего три слова: «Привет от Ади». Мы будем знать, что с вами все в порядке. Итак, я жду вашего звонка до десяти вечера. Вы ведь приняли мое приглашение?

Монтаг (*поднимаясь*). Безусловно... Кельнер! Получите с нас!

Шелл. Не беспокойтесь, я заплачу.

Винер (*поднимаясь*). Вы очень любезны, Шелл! Теперь я уже жалею, что не пил виски.

Шелл. Это никогда не поздно... Кельнер! Три виски!

Винер. Нет, нет! Меня ждут дома, к обеду.

Монтаг (*пожимая руку Шеллу*). До вечера.

Шелл. Жду звонка. Вы не пожалеете, друзья! Соберется милая компания. Мы устроим вам настоящие проводы, черт возьми! Ручаюсь, что в России вы такого не увидите...

Все прощаются. Винер и Монтаг не спеша уходят. Шелл подсаживается к молодой даме.

Лотти, я к вашим услугам! Когда вы вернулись из Польши?

Лотти. Я приехала из Варшавы поездом. Вчера вечером.

Шелл. Как прошла поездка?

Лотти. Отлично, шеф! Я готова к докладу.

Шелл. Что мы будем пить?.. Кельнер!..

Темнота.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Винеров. Респектабельная обстановка. Две комнаты разделены стеклянной стеной так, что, раздвигаясь, она образует одну большую комнату. В момент поднятия занавеса Эльза Винер вешает на стену увеличенную фотографию собаки в черной рамке с траурными лентами. Тут же на стене висит большой фотопортрет молодого Винера в форме обер-лейтенанта штурмбатальона СС. Винер, сидя в кресле, заряжает фотоаппарат. Перед ним раскрытый дорожный чемодан, в который он, видимо, только что укладывал вещи. За окном вечер. Вдали мерцают неоновые огни реклам.

Эльза (*обращаясь к портрету собаки*). Бедный песик... У меня сердце разрывается на части, когда я смотрю на твой портрет!

Винер (*поднимая голову*). На мой портрет?

Эльза (*продолжает*). Умереть под колесами автомобиля!.. У меня до сих пор перед глазами весь этот ужас!.. Боже! Помоги мне все это пережить!

Винер (*продолжая возиться с фотоаппаратом*). Мистер Шелл просил передать тебе свое искреннее соболезнование.

Эльза. Он так мил, этот господин! Патти никогда на него не рычал.

Винер. Эльза! Что тебе привезти из России?

Эльза. Я, право, не знаю, Отто. Мне сейчас не до подарков... Я убита горем. Он был настоящим членом нашей семьи... Патти! Патти! Ты никогда больше не встретишь меня на пороге, никогда больше не лизнешь в щеку... Никогда! *(Плачет.)*

Винер. Я тоже любил нашего Патти и был к нему привязан не меньше тебя, но побереги себя! Так убиваться из-за...

Эльза *(закрывает уши)*. Не продолжай! Не продолжай! Ты сейчас скажешь: «..из-за собаки»! Нет, Патти не был собакой — он был почти человеком! Таких глаз, как у него, я не видела даже у людей! *(Смотрит на фотографию.)* Прости меня, бедняжка, за то, что я была к тебе не всегда справедлива. Спи спокойно, дорогой друг! *(Помолчав.)* Отто! Я заказала ему надгробие.

Винер. Надеюсь, не слишком дорогое?

Эльза. У меня были свои сбережения, Отто! На нашем хозяйстве это не должно отразиться.

Винер. Делай как знаешь. Только береги себя! Ты валишься с ног, дорогая! Если бы ты видела себя на кладбище!..

Эльза. Я чуть не лишилась рассудка, когда они его начали закапывать. Может быть, лучше было бы предать его тело кремации? А пепел захоронить в урне... Как ты думаешь, Отто?

Винер. Его хорошо похоронили. *(Что-то вспомнив.)* Фу-ты черт! Совсем из головы выскочило... Зря заряжал...

Эльза. Почему зря?

Винер. У меня же будет другой аппарат — «Верра»! *(Начинает разряжать фотоаппарат.)*

Эльза *(после паузы)*. Патти лежит рядом с какой-то известной медалисткой — немецкой овчаркой. Она принадлежала советнику юстиции доктору Нортману.

Винер. Его хорошо похоронили, нашего Патти! Очень хорошо. Нам повезло с местом. *(Прячет фотоаппарат в ящик стола. Ставит чемодан в угол комнаты. Потягивается.)*

Эльза. Ты хочешь есть, Отто? Я могу тебе предложить кусок яблочного пирога и чашку кофе.

Винер. Спасибо, дорогая! Но я приглашен сегодня Шеллом. Он дает нам прощальный ужин.

Эльза. Ты пойдешь один?

Винер. Будут одни мужчины.

Эльза (*помолчав*). Когда ты уходил по вечерам из дому, со мной оставался Патти... А теперь я буду одна.

Винер. Где наши девочки?

Эльза. На дне рождения у Шнейдеров.

Винер. Они вернутся, и ты не будешь одна... Я бы с удовольствием взял тебя с собой, но все приглашены без жен. Ты будешь себя неловко чувствовать.

Эльза. Я понимаю. Только не возвращайся под утро, Отто! И не пей много! И если придешь, не буди меня, пожалуйста!

Винер. Обещаю тебе. (*Целует жену.*)

Эльза уходит. Оставшись один, Винер начинает бриться электробритвой. Часть сцены уходит в затемнение. Появляются Гертруда и Эмма. Они чем-то возбуждены. В руках у Гертруды большой легкий сверток. Сама она явно навеселе.

Эмма (*горячо*). Зачем ты это взяла? Зачем?

Гертруда. Ганс мне его проспорил!

Эмма. Ну и что из этого? Но ведь ты могла взять что-нибудь другое!

Гертруда (*упрямо*). А я взяла абажур! Он мне давно нравился! Он такой... как бы тебе сказать... элегантный! Такой... загадочный! Такой таинственный!

Эмма. Но он же... (*Не договаривает.*)

Гертруда (*понимая*). Тем более! (*Начинает разворачивать сверток.*) Именно это я имею в виду.

Эмма. Мне противно!

Гертруда. Можешь под ним не сидеть! И потом, он будет в моей комнате. Могу я в конце концов обставлять свою комнату так, как это мне нравится? Мне, а не тебе! У нас разные вкусы! И не только вкусы...

В руках у Гертруды абажур. Похоже, что он сделан из провощенной бумаги или толстого пергамента.

Эмма. Как ты все-таки можешь...

Гертруда. Как видишь, могу! (*Вертит в руках абажур.*)

Эмма. Я тебя не понимаю... (*Ежится.*)

Гертруда. И никогда не поймешь! Ты — неженка!

Эмма. Нет, мне просто противно! Меня тошнит...

Гертруда. Глупенькая! Это потому, что ты мешала
виски с джином. Я этого никогда себе не позво-
ляю. Никогда!

Появляется Эльза Винер.

Эльза. Что за абажур?

Гертруда. Нравится?

Эльза. По-моему, я его уже где-то видела...

Гертруда. У Шнейдеров! Ганс проиграл мне его.

Эльза. В продаже таких я не видела.

Гертруда. В продаже таких и не бывает, мама!
Это — уникальный экземпляр! Единственный в своем
роде!

Эльза. А что в нем особенного? Это бумага?

Гертруда. Нет! Совсем наоборот!

Эльза. А что же тогда? (*Рассматривает абажур.*) Что
на нем нарисовано?

Гертруда. Русалка!

Эльза. Русалка? Странный какой-то рисунок! Почти
выцвел...

Гертруда (*с чувством явного превосходства смот-
рит на сестру*). Это не рисунок, мама! И это не бу-
мага!

Эльза. А что же тогда?

Гертруда. Это татуировка! Татуировка на настоящей
человеческой коже!

Эльза (*спокойно*). Как это может быть?

Эмма (*содрогаясь*). Отец Ганса привез этот абажур из
Польши. Во время войны он был там комендан-
том какого-то лагеря...

Эльза (*рассматривая абажур*). Любопытно... Неужели
это не бумага?..

Появляется Отто Винер. Он готов к выходу в свет. Свежая
сорочка. Галстук-бабочка. Блестящий пробор.

Гертруда (*протягивая ему абажур*). Папа! Ты узнаешь
этот абажур?

Винер. Конечно. Реликвия дома Шнейдеров!

Гертруда. Теперь он мой! Я выиграла его на пари!..
Ганс утверждал, что евреи не посмеют казнить
Эйхмана.

Винер (*с удивлением*). Ты утверждала обратное?

Гертруда. Да! В душе я, конечно, надеялась, что
Эйхман останется жить, но ты же знаешь, что, когда

я немного выпью, я готова спорить, чего бы мне это ни стоило! Вот я поспорила назло Гансу, что евреи отомстят немцам. И он проиграл! Они его все-таки повесили! И я выиграла этот абажур! Э л ь з а (*думая о своем*). Бедная моя собачка... Бедный Патти...

Гертруда с победоносным видом уносит абажур в свою комнату. Эмма с недоумением смотрит на мать и на отца. Она ежится, как от холода.

В и н е р (*в раздумье*). История еще скажет свое последнее слово... И оно прозвучит на немецком языке! Прозвучит, чего бы нам это ни стоило!

Темнота.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В квартире Андреевых. Домашний кабинет доктора Андреева. На стенах фотографии, несколько картин. Книги в стеллажах шкафах и на письменном столе. Аквариум с золотыми рыбками. У стены — старый кожаный диван и два таких же кресла. За окном зелень сада. Дверь, ведущая в столовую, открыта. С в е т л а н а, сидя на краю стола, вертит в руках какую-то книгу и что-то напевает. Н а т а ш а помогает С а ш е укладывать вещи в рюкзак. С е р е ж а наблюдает за рыбками в аквариуме.

С а ш а. Что еще?

Н а т а ш а. Кружку.

С а ш а. Положил.

Н а т а ш а. Ложку.

С а ш а. Здесь она.

Н а т а ш а. Щетку.

С а ш а. Какую щетку?

Н а т а ш а. Зубную, конечно.

Саша, вздохнув, выходит из комнаты.

(*Кричит ему вслед.*) Пасту! Полотенце! (*Тише.*) Как маленький, честное слово!..

С в е т л а н а (*машинально читает название книги*). «Хирургия глаза». (*Листает книгу.*)

Н а т а ш а (*Серееже*). Сереежа! Не пугай рыбок!

С е р е ж а. Я их не пугаю. Я с ними общаюсь! (*Стучит пальцем по стеклу аквариума.*)

Возвращается С а ш а. В руках у него туалетные принадлежности. Наташа и Саша продолжают упаковывать вещи.

Светлана. Сержик! А ты упаковался?

Сергея. Завтра упакуюсь. Успеется.

Светлана. Сашуня! Какой у тебя фотоаппарат?

Саша. Никакой.

Светлана. Почему?

Саша. Папа говорит, что у него пока нет свободных денег.

Светлана. Интересно, что такое «свободные деньги»?

Наташа. Это когда все основное уже куплено, а они еще есть.

Светлана. Сержик! А у тебя есть фотоаппарат?

Сергея. Безусловно. «Зоркий-6»!

Светлана. Значит, у твоих родителей есть «свободные деньги»?

Сергея. Не задумывался над этим вопросом.

Саша (*Светлане*). Ну что ты его спрашиваешь? Ему что хочешь купят! Он имеет влияние на свою мамулю! Верно, Сержик?

Сергея. Наши отношения основаны на взаимном контакте.

Наташа. До чего же разные у всех родители! Я дома даже заикнуться боюсь, если мне чего-нибудь хочется. Жду, пока сами догадаются.

Светлана. И догадываются?

Наташа. Не особенно.

Светлана (*помолчав*). На меня дома почему-то все орут. Надо и не надо — орут. Для профилактики. А с меня как с гуся вода. Бабушка говорит: стиль модерн! Что поделать, если я представитель нового поколения!

Звонок телефона.

Саша (*снимает трубку*). Слушаю... Нет, папа в клинике. Еще не пришел. Не знаю. Хорошо, передам. (*Кладет трубку*.)

Наташа. Светка! А ты окончательно решила не идти с нами в этот поход?

Светлана. Мне неинтересно.

Наташа. Ну как тебе не стыдно! Всем интересно, а тебе одной — нет.

Светлана. Ну уж и всем!.. Саша! Разве тебе интересно?

Саша. Интересно.

Светлана. А тебе, Сержик?

Сережа (*не сразу*). Постольку поскольку... Лазить по бывшим траншеям и окопам — дело любительское. И небезопасное!..

Наташа. Почему?

Сережа. Можно легко и просто подорваться на какой-нибудь старой mine. Это, конечно, дело случая! Но главное не в этом. Не люблю ходить стадом! И, если хотите знать, у меня есть свой план.

Саша. Какой план?

Сережа. Слушайте! Мы едем со всеми вместе, а потом откальваемся своей теплой компанией!

Светлана. И ты молчал? В твоём предложении есть уже нечто заманчивое.

Сережа (*продолжает*). Продукты есть, музыка будет...

Светлана. Какая музыка?

Сережа. Увидите! Вот такой приемничек на полупроводниках! Три диапазона. Один — растянутый. Мне мама по случаю купила. Импортный. Марки «Хеба». Классно звучит! Ну? Обсудим мое предложение?

Светлана. Есть над чем подумать.

Наташа. По-моему, это будет не очень удобно... Пойдут потом разговоры...

Сережа. Какие глупости! Мы же не на все три дня оторвемся. Выберем удобный момент и исчезнем до темноты. А потом — опять в объятия коллектива! Идет? Голоснем?.. Сашок! Твое мнение?

Саша. Забавно.

Сережа. Значит, договорились?

Наташа. А ты подумал о том, как это будет выглядеть?

Сережа. Заблудились, а потом нашлись! Все очень естественно. Мы что, не имеем права на личную жизнь? Учись на «отлично», будь активным, подавай всем пример, а жить как хочется будут другие? Не согласен!.. Светка! Если ты передумала, тебе ведь надо успеть собраться. Успеешь?

Светлана. Успею.

Сережа. Салют! Я пошел!

Саша. Я тебя провожу.

Оба выходят.

Наташа. Ты решила идти в поход?

Светлана. А что? Тебя это не устраивает?

Наташа (*пожимает плечами*). Глупый вопрос.

Светлана. Памятные места меня мало интересуют, а то, что предложил Сережа, меня устраивает.

Наташа. Знаешь, Света, Сашин папа прав, когда он говорит, что ты легкомысленная!

Светлана. Вовсе я не легкомысленная. Я — легкомыслящая. Это разница! Сашин папа, может быть, прекрасный доктор, но он не психолог. Иначе он был бы не глазником, а психиатром.

Наташа. Скажи лучше: тебе не нравится, что он такой человек — говорит правду в глаза. Не как некоторые...

Светлана. Когда он смотрит мне в глаза, мне кажется, что он видит только хрусталик и роговицу. Как будто собирается делать операцию. *(Помолчав.)* А то, что они у меня зеленые, как у кошки, ему все равно.

Наташа. Какую ты ерунду городишь! Ну какое ему дело до того, что у какой-то тринадцатилетней девчонки глаза как у кошки.

Светлана *(вздыхнув)*. Ну, все-таки... И потом, мне неприятно, когда он говорит, что «глаза — это часть мозга, выведенная наружу».

Наташа. А вообще он замечательный! Я сама видела, как ему один человек однажды при всех руку поцеловал.

Светлана. И это ему понравилось?

Наташа. Конечно, нет. Он даже рассердился. Но этот человек сделал это ото всей души. Понимаешь, он ослеп на войне, и Аркадий Михайлович через семнадцать лет вернул ему зрение!

В столовой раздаются голоса. В кабинет входит доктор Андреев. Он пропускает вперед себя немолодого человека в гольфах, с фотоаппаратом через плечо. Это Отто Винер, немецкий турист. У него добродушный вид. С лица не сходит улыбка. Винер прикладывает к правому глазу носовой платок.

Андреев. Проходите, пожалуйста! Сейчас я вас посмотрю.

Винер. О! Вы очень любезны, доктор! Это удивительно мило с вашей стороны. Я вам совсем незнакомый человек, иностранец!

Андреев *(предлагает туристу сесть)*. Садитесь, пожалуйста!

Наташа *(робко)*. Здравствуйте, Аркадий Михайлович!

Андреев. Здравствуйте, девчата!

Винер. Это все ваши дети, доктор?

Андреев. Нет, нет! Это подруги моего сына.

Винер. У меня две дочери.

Андреев. А у меня один сын... Так... (*Осматривается, как бы что-то вспоминая.*) Ну-с... Сейчас я вымою руки и посмотрю, что у вас с глазом... А вы пока тут побеседуйте! (*Выходит.*)

Винер (*девочкам*). У меня две дочери. Их зовут Гертруда и Эмма. А как ваши имена?

Светлана. Наташа и Светлана. Я — Светлана.

Винер. Учитесь в школе?

Наташа. Конечно.

Входит Саша.

(*Саше, тихо*). Куда ты пропал?

Саша (*тихо, глядя на туриста*). У него машина — иномарка, вся в наклейках!

Винер. Вам понравился мой автомобиль?

Саша. Понравился. А как он называется?

Винер. «Оппель-капитан».

Саша. А у него какая скорость?

Винер (*улыбаясь*). Большая. Сто сорок миль в час!

Саша. Ничего себе...

Винер. В России тоже есть очень хорошие авто: «Волга», «Чайка», «Запорожец».

Саша. «Запорожец» — маленькая. Не очень хорошая. «Москвич» лучше.

Винер. У вас «Москвич»?

Саша. У нас вообще пока нет машины. Никакой!

Входит Андреев. На нем белый халат с закатанными по локоть рукавами. Он вытирает руки полотенцем.

Винер. У нас тут очень интересная беседа, господин доктор.

Саша. А вы из какой страны?

Винер. Из Германии.

Наташа. Из какой Германии?

Винер. Из Федеративной.

Девочки переглядываются.

Андреев (*девочкам*). Ну, девчата, сейчас вы мне не помощницы!

Наташа. До свиданья!

Светлана. До свиданья! (*По-немецки.*) Ауфвидерзеен!

Винер (по-немецки). Ауфвидерзеен!

Девочки и Саша выходят из комнаты. Андреев включает настольную яркую лампу и вооружается медицинским зеркалом.

Андреев. Приступим... Посмотрим, что вас беспокоит... Минуточку! Не моргайте!.. Ясно... Вам попала в глаз угольная соринка. Сейчас я ее извлеку... Потерпите! Ничего, ничего... ничего опасного! Немного поранили слизистую. Пройдет! Уже лучше, правда?

Винер (улыбаясь). Спасибо, доктор! Мне очень повезло, что это случилось возле вашего дома. Я открыл ветровое стекло и не смог уже дальше вести автомобиль!

Андреев. А я обратил внимание на то, как вы трете глаз.

Винер. Я вообще, как это у вас говорится, «везучий человек»! (Смеется.) Мне везет в жизни!

Андреев. В таком случае вам можно только позавидовать. Кстати, вы неплохо владеете русским языком. (Тушит лампу.)

Винер. Благодарю вас. Надо знать язык друзей! А вы говорите по-немецки?

Андреев. Немного... Ейн бисхен... У меня мало разговорной практики. Но специальную литературу я читаю в оригинале. Давно гостите в нашем городе?

Винер. Я путешествую с приятелем. Всегда лучше путешествовать вдвоем. Мы приехали вчера.

Андреев. Успели осмотреть наши достопримечательности? Были в окрестностях?

Винер. О! Ваш город — это настоящая Россия! Какая старина! Мы пробудем здесь два-три дня. Прекрасный отель! Правда, почему-то по утрам нет воды...

Андреев. Да, с водой у нас пока плохо. Но мы строим сейчас водопровод.

Винер. У вас много строят! Я обратил внимание. Красивые дома! И тоже модерн!

Андреев. Вы бывали раньше у нас?

Винер. В России? Да!

Андреев. Во время войны?

Винер. Да. А вы, доктор, были в Германии?

Андреев. Был.

Винер. Как турист?

Андреев. Нет. Так же, как и вы... В сорок пятом году. В мае... Как вы себя сейчас чувствуете?

Винер (*поднимаясь*). Прекрасно, доктор! Я хотел бы...
заплатить.

Андреев. Нет, нет! Я не занимаюсь частной практикой!

Винер. Мне, право, неловко... Я отнял у вас столько
времени!

Андреев. Мы помогаем нашим друзьям безвозмездно.
(*Улыбнувшись*.) Вот такой у нас обычай. Ничего
не могу поделывать!

Винер. Разрешите угостить вас сигарой?

Андреев. Спасибо. Не курю.

Саша (*в дверях*). Извините, пожалуйста!.. Папа! Там
тебе какой-то пакет принесли. Надо расписаться.

Андреев (*туристу*). Простите, я сейчас! (*Быстро
выходит*.)

Саша заходит в кабинет.

Винер. А какой язык изучаете вы?

Саша. Английский.

Винер. О! Вы будете образованным человеком! (*По-
вторяет эту фразу по-английски*.)

Саша (*стесняясь*). Я не понимаю. Я еще плохо говорю.

Винер. Я знаю четыре языка! Родной — немецкий.
Русский. Говорю по-итальянски. Могу объясниться
с французом. (*Повторяет то же самое по-италь-
янски и по-французски*.) А вы собираете значки?

Саша (*с удивлением*). Значки?.. Собираю. Кто вам сказал?

Винер. Я обратил внимание на то, как вы смотрите
на мой значок, и сразу догадался, что вы коллекцио-
нер! Я не ошибся?

Саша. У меня есть значки почти всех стран. Со всех
фестивалей! И вообще всякие...

Саша поспешно достает из шкафа коробку со своей коллек-
цией. Раскрывает ее перед туристом. Тот молча смотрит, затем
вынимает из коробки немецкий Железный крест. Саша несколько
смущен, понимая всю неловкость ситуации.

Винер. Железный крест...

Саша (*не выдержав*). Трофейный!

Винер (*помолчав, все еще держа орден в руке*). Воен-
ный орден Великой Германии...

Саша. Что вы сказали?

Винер. Так... Ничего... (*Неожиданно*.) Может быть, вы
уступите мне этот крест? В обмен на этот значок.
Я уверен, что такого у вас нет. (*Откальывает значок
от лацкана своего костюма*.) Это большая ред-

кость — значок старинного немецкого охотничьего клуба.

С а ш а (*рассматривая значок*). Какой красивый! Оленьи рога... Труба какая-то...

Винер достает из бокового кармана шариковую ручку и тоже протягивает ее Саше. Саша растерян.

Винер. Пожалуйста! (*По-немецки.*) Битте!

С а ш а. Что вы! Зачем? Не надо!

Винер (*настойчиво*). Сувенир! На память!

С а ш а. Нет. Нет! Не надо!

Винер. Берите, берите, молодой человек! Не стесняйтесь! Это хорошая американская ручка!

С а ш а. Я вижу, что хорошая... (*Смущенно вертит в руках ручку.*)

Винер. Я могу взять этот крест?

С а ш а. Пожалуйста! Битте! Я еще достану! У наших ребят этих крестов и разных трофейных медалей сколько угодно! А такого значка, как этот, действительно ни у кого нет! (*Любуется значком и ручкой.*) И ручки тоже такой ни у кого нет!

Винер. Ну вот и отлично. (*По-немецки.*) Аусгецейхнет... (*Опускает Железный крест в карман.*)

Входит Андреев.

Андреев. Извините, задержался!

Винер. Ваш сын показывал мне свою замечательную коллекцию!

Андреев. Я в его возрасте собирал марки.

Винер. Я тоже.

Все смеются.

Итак, до свиданья, доктор! Меня ждут. Я вам очень благодарен! Вы настоящий русский человек!

Андреев. Я советский врач...

Андреев и Винер выходят из кабинета. Саша, оставшись один, достает из кармана ручку и значок, любуется ими. Услышав шаги отца, прячет ручку в карман. Входит Андреев.

С а ш а (*отцу*). Папа! Смотри, что он мне подарил! (*Протягивает значок.*)

Андреев. Что это за значок?

С а ш а. Старинное общество охотников! Смотри: оленьи рога... труба какая-то. Красивый, правда?

Андреев. Сколько же у тебя теперь значков?

Саша. С этим — сто двадцать четыре!

Андреев. Солидная коллекция! Ничего не скажешь!
(Наводит на столе порядок.)

Саша прячет коробку со значками в шкаф.

Что это за рюкзак?

Саша. Мой. Мы ведь завтра идем в поход.

Андреев. Куда? В какой поход? Кто это «мы»?

Саша. Следопыты. Я же тебе уже говорил! По следам боев... Отечественной войны.

Андреев. По следам боев? Ну-ну... идите... Я не возражаю. Только будь осторожен. Старые мины, снаряды... Это очень опасно.

Саша. Хорошо. Буду. (Выходит. Уносит рюкзак.)

Звонит телефон.

Андреев (снимает трубку). Я вас слушаю! Добрый день, Валентина Петровна! Что? (Серьезно слушает.) Так... Так... Так... Понимаю... Нет, с этим я никак не могу согласиться. Мне самому не раз приходилось извлекать сращенные катаракты, но я не помню случая, чтобы эта операция давала хоть какие-нибудь неприятные осложнения...

В кабинет входит Саша, за ним посыльный из цветочного магазина с корзиной цветов.

Посыльный. Здесь только адрес записан. Велено передать доктору по глазным болезням.

Саша. Папа! Это тебе!

Андреев (в телефонную трубку). Валентина Петровна! Я вам через пять минут позвоню! (Кладет трубку.) Что это? От кого? (Вынимает из цветов конверт с карточкой. Читает.) «Отто Винер. Коммерции советник». Мюнхен... Номер телефона... (Смотрит на цветы.) Да-а! Оперативный турист!..

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В квартире Шарыкиных. Посередине комнаты обеденный стол. У окна — письменный. Шкаф. Телевизор. Тахта. Шарыкина помогает Сереже укладывать вещи в рюкзак.

Сережа. Мамуля, добавь еще баночку ананасов!

Шарыкина. Хватит тебе двух банок. Это же не еда, а лакомство!

Сережа. Ну пожалуйста!

Шарыкина (*вздыхая*). Хорошо. Возьми в холодильнике.

Сереза выходит из комнаты. Возвращается.

Сереза. Я взял еще баночку марокканских сардинок. Можно, мамуля?

Шарыкина (*не сразу*). Можно, раз уже взял.

Сереза. Мамуля! Ты у меня просто чудо! С тобой не пропадешь! Эх, и гульнем же мы!

Шарыкина. Смотрю я на тебя, Сереза...

Сереза (*перебивая мать*). Мамуля! Не надо! Дальше я уже все знаю. У меня все есть, я всем обеспечен, не ценю того, что имею, мои сверстники в свое время жили не так, как живу я, и неизвестно, что со мной будет дальше, если я не пойму и не осознаю...

Шарыкина (*осуждающе*). Сереза! Когда ты перестанешь паясничать? Когда наконец...

Сереза (*перебивает мать, добродушно продолжает*). «...возьмешься за ум, подумаешь, что тебе уже четырнадцать лет, что в эти годы твой отец уже работал на заводе и помогал своей матери, которая осталась без мужа», то есть без моего дедушки! (*Обнимает мать, целует ее и кружит по комнате.*) Мамуля! Умоляю тебя: не расстраивайся! Не напрягай нервы! Не переутомляй сердце! Я тебя грандиозно обожаю, и я под салютом обещаю тебе вырасти хорошим и сознательным строителем нового общества! Тебя это устраивает?

Шарыкина (*целует сына в лоб*). Глупый болтунишка! (*Вспоминает.*) Да! А кто из педагогов с вами идет? Я надеюсь, вы же не одни будете в этом походе? Кто-то за вами должен наблюдать?

Сереза. Долдон Долдоныч!

Шарыкина. Кто, кто?

Сереза. Да Антон Антоныч, наш физрук!

Шарыкина (*осуждающе*). За что же ты его так: Долдон Долдоныч?! Ведь он ваш учитель!

Сереза (*иронически*). Да, да! Он наш наставник и старший товарищ. А как же его иначе назовешь, если он с нами как настоящий Долдон разговаривает? Я себе уже представляю... Придем на место бывших боев, а он скажет: «Дорогие товарищи ребята! Вы стоите на священной земле, политой кровью»

ваших отцов, которые беззаветно сражались с фашистскими захватчиками во имя полной победы и торжества великих идей...» — и так далее и тому подобное. И так всегда! На любую тему, как будто заметку в стенгазету диктует...

Ш а р ы к и н а (неопределенно). Не знаю... не знаю...

В передней звонят. Шарыкина выходит. Слышны голоса: «Здравствуйте, Антонина Григорьевна!», «Здравствуй, Саша! Сережа дома. Ждет!» Появляется Саша Андреев.

С а ш а. Сержик! Поехали!

С е р е ж а. У меня все готово. Вот еще только... (Достает из шкафа радиоприемник.) Видал миндал? (Включает приемник.)

Голос диктора: «...По предварительным данным, полет спутника проходит по орбите, мало отличающейся от расчетной...»

С е р е ж а. Хорошо звучит? То-то! (Выключает приемник.)

С а ш а (достает из кармана авторучку). А это видел?

С е р е ж а (протягивая руку). А ну, покажи!

С а ш а. Только не сломай!

С е р е ж а. Что я, шариковых ручек не видел?

С а ш а. Такой наверняка не видел.

С е р е ж а (помолчав). Правда не видел. Где достал?

С а ш а. Новая!

С е р е ж а. Где достал?

С а ш а. Подарили.

С е р е ж а. Кто же это тебе подарил?

С а ш а. Один иностранец.

С е р е ж а. Иностранец? Интересно! За что же это?

С а ш а. Просто так. Сувенир.

С е р е ж а (смеется). Может, ты ему по глупости какой-нибудь секрет разболтал?

С а ш а. А что я знаю? Скажешь тоже. Папа ему глаз вылечил. Вот за что!

С е р е ж а. Папа ему глаз вылечил, а он тебе, значит, ручку. Здорово! Везет малограмотным!

С а ш а. Сам ты малограмотный! Давай сюда! (Протягивает руку.)

С е р е ж а (с неохотой возвращает ручку). Слушай! Давай махнемся! На что хочешь?

С а ш а. Ни на что не хочу! Она мне самому нужна.

С е р е ж а (деловым тоном). Даю два новых галстука. Один немнущийся! Абсолютно. (Достает из

шкафа два галстука.) Гляди. (*Мнет галстук.*)
Ней-лон!

С а ш а. Подумаешь!

С е р е ж а. Могу предложить оригинальную пластинку.
(*Достает пластинку, бросает ее на пол.*) Небьющаяся!
Махнемся?

С а ш а. Да что ты ко мне привязался? «Махнемся, махнемся»! Не хочу я махать! Отстань!

С е р е ж а. Ну и не надо. Сиди со своей ручкой. Все равно у тебя ее либо свистнут, либо ты ее сам посеешь.

С а ш а. А тебе-то что?

Пауза. Сережа неожиданно выдвигает ящик письменного стола. Задумывается. Жестом подзывает Сашу. Тот подходит. Сережа показывает ему на содержимое ящика.

С е р е ж а. Видишь?

С а ш а (*замечая что-то в ящичке*). Что это?

С е р е ж а. А ты не видишь?

С а ш а. Настоящий?

С е р е ж а. А то нет?

С а ш а (*тихо*). Орден Отечественной войны?.. Второй степени... Откуда он у тебя?

С е р е ж а (*неопределенно*). Нашел однажды... в прошлом году...

С а ш а. И мне не показал?

С е р е ж а. Просто забыл.

С а ш а. А где ты его нашел?

С е р е ж а. За городом... Сошел с электрички, смотрю — в траве что-то блестит...

С а ш а. Повезло тебе... (*Вздыхает.*)

С е р е ж а (*неожиданно*). Берешь?

С а ш а (*вздвoгнув*). Чего?

С е р е ж а. Берешь, говорю? Махнемся на ручку?!

С а ш а (*поняв, недолго раздумывая*). Беру! Держи! (*Протягивает ручку.*)

Сережа прячет ручку в ящик стола. В передней звонят. На пороге комнаты появляется Светлана. Она в брюках. За ней — Наташа.

С в е т л а н а. Мальчики! Сколько можно ждать? Мы же опаздываем на автобус! Стоим как дурочки в подъезде — все обращают внимание...

С е р е ж а (*иронически*). На то, что у одной из вас глаза, как у кошки?

Н а т а ш а. Серьезно, мы идем или не идем? Светланины глаза тут ни при чем!

С а ш а. Мы давно готовы.

С е р е ж а (*зовет*). Мамуля! Где ты? Ау!

Темнота.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Просторный, добротнo сооруженный в дни войны блиндаж и часть траншеи перед ним. Ныне блиндаж в запустении: амбразуру затянуло паутиной, траншея осыпалась и густо заросла бурьяном. Сколоченный из досок стол. На полу несколько пустых ящиков из-под боеприпасов. Над блиндажом бушует летняя гроза. Сильные раскаты грома напоминают разрывы тяжелых артиллерийских снарядов.

Сцена некоторое время пуста, затем слышны голоса. В траншее появляется Н а т а ш а, за ней С в е т л а н а, С а ш а и С е р е ж а. В руках у них распакованные продукты, посуда, вещи... Видимо, гроза застигла их уже расположившимися где-нибудь на лужайке.

Н а т а ш а. Сюда! Сюда! За мной! Здесь можно укрыться!

Все заходят в блиндаж. Осматриваются.

С в е т л а н а. Куда это мы попали? Какая-то землянка...

С е р е ж а. Обыкновенный старый блиндаж.

С в е т л а н а. Здесь, наверное, крысы водятся! Убедена!
(*Ежится.*)

С е р е ж а. А по-моему, нам просто повезло! Сухо и не дует.

Н а т а ш а. Во всяком случае, лучше, чем на лужайке под дождем, громом и молнией! И очень даже романтично — старый блиндаж!

С е р е ж а. Вот тут и будем располагаться! (*Помогает Светлане.*)

Ближкий раскат грома.

С а ш а. Как на войне!

С е р е ж а (*смеется*). Даже лучше!

Н а т а ш а. Хорошо, что мы расположились закусывать так близко от этого блиндажа. Не будь его, у нас бы все промокло!

С в е т л а н а. Лично я уже простудилась! (*Чихает.*)

Н а т а ш а. У нас есть горячий чай в термосе. Выпьешь и согреешься.

Сереза. Есть лекарство и покрепче. Называется «кагор»!

Ребята начинают располагаться в блиндаже. Наташа снимает щепкой паутину с амбразуры, отчего в блиндаже становится светлее. Блиндаж постепенно принимает жилой вид.

Ребятишки! Садитесь к столу! Давайте наконец закусим как следует. Я как зверь проголодался. *(Открывает консервы.)* Есть марокканские сардинки. На закуску ананасы! А наши дурачки сейчас, наверное, кашу на костре варят, носки сушат... *(Смеется.)*

Наташа. Спасибо. Я вина не пью.

Сереза. Мама не велела?

Наташа. При чем тут мама? Просто я сама... Не люблю...

Светлана. А я выпью глоточек, чтобы согреться.

Сереза. Правильно! А потом, это же лечебное вино! Когда я болен, мне моя мамуля всегда дает рюмочку. *(Разливает вино по стаканчикам.)*

Наташа *(неожиданно)*. Сереза! Налей, пожалуйста, и мне капельку.

Сереза. Ты же сказала, что ты не пьешь!

Наташа. Налей. Я передумала!

Сереза подает Наташе стаканчик с вином.

Светлана. Правильно, Наташа! Нехорошо компанию нарушать!

Наташа. Я не из-за компании. Я хочу что-то сказать!

Сереза. Тост?

Наташа. Не знаю... Просто я хочу предложить выпить за тех, кто строил этот блиндаж.

Сереза. Насколько я тебя понимаю, ты произнесла идейный тост?

Наташа. По-моему, нельзя по любому случаю иронизировать!

Светлана. А что? Наташа хорошо сказала!

Сереза. Значит, пьем за победу над немецко-фашистскими захватчиками и еще за мир во всем мире! Кто «за», кто «против»? Принято единогласно!

Наташа *(горячо)*. Опять ты кривляешься, Сереза! Зачем?

Сереза. Не люблю газетных мыслей. А вообще надо понимать юмор!

Сереза достает радиоприемник. Ставит его на стол.

Саша (*девочкам*). Этой новинки девочки еще не видели?

Светлана. Прелесть какая! Это чье производство? Неужели наше?

Сереза (*иронически*). Рязанское!

Светлана. Нет, правда? Где такие делают?

Саша. Марка «Хеба»!

Наташа (*берет приемник*). А ну, покажите! (*Рассматривает приемник.*) «Хеба»? (*Неожиданно.*) Эх, ты! Какая же это «Хеба», когда это «Нева»!

Сереза. Какая тебе «Нева»? Откуда «Нева»? Тут же ясно написано: «Хеба»!

Наташа (*смеется*). А ты читай по-русски! По-русски это не «х», а «н» и не «б», а «в»! Буквы русские! А ты их читаешь как латинские! Один уже такой, как ты, попался с этими буквами: «Неву» с «Хебой» перепутал! Эх, ты! (*Смеется.*) Самый настоящий ленинградский приемник «Нева»!

Сереза (*смутившись*). Ну, это мы еще посмотрим... (*Включает приемник.*)

Звучит музыка и песня «Хотят ли русские войны?..». Сереза ищет другую волну. Звучит джаз.

Светлана. Давайте потанцуем!

Наташа (*тихо*). Сереза! Прошу тебя, выключи эту музыку!

Сереза. Чего ты командуешь?.. Давай, Светлана. (*Приглашает Светлану на танец.*)

Наташа. Я думаю, что в этом блиндаже танцевать не надо!

Саша. Почему? Он что, обвалится?

Наташа. Неужели вы сами не понимаете?

Сереза (*машет рукой*). Ну тебя! Мы сюда не киснуть пришли! В самом деле, зачем же мы тогда решили отколоться своей компанией? Ради чего? Ради того, чтобы выслушивать лекции о патриотизме? И от кого? (*Наташе.*) От тебя? (*Танцует со Светланой.*) Если бы еще от твоего дедушки, который лично брал Зимний дворец!.. Это правда, что твой дедушка лично брал Зимний дворец?

Наташа (*сухо*). Правда!

Сереза (*продолжая танцевать*). Лично?

Наташа. Лично.

Сереза. И лично слышал залп «Авроры»?

Наташа. Слышал, представь себе!

Серезжа. А я вот не слышал залпа «Авроры». Что же мне теперь делать?

Темнота. Тяжелый раскат грома. Он переходит в непрерывный грохот. Но теперь это уже не гроза, а разрывы настоящих снарядов. Это — война.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Из темноты возникает тот же блиндаж, что и в предыдущей картине. Только теперь здесь командный пункт командира полка, ведущего бой. На одном из двух топчанов лежит тяжело раненный майор Кравцов. Возле него сидит на снарядном ящике санитарка Аннушка. Она поит раненого из фляжки. Два автоматчика вносят в блиндаж ящики с боеприпасами и уходят. Слышны разрывы снарядов в непосредственной близости от блиндажа. На головы людей сыплется с потолка песок. Подполковник Шарыкин склонился над картой. Радист у радиостанции безуспешно пытается связаться с высшим штабом.

Радист. «Кобчик!» «Кобчик!» Я — «Фисташка!» Я — «Фисташка!» Я вас не слышу! Ответьте! Ответьте!..
Перехожу на прием...

Кравцов (*глухим голосом*). Иваненко!

Радист. Слушаю вас, товарищ майор!

Кравцов (*не поворачивая головы*). А ты знаешь, что значит слово «фисташка»?

Радист. Наш позывной, товарищ майор!

Кравцов. Ты когда-нибудь ботинки со шнурками носил?

Радист. Носил.

Кравцов. Шнурки от ботинок в железячки продевал!

Радист. Пропускал.

Кравцов (*с трудом переводя дыхание*). Ну так вот, эти самые железячки и есть «фисташки». Понял?

Радист. Понял, товарищ майор! (*Продолжает вызывать высший штаб.*) «Кобчик!» «Кобчик!» Я — «Фисташка!» Я — «Фисташка!» Ответьте! Я вас не слышу... Даю настройку...

Аннушка (*раненому*). Ну как? Полегчало после укола, товарищ майор? отошла боль?

Кравцов (*не сразу*). Отошла. Отошла, Аннушка!

Аннушка. Ну вот и хорошо, товарищ майор!

Шарыкин (*отрываясь от карты*). Еще орехи такие есть — фисташки. (*Радисту.*) Солдат! Что там у тебя?

Радист. В эфире немецкая речь и помехи, товарищ подполковник! Наши молчат...

Кравцов. Шла бы ты к раненым, Аннушка! А я один полежу!

Аннушка. Пойду, товарищ майор! Сейчас пойду!

Кравцов. Худо мое дело, как ты думаешь? Мне ведь, поди, сейчас операцию делать надо. С медицинской точки зрения?

Аннушка. Я вас отлично перевязала, товарищ майор!

Кравцов. Спасибо тебе, Аннушка! *(Помолчав.)* Знаешь... А я ведь на тебе жениться думал... Право слово, думал... И даже мечтал... Не сердись?

Аннушка *(сдерживая слезы)*. Зачем вы об этом, товарищ майор?.. Ну, зачем опять об этом...

По траншее, пригнувшись, пробираются два автоматчика и капитан Травкин. Они вносят в блиндаж знамя полка. Шум боя.

Травкин *(обращается к Шарыкину)*. Товарищ подполковник! По приказанию начальника штаба боевое знамя доставлено на командный пункт полка!

Шарыкин. Где начальник штаба?

Травкин. Убит!

Кравцов *(тихо)*. И я убит... Слышите, товарищи... Убит я...

Аннушка. Вы живой, товарищ майор!.. Живой вы!..

Шарыкин *(не сразу)*. Поставьте знамя в угол и выставьте усиленное охранение! Сами будьте при мне!

Травкин. Есть!

Травкин ставит знамя полка в угол. Возле знамени становится караул. Шарыкин пытается дозвониться по полевому телефону. Связи нет.

Кравцов *(слабым голосом)*. Разведчики не вернулись?

Травкин. Не вернулись, товарищ майор!

Шарыкин *(обращаясь к раненому)*. Кравцов! Видно, одни мы на высоте остались... Отошли наши соседи. А я приказа на отход не получал... Что делать будем?

Кравцов. Василий Алексеевич... Знамя спасти надо...

Радист. «Кобчик»! «Кобчик»! Дайте настройку! Я вас не слышу...

Два автоматчика вводят в блиндаж пленного немецкого офицера. У него помятый вид. Зритель узнает в нем молодого Отто Винера. На груди у него Железный крест.

Первый разведчик. Товарищ подполковник! Фрица взяли!

Второй разведчик. Говорит по-нашему!

Шарыкин. Понимаете по-русски? Отвечайте!

Винер *(нагло)*. Говорю.

Шарыкин. Откуда знаете русский язык?

Винер *(нагло)*. Язык противника надо знать!

Шарыкин *(просматривает документы пленного)*. Оберлейтенант штурмбатальона СС Отто Винер. Вы командир штурмующего нас батальона?

Винер. Да. Так точно. *(По-немецки.)* Яволь!

Шарыкин *(разведчикам)*. Где вы его взяли?

Первый разведчик. Во второй траншее...

Шарыкин *(пленному)*. Какую задачу вы получили от своего командования?

Винер. Уничтожить вас на этой проклятой высоте. Но я успел пока занять только две ваши траншеи. Полагаю, что в вашем положении нет смысла сопротивляться!

Шарыкин. И это говорите вы, в вашем положении?

Винер. Ваш полк уничтожен. Мы обходим высоту двумя танковыми колоннами. Ваши соседи отошли с большими потерями. Вы остались на высоте одни. Предлагаю вам сдаться!

Шарыкин молчит.

Ваши солдаты хорошо дерутся. Мы научили вас воевать.

Шарыкин *(в гневе)*. А мы отучим вас воевать, если даже никого из нас не останется в живых! Ферштеен? *(Автоматчикам.)* Уведите!

Разведчики, переглянувшись, выводят пленного. Разрыв тяжелого снаряда сотрясает стены блиндажа. Звонит полевой телефон.

(Срывает трубку.) «Первый» слушает.

Голос из трубки *(прерывающийся и охрипший)*. Докладывает капитан Соломатин. Командир третьего батальона майор Глуценко пал смертью храбрых. Командование принял на себя... Танки противника ворвались в мою траншею...

Шарыкин *(кричит)*. А вы не знаете, что с ними делать? Уничтожайте! Из траншеи живыми не уходить! Вы меня поняли?

Связь прерывается.

Кравцов! Худо наше дело! Худо! Что скажешь?

Кравцов не отвечает.

Он что, заснул, что ли?

А н н у ш к а (*глухим голосом*). Он умер, товарищ подполковник!

Шарыкин подходит к мертвому товарищу и смотрит на него. Потом достает у него из кармана документы и прячет их в карман своей гимнастерки. Натягивает на голову мертвого шинель.

Ш а р ы к и н (*помедлив, решительно*). Капитан Травкин! Т р а в к и н. Здесь!

Ш а р ы к и н. Приказываю вам вынести знамя полка из боя и доставить в штаб дивизии!

Т р а в к и н. Есть доставить знамя в штаб дивизии!

Быстро снимает со знамени чехол, раздевается и, обернувшись в полотнище, надевает на себя шинель. Шарыкин подходит к нему, кладет руки на плечи.

Ш а р ы к и н (*проникновенно*). Капитан, спаси знамя! Спаси честь полка! Вынесешь знамя — передай нашим: дрались до последнего! (*Передает конверт.*) Жене письмо перешли...

Т р а в к и н. Разрешите выполнять?

Ш а р ы к и н (*целует Травкина*). Выполняй! Желаю удачи!

Травкин в сопровождении автоматчиков выходит. Разрыв тяжелого снаряда сотрясает блиндаж.

Р а д и с т (*кричит*). Товарищ подполковник! Есть связь!

Ш а р ы к и н (*хватает трубку, говорит по телефону*).

Докладывает командир сто второго, подполковник Шарыкин! Превосходящие силы противника штурмуют высоту. Наше положение безвыходное. Начальник штаба убит. Несу большие потери. Вызываю огонь на себя!.. Квадрат сорок пятый! Квадрат сорок пятый! Высота «Совхоз имени Ленина»! Бейте по высоте! Бейте по нас! Бейте!..

Грохот заглушает слова Шарыкина. Темнота. Из темноты снова возникает блиндаж, где продолжают танцевать Сережа и Светлана. Наташа молча смотрит на танцующих. Неожиданно она хватается за транзистор и швыряет его в угол.

Медленно идет занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Квартира Шарыкиных. Та же обстановка, что и в четвертой картине. Травкин сидит на диване. На его костюме выделяется орденская планка. Дверь в смежную комнату открыта. Слышно жужжание электробритвы.

Травкин. А ведь наш полк, Василий Алексеевич, и по сей день где-нибудь под этим знаменем живет! Вы сведений не имеете?

Шарыкин (*на пороге комнаты, с бритвой в руках*). Слышал я, будто он сейчас в ГДР стоит, где-то в районе Лейпцига! А не спаси ты полковое знамя, и полка бы не было!.. Да-а-а, капитан! Идут годы, и время стирает в памяти то, что, как нам казалось, никогда, во веки веков, не забудется...

Травкин. А забывать нельзя никак. Нельзя, Василий Алексеевич!

Шарыкин. Сам знаю. А забываем... Взять хотя бы ордена и медали. И не помню, когда их надевал!

Травкин. Что так?

Шарыкин. Сперва, вроде тебя, планку носил, а потом и ту в ящик забросил.

Травкин (*сдержанно*). Не за баловство мы свои награды получали, стесняться их вроде нечего...

Шарыкин. Так-то оно так, а вокруг посмотришь: один не носит, другой не носит, ну и я перестал. Как-то вроде неудобно людям о своих боевых заслугах напоминать. Чего он, скажут, свои ордена да медали нам показывает? У кого их теперь нет?

Травкин. А пусть смотрят. А спросят, за что получили, расскажите! Что ж тут зазорного, товарищ подполковник? А уж о молодежи я и не говорю. Им, полагаю, особо полезно на наши ордена смотреть и ими любоваться. Что любоваться!.. Завидовать!

Шарыкин (*серьезно*). Вот у меня у самого сын растет. Что он обо мне знает? Что я где-то когда-то воевал с фашистами. Это для него не больше чем книжка с картинками или фильм в кино. Ничего он обо мне не знает. На днях из похода вернулся, рассказывает: от грозы в старом блиндаже прятались. «Ну как, спрашиваю, в блиндаже?» — «Да так, отвечает, обыкновенно... Ничего интересного!»

Травкин (*в глубоком раздумье*). А нам тогда здорово

интересно было... И интересы у нас были большие...

Шарыкин (*помолчав*). Санитарку Аннушку помнишь?
Травкин. А как же... Жива!

Шарыкин. Да ну? Встречал ее?

Травкин. Врачом в Норильске работает... Четверо детей... Я ее прошлым летом в Москве встретил... Сильно ее майор Кравцов любил... Куском железа эту большую любовь перебило!

Шарыкин уходит в смежную комнату.

За дверью слышится его голос: «Ой, удружил ты мне, капитан, что разыскал и зашел! Надо будет нам с тобой эту встречу сегодня отметить!»

Травкин. Я не против, товарищ подполковник! Хотя простите, может, вы генералом войну закончили?

Шарыкин (*появляясь в дверях одетым*). До генерала не дотянул, а полковничью папаху выслужил!

Травкин. А я как был капитаном, так при этом звании в запасе и остался. Демобилизовали меня после ранения. Пять лет по госпиталям провалялся, а сейчас, смешно сказать, в торговой сети работаю, завмагом...

Шарыкин. Ну и как? Справляешься?

Травкин (*улыбаясь*). Да как сказать... Чувствую себя вроде опять на передовой! Попытались меня и в окружение брать, и мины под меня подкладывали, и с тыла и с флангов заходили — не вышло.

Шарыкин. Не на того напали?

Травкин. Выходит, что так. И опять же знамя переходящее с честью из боя вынес! Магазин у нас — предприятие коммунистического труда!

В передней слышен шум. Входят Сережа, Наташа, Светлана. Ребята, переглянувшись, умолкают.

Шарыкин (*показывая Травкину на Сережу и остальных*). Это вот мой сын и его друзья!.. Сережа, познакомься с моим фронтовым товарищем... Когда мы с тобой на брюхе под огнем лазали, их еще и в помине не было!

Ребята знакомятся с Травкиным.

Шарыкин. Пойдем, капитан, в мою комнату. Ты побриться хотел. Попробуй мою бритву!..

Уходят в смежную комнату.

Наташа (после паузы). Я предупреждала, что будет скандал.

Сергея. И все из-за нашего Долдона! Все из-за него! При чем тут наш моральный облик? Что мы такого сделали? Ну, откололись от коллектива! Не на всю же жизнь мы откололись, а на какие-нибудь пять-шесть часов. Мы же прикололись обратно! И что такое пять-шесть часов по сравнению с вечностью? Мелочь жизни!

Светлана. По-моему, все это из-за бутылки с вином. Когда они вроде нас наткнулись на этот забытый блиндаж и увидели, что в нем происходит...

Сергея. В конце концов, ничего особенного не происходило.

Наташа. Если не считать, что на столе стояла бутылка вина и нас было четверо.

Светлана. Но мы же ее даже не допили! Это же надо учитывать!

Наташа. Нас было четверо, нам было очень весело.

Сергея. Весело?.. А впрочем, ты чего беспокоишься? Разберутся — узнают, что ты с самого начала была против: не пила, не танцевала, патристически высказывалась, расколотила мой транзистор... Тебе лично оправдаться ничего не стоит. Виноваты мы! Трое! Я заводила, а они пошли на поводу!

Наташа. Я не собираюсь прятаться в кусты и тем более оправдываться!

Сергея. Да ну? Это героизм или как? Солидарность? Жертва?

Наташа. Мы были все вместе, и все вместе будем отвечать.

Светлана. Ну и что теперь будет?

Наташа. Известно что! Сбор отряда при участии классного руководителя. Потом сбор дружины при участии представителя райкома комсомола. А потом родительское собрание в присутствии представителя районо!..

Светлана. А потом?

Сергея. А потом все забудется, как этот забытый блиндаж.

Наташа. Я этот блиндаж никогда не забуду. Откровенно говоря, я даже рада, что мы в нем побывали... Жаль только, что все так печально кончилось...

Сергея. И что ты погубила одну дорогостоящую чужую вещь.

Наташа. Я жалею об этом...

Светлана. Ну ладно, Сережа! Ты обещал мне дать переписать новую пластинку. Давай, и мы пошли. А то меня дома просто убьют. Вся эта история настолько травмировала мою бабушку, что она готова на все!

Сережа достает пластинку и передает ее Светлане.

Сережа (*мрачно*). Она небьющаяся, но ты все-таки поосторожнее с ней обращайся.

Светлана. Хорошо. Постараюсь. (*Прячет пластинку в портфель.*)

Сережа прощается, и девочки уходят. Сережа мрачно начинает разбирать книжки и тетради. В передней звонят. Сережа выходит и возвращается в сопровождении Саши и Андрея. У Саши такой вид, будто он перенес страшное потрясение. Волосы на голове взлохмачены, куртка расстегнута, лицо бледное, и выражение его крайне тревожно.

Сережа. Что с тобой? Что случилось? Откуда ты?

Саша (*переводя дыхание*). Из дома. (*В изнеможении опускается на диван.*)

Сережа. Ну, говори же!

Саша. Ой!

Сережа. Что ты ойкаешь! Говори шепотом, что случилось? Почему ты такой растерзанный?

Саша (*собравшись с духом*). Сержик! Тут такое, брат, дело, что только держись!.. Где моя ручка?

Сережа. Какая твоя ручка?

Саша. Ну, та самая! Шариковая!

Сережа. Почему она твоя? Она была твоя, а теперь она моя! Мы же махнулись!

Саша. Давай ее сюда!

Сережа. Зачем?

Саша. Давай, давай! И поскорее! Я тебе сейчас все объясню!

Сережа, все еще ничего не понимая, достает из ящика стола ручку и дает ее Саше. Тот хватается ручку и лихорадочно начинает ее развинчивать и разбирать.

Сережа. Что ты делаешь? Ты что, рехнулся, что ли? Ты же ее ломаешь!

Саша (*продолжая разбирать ручку*). Сейчас я тебе все объясню. Сейчас...

Сережа (*хватает Сашу за шиворот и оттаскивает*

от стола, на котором остается разобранная на части ручка). Что с тобой? Зачем ты ее разломал? Саша (*достает из-за пазухи газету и, развернув ее, читает вслух*). Вот! «Компетентными советскими органами установлено, что прибывший в Советский Союз турист ФРГ Адольф Монтаг, тысяча девятьсот двадцать второго года рождения, и Отто Винер, тысяча девятьсот четырнадцатого года рождения, совершавшие туристскую поездку на автомашине...» (*Пропускает несколько строк.*) Вот! (*Читает.*) «...показали, что они прибыли в Советский Союз по заданию и на средства американской разведки для сбора разведывательной информации». (*Опускает руку с газетой.*)

Сергея. Ну и что?

Саша (*тяжело дышит*). Шпион, понимаешь?.. Два шпиона, понимаешь?.. Один шпион, понимаешь?..

Сергея. Очнись ты! «Один шпион, понимаешь, другой шпион, понимаешь!»! Ничего я не понимаю! Говори толком! Зачем ты поломал мою ручку?

Саша. Отто Винер, понимаешь?.. Шпион!.. Он был у нас дома! Я его сам видел. Папа ему лечил глаз.

Сергея (*с удивлением*). Твой папа лечил глаз шпиону?

Саша. В его карточке было написано, что он какой-то коммерсант!

Сергея. Ну, а что дальше?

Саша (*неожиданно*). Какой ты все-таки дурак! Он же мне подарил эту ручку! А может быть, она шпионская? Специальная! Может быть, он мне ее по ошибке подарил? Вот будет дело!

Сергея и Саша бросаются к столу и начинают перебирать разобранные части ручки.

Что нам теперь с ней делать? Ее надо немедленно куда-нибудь сдать! В милицию или лучше в Госбезопасность? Пусть там на нее посмотрят в микроскоп!

Сергея. Спокойно! Только без паники. Твой папа знает, что у тебя была эта ручка?

Саша. Нет. Про значок знает, а про ручку не знает. Он ведь мне еще значок подарил. Значок, пожалуй, нужно тоже куда-нибудь сдать. Ну и попался же я с этим иностранцем! Не знаю, что делать! И я еще эту шпионскую американскую ручку обменял

на советский орден! (*Достает из кармана орден и отдает его Сереже. Тот зажимает орден в кулаке.*)

В комнату входят Шарыкин и Травкин. Ребята умолкают. Сережа молча пытается собрать ручку по частям.

Большая пауза.

Травкин приглядывается к ребятам. Шарыкин подходит к столу, выдвигает ящик и начинает в нем что-то искать. Сережа тревожно поглядывает в его сторону.

Шарыкин. Сережа! В этом ящике лежал мой орден Отечественной войны. Ты его случайно не видел?

Сережа разжимает кулак и протягивает отцу орден.

Сережа (*дрогнувшим голосом*). Вот он, папа! Я его показывал Саше...

Шарыкин (*берет из рук Сережи орден*). Показывал Саше?..

Пауза. Ребята переглядываются в тревоге.

Сережа! А ты знаешь, за что я его получил?

Сережа (*дрогнувшим голосом*). Нет, папа! Ты же мне никогда ничего не рассказывал...

Шарыкин (*помолчав, в раздумье*). Вызываю огонь на себя...

Занавес

1964

ПЕРВАЯ ТРОЙКА, или год 2001-й

*Героическая феерия в двух частях, семи картинах,
с двумя интермедиями*

Светлой памяти Юрия Гагарина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Федя Дружинин
Вадим Гонтарев
Наташа Печатникова } школьники, 12–14 лет.
Дружинина Зоя Петровна, Федина бабушка.
Титов Герман Степанович, летчик-космонавт, Герой Советского Союза. По воле автора пьесы, начальник Главного управления Межпланетных сообщений СССР.
Артамонов Артем Иванович, академик.
Павловский, председатель горкома комсомола.
Леночка, секретарша.
Ричард Вуд, корреспондент американской газеты «Уоркер».
Первая девочка.
Вторая девочка.
Диктор телевидения.
Работник космической службы.

Действие происходит на Советской земле и в космосе в начале XXI века. В пьесе частично использованы записи бесед с крупнейшими советскими учеными, обобщенные журналистом В. Губаревым в книге «Человек, земля, вселенная».

Консультант летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза полковник Алексей Леонов.

Премьера спектакля состоялась 19 марта 1970 года в Центральном детском театре.

МАРШ ЮНЫХ КОСМОНАВТОВ

Таинственны звездные дали,
И цель наша: их разгадать!
Луну космонавты достали,
А мы будем дальше летать!

К далеким планетам пути пролегли —
По трассам Вселенной летят корабли.
По трассам Вселенной ведут корабли
Отважные люди Земли.

Всегда и во всем, пионеры,
Добьемся всего, что хотим!
Ведя космоплан на Венеру,
На Марс по пути залетим!

К далеким планетам пути пролегли —
По трассам Вселенной летят корабли.
По трассам Вселенной ведут корабли
Отважные люди Земли!

Свой подвиг Отчизне подарим!
Не струсит у нас ни один!
Нам служит примером Гагарин —
Великой страны гражданин!

К далеким планетам пути пролегли —
По трассам Вселенной летят корабли.
По трассам Вселенной ведут корабли
Отважные люди Земли!

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Просторная комната в квартире Дружининых. Во всю стену — окно зеркального стекла, а за ним, в зелени садов и скверов, — новый район города, застроенный необычно красивыми зданиями новейшей архитектуры.

В комнате удобная, современная мебель, большой радиотелевизионный и телефонный комбайн. Над диваном фотография военного летчика — отца Феди Дружинина.

В момент поднятия занавеса сцена пуста, затем слышны голоса, и в комнату вбегает Федя. За ним входят Наташа и Вадим. Федя подбегает к столу и залпом выпивает несколько стаканов воды из графина.

Наташа (Феде). Смотри, лопнешь!

Федя. Пусть. *(Отдышавшись.)* Последнее слово все равно будет за мамой. Это уж проверено... Это уж будьте спокойны...

Наташа. В конце концов, мы с Вадиком тоже не безмамные.

Вадим. А в нашей семье все папа решает. Но тут и мама не возражала. Мы с ней всегда находим общий язык.

Федя. В родительском вопросе нет мирового стандарта, а сознание многих пап и мам, несмотря на стремительное развитие науки и техники, все еще остается на уровне шестидесятых годов прошлого столетия. Моя мамуля — это моя мамуля! Со всеми особенностями! Я для нее единственный и неповторимый. У нее вся жизнь во мне, как она говорит...

Наташа. Она знала, что ты принимал участие в конкурсе?

Федя *(пожимает плечами).* Разговора на эту тему не было.

Наташа. Так что же ты, скрыл?

Федя. Почему обязательно «скрыл»? Не скрывал и не афишировал. У меня никто ничего не спрашивал.

Вадим. Твоя мама, выходит, и радио не слушает, и телевизор не смотрит. Ведь заключительный тур передавался по Всемирному радио и телевидению.

Федя. Она не любит смотреть телевизор. Она говорит, что от этого у всего человечества испорчено зрение.

Вадим. Я убежден, что все уладится. Не будет же она лишать тебя такого исключительного удовольствия. Все-таки это не обычная экскурсия.

Федя. Все это так... Все это верно... Но тут нет места логике. Нет места здравому смыслу. Здесь играют роль эмоции и инстинкты! Моя мама — мама! В полном смысле этого слова. Вы же ее не знаете! Познакомьтесь — поймете!

Вадим (*мечтательно*). Не исключена возможность, что в день нашего старта «Пионерская правда» выйдет на всех языках мира и нам посвятят целый номер газеты. Это же как-никак событие мирового значения!

Наташа. Честно говоря, я не очень-то надеялась. Больше всего боялась за астронавигацию. А ты, Вадик, за что боялся?

Вадим. За радиоэлектронику и немножко за небесную механику.

Федя. А я за маму, только за маму... Боялся и боюсь!

Вадим. Не смейся! Что говорить, проверочка была основательная: шесть академиков, три доктора наук, два генерала авиации. И все спрашивают, все проверяют... Одним словом, нам здорово повезло.

Наташа. Основные баллы выставлялись по технической и физической подготовке. Были ребята, которые отлично прошли по всем дисциплинам, а вот по испытаниям в Центральной лаборатории получили оценку «минус».

Федя. Представляете, как будет обидно, если моя мама упрется. Что тогда? Что тогда, я вас спрашиваю?

Вадим. Тогда твое место может занять болгарский пионер Асен Босев. Он из следующей тройки! То ему своей очереди еще ждать, а так он полетит в первый рейс.

Федя. Я этого не переживу.

Наташа. Федя! Зачем ты нас к себе пригласил?

Федя. Как идейное подкрепление... Познакомить с мамой...

Наташа. Как зовут твою маму?

Федя. Анна Захаровна.

Вадим. Да, ребятки! Говорят, нас уже завтра должны вызвать к Герману Степановичу Титову. Он будет с нами проводить собеседование.

Федя. Сколько же ему сейчас лет?

Вадим. Наверное, лет семьдесят с небольшим. Но он бодро выглядит. Я его несколько раз видел.

Наташа. Подумать только! Второй советский космонавт...

Федя. Сорок лет тому назад! На заре космонавтики!
Вадим. Он, можно сказать, первооткрыватель! Сразу
после Гагарина.

Наташа. Кстати, кто знает, когда мы к нему пойдём,
что нужно иметь на руках, кроме дипломов?

Вадим. Письменное согласие родителей.

Федя (*мрачней*). Ну вот, ещё и письменное. Напишет
она... ждите.

Мелодичный звонок в передней. За ним второй, третий.

Наташа (*вопросительно смотрит на Федю*). Мама? Да?

Федя (*растерянно*). Она! Ребята, не забудьте: Анна
Захаровна! Анна Захаровна! И только не сразу!
Не сразу! Постепенно! А то она не переживет!
(*Выбегает открыть дверь.*)

Вадим (*Наташе*). Последнее испытание!

В комнату стремительно входит Федина бабушка. За ней
появляется растерянный Федя.

Дружинина (*с порога*). Твоя мать ещё с ума не сошла!

Федя (*робко*). Послушай...

Дружинина. И слушать не хочу!

Федя (*умоляюще*). Я тебе не успел сказать...

Дружинина. Радио было со мной откровеннее, чем
родной, близкий человек. Я все знаю: «Первая
тройка!», «Победители Всемирного детского косми-
ческого конкурса!», «Сто пятьдесят тысяч участни-
ков!» Мне всё известно! Не пушу! Ни за что!

Федя. Пойми...

Дружинина. Не пушу! Я же сказала! И не думай!
Выбей себе это из головы!

Наташа (*деликатно*). Вы меня, пожалуйста, извините,
Анна Захаровна...

Федя (*хватается за голову, шепчет*). Зоя Петровна!
Зоя Петровна!

Наташа и Вадим недоуменно переглядываются.

Наташа (*невозмутимо*). Анна Захаровна! Вы напрасно
так боитесь. Это же лететь не куда-нибудь в полную
неизвестность, а на Марс! Взрослые туда летают?
Летают!

Дружинина. Ну и пусть себе летают! Мало ли куда
они летают теперь? А ему нечего там делать.
Вырастет — пусть летает куда хочет. Когда меня уже

в живых не будет. А вы, собственно говоря, почему заступаетесь? Я вас вообще первый раз вижу. А потом, зовут меня Зоя Петровна, а не Анна Захаровна.

Федя (*обретая дар речи*). Бабушка! Познакомьтесь, пожалуйста! Это — Наташа Печатникова из Киева и Вадим Гонтарев из Челябинска. Ребята! Это моя бабушка!

Дружинина (*не сразу*). А вы — первая тройка?

Федя. Да. Это мы. И я как раз третий!

Дружинина (*приглядываясь к ребятам*). Вы, стало быть, тоже собрались на Марс? И вас дома отпускают?

Наташа. Конечно. Наши родители не против. Ведь в этом соревновании участвовало более двадцати пяти тысяч советских ребят, не считая ребят других стран. А победило всего шесть человек. И мы — в первой тройке! Это что-нибудь да значит!

Дружинина. Нет, как вам это нравится! Если бы я сегодня утром не включила радио, я так бы ничего и не узнала! (*Поясняет.*) Я ведь живу теперь одна, за тридевять земель... Пришлось взять первый же космолет и прилететь сюда, чтобы образумить внука. Как могла ему прийти в голову эта безумная мысль — лететь на Марс? Уверена, что мать его не пустит. Так рисковать!

Вадим. В настоящее время космические полеты совершенно безопасны.

Дружинина. Кто это вам сказал?

Вадим. Общеизвестно.

Федя. Бабуся! Ты себе не представляешь, какая это техника! Какая совершенная аппаратура! На Марсе нас встретят, все нам покажут и отправят обратно на Землю! Земля — Марс — Земля! Все будет о'кей!

Дружинина. Я даже не представляю, сколько туда километров!

Наташа (*быстро*). Двести двадцать семь миллионов километров с хвостиком.

Вадим. Хвостик — восемьсот тысяч километров, но это уже не имеет большого значения.

Дружинина (*хватается за голову*). Боже мой! Какая даль!

Федя. Но это же не на космолете лететь! Тут совсем другая скорость!

Дружинина (*решительно*). Нет, нет и нет. Так далеко одного я тебя не пушу!

Вадим. Почему одного? Нас же будет трое!

Дружинина. Вы не в счет. Вы — дети.

Наташа. Анна Захаровна! (*Поправляется.*) Зоя Петровна! Это кажется, что далеко. Марс не какой-нибудь необитаемый остров в океане. Там живут наши люди. Осваивают планету.

Дружинина. Кто только выдумал эту экскурсию?

Вадим. Международный комитет детей и юношества.

Федя. Для советских школьников это большая честь побывать на Марсе первыми.

Наташа. Быть в полном смысле слова пионерами.

Дружинина. Если бы твой отец при жизни мог себе это представить...

Федя (*убежденно*). Бабуся! Неужели он бы меня не пустил? Папа ведь сам был космолетчиком! Вот ты за меня так боишься, а погибнуть можно ведь и на Земле — попасть под какой-нибудь автомобиль на воздушной подушке!

Телефонный звонок. Дружинина энергично снимает трубку с аппарата, вмонтированного в комбайн. На большом экране телевизора возникает крупным планом лицо интеллигентного человека в роговых очках.

Дружинина. Алло! Я вас слушаю. Кто говорит?

Вуд (*по-русски, с иностранным акцентом*). Это Москва? Квартира Дружининых?

Дружинина. Да, да! Вас слушают.

Вуд (*вежливо*). Добрый вечер! (*Поправляется.*) Простите, я хотел сказать: добрый день! Госпожа Дружинина... (*поправляется*) ... товарищ Дружинина! С вами говорят из Вашингтона. Корреспондент американской коммунистической газеты «Уоркер» — Ричард Вуд. Я обращаюсь к вам в связи с предстоящим первым полетом трех советских школьников на планету Марс. Как нам стало известно, ваш сын Федор Дружинин вошел в первую тройку победителей. Это верно?

Дружинина. Да. Это так. Только это не мой сын, а мой внук. С вами говорит его бабушка. Его матери сейчас нет дома. Вы меня видите?

Вуд. Конечно, вижу.

Дружинина. Я вас тоже...

В уд. Простите. (*Помолчав*). Все наши газеты печатают сегодня на своих первых страницах сообщение о полете первых советских детей на Марс и портреты первой тройки, а также их биографии.

Дружинина. Уже печатают?

В уд. (*продолжает*). Да. Все газеты. Американские школьники, впрочем, как и дети всего мира, поздравляют своих юных советских друзей и шлют им свой братский, международный привет. Каждый ребенок Америки хотел бы быть сегодня на их месте. Не могли бы вы нам ответить на один вопрос? Будьте любезны, если это возможно!

Дружинина. На какой вопрос?

В уд. Нам известно, что Федор Дружинин — сын Героя Советского Союза летчика-испытателя космолетов. Это правда?

Дружинина. Да. Это правда.

В уд. Что бы вы могли, как мать героя и как бабушка Федора Дружинина, передать миллионам читателей нашей рабочей газеты? Вы меня поняли? Должен я повторить вопрос?

Дружинина. Не надо повторять. Я вас поняла. Я не глухая.

В уд. Я записываю.

Дружинина. Передайте, что я горжусь своим сыном (*неожиданно для самой себя*) и внуком...

В уд. Благодарю вас. Большое спасибо, товарищ Дружинина! Желаю счастья вашей семье!

Экран гаснет. Лицо человека в очках исчезает. Дружинина опускает трубку на рычаг и медленно садится.

Дружинина (*после паузы*). Так сколько же все-таки километров до вашего Марса?

Федя (*осторожно*). Двести двадцать семь миллионов восемьсот тысяч километров!

Дружинина (*неожиданно*). Только со мной!

Федя. Бабушка! Но ты же не прошла конкурс.

Дружинина. Ну и что из этого? Физически я совершенно здорова. Я ведь до сих пор плаваю, ныряю, прыгаю, бегаю и танцую! Управляю автомобилем! В конце концов, я вам могла бы пригодиться в этом путешествии. Кто вами занимается? От кого это зависит?

В передней раздается мелодичный звонок.

Федя. Это мама! Бабуся! Уговори ее! Умоляю! Ты одна можешь! Пожалуйста!

Наташа. Мы вас тоже просим. Очень просим!

Вадим. Теперь, после того как вы дали такое интервью корреспонденту американской газеты, — отступление уже невозможно!

В передней продолжают мелодичные звонки.

Дружинина (Феде). Да открой же матери дверь! Открой!

Федя выбегает. Все молча ждут...

Гаснет свет.

ИНТЕРМЕДИЯ ПЕРВАЯ

Появляются две девочки. В руках у них большие цветные записные книжки.

Первая девочка. Ты думаешь, она тоже станет известной личностью?

Вторая девочка. Безусловно. Она же его бабушка.

Первая девочка. Может быть, взять автографы вообще у всех его родственников?

Вторая девочка. Начнем пока с бабушки.

Первая девочка. Ты к ней подходишь и спрашиваешь: «Который час?»

Вторая девочка. Нет, я лучше спрошу, как куда-нибудь пройти...

Появляется Дружинина.

Дружинина. Девочки! Вы не знаете, как мне пройти в Главное управление Межпланетных сообщений и который сейчас час?

Девочки растерянно переглядываются.

Вы знаете, кто я такая?

Первая девочка (робея). Знаем. Вы бабушка Феди Дружинина.

Дружинина. Как вы догадались?

Вторая девочка. Мы не догадались, нам дворник сказал.

Первая девочка. И потом, вы очень на него похожи.

Дружинина. На дворника?

Первая девочка. Нет, на вашего внука. Вы, наверное, им очень гордитесь.

Дружинина. Не скрою. Приходится.

Вторая девочка. Вы на нас не рассердитесь, если мы к вам обратимся с одной просьбой?

Дружинина. Вы хотите, чтобы я вас с ним познакомила?

Первая девочка. Нам было бы очень приятно с ним познакомиться, но сначала мы хотели бы...

Вторая девочка. ...чтобы вы расписались у нас в этих альбомах.

Дружинина. Зачем?

Первая девочка. Просто так. Как бабушка героя.

Дружинина. Ну что ж... Я распишусь! Я сама когда-то собирала автографы знаменитостей. У меня есть автограф первого космонавта Юрия Гагарина. Он расписался на своей фотографии. Это было сорок лет тому назад. *(Расписывается в альбомах.)*

Первая девочка *(смотрит на автограф)*. Поразборчивей, пожалуйста!

Дружинина. Я тут для ясности в скобочках написала: «Бабушка Феда Дружинина. Июль. 2001-й год».

Первая девочка. Большое спасибо.

Дружинина. Так где же тут все-таки это Главное управление? Мне сказали, что за углом. А угла никакого нет!

Вторая девочка. Может быть, там? *(Показывает.)*

Первая девочка. Пойдемте посмотрим!

Все уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кабинет начальника Главного управления Межпланетных сообщений Г. С. Титова. На стене портрет Юрия Гагарина. Карты Луны, Венеры, Марса. Большой глобус. Модели космолета и космоплана. Сложная аппаратура связи. В момент поднятия занавеса Титов беседует с Артамоновым. На коленях академика лежит теннисная ракетка в чехле.

Артамонов. Как я вам уже сказал, Герман Степанович, готовится решение Правительства о направлении в Марсианск специальной группы астрогеологов, поскольку на Марсе обнаружены чрезвычайно ценные металлы, которых мало на Земле. Необходимо получить более точные данные об этих запасах.

И что для нас особенно привлекательно: эти металлы, представьте себе, чуть ли не в чистом виде! В наших земных условиях, как вы знаете, получить чистый металл крайне трудно, а тут, очевидно, их выплавка в процессе мироздания осуществлялась естественным путем.

Титов. Выходит, Артем Иванович, не за горами то время, когда наша металлургия из промышленности, обслуживающей космос, может стать потребителем космического сырья?

Артамонов. И мы сможем использовать сырье прямо на месте, а не возить его с Земли. Вот, Герман Степанович, до каких времен мы с вами дожили! А ведь я отлично помню тот исторический день: полет вашего друга Юрия Гагарина.

Титов (*серьезно*). Жаль, что он не дожил до наших дней. В Марсианске собираются установить памятник первому космонавту. И правильно. Юрий заслужил его не только на Земле.

Артамонов (*помолчав*). Герман Степанович! А как вам нравится вся эта затея с юными космотористами? Я ведь как член советской секции Большого жюри экзаменовал наших кандидатов на это сверхвысотное путешествие. Талантливые ребята! «Первая тройка», как их теперь называют. Лет тридцать тому назад любому из них можно было, пожалуй, присвоить звание кандидата наук. Разбираются во всех научных проблемах, и вполне профессионально... Меня просто удивляет логика их мышления и глубина знаний. Когда вы предполагаете осуществить этот необычный рейс? Он ведь, насколько я понимаю, не входит в расписание ваших рейсовых полетов?

Титов. Вычислительный центр укажет точную дату. Нужно подобрать момент старта с учетом взаимного расположения Марса и Земли в Солнечной системе.

Артамонов. Чтобы в момент прохождения Марса через перигелий угол Земля — Марс был равен 37 градусам?

Титов. Вот именно. Нужно выбрать такую конфигурацию Земля — Солнце — Марс. Вот такие-то дела, Артем Иванович...

Артамонов. Ну что ж... Дела хорошие. Каждое утро просыпаюсь и думаю: «Что день грядущий нам

готовит?» Да-а... Человек теперь властелин Вселенной и нет силы, способной остановить его!

Титов. Вот уже получил разрешение на полет первой тройки.

Артамонов. Мне, признаться, по душе это мероприятие. То, о чем я в своем далеком детстве мог только мечтать, теперь для детей — действительность. Человек с планеты Земля стал жителем Солнечной системы. Еще лет тридцать тому назад был бы невозможен, к примеру, такой диалог: «Где вы прописаны?» — «На Земле». — «А где вы работаете?» — «На Марсе»... А сегодня такой диалог вполне реален. Чудеса!

В раскрытое настежь окно кабинета доносится далекий рев какого-то животного.

(*Прислушивается.*) Кто это там ревет?

Рев повторяется.

Титов (*улыбнувшись*). Последние цари на Земле! Львы! Тут недалеко зоопарк. Сейчас время кормления зверей, вот они и предвкушают...

Звучит зуммер. На большом экране аппарата «Секретарь» вспыхивает свет. Появляется лицо Леночки.

Леночка. Герман Степанович, извините! В приемной первая тройка. Вы просили доложить, когда они придут.

Титов. Пусть заходят. (*Академику.*) Если вы, Артем Иванович, никуда не торопитесь, останьтесь ненадолго. Проведу с ребятами небольшое собеседование.

Артамонов. К сожалению, не смогу. У меня в 15.00 тренировка.

Титов (*улыбаясь*). Простите, Артем Иванович, сколько вам лет? Извините за нескромный вопрос.

Артамонов (*смеется*). Не угадаете! Сто десять лет, Герман Степанович. Сто одиннадцатый пошел! С тех пор как изобрели наш отечественный препарат долголетия «жизнеин», возраст, как видите, не имеет уже значения! Вчера с олимпийцем Ваней Петренко сыграл вничью! Вызываю вас на корт! Вы-то в теннис играете?

Титов (*улыбаясь*). Играю, Артем Иванович! Играю.

Входят дети.

(*Пожимая ребятам руки.*) С академиком Артамоновым вы, ребята, кажется, уже знакомы?

Наташа. Конечно, знакомы.

Артамонов (*здороваясь с детьми*). Знакомство было не из приятных.

Федя. Наоборот. Нам было очень приятно.

Артамонов. Не скрою, мне тоже доставило удовольствие общение со столь образованными собеседниками. Я имею в виду ваши знания по астронавигации. Доказательство этому — моя запись в ваших дипломах. (*Всем.*) Я прощаюсь. Желаю успехов! Летите, голуби! Летите! (*Выходит.*)

Титов. Располагайтесь, голуби! (*Показывает на кресла.*)

Все садятся.

(*Не сразу.*) Ну, так что ж... Значит, летим на Марс? Так, что ли? Земля уже надоела?

Федя. Земля не может надоест.

Наташа. Мы ведь не насовсем...

Титов. Да уж возвращайтесь, пожалуйста!

Вадим. За нами дело настанет.

Титов. Ну, а как насчет согласия родителей? Благословляют?

Ребята протягивают бумаги. Титов рассматривает их.

Наташа (*объясняет*). У нас по две подписи, а у него (*показывает на Федю*) только одна. У него нет отца.

Титов (*серьезно*). Я знаю.

Федя. У меня тоже две подписи. Одна — бабушкина.

Титов (*отложив в сторону бумаги*). Итак, друзья, путешествие вам предстоит необычайное и не из ближних...

Наташа. Мы знаем.

Титов. А что еще вы знаете?

Наташа (*опешив*). В каком смысле, что еще?

Титов. Знаете ли вы, когда и как вы полетите?

Вадим. Об этом мы догадываемся.

Титов. Поделитесь со мной своими догадками.

Наташа. Наименьшее расстояние между Марсом и Землей бывает в момент великих противостояний.

Титов. Точно.

Наташа. Последнее противостояние произошло в марте прошлого года.

Титов. И это верно. Произошло. В марте прошлого года.

Наташа. Тогда расстояние Земля — Марс было равно всего девяноста шести миллионам километров. Выходит, мы опоздали!

Титов. Что поделаешь! Можно, конечно, ждать следующего противостояния...

Федя. Долго ждать придется. Следующее будет лет через пятнадцать — семнадцать?

Наташа. Можно задать вопрос?

Титов. Конечно. Конечно, задавайте любые вопросы! Чтоб не осталось ни одного невыясненного!

Наташа. Практически наш полет зависит сейчас от рационального выбора траектории перелета вне сфер действия планет.

Титов. Вот именно. Этими расчетами мы как раз сейчас и занимаемся.

Наташа. Сколько времени мы будем в пути? Приблизительно.

Титов. Итак, путь туда и обратно, с тем, чтобы некоторое время пробыть на Марсе, займет ориентировочно около двух лет... Вы со школой все уладили?

Вадим. Мы досрочно сдали все выпускные экзамены и фактически окончили школу.

Титов. Прекрасно. Ну, а что вы знаете о самом Марсе?

Ребята недоуменно переглядываются.

Наташа. Мы все о нем знаем. Пожалуйста! Марс старше Земли на несколько миллиардов лет. Климат там очень суровый. Его атмосфера сильно разрежена и в большей своей части состоит из азота, углекислоты и небольших долей пара и озона. Днем на Марсе тепло...

Вадим (*продолжает*). ...а ночью очень холодно. Поэтому условия для жизни людей с Земли тяжелые, но... все равно нам очень интересно там побывать и все увидеть своими глазами.

Титов. А что вы знаете о Марсианске?

Федя (*вдохновенно*). Марсианск — это поселок, построенный советскими строителями, инженерами и учеными... Он находится под гигантским сферическим куполом. Под этим самым куполом создана искус-

ственная «земная атмосфера», потому что на Марсе почти нет кислорода, а людям надо жить и работать в условиях, приближенных к земным. В различных частях поселка стоят специальные установки, разлагающие углекислый газ на углерод и свободный кислород...

Вадим (*продолжает*). А в толщине купола вмонтированы миллионы полупроводников, которые днем запасаются энергией от Солнца, а ночью отдают ее городу.

Наташа. Дома там круглые, из прозрачного материала и весят всего несколько десятков килограммов.

Титов. А почему так?

Вадим. Вы же знаете, Герман Степанович, что марсианское притяжение в несколько раз меньше земного, и поэтому строительные конструкции легче земных.

Титов. Я вижу, друзья, вы хорошо подготовились. А теперь позвольте я вам расскажу, как вы полетите. Подойдите-ка сюда! (*Выходит из-за стола, подходит к модели космолана. Ребята становятся рядом.*) Вот, посмотрите! Перед вами — космолан. На таком же и вы полетите. Он будет вашим домом и вашим транспортом. При подлете к планете назначения космолан при помощи тормозных двигателей замедлит движение и станет спутником планеты. В данном случае планеты Марс. Ясно?

Ребята. Ясно...

Титов. Вы понимаете, что нет никакой необходимости в том, чтобы корабль опускался на поверхность планеты?

Федя. Для этого понадобился бы слишком большой расход топлива.

Титов. Молодец! На Марс вас доставит специальная посадочная ракета, и она же доставит вас обратно на космический корабль.

Наташа. Космолан станет спутником Марса, а потом состыкуется с посадочной ракетой?

Титов. Правильно. Затем вы перелетите с орбиты искусственного спутника Марса на околоземную космическую станцию, и уже тогда вас будет принимать Земля. Управлять космоланом будет служба Земли. Вас отвезут и привезут. Но вы, конечно, не пассивные пассажиры! Ваши личные

технические навыки в пределах необходимого обеспечат вам радио и телесвязь с Землей в течение всего полета. Вы будете принимать команды с Земли и точно следовать всем указаниям. Соответствующие знания в этой области у вас есть. Важно, чтобы вы сами обеспечили себе на корабле хорошую атмосферу моральной связи — дружескую солидарность и взаимопонимание. Лететь вам вместе не один день и не два... Вы давно знаете друг друга?

Федя. Порядочно. Уже два года.

Вадим. Мы познакомились и подружились во время конкурса.

Титов. Дело в том, друзья, что личные контакты во время такого длительного полета в условиях тесного космического общежития — весьма немаловажный фактор. В космосе вы должны быть лучше, чем на Земле. Характеры-то у вас, надеюсь, покладистые?

Наташа. Как будто. Мы друг другу не завидовали.

Федя. Помогали...

Титов. Здоровье у вас отличное. Знания совершенные. Все необходимые испытания вы прошли на «отлично». Что еще? Теперь ждите старта! Будьте готовы!

Ребята. Всегда готовы!

Титов провожает ребят. Вернувшись к своему рабочему столу, Титов включает аппарат связи.

Титов. Аркадий Сергеевич! Как там у нас обстоит дело с отправкой оборудования на Марс?

Мужской голос. Вчера ушла третья ракета. Через неделю посылаем еще пяток.

Титов. Держите меня ежедневно в курсе дел.

Мужской голос. Хорошо, Герман Степанович!

Титов. У вас ко мне ничего нет?

Мужской голос. Когда вы намечаете нулевой старт?

Титов. У вас там все в порядке?

Мужской голос. Светотехнические неполадки устранены. Аппаратура действует нормально.

Титов. Ждите указаний.

Мужской голос. Есть ждать.

Титов подходит к стене, на которой висит карта Марса. Задумывается.

Гаснет свет.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Этой картине предшествует проход наших героев по авансцене по направлению к предполагаемой стартовой площадке. Ребята в костюмах космонавтов. Их сопровождает работник космической службы. Затем по радио звучит команда:

«Всем покинуть стартовую зону! Повторяю: всем покинуть стартовую зону! Приготовиться к старту! Убрать фермы обслуживания!.. Одна минута до старта... Тридцать секунд... десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... две... одна... Старт!»

Вступает музыка. Ее тревожное, бурное начало, характеризующее старт космолана, переходит в плавное звучание космического полета...

Перед зрителями возникает комфортабельная кабина космического корабля конструкции начала XXI века. Сложная автоматическая аппаратура космолана находится в действии — мигают и зажигаются разноцветные лампочки, по шкалам бегут светящиеся строчки цифр и формул. Юные космонавты прильнули к большим иллюминаторам.

Наташа. Как красиво! Как в сказке! Ребята! Помните выставку космических пейзажей космонавта Алексея Леонова? Точно как у него!

Федя. Ничего удивительного. Он же почти с натуры писал.

Наташа. Не с натуры, а по памяти. Во время полета он не мог рисовать! *(Восклицает.)* Ой! Что это пролетело?

Вадим. Это астероид!

Федя. Смотрите, смотрите! Протуберанцы!

Наташа. Здорово красиво! Просто потрясающе! А это? Что это?

Вадим. Искусственный спутник!

Федя. Не спутник, а межпланетная станция! А вон там спутник!

Наташа. Где? Где?

Вадим. Пролетел уже... Ребята! Время! Послушаем «Последние известия». *(Включает телерадио.)*

На экране возникает лицо диктора-женщины.

Диктор. Париж, Конгресс наций. Сегодня на утреннем заседании большинством голосов было принято предложение, внесенное от имени правительства Советского Союза советским представителем товарищем Столбовым, об открытии государственных границ во всех странах мира для беспрепятственного передвижения граждан Земли.

Вадим. Теперь покупай билет на космолет и лети в любую часть света! Здорово!

Диктор. Нью-Йорк. На днях сюда после трехмесячного пребывания на Луне возвратилась группа американских ученых во главе с профессором Генри Батлером. Марсианск. Советскими учеными, работающими по плану внеземных изысканий на планете Марс, обнаружены естественные запасы ценных металлов в чистом виде. Ведутся дальнейшие изыскания.

Вадим. Интересно, что за металлы?

Федя. Прилетите, узнаете.

Диктор. Передаем сводку погоды...

Вадим (*помолчав*). Странно, почему это о нашем полете ничего не передают? Ни слова.

Наташа. Может быть, ограничились только сообщением о нашем старте, а мы его пропустили? Федя, как ты думаешь?

Федя (*равнодушно*). Земле лучше знать, что сообщать, а что замалчивать.

Вадим. Какое сегодня число?

Федя. Восьмое августа.

Вадим. Вторую неделю летим.

Федя (*вздыхнув*). Да-а... Летим...

Вадим. Чего так тяжело вздыхаешь?

Федя. Так просто. Вздохнулось...

Наташа. Мне как-то не по себе...

Вадим. Может, ты простудилась? Смотри, Наташа, перезаразишь нас космическим гриппом.

Наташа. Я вообще не простужаюсь. Наверное, просто так... Немного понервничала.

Федя. У тебя-то какая причина нервничать?

Наташа. Так... кое-что вспомнила.

Вадим. Что именно? Поделись!

Наташа. Про своего Марсика. Как про него подумаю, так меня сразу в жар бросает. Просто не понимаю, как я забыла сказать маме, чтобы она отдала его дедушке на воспитание. Все-таки щенку всего три месяца. За ним нужен особый уход.

Федя. А за твоим дедушкой не нужен уход?

Наташа. Ничего. Он у меня старой закалки, как Герман Степанович! Как вы думаете, мы могли бы Марсика взять с собой? Жалко, мы не спросили! Помните, Титов говорил: «Задавайте вопросы!»

- А этот вопрос мы не выяснили. Интересно, что бы он нам ответил? Вдруг разрешил бы? Ведь летали же когда-то в космос Лайка и другие.
- Вадим.** Это было бы смешно: первый пес на Марсе! И к тому же — Марсик! Там ведь наверняка нет ни собак, ни кошек!
- Федя** (*мрачно*). Откуда ты знаешь? Может, уже развелись!
- Вадим.** А зачем они там? Мышей и крыс там нету, а марсиане народ мирный и честный, что им друг от друга сторожить?
- Наташа.** Совсем не обязательно держать собаку только как сторожа. Собака вообще друг человека. А кошек многие держат в доме не из-за мышей и крыс, а как средство против одиночества.
- Федя** (*неожиданно*). Какую вы ерунду мелете! Послушал бы сейчас Герман Степанович ваши разговорчики, он бы сделал выводы. Серьезные, образованные люди, а болтаете бог знает что! (*Наташе.*) Может, записать твои переживания в бортовой журнал? Сейчас как раз время записывать.
- Наташа** (*обиженным тоном*). Можешь записать.
- Федя.** Записываю. (*Записывает.*) «8-е августа 2001-го года 13.00 по московскому времени. Бортовая аппаратура работает нормально. Наташа Печатникова почувствовала легкое недомогание. Приведенные доводы: «Воспоминание о трехмесячном щенке системы...» (*Наташе.*) Какой системы?
- Наташа.** Не системы, а породы эрдельтерьер!
- Федя** (*записывает*). «...системы эрдельтерьер, по кличке Марсик, оставленном ею на произвол судьбы». Записал.
- Наташа.** Прочитал бы эту запись Герман Степанович, он бы сделал вывод, что космотурист Федор Дружинин тоже почувствовал легкое недомогание в области умственных способностей. Здесь! (*Стучит себя пальцем по лбу.*) Ну ладно, кормить мне все равно вас придется! Небось проголодались? Уже время обедать?
- Вадим.** Да, товарищ стюардесса-космодресса! Кормите!
- Наташа.** А вы включите радио!

Наташа достает продукты. Подает каждому специальный подносик с отделениями, в которых размещены тубики с концентратами пищевых продуктов. Все садятся на свои места,

располагаются в удобных креслах и едят. По радио звучит известная песня шестидесятых годов: «На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы».

Затмение.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Из затмения. Кабина космического корабля. Наташа, Вадим и Федя сидят на своих местах. Ведут наблюдения, делают записи.

Вадим (*отвлекаясь от приборов*). Химия — это один из четырех «китов» современной науки. Она давно вышла из младенческого возраста. Раньше она была экспериментальной, а сейчас химики проникают в мир первовещества, раскрывают механизм химических реакций!

Федя. Химия! Химия! А что она без математики? Химики вооружены самым мощным оружием — математикой! Нельзя открывать новые вещества и материалы случайно, их свойства заранее рассчитываются.

Вадим. Кто с этим спорит? Мой папа химик, и он всегда говорит, что в его работе главное — безукоризненно логичный математический расчет.

Наташа. Космические исследования немислимы без механики. Да. Небесная механика — это, так сказать, космический отдел математики. Я тоже думаю, что математика — это второй из четырех «китов», на которых держится вся современная наука.

Федя. Это уж точно...

Вадим включает музыку. Звучит приятная, успокаивающая мелодия. Бесшумно работает автоматика.

Наташа (*нарушая молчание*). Какое сегодня число? Пятнадцатое?

Вадим (*не сразу*). Пятнадцатое.

Наташа (*тихо*). Теперь уже ровно две недели летим.

Федя (*бормочет*). Летите, голуби, летите...

И вдруг раздается сигнал тревоги. Вспыхивает и гаснет красная лампочка. На световой блеск-схеме навигации один «квадратик» (астроориентатор) работает в проблесковом режиме. Вадим включает связь с Землей.

Наташа. Что там, Вадим?

Вадим (*отвечает Земле*). Я — «Пионер-1»! Слышу вас хорошо. Я вас понял.

Наташа. Что случилось?

Вадим (*стараясь оставаться спокойным*). Обнаружен отказ автоматической части системы навигации. Это может привести к отклонению от заданной траектории полета. Наташа! Уточни, пожалуйста, на вычислительной машине наши координаты.

Наташа подходит к секстанту, установленному у иллюминатора, и замеряет координаты звезд.

Наташа. Федя! Записывай! Созвездие Большого Пса: Альфа Пса — лимб 230° , сектор 30° , Бета Пса — лимб 220° , сектор 51° , Эпсилон Пса — лимб 180° , сектор 27° ...

Федя. За последние трое суток пятая тревога.

Наташа забирает у Феи боржурнал и начинает оперировать клавишами бортовой вычислительной машины.

Вадим. Странно. Я вообще ничего что-то не понимаю. То одно, то другое...

Федя (*напевает себе под нос*). Летите, голуби, летите...

Наташа (*взволнованно*). Ребята! Наши координаты не сходятся с расчетами!

Земля вызывает «Пионер-1».

Вадим. Я — «Пионер-1». Слышу вас хорошо.

Пауза.

Настроение экипажа?

Наташа (*подсказывает*). Бодрое! Бодрое!

Вадим (*Земле*). Настроение экипажа бодрое. Я вас понял: действовать согласно аварийной инструкции. Я вас понял... (*Выключает связь*.)

Федя (*спокойно*). Мы попадаем в аварийную обстановку. Отклонение больше чем на несколько метров в секунду.

Наташа. Вадим, ты слышишь?

Федя. Где-нибудь да сядем!

Наташа. Что ты говоришь?.. «Где-нибудь да сядем». Мы вообще можем оказаться неизвестно где в этом безвоздушном пространстве. Вы, пожалуйста, не подумайте, что я паникую. Я просто мыслю логически. Федя!

Федя. Ну, что тебе? (*Что-то записывает*.)

Наташа. Я всегда была уверена в том, что системы управления наших космических кораблей работают весьма надежно.

Вадим (*принимает команду Земли*). Я — «Пионер-1»! Слышу, вас понял хорошо. Принимаю команду Центра. (*Слушает.*) Я вас понял. Я вас понял. (*Выключает связь.*)

Наташа. Ну что? Какая команда?

Вадим (*спокойно и решительно*). Нас возвращают на Землю.

Наташа (*с удивлением*). Нас возвращают на Землю?

Вадим. Да. Наш полет прерывается по техническим причинам. Команда дана от имени Титова.

Наташа (*разочарованно*). Вот это да-а... Летели, летели и прилетели...

Федя. Еще не прилетели. Надо еще благополучно приземлиться. Ну ничего... Приземлимся...

Наташа. Федя! Я на тебя смотрю и удивляюсь!

Федя. Я весь во власти Земли! Что я могу сделать? Не могу же я выпрыгнуть из кабины и лететь на Марс самостоятельно!

Звездное небо внезапно гаснет.

Наташа (*неожиданно*). Ребята! Ребята! Смотрите! Что это? Мы остановились!

Приборы выключаются. Открывается крышка люка, и появляется голова работника космической службы.

Работник космической службы. Вылезайте, ребята! Приехали! Поздравляю с завершением последнего испытания!

Немая сцена.

Конец первой части.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Зоопарк. Солнечный день. Тенистые деревья. Яркие цветы. За ограждением видна часть острова, где живут львы. Время от времени из разных углов зоопарка доносятся голоса птиц и животных. Появляются две девочки.

Первая девочка. Честное слово, это они — первая тройка. Я их сразу узнала.

Вторая девочка. Давай пройдем еще раз мимо бегемотов. Они там стояли.

Первая девочка. И попросим дать нам автографы.

Вторая девочка. Но они же еще не слетали на Марс!

Первая девочка. Но они уже знаменитые! Это же первая тройка!

Проходят. Сцена некоторое время пуста. Затем появляются Вадим, Наташа и Федя. Ребята садятся на скамью. Наташа подходит к ограждению.

Наташа *(после паузы)*. Лев спит...

Вадим. Нарочно закрыл глаза, чтобы не видеть любопытных посетителей.

Наташа *(присматривается)*. Храпит.

Вадим. Притворяется.

Наташа. Спит. *(Садится рядом с мальчиками.)*

Вадим *(помолчав)*. Называется: запустили! Вместо Марса в зоопарк! Спасибо, что не в клетку!

Наташа. А мы фактически были в клетке. Только мы были не львами, а подопытными кроликами. Выращивали космические помидорчики, ждали космических огурчиков, смотрели в иллюминатор, а нас, дурачков, просто-напросто разыгрывали. И не час, не два, а целых две недели. За окошечком то голубое, то розовое... Вспоминать противно!

Вадим. Но надо им отдать должное. Все было хорошо продумано: и работа приборов, и ощущение невесомости, и световые эффекты, приближенные к реальной космической обстановке. Здорово! Ничего не скажешь!..

Наташа. И все равно обидно. Неужели нельзя было обойтись без этого цирка? Непонятно, чего они только добивались?

Федя. Они проверяли нас на дружбу и товарищество в условиях космического общежития.

Вадим. Жестокая проверка. Мы же никуда не отрывались от Земли. Что ж тут шуметь на весь свет?

Наташа. А помните момент старта? У меня было полное ощущение, что мы оторвались и летим!

Вадим. Да, эффект был потрясающий. Вот что значит совершенная техника. Кто бы мог подумать, что все это понарошку.

Наташа. Имитация. Да еще какая! Бессовестная! Я

думаю, что они зря тратили на это время и силы. Нас можно было запустить на Марс, не прибегая к таким обманам. И вообще... выходит, что они нам не доверяли. Федя! Что ты все время молчишь?

Федя. Говорят ведь: «Доверяй, да проверяй!» Вот они и проверяли.

Наташа. Так проверять нечестно.

Федя. Почему? Они хотели понаблюдать, как мы будем себя вести в аварийной обстановке.

Наташа. И все?

Федя (*продолжает*). Как мы общаемся друг с другом. Помнишь, Титов сказал, что личные контакты в условиях длительного полета немаловажный фактор. Представим себе, что начали бы ссориться из-за пустяков. Не говоря уже о серьезных вещах.

Вадим. Ну и что было бы? Нас бы отстранили от полета?

Федя. Не исключаю. В земных условиях это проверить было бы трудно. Вот они и создали нам космические.

Наташа. Космические... Надеюсь, мы выдержали проверку?

Вадим. Надеюсь.

Наташа. И теперь мы уж полетим по-настоящему, или они нам еще что-нибудь подстроят?

Федя. Вот уж тут я ничего не могу предвидеть.

Появляются две девочки. Они, как бы никого не замечая, подходят к ограждению.

Первая девочка (*читает вслух надпись на табличке*). «Лев, кличка Лунатик. Редкий экземпляр. Подарен Московскому зоопарку Всеафриканским союзом охотников в 1987 году».

Вторая девочка. Он что, спит или умер?

Первая девочка. По-видимому, послеобеденный сон. Он же дышит.

Вторая девочка. Интересно, чем его кормят?

Первая девочка. Кроликами. (*Первой тройке.*) Ребята! Вы не знаете, он скоро проснется?

Вадим. Мы сами ждем.

Вторая девочка. А разбудить его нельзя?

Вадим. Там же написано: «Просьба животных во время сна не тревожить!»

Первая девочка (*второй*). Тогда пойдем к обезьянам! Может быть, они не спят. Ты слышала,

на Венере обнаружены колоссального размера животные, похожие на наших крокодилов!

Вторая девочка. Что ты говоришь?

Уходят.

Наташа. Вы думаете, их этот дремучий лев заинтересовал? Просто они нас узнали. Сейчас вернутся и попросят автографы. Вот увидите!

Федя. Да. Конечно. Они нас узнали.

Вадим. Я очень красиво расписываться научился.

Наташа. Не дури! Нет, правда, когда же мы полетим по-настоящему?

Вадим. Сегодня, наверное, узнаем. Ребятишки, а мы не опаздываем? Который час?

Федя. Без десяти три.

Вадим. Титов назначил нам прийти в 15.30. Время еще есть.

Наташа (*кивает в сторону спящего льва*). Может, он все-таки проснется?

Федя. А почему тебе так хочется, чтобы он обязательно проснулся? Пусть себе спит на здоровье и смотрит свои африканские сны.

Наташа. Я хотела бы заглянуть ему в глаза.

Вадим. Ну и что бы ты в них увидела?

Наташа. Мне бы хотелось посмотреть на их выражение. Что они выражают: благодарность судьбе или тоску по свободе? Все-таки уже тринадцать лет в заточении.

Вадим. Не в заточении, а в условиях, приближенных к африканскому пейзажу: песок, скалы... И потом, «бытие определяет сознание». Его кормят, и он счастлив — не нужно охотиться.

Федя (*неожиданно*). Ребята! Я должен вам сказать что-то очень важное.

Наташа. Да ну? Неужели?

Федя. Честное слово!

Вадим. А что именно?

Федя. Очень важное.

Наташа. Сообщить какую-нибудь новость?

Федя. Да, новость.

Вадим. Говори. Не интригуй!

Федя (*серьезно*). Вы должны сначала дать клятву, что на меня не обидитесь!

Вадим. Клятву? Какую еще клятву?

Федя. Поклянитесь самым дорогим!

Вадим. Что это еще за глупости!

Федя. Это не глупости. Это касается нас всех.

Наташа. Ты хочешь сказать, что мы вообще никуда не полетим? Что полет отменен? Марса не будет?

Вадим. Это связано с нашим стартом?

Федя. Отчасти.

Вадим. Ну говори скорей!

Федя. Сначала поклянитесь, что не обидитесь на меня.

Наташа. Пожалуйста! Давай, Вадим, поклянемся! Клянусь здоровьем бабушки. Учтите, что ему девяносто лет и он был участником Великой Отечественной войны! Клянусь! Не обижусь!

Вадим. Клянусь своим местом победителя! Пусть вместо меня летит кто угодно! Клянусь! Не обижусь!

Федя (*не сразу, очень медленно*). Ребята! Если старт состоится, то без меня.

Большая пауза.

Наташа. Что ты сказал? Повтори!

Федя. Я не полечу на Марс. Понятно?

Вадим. А мы?

Федя. А вы полетите.

Наташа. Полетим без тебя? Вдвоем?

Федя. Очевидно.

Наташа. Что случилось?

Федя. Ничего не случилось. Вы полетите, а я останусь.

Наташа. Мама?

Федя. Нет.

Вадим. Струсил?

Федя. Ну вот еще! С чего бы это? Ничего я не струсил.

Наташа. Ну, тогда почему же вдруг... отказываешься? Что-нибудь очень серьезное?

Федя. Очень.

Вадим. И ты не можешь сказать причину?

Федя. Не скажу.

Появляются две девочки.

Первая девочка. Ребята! Он еще не проснулся!

Ребята не отвечают.

Вторая девочка. Тогда пойдем к попугаям. Там

есть один очень образованный. Разговаривает на трех языках.

Первая девочка. Наверное, ругается неприличными словами...

Вторая девочка (*неожиданно Наташе*). Девочка! Вы Наташа Печатникова?

Наташа. Да. А что?

Вторая девочка (*смущаясь*). Вы бы не могли дать нам свой автограф? (*Ребятам.*) И вы тоже. Мы вас сразу узнали. Вы — первая тройка!

Вадим. А на чем вам расписаться?

Первая девочка. На чем-нибудь.

Вадим. На чем-нибудь мы не расписываемся.

Вторая девочка. Ой! А вы еще тут посидите? Мы сейчас в киоске купим открытки, и вы на них распишетесь.

Девочки убегают.

Наташа (*поднимаясь*). Что я говорила! Пошли! Глупо в нашем положении давать еще какие-то автографы...

Все поднимаются.

Федя. Вы поняли, что я сказал? Я не могу лететь. И не могу сказать почему. Не имею права...

Все уходят. Проснувшийся лев громко рычит.

Гаснет свет.

ИНТЕРМЕДИЯ ВТОРАЯ

Девочки прохаживаются по авансцене.

Первая девочка (*после паузы*). Ты представляешь себе, сколько автографов он дал за свою жизнь! Ему просто, наверное, надоело расписываться.

Вторая девочка. Он может нам отказать. А без его подписи наша коллекция будет намного беднее.

Первая девочка. Я с тобой согласна. Нам необходимо собрать автографы всех людей, которые так или иначе связаны с этим выдающимся полетом. Двадцать подписей у нас уже есть. Даже академик Артамонов и тот исписал целую страницу.

Вторая девочка. Я думаю, можно взять автограф даже у вахтера, который пропускает в Главное управление. Я с ним разговорилась, и он сказал,

что он каждый день лично пропускает. Тоже как-никак живой свидетель.

Первая девочка. Это будет уникальный подбор автографов.

Вторая девочка. Только бы нам его не пропустить. И пусть распишется на чистой страничке. Отдельно от всех. Как ты ему скажешь?

Первая девочка (*подумав*). Я скажу так: «Герман Степанович! Извините, пожалуйста, но мы бы очень хотели просить вас дать нам свой автограф».

Вторая девочка. Это очень длинно. По-моему, чем проще, тем лучше. Ты можешь даже не успеть все это выпалить, как он пройдет мимо.

Первая девочка. А ты что предлагаешь?

Вторая девочка. Ему же не в первый раз давать автографы. Надо его остановить — это во-первых, а во-вторых... Идет!

Появляется Титов. Девочки идут ему навстречу. Они явно робеют. Титов молча протягивает руку к записным книжкам друг и, ни слова не произнося, расписывается в них. Молча уходит. Девочки, недоумевая, смотрят ему вслед.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Обстановка второй картины. Титов и Павловский ведут беседу.

Павловский. Стало быть, Герман Степанович, ребята и это испытание выдержали?

Титов. И притом с отличными показателями. Вот взгляните на их электроэнцефалограммы. (*Показывает, поясняет.*) Вспыхнул сигнал тревоги, ребята реагируют на сигнал опасности — кривая взметнулась. Опасность ликвидирована — альфа-ритм успокаивается. Понятно?

Павловский. Да, да, понятно.

Титов. А теперь посмотрите на эти записи. Что вы видите? В них отражены эмоции наших ребят. Наташа реагировала на сигналы тревоги более активно, чем ее товарищи. Однако самообладания не теряла. Вадим — сдержан, решителен. Федор Дружинин, я бы сказал, более чем спокоен. Его нервное и психическое состояние в критический момент не соответствует раздражителю. Сердечный ритм ни разу не нарушался... Какой-то феномен!

Итак, последний, наиболее щепетильный эксперимент завершен. Пионерский экипаж готов к длительному полету в космос.

Павловский. Мы очень рады. Горком комсомола придает этой экспедиции большое значение. Кстати, ребята должны доставить на Марс почетные грамоты ЦК ВЛКСМ строителям Марсианска.

Титов (*шутит*). И красные галстуки юным марсианам?

Павловский (*серьезно*). Кто знает, может быть, когда-нибудь придется посылать и галстуки. В наше время ни за что нельзя ручаться.

Титов (*улыбаясь*). Сами-то небось хотели бы совершить подобное путешествие?

Павловский. Еще бы! Мечта! Но, к сожалению, вряд ли осуществима. Я лично такого конкурса не выдержал бы, а специальность у меня самая не марсианская, я по образованию — ветеринар.

Титов. Простите, вы какого года рождения?

Павловский. 1970-го. Родился в год столетия великого Ленина.

Титов. В хороший год вы родились! Какой это был подъем духа, мысли и труда!.. Всенародное торжество, охватившее всю страну, всех от мала до велика. Хотя международная обстановка была тогда тревожной... Американская агрессия во Вьетнаме... События на Ближнем Востоке... Насилия, убийства, террор... В Греции — фашизм... Время военных авантур и политических заговоров, роковых покушений на жизнь прогрессивных деятелей и время величайших научных открытий, время неустанной, героической борьбы всех честных людей за единство и за мир на Земле... Время реакции и прогресса. И вот мы с вами сегодня, в двадцать первом веке, — живые свидетели всепобеждающих ленинских идей! Какое это счастье — отправлять наших юных питомцев на далекую планету. Здорово!

Павловский. Согласен, Герман Степанович!

Титов. Кстати, пора бы уже и явиться нашим питомцам.

Включает аппарат «Секретарь» — на экране возникает лицо Леночки.

Леночка. Я вас слушаю, Герман Степанович!

Титов. Леночка! Там кто-нибудь ждет?

Леночка. Представитель Географического общества, товарищ Воробейчик и первая тройка. Я полагала, вы заняты...

Титов. Птичка обождет, а тройка пусть въезжает! *(Выключает аппарат. Искрение)*. Испытываю некоторую неловкость. Как-никак ребятам нанесена психологическая травма. Больше всего им обидно, вероятно, не то, что их вернули на Землю, прервав полет, а то, что вообще полета, как такового, не было! Просто была запланирована хорошо продуманная научная игра. Но тут уж ничего не поделаешь, надо было им пройти и через это...

Входят ребята. Вид у них потерянный. Титов и Павловский выходят из-за стола, пожимают всем руки.

Павловский. Здравствуйте, ребята! Будем знакомы! Павловский Николай, из горкома комсомола. Поздравляю вас от всей души, от имени комсомола столицы и от себя лично!

Вадим *(мрачно)*. С чем?

Павловский. Не скромничайте, не скромничайте! Разве так уж и не с чем поздравить? С удачным завершением последних испытаний и с предстоящим полетом на Марс!

Ребята молчат. Мнутя на месте.

Титов. Садитесь, друзья! Поговорим по душам.

Все садятся. Большая пауза. Титов включает экран «Секретарь». На экране лицо Леночки.

Леночка! Принесите нам, пожалуйста, чаю, что ли, или кофе... фруктов там каких-нибудь, конфет...

Леночка. Сейчас, Герман Степанович!

Титов *(не сразу)*. Ну? Как настроение?

Наташа *(вяло)*. Ничего. Хорошо.

Титов *(лукаво)*. Хорошее или удовлетворительное? Если честно?

Наташа. Удовлетворительное.

Титов. Удовлетворительное или плохое? Если честно?

Наташа *(выдавив из себя улыбку)*. Плохое.

Титов. Я так и думал, ребята, что вам это будет морально тяжело.

Вадим. Ну, раз надо было...

Титов (*серьезно*). А вели вы себя превосходно. Одним словом, замечаний нет.

Леночка вносит поднос с угощением. Ставит все на стол и, улыбнувшись детям, выходит.

Налегайте, ребята! Не стесняйтесь! (*Берет себе яблоко.*) Теперь могу сообщить вам точную дату уже настоящего старта: 1 сентября 2001 года. Через две недели. И уж тут без подвоха, честное стариковское!

Павловский. Подтверждаю! Честное комсомольское!

Титов (*показывает на фрукты*). Давайте, давайте, ребята!

Наташа сосредоточенно чистит апельсин. Вадим грызет бублик. Павловский помешивает ложечкой в стакане чай. Федя мрачно играет с бумажной салфеткой.

Павловский (*нарушая молчание*). У нас на днях состоится встреча в горкоме. Хотим вам дать ответственное поручение: вручить почетные грамоты ЦК комсомола первым строителям Марсианска. Кстати, вы тоже награждены такими грамотами и значками. Они будут вам вручены при встрече.

Вадим. Какими значками?

Павловский. Победителей конкурса.

Вадим. Спасибо.

Титов. Нет, я вижу, что у вас еще не отлегло от сердца. Вот ты, Федя, чего нос повесил?

Наташа (*собравшись с духом*). Герман Степанович! А ведь у нас ЧП!

Титов. Какое ЧП?

Наташа. Дружинин отказывается от полета.

Павловский (*поперхнувшись чаем*). Э... э...

Титов (*с удивлением*). Отказывается? Неужто? Я хотел бы от него самого услышать это. Возможно ли?

Федя (*глухо*). Нет, верно, я не могу лететь.

Титов. То есть как это?

Федя. Не могу, и все...

Титов. Это, брат, не ответ. Как это так «не могу»? Два года готовился, стал победителем конкурса,

прошел все испытания, и вдруг на тебе: «Не могу!»
Что случилось?

Федя молчит.

Но сказать почему, ты, надеюсь, можешь?

Федя. Не могу.

Титов. И вы тоже не знаете, почему ваш товарищ отказывается от полета?

Вадим. Не знаем.

Наташа. Он не говорит.

Павловский (*обретя дар речи*). Герман Степанович!
Кто же тогда полетит вместо него?

Титов. Есть кому лететь. Вторая тройка наготове.
Но не это главное! Почему же все-таки Федор Дружинин считает возможным так подвести своих товарищей?

Федя (*горячо*). Я никого не хочу подводить и не подвожу. Если бы я хотел... (*Замолкает.*)

Титов. Договаривай, договаривай! Если бы хотел, то что?

Федя (*помолчав*). Ничего.

Титов (*ходит по комнате*). Ну и загадки ты нам тут задаешь, молодой человек! Я должен тебе сказать, что поступаешь ты не слишком честно. Выходит, что нет у тебя чувства товарищества! Вот чего стоят все наши испытания и проверки! Ты своим отказом разрушаешь всю тройку! Неужели ты не понимаешь этого?

Федя (*глядя в пол*). Почему разрушаю? Вместо меня может полететь Асен Босев из Болгарии... или просто они вдвоем...

Титов (*решительно*). Ну вот что, товарищи! Мы, я вижу, так ни до чего не договоримся. На сегодня считаю разговор исчерпанным!

Все поднимаются.

Павловский. А как же встреча в горкоме, отложить придется?.. Странно все это и непонятно. (*Пожимает плечами.*)

Титов (*ребятам*). Вы, ребята, идите! (*Феде.*) А ты задержись! (*Павловскому.*) С вами мы потом созвонимся! (*Прощается с Павловским, Наташей и Вадимом.*)

Федя остается, остальные уходят.

(Феде.) Ну! Давай, как говорится, поговорим без свидетелей. С глазу на глаз. Согласен?

Федя молчит.

Так что же все-таки у тебя стряслось? Ведь не струсил же ты? Уверен, что нет. Ты не трусливого десятка. Может, изменились семейные обстоятельства? Это мы сообща уладим...

Федя молчит.

Поссорился с друзьями? Не поверю... Может быть, ты заболел? (Кладет Феде на плечо руку.) Давай, брат, начистоту! Выкладывай!.. В семье космонавтов не может быть никаких недомолвок! Я должен знать причину. Я отвечаю за этот рейс перед правительством. Перед всеми ребятами на свете... Тебе не стыдно молчать?

Федя (выдавливает из себя). Стыдно, но сказать еще стыднее...

Титов. А ты не стыдись, я пойму тебя, как отец.

Федя. Я не имею права лететь.

Титов (подумав). Не имеешь права? Что же ты натворил?

Федя. Ничего я не натворил. Просто... (Замолкает.)

Титов. Ну, говори, говори!

Федя (решившись). Хорошо. Я скажу... (Не глядя на Титова.) Я знал перед испытанием, что это не настоящий полет... что все нам будет только казаться.

Титов (помолчав). Кто же и когда раскрыл тебе нашу тайну?

Федя. Не знаю... Перед самым стартом. За несколько минут. Я случайно услышал. Кто-то сказал за спиной: «Две недели — полное ощущение полета в этой бандуре, а потом — полное разочарование...»

Титов. В бандуре, значит? Так и сказал?

Федя (кивает головой). В бандуре!

Титов. И ты промолчал? Не сказал ребятам?

Федя. Конечно. Какое же это было бы товарищество? Ведь скажи я им, что все это липа, испытание сорвалось бы и у вас, и у них. Пусть уж лучше я один... (Вспоминает.) Слышу сигнал тревоги, думаю про себя: «Липа!» За окошком — серо-буромалиновое, тоже «липа!» Наташа беспокоится за своего Марсика, а я-то все знаю и только злюсь: «Через

две недели, думаю, расцелуешь свое лохматое сокровище!» Теперь понимаете, почему я не имею права лететь? Для меня ведь испытанием было только молчать и терпеть, а для них и для вас это было испытание настоящее.

Титов. *(сочувственно)*. Да-а-а... Не ожидал... Не легко тебе было эти две недели. Сочувствую.

Федя. Вот и пойми, где граница между дружбой и долгом! *(Неожиданно оживляясь)*. А вообще-то здорово, ловко придумано. Если не знать секрета, то ни в жизни не догадаешься! *(Лукаво)*. Хотя одна накладочка у вас все-таки была!

Титов. Какая же? Любопытно.

Федя. Ребята ждали, когда по радио о полете объявят, а сообщения-то не было. Можно ведь было бы на пленочку записать и прокрутить для полной убедительности.

Титов. Молодец! Верно подметил. Учтем на будущее. Ну вот что, сынок. Разговор у нас с тобой был доверительный, но все же мне придется объяснить комиссии, почему ты не можешь лететь... Не имеешь права... как ты говоришь...

Гаснет свет.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

По радио звучит торжественный голос диктора: «Этот день — 1 сентября 2001 года — впишет еще одну героическую страницу в славную историю юных ленинцев. Мы ведем свой репортаж с Центрального космодрома Советского Союза. Космоплан «Пионер-1» готов к старту. Его экипаж уже на борту. Идет последняя предстартовая минута. Сейчас вы услышите завершающий отсчет секунд, и «Пионер-1» устремится к Марсу... Начинается отсчет секунд: десять... девять... восемь... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... старт!» Рев мощных двигателей сливается с музыкой известной уже увертюры «Полет в космос».

В момент поднятия занавеса Вадим и Наташа находятся в кабине космолана «Пионер-1» на пути к Марсу. Третий космонавт, вышедший в космос, проверяет что-то в наружной носовой части корабля. Его плавающая в космосе фигура то появляется, то исчезает за иллюминатором. Цифры и формулы сменяют друг друга на светящихся шкалах аппаратуры. Мигают разноцветные лампочки. Вадим что-то записывает. В кабине на видном месте висит фотография Марсика.

Вадим (*рассуждает вслух*). Если скорость нашего корабля относительно Земли при выходе из сферы земного притяжения была равна двум и тридцати восьми сотым километра в секунду и направления скоростей совпали друг с другом, то через 237 суток после старта мы должны достигнуть орбиты Марса... Сегодня тридцать первое число... Выходит, что летим мы уже сто двадцать вторые сутки.

Наташа (*прислушиваясь*). Если мы только летим!

Вадим (*смеется*). Летим! Летим! Теперь уже и по радио передавали.

Наташа. Могли и передавать. Федя же у нас чересчур умный: посоветовал им в следующий раз записать на пленочку.

Вадим (*вздыхает*). Нет уж! На этот раз летим по-настоящему! Между прочим, ты заметила: совсем другое ощущение?

Наташа (*серьезно*). Знаешь, я часто мысленно возвращаюсь к тем двум неделям, которые для нас были испытанием, а для него пыткой. Это же надо обладать таким характером, чтобы все знать, а нам даже не намекнуть! Четырнадцать суток вместе с нами смотреть в иллюминатор, дежурить, мечтать и... молчать!

Вадим. Представляешь, если б мы все трое знали?.. Ой! У нас бы все валилось из рук. Мы бы просто оскандалились.

Наташа. Нет, что ни говори, а он показал себя настоящим другом. Жаль, конечно, что ему пришлось все это пережить одному...

Из люка появляется Федя. В руках у него скафандр.

Федя (*возбужденно*). Ребята! Антенна в порядке! Радио скорее включайте! И так уж, наверное, все пропустили!

Наташа. Ой! Как это мы заболтались! Вадим, что ж ты на самом деле?! Скорей включай! Неужели пропустили?

Вадим торопливо включает радио. Из Москвы передают новое послание советскому народу. Звучат заключительные слова послания.

Диктор (*мужской голос*)... Социалистических Республик шлют свои сердечные поздравления советским

людям, находящимся при исполнении служебного долга на других планетах. Советский народ желает счастливого полета школьникам Советского Союза: Наташе Печатниковой, Вадиму Гонтареву и Федору Дружинину — экипажу космолана «Пионер-1», совершающему рейс Земля — Марс — Земля. С Новым годом, дорогие ребята! С Новым годом, товарищи! С Новым годом, Вселенная!

Начинают бить кремлевские куранты. Наташа, Вадим и Федя заключают друг друга в объятия.

1970

ДОРОГОЙ МАЛЬЧИК

Комедия-памфлет в двух частях, семи картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Джордж Роб-Ронсон, гражданин США, 12 лет.

Жора Тимохин, гражданин СССР, 12 лет.

Макинтош, дальний родственник семьи Роб-Ронсона, 45 лет.

Мак-Доннел, владелец магазина детских игрушек «Микки-Маус»,
главарь шайки мошенников, 60 лет.

Билл
Френк
Томми
Рауль
Жаклин

} мошенники от 25 до 35 лет.

Сэк, комиссар полиции, 50 лет.

Эрлайн, представитель авиакомпании, 50 лет.

Джой, секретарша Эрлайна, 30 лет.

Кондрашин, советский дипломат, 40 лет.

Сотрудник Советского консульства.

Полицейские, корреспонденты.

Действие происходит в столице одной из капиталистических стран в наши дни.

Премьера спектакля состоялась 13 марта 1972 года в Московском театре юного зрителя.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Действие происходит в отеле, в холле трехкомнатного номера. Здесь беседуют только что познакомившиеся два мальчугана: Джордж Роб-Ронсон и Жора Тимохин. За раскрытым окном с двадцать пятого этажа отеля видна панорама переливающегося огнями вечернего города. Доносятся неясные шумы.

Джордж. Ты отлично говоришь по-английски. Я бы ни за что не догадался, что ты русский. Скорее ты похож на шведа.

Жора. Скажешь тоже! На шведа! Просто я учусь в спецшколе.

Джордж. А что это такое?

Жора. Специальная школа, где все предметы проходят на каком-нибудь иностранном языке. Ну, там, французский, немецкий или английский. Еще испанский тоже специально изучают, потому что это самый ходовой язык в странах Латинской Америки. Кончаешь такую школу, и тебе уже другая цена: можешь свободно писать, читать и говорить на каком-нибудь чужом языке. А то еще и на двух сразу. У меня второй язык — немецкий. Только английский мне легче дается.

Джордж. У тебя отличное произношение. Я никак не мог себе представить, что ты русский. Настоящий? Советский?

Жора. А то какой же? Эмигрант, что ли?

Джордж. Да еще, как ты меня уверяешь, из самой Москвы?

Жора. А зачем мне тебя уверять, если я там живу и прописан. Постоянно. Жил бы я, скажем, в Ленинграде или в Киеве, я бы тебе так и сказал, что я живу в Ленинграде или в Киеве. Или в Одессе,

- где у меня старший брат живет. Он, кстати, капитан дальнего плавания — во всех портах мира побывал.
- Джордж. Знаешь, я еще ни разу не разговаривал с русским! Я живу в Калифорнии. В Сан-Франциско. Ты был когда-нибудь в Калифорнии? Был в Штатах?
- Жора. Нет. Не был. Я первый раз за границей. Мой папа в советском торгпредстве работает. Я у него три месяца прогостил. Все каникулы!
- Джордж. А теперь летишь домой?
- Жора. В том-то и дело. Летел, летел и не долетел. Лучше бы я сегодня и не вылетал. А они всех пассажиров из самолета высадили, погрузили в автобус и прямо из аэропорта привезли сюда, в отель, ночевать. Что-то у них там случилось, неисправность какая-то... Сказали, что завтра рано утром отправят дальше. Знал бы отец, он бы меня ни за что одного не отпустил.
- Джордж. Может быть, в самолет была подложена бомба? Это теперь бывает. Некоторые в воздухе взрываются.
- Жора. Не знаю. Может быть. Тогда, конечно, хорошо, что мы вовремя приземлились. Тогда можно считать, что повезло.
- Джордж. Я тоже считаю, что мне повезло, раз я познакомился с тобой. Есть хоть с кем поговорить по душам... Я ведь, знаешь, тоже не по своей воле тут очутился...
- Жора. А по чьей же?
- Джордж (*таинственно*). Меня, понимаешь ли, собирались украсть. Похитить!
- Жора (*с удивлением*). Кого? Тебя?
- Джордж. Меня! Меня — Джорджа Роб-Ронсона, сына и наследника Ричарда Роб-Ронсона. Это имя моего отца. Мое имя Джордж. Джордж Роб-Ронсон. Прости, но я не знаю твоего имени. Как тебя зовут?
- Жора (*с достоинством*). Фамилия моя Тимохин, звать — Георгий. Друзья называют меня Жорой, а обзывают Жориком. Только я не люблю, когда меня обзывают.
- Джордж (*в раздумье*). Жора... Наши имена даже как-то похожи: Джордж... Жора... Я могу называть тебя так? Жора? Да? Я правильно сказал?
- Жора. Конечно, правильно. Так ты говоришь, что тебя хотели украсть? А кому ты нужен?

Джордж. О! Неужели ты не понимаешь?

Жора. Чего не понимаю?

Джордж. Да ведь если украсть ребенка у богатых родителей, то за него можно потребовать выкуп! Деньги! Доллары! А мой отец делает деньги...

Жора (*не поняв*). Как это «делает»? Печатает, что ли? Не понимаю.

Джордж. Я тебе объясню. У нас в Штатах принято говорить «человек делает деньги» или, например, «человек стóит столько-то...». Это значит, что умеет добывать деньги. Одним словом, имеет капитал. И чем больше у него капитал, и чем больше он любит своего сына или дочь, тем больше денег у него можно потребовать за украденного ребенка. Чтобы вернуть его родителям. Понял?

Жора. Выходит, твой отец капиталист?

Джордж (*не без гордости*). Он промышленник. Бизнесмен. Фирма «Ричард Роб-Ронсон» — три буквы Р. Нашу фирму сейчас знают во всем мире!

Жора (*простодушно*). Это что, газовые зажигалки?

Джордж. Нет. То — просто «Ронсон». А это — Ричард Роб-Ронсон. На цветной этикетке собачья морда, которая облизывается на три красные буквы «Р». Это похоже на рычание собаки: «Р-р-р!»

Жора. А при чем тут собачья морда?

Джордж. А при том, что у нас в Чикаго, знаешь, там, где знаменитые скотобойни, есть большая фабрика собачьих консервов.

Жора (*с удивлением*). Из собачьего мяса?

Джордж. Почему из собачьего? Из самого настоящего. Отличные мясные консервы для собак всех пород: сосиски для догов и бульдогов, фрикадельки и паштеты для болонок и фокстерьеров. А недавно мы выпустили новый вид консервов, специально для немецких овчарок, под названием «фаршированные кости». На одну только рекламу ушло что-то больше миллиона долларов.

Жора. И кто же покупает эти консервы?

Джордж. Чему ты удивляешься? Разве мало на свете богатых людей, которые не могут жить без собаки? Ради своих любимчиков они готовы на все! Ты разве не знал, что есть собачьи парикмахерские, где стригут и причесывают только собак, есть рестораны, где гостей обслуживают только тех, кто

приходит со своими собаками, и где собак кормят за одним столом с их хозяевами. Есть собачьи кладбища, где хоронят только собак и ставят им мраморные памятники. Так что на наши собачьи консервы большой спрос. Они изготовлены из мяса высшего качества и ничем не отличаются от тех, которые едят люди.

Жора (*не сразу*). Чего не знал, того не знал... (*Помолчал.*) Ну и кто же задумал тебя украсть?

Джордж. Гангстеры! Это у нас в Штатах не первый случай. Сначала украдут, а потом требуют выкуп. У одного известного артиста совсем уже взрослого сына украли. Захватили и увезли в багажнике автомобиля. Иностранцев похищают!

Жора. Про это я слышал. В Рио-де-Жанейро швейцарского посла украли и потребовали за него выпустить из тюрьмы заключенных. Но это уже политика.

Джордж. А детей крадут гангстеры. Целые шайки орудуют.

Жора. А если тебя украли и не выкупили, тогда что?

Джордж. Могут даже убить со зла. Уничтожить...

Жора. А если сбежать?

Джордж. У них не сбежишь. Поди попробуй!

Жора. А что полиция смотрит?

Джордж. Конечно, полиция может кое-что предпринять, но лучше, чтобы до этого дело не дошло.

Жора. Откуда ты узнал, что тебя задумали стащить?

Джордж. Отец получил анонимное предупреждение. Какой-то неизвестный предупредил его, что на меня готовится покушение.

Жора. А если бы не предупредил?

Джордж. Украли бы, а потом какой-нибудь другой неизвестный позвонил бы отцу по телефону и назначил за меня цену.

Жора. А сколько ты стоишь?

Джордж (*подумав*). Думаю, что не меньше полумиллиона.

Жора. Чего?

Джордж. Долларов, конечно. Пятьсот тысяч долларов.

Жора. И твой отец тебя бы выкупил?

Джордж. Надеюсь. Я же у него единственный наследник. А тебя бы твой отец разве не выкупил?

Жо р а. У нас детей не воруют. Потом, у нас милиция не то, что ваша полиция! Она у нас народная!

Дж о р д ж (*помолчав*). Вот меня и решили срочно вывезти из Калифорнии сюда. Завтра меня отправят в одно загородное имение, где я пока поживу...

Жо р а. Ты тоже один прилетел?

Дж о р д ж. Как бы не так! Меня доставил сюда мистер Макинтош. Это дальний родственник моей матери. Моя мать погибла два года назад в Лос-Анджелесе во время автомобильной аварии. Он приехал на похороны и задержался у нас в гостях как раз на два года. Честно говоря, я его не перевариваю. Он попрошайка и лодырь, хотя похож на вполне солидного джентльмена. Но что подделаешь! Отец поручил ему меня охранять и теперь доставить сюда, в это проклятое имение, где живет наша двоюродная тетка со своими дочками. Воображаю себе этих дочек...

Жо р а. А где же он, этот плащ, или как его... Макинтош?..

Дж о р д ж. Мы прилетели сюда немногим раньше тебя. Поднялись в номер, и он велел мне запереться на ключ. Никуда не выходить и ждать его. Думаю, что он спустился в бар пропустить рюмочку-другую. Он не дурак выпить. Я ждал, ждал, а потом выглянул в коридор и тут столкнулся с тобой.

Жо р а. Я хотел спуститься в вестибюль, чтобы посмотреть почтовые марки и открытки с видами. У меня есть в кармане несколько монет, и я, пожалуй, смог бы их здесь истратить. Я, понимаешь, собираю марки и красивые открытки с видами. (*Неожиданно.*) Слушай, а с чего это ты такой заросший?

Дж о р д ж (*не понимая*). Заросший?

Жо р а. Ну да! Чего ты себе такие длинные волосы отрастил? Я сначала подумал, что ты вовсе не парень, а девчонка! Честное слово!

Дж о р д ж. А что? Это теперь модно. А потом — это назло взрослым!

Жо р а (*смеется*). Меня бы ребята засмеяли, если бы я в таком виде появился. Просто затравили бы! Ух, я даже не представляю себе, что было бы! А уж до занятий так просто не допустили бы, и все! Твой папа-капиталист тоже такую прическу носит?

Дж о р д ж. Нет. Он стрижется у своего личного парикмахера.

Жора (*не сразу*). А если вдруг твой папа отпустил бы себе такие космы?

Джордж. Тогда бы я свои подстриг. Молодежь не хочет быть похожей на старшее поколение. Мы протестуем! Если они — так, то мы — эдак! Если они — эдак, то мы — так!

Жора. У нас не так, как у вас. Одним словом, ребята стригутся, а девчонки отпускают волосы. Есть, конечно, которые неряхи, вроде тебя, но они не в счет!

Джордж (*помолчав*). Не хочешь ли чего-нибудь выпить? Виски? Джин? Я могу заказать по телефону. Не стесняйся!

Жора. Что ты! Я не пью...

Джордж. Ну, а если нам выпить по стакану какого-нибудь джуса? (*Снимает трубку телефона. Хочет набирать номер.*) Телефон почему-то не работает! (*Вскакивает.*) Что это за отель, где не работают телефоны! Подожди меня, я сейчас вернусь! (*Быстро выбегает.*)

Жора, оставшись один, осматривается. Снимает телефонную трубку. Убеждается, что телефон действительно не работает. Подходит к раскрытому окну. Издалека доносится приближающийся вой полицейской сирены. Затем сирена затихает. В комнату стучат. Жора оборачивается. В комнату входят двое: хорошо одетый молодой мужчина крепкого телосложения и человек в форме служащего отеля. Это — Билл и Френк. В руках у Френка огромный чемодан.

Билл (*притворив за собой дверь*). Номер, кажется, уже занят? Здесь уже живут...

Френк. Этого не может быть, сэр! Номер был оставлен за вами.

Билл. Безобразие! Как позвонить портье?

Френк. Два семнадцать, сэр!

Билл (*Жоре*). Вы разрешите?

Жора. Телефон почему-то не работает.

Билл подходит к телефону, склоняется над ним. Затем резко оборачивается и, выхватив из кармана пальто баллон с распылителем, пускает в лицо Жоре струю газа. Жора теряет сознание. Мошенники быстро прячут мальчугана в пустой чемодан и не спеша выходят.

Спустя некоторое время появляется Джордж. В руках у него две банки с джусом. Джордж видит, что в комнате никого нет. Он заглядывает в смежные комнаты, в ванную. Возвращается. Стоит в растерянности, с банками в руках.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Помещение представительства международной авиакомпании. Приемная и кабинет мистера Эрлайна. На стенах красочные рекламные плакаты. Секретарша Джой говорит с кем-то по телефону. Мистер Эрлайн в своем кабинете тоже говорит по телефону.

Джой (*в приемной*). К сожалению, мистер Эрлайн сейчас очень занят. Благодарю вас, я непременно передам ваше приглашение мистеру Эрлайну... Да! Мистер Эрлайн не сможет быть на коктейле в посольстве Нигерии... Да! Нет, наш самолет вылетел по расписанию...

Эрлайн (*в кабинете, продолжает беседу по телефону*). Этот негодяй оценил жизнь своей престарелой матушки в пятьдесят тысяч долларов, застраховал ее на эту сумму, купил ей билет на самолет нашей компании и засунул в багаж старушки бомбу замедленного действия. Мы были предупреждены за полчаса до вылета, бомба была изъята из чемодана, самолет не взорвался, но в печать уже проникли подробности. А теперь еще эта история с русским мальчишкой! Черт его знает, куда он делся! Никогда нельзя знать, что на уме у русских! И все это, вместе взятое, отражается на репутации нашей компании! Что? Нет, Вилли, я не могу принять такое приглашение. Сегодня я обедаю с комиссаром полиции Сэком. А сейчас мне предстоит встреча с представителем Советского консульства. Не завидуешь? Да, беседа не предвещает ничего приятного. Хорошо, я буду ждать твоего звонка.

В приемную входит Кондрашин. Секретарша поднимается ему навстречу.

Джой (*лобезно улыбаясь*). Господин Кондрашин? Мистер Эрлайн ждет вас. Прошу!

Берет из рук Кондрашина шляпу. Открывает перед ним дверь в кабинет. Эрлайн выходит из-за стола.

Эрлайн (*радушно*). Господин Кондрашин, я имел удовольствие познакомиться с вами на приеме в честь открытия недавней Выставки советской книги! Какие чудесные издания, не правда ли? Особенно книги для детей и по древнему искусству! Вы научились печатать книги. Я был просто потрясен.

Кондрашин (*сдержанно*). Да, мы знакомы.

Эрлайн. Мне доставляет огорчение повод, по которому мы с вами сегодня встречаемся.

Кондрашин. Не скрою, мне тоже.

Садятся в кресла. Эрлайн предлагает Кондрашину выпить, угощает его. Кондрашин отодвигает бокал.

Эрлайн. Я готов выслушать все ваши претензии и сделать все от меня зависящее.

Кондрашин. Консульство СССР обеспокоено исчезновением советского подданного, двенадцатилетнего Георгия Тимохина, который летел вашим рейсовым самолетом и пропал по прибытии в этот город.

Эрлайн. Мальчик действительно летел самолетом нашей компании. В списках он значился под номером пятьдесят семь. К сожалению, рейс был прерван по не зависящим от компании причинам.

Кондрашин. Пассажир, который числился у вас за номером пятьдесят семь, исчез.

Эрлайн. В случае непредвиденной задержки самолета авиакомпания обеспечивает пассажиров питанием и ночлегом в комфортабельном отеле компании. Но мы не можем отвечать за пассажира, который мог покинуть отель и не вернуться в него. Согласитесь со мной!

Кондрашин. Вы имели дело с ребенком. Я повторяю: мальчику двенадцать лет. Он несовершеннолетний.

Эрлайн. Он был доставлен в отель на автобусе вместе со всеми пассажирами, ему предоставили номер с удобствами, проводили в этот номер, накормили ужином и сообщили, что утром за ним зайдут. Утром его уже не было. Постель осталась нераскрыта. Он не завтракал. Видимо, и не ночевал. Нам очень жаль, но мы не могли из-за одного пассажира задерживать рейс. Мы заявили в полицию.

Кондрашин. Вы должны были своевременно сообщить в Советское консульство о том, что на борту вашего самолета, который вынужденно прерывает рейс, летит советский ребенок. В этом случае наше консульство нашло бы возможность встретить Тимохина в аэропорту и предоставить ему ночлег по своему усмотрению. Вы этого не сделали. Таким образом, вся ответственность за его безопасность

ложится на авиакомпанию. Я уполномочен от имени консульства Советского Союза в вашей стране официально заявить протест и потребовать принятия срочных мер по розыску пропавшего мальчика.

Эрлайн. Мы принимаем к сведению ваше заявление и сделаем все возможное.

Кондрашин. Нам стало также известно, что авиакомпания поддерживает версию, будто один из служащих отеля, по имени Чарли, видел мальчика выходящим из ночного бара, где он якобы сидел за стойкой и что-то пил. Это исключено! Советский мальчик не рискнет зайти один в ночной бар и тем более что-то пить за стойкой.

Эрлайн. Может быть, он зашел не один? Может быть, он пил джус? Знаем ли мы наших детей?

Кондрашин. Мы знаем.

Эрлайн. Эту версию в конце концов можно опровергнуть, опросив служащих отеля. Полиция этим, вероятно, займется.

Кондрашин. Ребенок должен быть найден.

Эрлайн. Я ничего другого не желаю. Поверьте мне, господин Кондрашин! Может быть, мы действительно допустили оплошность, не сообщив консульству СССР, что на борту самолета среди пассажиров летит советский ребенок.

Кондрашин. Разрешите откланяться! *(Поднимается.)*

Эрлайн *(проводя до двери)*. Будем надеяться, что мальчик найдется. Скорее всего, это детская шалость. Я уверен, что все будет о'кей!

Кондрашин *(в дверях)*. Гуд бай, мистер Эрлайн! Желаю успеха!

Джой, улыбаясь, подает Кондрашину шляпу, дарит сувенир — маленькую модель самолета. Кондрашин, поклонившись, уходит.

Эрлайн. Джой! Соедините меня с комиссаром полиции Сэком!

Джой. Сейчас, мистер Эрлайн! *(Набирает номер телефона.)*

Эрлайн проходит в свой кабинет, опускается в кресло. Задумывается.

(Дозвонившись.) Комиссар Сэк? Соединяю вас с мистером Эрлайном!

Эрлайн (*снимает трубку*). Сэк, это вы? Да, у меня к вам срочное дело. Я хотел пригласить вас на обед. Нет, лучше в «Гранд-отель». Я уже заказал столик.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Загородная вилла. В небольшом уютном холле, из которого на второй этаж ведет деревянная лестница, у камина в креслах сидят Мак-Доннел и Жаклин. Откуда-то тихо звучит музыка.

Мак-Доннел (*закуривая сигару*). Итак, Жаклин! Завтра, не позже одиннадцати часов утра, вы соединяетесь с Сан-Франциско по тому телефону, который у вас записан, вызываете мистера Гонзалеса и, убедившись в том, что отвечает именно он, а не кто-нибудь другой, говорите ему следующее. Нет, вы лучше запишите, чтобы ничего не напутать.

Жаклин. Диктуйте. Я записываю.

Мак-Доннел. Пишите: «Сообщите фирме «Три Р» о нашей готовности удовлетворить их заказ. Гарантия: пятьсот тысяч при соблюдении условий поставщиков». Записали? Повторите, пожалуйста!

Жаклин (*повторяет*). «Сообщите фирме «Три Р» о нашей готовности удовлетворить их заказ. Гарантия: пятьсот тысяч при соблюдении условий поставщиков».

Мак-Доннел. От себя ничего не добавляйте. Попрощайтесь и повесьте трубку. Звонить лучше из любого бара. И не позже одиннадцати часов утра. Гонзалес ждет этого звонка. Вы ведь хорошо знаете его манеру говорить по телефону? Сначала он раз пять продует трубку, а потом прохрипит какое-нибудь ругательство на своем португальском языке. Только услышав все это, начинайте с ним разговор.

На площадке лестницы в сопровождении своих похитителей появляется Жора Тимохин. Они спускаются в холл, где им навстречу поднимаются Мак-Доннел и Жаклин.

(*Радушно.*) А вот и наш дорогой мальчик! Билл! Френк! Надеюсь, малыш на нас не очень сердит? Мы выбрали самый просторный чемодан и проделали в нем достаточно дырок для того, чтобы можно было дышать. Надеюсь, вы не заперли его в багажник, а положили на сиденье? А этот газ

совершенно безвреден, малыш! Врачи усыпляют им даже грудных детей.

Жора полностью пришел в себя и теперь с интересом осматривается в новой обстановке, не проявляя при этом никакого волнения. Мак-Доннел пододвигает ему кресло и продолжает говорить.

Мак-Доннел. Я полагаю, что нашему гостю следует подкрепиться после столь необычного путешествия. Принесите что-нибудь повкуснее из холодильника. Только, пожалуйста, по ошибке не откройте банку с «фаршированными костями». Я купил их для Дугласа. (*Жоре.*) Мой пес обожает эти консервы. Что вы будете пить? Чай? Кофе?

Жора (*спокойно*). Я бы, если можно, выпил стакан молока. Или кефира.

Мак-Доннел. Вы слышали, Жаклин? Ну что ж, у нас есть и этот напиток. Мы ждем вас, Жаклин! А вы, друзья, можете подкрепиться чем-нибудь покрепче!

Жаклин выходит.

Билл. Мы обделали это дело, шеф, быстрее, чем думали. Мы не стали дожидаться тех, новеньких, которых нам назначили в подмогу. Наша машина возле отеля могла вызвать подозрение.

Френк. Тем более, мой вид в той форме, которую я одолжил у швейцара. Парень оказался свойским и взял с меня за прокат своего мундира и фуражки всего пятьдесят долларов.

Билл. Мы как вошли, так и вышли из отеля с этим здоровенным чемоданом.

Френк. Нам здорово повезло. Никто не обратил на нас никакого внимания — в вестибюле было полно туристов.

Билл. Можно было на ходу прихватить еще парочку чемоданов, и никто бы не заметил.

Мак-Доннел (*строго*). Этого еще не хватало! Запомните раз и навсегда: наша контора играет крупно, а не по мелочам!

Френк (*наливая себе виски*). Он пошутил, шеф!

Мак-Доннел (*обращаясь к Жоре*). Очевидно, мой юный друг уже понял свое положение в нашем обществе?

Жора. Я понял. Меня украли.

Мак-Доннел. Это мне нравится! (*Смеется*). Честное слово, я не предполагал, что наша встреча будет

столь дружеской. Поверь мне, дружище, мы не желаем тебе ничего плохого. Более того, ты будешь у нас жить в лучших условиях, чем в том вонючем имении, куда тебя решили упрятать подальше от нас. Мы могли бы тебе дать возможность повидаться с тетушкой, с которой ты даже не знаком, но потом, посоветовавшись, решили, что лучше перехватить тебя в пути. Во-первых, путь из отеля сюда, в этот уютный загородный дом, намного ближе, чем из отдаленного имения. А если учитывать, что проделать его пришлось бы опять же в чемодане, то это было бы много утомительнее. А во-вторых, действие усыпляющего газа рассчитано не более чем на час: врачи применяют его в случае легких краткосрочных операций. А путь от имения сюда занял бы не менее пяти часов. Ты не чувствуешь легкого головокружения?

Жора (*спокойно*). Нет. Спасибо. Я хорошо себя чувствую.

Мак-Доннел. Мой долг раскрыть перед тобой карты: мы действительно тебя похитили, но ты пробудешь у нас лишь столько времени, сколько потребуется твоему щедрому отцу на то, чтобы оплатить счет, который мы ему предъявим.

Жора. Полмиллиона долларов?

Мак-Доннел (*с удивлением*). Ты знаешь свою цену?

Жора. Если только на одну рекламу каких-то «фаршированных костей» фирма истратила более миллиона, то пятьсот тысяч за единственного сына это не так уж много!

Появляется **Жаклин** с подносом, на котором стоит еда.

Мак-Доннел (*восторженно*). Жаклин! Мы имеем дело с настоящим маленьким бизнесменом! Он сам оценил себя в полмиллиона долларов! Ни цента меньше! Как вам это нравится, господа! (*Обращается к Жоре.*) Вот молоко и сэндвичи! Прошу! (*Пододвигает Жоре поднос.*)

Жора наливает себе стакан молока. Пьет. Ест. Осматривается.

Твой отец будет завтра не позже конца дня уведомлен о твоём здоровье, а также о возможности вновь заключить тебя в свои родительские объятия. Ему будет выдана гарантия, что наша контора на повто-

рение подобных операций никогда не идет. То, что взято, — взято, то, что возвращено, — возвращено. Мы — джентльмены. И держим свое слово.

Жора. А если он вдруг откажется заплатить?

Мак-Доннел (*удивленно*). Но ты же только что сказал, что за единственного наследника это не слишком высокая цена, если на какие-то «фаршированные кости»...

Жора. Я имею в виду, что он, может быть, захочет обратиться в полицию.

Мак-Доннел. Мы найдем способ соединить вас по телефону, и ты посоветуешь ему быть более благо-разумным. Обращение в полицию может только осложнить наши взаимоотношения. Этого не стоит делать.

Звонок телефона.

Жора (*настойчиво*). Ну, а если все-таки Ричард Роб-Ронсон пожалуется самому президенту? Что тогда? Кому-нибудь попадет?

Мак-Доннел. Хорошо. Допустим. У нас демократия, и я не исключаю возможности, что такая беседа может состояться.

Жора. Ну, и что скажет президент?

Мак-Доннел (*не сразу*). Мне трудно предугадать ход его мыслей, но я бы на месте нашего президента сказал: «Уважаемый сэр! Что такое один украденный мальчик, за которого требуют выкуп, по сравнению с сотнями убитых американских мальчиков в Индокитае, которых ни за какие деньги нельзя вернуть их родителям! Идите и не морочьте мне голову вашим сыночком! Если он вам нужен, платите! В нашей стране за все надо платить!» Вот что бы я сказал на месте президента Соединенных Штатов Америки президенту фирмы по производству собачьих консервов!

Жора. Правильно. А я бы еще и добавил.

Мак-Доннел. Что именно?

Жора. Что в стране, где убивают даже самих президентов, не может быть настоящего порядка. Так что нечего жаловаться. А за сына надо платить.

Мак-Доннел. Вы слышите, господа, как мыслит наш юный друг? На нашем счету двадцать семь похищенных детей — мальчиков и девочек в возрасте от

пяти до пятнадцати лет, и ни один из них не мыслил так широко. Одни из них кусались и царапались, другие — тряслись от страха, третьи — плакали, ломали наши игрушки и отказывались принимать пищу, а ни один из них не вел себя так выдержанно и благоразумно, как этот (*показывает на Жору*) — двадцать восьмой!

Слышен шум подъехавшей к дому автомашины. В дверь звонят. Френк открывает дверь. Появляются Рауль и Томми. Они с победоносным видом втаскивают большой черный чемодан. Мак-Доннел молча поднимается им навстречу. Рауль быстро раскрывает чемодан, и оттуда вываливается Джордж. Руки у него связаны, во рту кляп. Он испуганно вращает глазами, но, неожиданно увидев Жору, успокаивается. Большая пауза.

(*С грозным жестом.*) Что это значит? Кто это? Томми. Это — мальчик, шеф! Мы взяли его прямо в номере.

Рауль. Баллон с газом не сработал, пришлось применить силу.

Томми. Он не хотел лезть в чемодан.

Рауль. Он ударил Томми.

Мак-Доннел (*разъяренным шепотом*). Кто это? Где вы его подобрали? Где?

Томми. Отель «Империал». Двадцать пятый этаж. Номер две тысячи двадцать семь. Все точно, шеф! Все по плану!

Пауза.

Мак-Доннел (*вытирая лоб ладонью*). Развяжите его. Выньте кляп.

Джорджа освобождают.

(*Джорджу.*) Кто ты такой? Как тебя зовут?

Джордж. Джордж Роб-Ронсон.

Мак-Доннел (*смотрит на Жору, не сразу*). А твое имя? Жора. Жора Тимохин.

Мак-Доннел (*не поняв*). Что такое «Жора»? Что такое «Тимохин»? Я спрашиваю, как тебя зовут?

Жора (*спокойно*). Фамилия моя — Тимохин. Имя — Георгий. А вообще зовут Жорой.

Мак-Доннел. Билл! Френк! Где вы его взяли?

Билл (*робея*). Отель «Империал»...

Френк. Номер две тысячи двадцать седьмой. На двадцать пятом этаже.

Мак-Доннел (*обращаясь к Жоре*). Кто ты такой?
Жора (*с достоинством*). Я — гражданин Советского
Союза! А он (*показывает на Джорджа*) — граж-
данин Соединенных Штатов Америки.

Молчание.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

На следующий день.

Обстановка второй картины, только во время действия вы-
свечивается небольшая детская комната на втором этаже виллы,
где содержатся «пленники». В комнате Джордж и Жора.

Джордж. Что они будут с тобой делать, ты же им не
нужен! Они же гангстеры! Они могут тебя убить!

Жора. Не посмеют. Я же все-таки советский граж-
данин!

Джордж. Как ты думаешь, мой отец уже знает
о моем похищении?

Жора. А что этот твой мистер Макинтош? Он же
отвечает перед твоим отцом! Неужели он не заявил
в полицию? А не попробовать ли нам сбежать?

Джордж. Бежать нет никакого смысла. Убежишь, а
они еще раз украдут.

Жора. Их главарь мне сказал, что, если дадут выкуп,
второй раз красть не будут. У них такое правило.
А тебя я не брошу, раз ты попал в беду.

Джордж. Неужели ты будешь со мной до самого
конца?

Жора. Конечно... Когда они получают за тебя деньги,
они должны будут вернуть тебя в целости и со-
хранности. А раз мы с тобой подружились и я здесь
сiju вместе с тобой, они не захотят оставить
меня как живого свидетеля, и им ничего не
останется, как освободить меня тоже. А потом,
я потребовал, чтобы сюда вызвали советского
консула.

Джордж. Ты думаешь, если тебя не освободят, мо-
жет начаться война с русскими?

Жора (*пожав плечами*). Не обязательно. Но наше
правительство защищает своих подданных. А тем
более пионеров!

Джордж (*грустно*). А у нас только доллары защищают.

Холл.

Здесь за столом у камина идет совещание. Среди уже известных нам лиц — мистер Макинтош, тощий нервный субъект в помятом костюме.

Мак-Доннел. Мальчишка потребовал, чтобы мы вызвали советского консула! Что вы на это скажете? Куда мы его должны вызвать? Сюда? На эту виллу? И что мы ему скажем? Извините, господин советский консул, мы украли случайно вашего советского ребенка! Получите его живым и здоровым, и пусть все останется меж нами! Мы это должны сказать?

Макинтош. А зачем вы его украли? Я специально спустился в бар, чтобы дать вам время провести операцию. А вы ее фактически провалили.

Билл. Что значит «провалили»? Мы что, подобрали его на улице?

Френк. Мы взяли его в вашем номере. Откуда мы могли знать, что это не ваш родственник? Он отвечал на чистом английском языке. Возраст тот же...

Мак-Доннел. Вы не должны были этого допустить.

Макинтош (*нервно*). Как? Я вас спрашиваю, как я не должен был этого допустить? Спрятаться в ванной комнате и ждать, пока вы выкрадете ребенка? Мы договорились точно. Самолет прилетает в восемнадцать ноль-ноль. Мы едем в отель авиакомпании и останавливаемся там на ночь. Номер комнаты я сообщаю швейцару по имени Чарли. Ваши люди поднимаются в грузовом лифте и забирают мальчика.

Билл. Мы так и сделали.

Макинтош. Так, да не так.

Мак-Доннел. Кто мог предположить, что ваш Джордж успеет встретить этого русского, пристанет к нему да еще пригласит его к себе в гости. А потом уйдет.

Звонок телефона. Все замолкают. Следят за подошедшей к телефону Жаклин.

Ну, что там? Кто?

Жаклин. Гонзалес. Все в порядке. Согласие получено. Условия приняты.

Макинтош (*самоуверенно*). Я не ждал ничего иного.

Теперь важно, чтобы лично я выпутался из этой истории. Все-таки я отвечал за малыша.

Мак-Доннел. Надеюсь, вы не торопитесь заявить в полицию?

Макинтош. Знаете ли, я не люблю сенсаций.

Мак-Доннел. Мы тоже.

Макинтош. Я ограничился звонком в Сан-Франциско и посоветовал Ричарду не поднимать пока лишнего шума. Кроме газетной шумихи, это все равно ничего бы не дало и только осложнило бы наши взаимоотношения. Я рекомендовал ему выждать сорок восемь часов.

Мак-Доннел. Разумный совет.

Макинтош. Насколько я его знаю, он не заставит долго ждать того, чего мы от него добиваемся.

Мак-Доннел. Вы хотите сказать — денег?

Макинтош. Он выпишет чек на любой банк и на любое имя. Важно, чтобы я получил свою долю.

Мак-Доннел. Не надо нервничать, вы ее получите. Мальчика мы передадим вам из рук в руки, и на этот раз постарайтесь довести его до дома в том виде, в каком мы его вам вернем.

Макинтош. Боюсь, что встреча с его отцом не предвещает мне ничего хорошего. Мне придется долго оправдываться.

Мак-Доннел. Наоборот! Вы изобразите из себя спасителя ребенка. Вы распишите в ярких красках налет гангстеров на отель и тому подобное. Главное, не жалейте красок. Пятьдесят тысяч долларов, которые вы положите в карман только за то, что сообщили нам рейс вашего самолета, адрес отеля и номер комнаты, — неплохой гонорар, если еще учитывать, что вы фактически продали своего дальнего родственника.

Детская.

Жора заканчивает стрижку Джорджа. Тот покорно растается со своими длинными волосами. Жора поет песню «С чего начинается Родина». Джордж ему подпевает.

Жора. Если бы ты, конечно, мог приехать в наш Артек, ты на всю жизнь запомнил бы, что такое пионерская дружба! Конечно, лучше было бы, чтобы ребята не знали, что ты сын капиталиста. Впрочем, они бы, наверное, поняли, что в Америке

особые условия жизни и ты не виноват, что у твоего отца фабрика консервов. Но уж, во всяком случае, не надо было бы рассказывать, что это консервы для собак. Во-первых, тебе бы не поверили, а во-вторых, тебя бы подняли на смех. Да еще прозвали бы как-нибудь...

Джордж. А как бы меня прозвали?

Жора. Придумали бы какое-нибудь прозвище. Мистер Твистер или Фаршированная Косточка. У нас ребята что угодно придумают. А уж за твою прическу... и не говори! Ну, вот! (*Любуется своей работой.*) Теперь ты похож на человека. В таком виде можно уже ехать в Артек. (*Поет.*) «С чего начинается Родина-а-а...»

Джордж (*подпевает*). «Родина-а-а...»

Холл.

Та же обстановка, но уже без мистера Макинтоша.

Мак-Доннел. Надо нам отделаться от русского. Не лучше ли отвезти его обратно в отель?

Рауль. Он запомнит номер нашей машины. Он смысленный парень.

Френк. И он не трус! Он ничего не боится!

Мак-Доннел. У меня нет ни времени, ни желания с ним возиться. Не можем же мы из-за него вступать в конфликт с полицией! А ведь его уже наверняка хватились! Он же не улетел! Он значится в списках пассажиров и не улетел! Консульство СССР наверняка заявило протест авиакомпании. Впрочем, полагаю, что полиция не слишком торопится с этим делом. Я завтракал сегодня с комиссаром полиции. Видимо, он еще ничего не знает об исчезновении русского ребенка. Он жаловался мне на свою трудную работу по изъятию наркотиков. Жаклин! Приведите малышей! (*Мошенникам.*) А вы идите, ребята!

Мошенники уходят. Жаклин поднимается по лестнице. Мак-Доннел в раздумье курит сигару. Жаклин возвращается, вместе с ней идут и мальчики.

Мак-Доннел. Ну как, малыши? Попали в плен к разбойникам!

Жора. Вы не разбойники, а гангстеры.

Мак-Доннел. А какая разница?

Жора. Настоящие разбойники, вроде Робин Гуда, были благородными людьми и не воровали детей. Они помогали бедным.

Мак-Доннел. И отбирали деньги у богатых? Разве мы не делаем то же самое? *(Показывает на Джорджа.)* Его папаша достаточно богат. Он отбирает деньги у таких же богатых, как и он, потому что только богатые леди и джентльмены завивают своих собак и нуждаются в специальных «фаршированных костях» для своих болонок и мопсов. *(Джорджу.)* Слушай, дружище! Твой отец согласился на наши условия. Скоро ты будешь на свободе, малыш! Поздравляю тебя!

Джордж. А он? *(Показывает на Жору.)*

Мак-Доннел. Ему мы принесем наши извинения и отвезем его туда, откуда взяли.

Жора. И опять в чемодане?

Мак-Доннел. Я отвезу тебя лично, когда стемнеет. Я высажу тебя возле отеля. Я лично не собираюсь в Советский Союз, так что мы расстанемся навсегда.

Жора. Так дело не пойдет! Я никуда отсюда не поеду. Я хочу видеть здесь советского консула! Без него я отсюда не поеду!

Мак-Доннел. Может быть, ты боишься, что тебе что-нибудь грозит? Даю тебе слово джентльмена, с твоей головы не упадет ни один волосок! Мы не хотим ввязываться в политику, да еще с вашими русскими коммунистами! Мы — мирные люди, и международная политика делается не нашими руками.

Жора. Я требую, чтобы за мной приехал консул или кто-нибудь другой из нашего Советского консульства. Я — пионер Советского Союза. Меня нельзя ни купить, ни продать!

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Вилла. Холл. Рауль, Билл, Френк и Жаклин играют в карты. Поздний вечер.

Билл. Советское консульство заявило протест авиакомпании. Полиция объявила розыск русского. Твой ход, Рауль!

Рауль. Пропускаю.

Френк (*играет*). И надо же было нам нарваться на этого Жору.

Жаклин (*играет*). Неужели нам нельзя от него избавиться? Сколько вариантов... Разве он не может исчезнуть?

Билл. И ни один из твоих вариантов не устраивает шефа?

Рауль. Я его понимаю. Из-за какого-то мальчишки терять репутацию честных мошенников и переходить в категорию гангстеров. На нашем счету двадцать семь похищенных детей и ни одного убийства.

Френк. По крайней мере, мы можем спать спокойно и не думать об электрическом стуле. Мы — вымогатели, шантажисты, но у нас чистые руки. А ты хочешь, чтобы мы перестали спокойно спать?

Жаклин. В конце концов вы все равно к этому придете. Вот увидите!

Молча играют. Слышен шум подъехавшей машины. Появляется Мак-Доннел, за ним Макинтош и Томми. В руках у Мак-Доннела газета.

Мак-Доннел (*вне себя*). Паштеты для болонок, фрикадельки для мопсов! Фаршированные косточки для немецких овчарок! Черт бы их всех подрал! (*Обращается к Макинтошу.*) И вас с ними вместе. Нет, как вам это нравится, господа! Сначала мы украли малыша, который оказался Жорой и за которым стоит целый Советский Союз со всеми их ракетами дальнего действия! Потом мы запихиваем в чемодан Джорджа, за которым стоит его папа — бизнесмен и без пяти минут миллионер! А потом оказывается, что оба малыша не стоят ни гроша! Одного ищет полиция, а другой просто-напросто нищий! Разве мы должны красть нищих?

Жаклин. Что случилось?

Мак-Доннел. Ричард Роб-Ронсон лопнул как мыльный пузырь. Ни одна собака в мире больше не облизнется на три красных «Р»! Собачьи паштеты протухнут, фаршированные косточки сгниют на складах лежалых товаров. (*Обращаясь к Макинтошу.*) И вы будете еще утверждать, что все это для вас абсолютно неожиданно, что вы не предпо-

лагали, не ожидали финансового краха вашего дальнего родственника? Говорите! Да говорите же! **Макинтош** (*робко*). Не ожидал. Честное слово! Впрочем, мне последнее время казалось, что Ричард чем-то озабочен...

Мак-Доннел. Теперь ему казалось! Почему вы не поинтересовались, чем же это он озабочен, если его собачьи консервы имеют спрос на мировом рынке?

Макинтош. У него и раньше были приступы ипохондрии, но они вызывались болезнью печени.

Мак-Доннел. Мы взыщем с вас все расходы, связанные с этим похищением.

Макинтош. Но я выполнил все условия. Я сам в какой-то степени пострадал. Я ведь был в доле, а теперь...

Мак-Доннел. А теперь вы заберете своего любимчика и увезете его в имение вашей троюродной сестры или... одним словом, я никогда еще не попадал в такое глупое положение. (*Обращаясь к Жаклин.*) А вы, Жаклин, потеряли чувство ответственности!

Жаклин. Я понимаю.

Мак-Доннел. Что вы должны были сделать?

Жаклин. Я должна была проверить финансовое положение фирмы «Три Р» раньше, чем мы приступили к осуществлению операции.

Мак-Доннел. Вы должны были разнюхать, а не проверить! Разнюхать во всех направлениях, включая его игру на бирже и в рулетку, к которой он последнее время начал проявлять нездоровый интерес! Вы должны были навести справки через все возможные каналы о платежеспособности фирмы «Три Р», обо всех денежных операциях фирмы и о всех ее махинациях с кониной и кошатиной. Кониному они выдавали за свинину, а кошатиному за говядину! Владельцам собак это пришлось не по вкусу.

Жаклин. Я доверилась мистеру Макинтошу. Я виновата.

Макинтош (*робко*). Ричард не посвящал меня в свои финансовые и производственные дела. Я знал лишь только то, что он сам мне рассказывал. Мне казалось, что человек, который может проиграть в рулетку за одну ночь пятнадцать тысяч долларов и как ни в чем не бывало под утро лечь

спать, не может находиться накануне краха. Я так думал...

Мак-Доннел. Человек, который проигрывает за ночь пятнадцать тысяч долларов в рулетку, может за вторую ночь проиграть все! Все до последнего цента, включая отходы от собачьих консервов и пустые консервные банки! И сына тоже! Все может проиграть!

Макинтош (*грустно*). Да... конечно... Я лично не играю в азартные игры.

Мак-Доннел. Что вы говорите? Вы лично не играете в азартные игры? Вы святой! У вас на спине прорезаются крылышки! У вас не чешутся лопатки? Может быть, вы ангел, а не джентльмен, который продает своего дальнего родственника малознакомым покупателям!

Макинтош. Мне кажется...

Мак-Доннел (*перебивая*). Хватит! Ни слова больше! Билл! Френк! Рауль! Томми! Вы все слышали?

Мошенники (*хором*). Все!

Мак-Доннел. По вине Жаклин и по вине этого мелкого клерка (*показывает на Макинтоша*) операция «Дорогой мальчик» провалилась! Вам это ясно?

Мошенники (*хором*). Ясно!

Мак-Доннел. Мы трудились зря! Не так ли?

Мошенники (*хором*). Зря трудились!

Мак-Доннел. Более того! Мы вляпались в глупейшую историю с этим Тимохиным. Если бы мы заранее знали, что Джордж на следующие сутки после своего похищения окажется нищим, то мы не похищали бы его, а стало быть, нам не попался бы в чемодан русский мальчишка! Не так ли?

Билл. Стали бы мы рисковать, если бы знали, что они не стоят ни гроша!

Френк. С меня семь потов сошло, пока я выносил чемодан из отеля!

Рауль. Мне пришлось связать мальчишку, и я боялся, что не справлюсь с ним, пока не стукнул его хорошенько по башке!

Томми. А что стоит мой фонарь под глазом?

Жаклин. Что же нам теперь делать?

Мак-Доннел (*властно*). Приведите сюда Джорджа Роб-Ронсона! Жаклин, очнитесь!

Жаклин поднимается на второй этаж.

(Обращаясь к Макинтошу.) Не надо пока разочаровывать мальчика. Пусть он думает, что за него уплачен выкуп и что вы приехали за ним.

Макинтош. А зачем он мне?

Мак-Доннел (настороженно). Что вы сказали? Повторите!

Макинтош (неуверенно). Я сказал, что... что мне с ним делать?

Мак-Доннел. Вы не знаете, что делать с мальчиком, которого похитили у вас из-под носа и которого вы теперь обрели? Его отец поручил вам охранять наследника, а вы его проворонили, и теперь, после того как вы его нашли, не знаете, что с ним делать? Я вам подскажу! Плакать от радости! Смеяться от счастья! Целовать и обнимать! Вот что вы должны делать!

Макинтош. Вы думаете, у меня это получится!

Мак-Доннел. Посмейте только скорчить постное лицо и не сделать всего того, что я вам только что перечислил! Плакать! Смеяться! Целовать и обнимать! Благодарить нас за его сохранность! И везти домой к обезумевшему от радости отцу. Больше на его наследника никто не польстится! За это я ручаюсь!

Появляется Джордж в сопровождении Жаклин. У Джорджа сонный вид, его даже не очень удивляет присутствие Макинтоша.

Мак-Доннел. Что это с ним? Я его не узнаю. Френк. Он постригся, сэр!

Мак-Доннел. Кто это тебя так изуродовал, малыш?
Джордж (сонным голосом). Я собираюсь в Советский Союз.

Мак-Доннел (опешив). Ясно. Ну, что ж... Счастливой дороги! А пока что я должен тебе сообщить, что твои дела в порядке! Не прошло и двух суток, как ты уже на свободе. За тобой приехали! Узнаешь своего родственника?

Джордж (зевая). Отец выкупил меня?

Мак-Доннел. Конечно. Разве могло быть иначе?

Делает знак Макинтошу. Тот начинает неестественно смеяться и делает вид, что плачет от счастья. Обнимает и целует мальчика. Джордж вырывается из его объятий.

Джордж (сонным голосом). Он заплатил за меня пятьсот тысяч? Правда?

Макинтош. Заплатил... заплатил... (*Продолжает тискать мальчика.*)

Мак-Доннел. Жаль, что мы не запросили за тебя миллион! Он бы и миллион заплатил.

Джордж. Конечно, заплатил бы! Я же у него единственный наследник! (*Макинтошу.*) Да не прижимайте меня к себе! Все равно я пожалею отцу! Он приказал вам не отходить от меня ни на шаг, а вы пошли в бар и бросили меня! И меня украли! Вы еще ответите за это!

Макинтош (*оправдываясь*). И я еще виноват... И я еще виноват... какая несправедливость! Я не спал две ночи, я волновался, я искал ребенка, и вот что я слышу!

Мак-Доннел (*грозно*). Я не вижу слез умиления! Я не слышу смеха радости! Конечно, малыш прав! Если бы вы не бросили его одного в отеле, он бы не попал в наш чемодан! Забирайте его и везите домой!

Джордж. А что вы будете делать с Жорой?

Мак-Доннел. При чем тут Жора? Выкупили тебя, а не Жору.

Джордж (*зевая*). Я никуда отсюда не поеду без Жоры! (*Опускается в кресло. Неожиданно засыпает.*)

Страшный грохот на втором этаже.

Жаклин. Жора проснулся!

Голос Жоры: «Откройте! Откройте сейчас же! Да откройте же!»

Мак-Доннел. Жаклин! Я, кажется, приказал дать малышам по двойной порции снотворного!

Жаклин. Я дала им по две таблетки.

Мак-Доннел. Вы видели, как они их глотали?

Жаклин. Видела.

Мак-Доннел. Не похоже, чтобы на русского они подействовали...

Грохот повторяется.

Он выломает дверь. Билл! Узнайте, чего он там взбунтовался.

Билл поднимается на второй этаж. Слышен грохот падающей мебели. На площадке лестницы появляется разъяренный Жора, за ним Билл.

Жора (*кричит*). Где Джордж? Куда вы его дели? Мак-Доннел (*показывает на спящего Джорджа*).

Успокойся! Вот он, твой дружок! Досыпает.

Жора (*увидев Макинтоша*). Вы — советский консул. Макинтош. Как вам сказать...

Мак-Доннел (*поспешно*). Да! Да! Это — советский консул. Он приехал за тобой. Он заберет вас обоих. Тебя и Джорджа! Можете на него положиться!

Жора (*приглядевшись*). Нет! Это не советский консул! Вы меня не обманете! Во-первых, у него все пальцы в кольцах, а во-вторых, он меня испугался! Вы меня не проведете!

Макинтош. Да! Я — не советский консул! Я — дядя Джорджа. Я приехал за моим племянником.

Жора (*спокойно*). Никуда он с ним не поедет! Никуда! Мак-Доннел. Почему?

Жора. Пусть сначала проснется и узнает его! Если это не советский консул, то почему он тогда должен быть его дядей? Может быть, вы хотите с ним что-нибудь сделать? (*Подбегает к Джорджу, трясет его за плечо.*) Джордж! Проснись! Проснись!

Джордж просыпается. Зевает.

(*Показывая на Макинтоша.*) Это твой дядя?

Джордж. Нет. Это не мой дядя.

Макинтош (*оправдываясь*). Но я же все-таки ваш родственник!

Жора. Ты его знаешь? Ты его когда-нибудь видел?

Джордж. Видел. Это — Макинтош. Я тебе о нем рассказывал.

Жора. Ясно. (*Успокоившись.*) А то я подумал: сначала усыпили нас, а потом решили уничтожить. По очереди.

Мак-Доннел. Это не в наших интересах, малыш! Поверь мне, дружище! А таблетки мы даем всем детям, чтобы они крепче спали и не боялись темноты. Меня только удивляет, что ты так бодр, будто и не принимал никакого снотворного!

Жора. А я и не принимал! Я их подержал за щекой, а потом выплюнул. Что я, рыжий, принимать всякую американскую химию! Я и так хорошо сплю. Без снотворного! А темноты я вообще не боюсь.

Мак-Доннел (*устало*). Ну хорошо, хорошо... Время позднее, и нам пора расходиться. Прощайтесь, малыши! Джордж едет к своему папе, а ты пока останешься с нами. Жаклин! Дайте Джорджу глоток содовой с ментолом! Пусть очухается!

Френк. А не лучше ли нам отправить обоих, шеф? Пусть мистер Макинтош довезет русского до отеля.

Билл. Малыша тут же опознают по фотографии, которая сегодня опубликована в вечерней газете.

Рауль. Его ищет полиция, зачем нам с ним возиться?

Жаклин. У меня есть еще один вариант, как от него избавиться...

Жора. И не думайте! И не совещайтесь! Я отсюда никуда не уеду! Я буду ждать советского консула!

Мак-Доннел (*в отчаянии*). Нет твоего консула! Он улетел в Москву! Он в Кремле!

Жора (*упрямо*). Пусть приедет его заместитель! Пусть за мной приедут из Советского консульства!

Мак-Доннел (*Макинтошу*). До свидания! Прощайте! Вы свободны! Мы уж тут как-нибудь сами разберемся! Без вас! Идите! Билл! Проводи «дорогого мальчика»! Привет, Джордж! Поцелуй своего папу! Желаю ему встать на ноги! Это даст нам возможность встретиться с тобой еще раз!

Джордж (*проснувшись окончательно*). Жора! Мне придется поехать, но мы с тобой еще увидимся! Ты приедешь ко мне в Сан-Франциско! А я приеду в Москву!

Жора. Я тебе напишу свой адрес. (*Мак-Доннелу*.) На чем бы мне записать? (*Ищет.*)

Мак-Доннел (*торопливо*). Вот, могу предложить. (*Протягивает Жоре какую-то карточку и карандаш.*)

Жора пишет что-то на обороте карточки и протягивает ее Джорджу. Тот, не читая, прячет карточку в карман. Мальчики обнимаются. Макинтош уводит Джорджа. Все молчат.

Жора (*нарушая молчание*). Я пошел к себе наверх. Если завтра за мной не приедет консул СССР, я объявляю голодовку! Спокойной ночи, господа! (*Медленно, с достоинством уходит на второй этаж.*)

Мак-Доннел (*в раздумье, после большой паузы*). Принц и нищий. Ушел нищий, остался принц.

Жаклин (*удивленно*). Принц?

Мак-Доннел (*неожиданно*). Цена принца: пятьсот тысяч долларов, и ни цента меньше! Операция «Дорогой мальчик» продолжается, Жаклин.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет владельца магазина «Микки-Маус». За стеклянными витринами образцы новейших детских игрушек для всех возрастов: автоматы, полицейские дубинки, наручники, газовые баллоны, пистолеты всех систем, танки, самолеты, ракеты и т. п. Хозяин магазина — Мак-Доннел, развалившись в кресле, беседует с комиссаром полиции Сэком.

Мак-Доннел (*вертя в руках игрушечный автомат*).

Что касается детских полицейских дубинок и наручников, то, честно говоря, этот товар не пользуется большим спросом покупателей. К наручникам прилагается всего два ключа. В проспекте фирмы сказано, что один из них должен храниться у родителей на тот случай, если ребенок, играющий полицейского, потеряет свой ключ и не сможет сам вовремя снять наручники с ребенка, играющего роль преступника. Надо было предусмотреть при каждом комплекте наручников три ключа, а не два, потому что родители часто прячут запасной ключ так, что потом сами не могут его найти. Это во-первых. А во-вторых, если наручники слишком сильно зажимают запястье ребенку и оставляют нежелательный след на руке, ребенку больно, и он плачет.

Сэк. Поэтому каждый хочет играть роль полицейского и не желает быть преступником, на которого надевают наручники.

Мак-Доннел. Естественно. Мы продали под рождество всего-навсего триста комплектов. Зато баллоны с веселящим газом идут нарасхват.

Сэк. А он не вреден, этот газ?

Мак-Доннел. Во всяком случае, он более безвреден, чем те наркотики, которые имеют сейчас такое распространение в наших школах. Потом, он быстро улетучивается. Зато какое-то время ребенок весел, смеется, у него хорошее настроение. Многие родители охотно берут эту новинку.

Сэк (*помолчав*). Вы хорошо знаете детскую психологию, Мак!

Мак-Доннел. Дети — моя слабость, комиссар! В юности я был слаб и тщедушен, как индюшонок. Меня обижали и надо мной потешались сверстники. Я искал защиты у старших, более сильных ребят, подкупал их, чем мог, но они не всегда оказывались на высоте, эти подкупленные мной телохранители. В своих детских мечтах я вооружал себя и всех мне подобных с головы до ног. Может быть, я поэтому торгую сегодня такими игрушками! Ребенок, особенно мальчик, по своей природе всегда воинствен, он тянется к оружию. Нужно только вовремя дать ему в руки пистолет или автомат, он быстро освоит любую технику и найдет ей применение в своих детских играх.

Сэк. А потом, со временем, сменит игрушечный пистолет на настоящий или на винтовку с оптическим прицелом и будет иметь дело с законом.

Мак-Доннел. Или с Пентагоном. Где-нибудь в джунглях Вьетнама или Лаоса.

Сэк. Послушайте, Мак! Что вы думаете о пропавшем русском? Мы ищем его четвертые сутки.

Мак-Доннел. Странное дело. По правде говоря, я не очень верю в то, что его украли! Кому он нужен?

Сэк. Мы допросили более двадцати служащих отеля.

Мак-Доннел. Что это дало вам?

Сэк. Один из швейцаров, по имени Чарли, сказал, что будто бы малыш вышел из ночного бара на улицу и больше в отель не возвращался.

Мак-Доннел. Глупости. Что мог делать в ночном баре русский ребенок? Кроме молока, он ничего не пьет.

Сэк. Вы в этом уверены?

Мак-Доннел (*смутившись*). Я предполагаю. Это же советский ребенок.

Сэк. Авиакомпания попала в печаль. Сначала бомба в самолете, потом загадочное исчезновение двенадцатилетнего иностранного пассажира из отеля компании... Все это, знаете ли, отражается на их репутации. Они были бы готовы заплатить любую сумму, чтобы замять это дело.

Мак-Доннел. Возможно ли замять? Вы хотите сказать — найти ребенка?

Сэк. Да. Я именно это имел в виду.

Мак-Доннел. Я бы охотно вам помог, если бы знал, где его искать.

Сэк. У вас большие связи среди тех, кто имеет дело с детьми. Может быть, вы возьмете на себя часть наших забот? Вы не в первый раз нам помогаете, Мак! Не в первый раз.

Мак-Доннел. Они бы заплатили пятьсот тысяч? Как вы думаете?

Сэк. Вероятно. Конечно, в том случае, если бы они могли преподнести это как свою заслугу, а не как заслугу полиции.

Мак-Доннел. Заманчивое предложение, Сэк! Надо подумать.

Сэк. Я помню случай, когда вы приняли участие в поисках пропавшей девочки, дочери какого-то адвоката. Отец тогда хорошо отблагодарил вас за ваше бескорыстное усердие.

Мак-Доннел. Он был моим постоянным покупателем.

Сэк. Он отвалил вам порядочную сумму.

Мак-Доннел. Я должен был выкупить ребенка у шайки, которая требовала с него чуть ли не миллион.

Сэк. Может быть, исчезновение советского малыша дело рук той же шайки?

Мак-Доннел. Вряд ли. Впрочем, я на днях видел одного из них в вагоне метро.

Сэк. Не попытаться ли вам с ним встретиться? Пятьсот тысяч не валяются на улице. А риск не велик!

Мак-Доннел. Вам, комиссар, вероятно, тоже не помешали бы лишние сто тысяч на мелкие расходы?

Сэк. Мистер Эрлайн будет мне сегодня звонить. Я могу передать ему наш разговор?

Мак-Доннел. Я ничего не обещаю. Если бессильна всемогущая полиция, то что может сделать владелец игрушечного магазина «Микки-Маус»!

Сэк. Не прибедняйтесь, Мак! Вы — всемогущий человек, и у вас большие связи среди тех, кто любит детей. *(Лукаво.)* Полиции это хорошо известно.

Мак-Доннел. Хорошо, Сэк! Только не заносите меня, пожалуйста, в списки неблагонадежных граждан. Я торгую детскими игрушками, а не настоящим оружием. И если я имею дело с детьми, то только как с посетителями моего магазина.

Сэк. Не беспокойтесь! Мы знаем вас десятки лет как порядочного бизнесмена. Вы вне подозрений,

даже если бы на ваших складах игрушечных автоматов и пистолетов нашли стратегическую ракету! *(Смеется. Поднимается.)*

Мак-Доннел *(в раздумье)*. Кажется, его зовут Джим... Джим Боксон...

Сэк. Кого?

Мак-Доннел. Того парня, которого я встретил в метро. И работает он в баре на шоссе Роз...

Сэк. Найдите возможность поговорить с ним по душам. Может быть, он что-нибудь знает, и вы потянете за ниточку...

Мак-Доннел *(шутит)*. ...и вытянете пятьсот тысяч долларов? Вы это хотели сказать, Сэк?

Сэк. Четыреста! Сто — вы обещали мне на мелкие расходы! Я вас правильно понял? *(Смеется, прощается.)*

Сэк уходит. Мак-Доннел опускается в кресло. Звонит телефон.

Мак-Доннел *(снимает трубку)*. Мак-Доннел... Что? *(Меняется в лице.)* Где? Как? Это неслыханно! Еду! *(Срывается с места, выбегает.)*

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Вилла. Звучит цыганский романс «Черные глаза» в записи иностранного певца, который поет его по-русски с сильным акцентом. Жора слушает, расположившись с ногами в кресле... Рауль и Френк в стороне перешептываются. Жаклин, время от времени поглядывая на Жору, в большом волнении ходит по комнате.

Жора *(прослушав пластинку)*. Я хотел послушать мою любимую русскую пластинку, а вы что поставили? Он даже по-русски слова выговаривать не умеет! Какая же это русская? Поет он, конечно, неплохо, но это — не то!

Жаклин. Другой у нас не было. Мы не слушаем русских пластинок.

Френк. Томми обещал принести что-то. Может быть, достанет. Он скоро вернется.

Жаклин *(останавливаясь против Жоры)*. Вы не можете утверждать, что мы обращались с вами грубо! Посмотрите на себя в зеркало — вы выглядите отлично. Вы даже поправились за эти дни. Вас кормили пять раз в день. Вы пили молоко, ели

бифштексы. Вам давали фрукты. Вас били? Вас обижали?

Жора. Меня унижали.

Жаклин. Чем вас унижали?

Жора. Меня усыпили. Меня украли. Меня запихнули в чемодан. Меня держали под замком. Разве этого мало для советского человека?

Жаклин. Я не отрицаю. Все это имело место. Но когда выяснилось недоразумение, мы хотели вас тут же отвезти обратно в отель. Разве это не так? Разве я говорю неправду?

Жора. Это так. Это правда. Когда выяснилось недоразумение, вы захотели от меня избавиться.

Жаклин. Вы сами не пожелали покинуть этот дом.

Жора. «Покинуть»? Я не пожелал покинуть товарища, который оказался в беде, а потом, я захотел, чтобы за мной приехал кто-нибудь из Советского консульства. И вообще откуда я мог знать, куда вы меня повезете отсюда. Я не привык ездить в чемоданах! Что я, рыжий, что ли? Как можно вам доверять, если вы похитители детей! Да вас всех надо отправить в полицию!

Френк. Жаклин! Бросьте его убеждать! Это трудный ребенок. Не пытайтесь с ним найти общий язык. У него другое воспитание.

Билл. По-моему, нам с Френком лучше смотаться отсюда.

Френк. Не пройдет и полчаса, как сюда нагрянут. Удивительно, как они могли пронюхать.

Звонок телефона.

Жаклин. Опять! (*Снимает трубку.*) Я вас слушаю. Да, мистер Мак-Доннел в городе. Его личный секретарь. Я ничего не знаю. Простите. Я не могу вам ничего подтвердить. (*Кладет трубку.*) Корреспондент телевидения. Хочет поговорить с шефом.

Билл. Они сейчас все будут здесь. Их хлебом не корми, дай раздуть какую-нибудь сенсацию.

Жора. Я думаю, что из Советского консульства тоже позвонят. Там, наверное, тоже уже знают. Если позвонят, дадите мне трубку.

Жаклин. Билл! Френк! Что делать? Это же скандал! Можно заплатить одному, можно заплатить другому, но нельзя же купить всех!

Френк. Пусть решает шеф! Он заварил кашу и втравил нас в эту историю. Во всяком случае, на нас не рассчитывайте, интервью мы никому давать не будем.

Рауль. И позировать перед кинокамерой мы тоже не собираемся. Пошли, Френк!

Жаклин. А что, если вам прихватить с собой мальчишку?

Жора (*решительно*). Пусть только попробуют! Я буду драться! Предупреждаю!

Рауль. А что это даст?

Френк. Если они уже знают, что тут произошло...

Рауль. Можно только ухудшить положение... Куда мы его денем?

Френк. И зачем он нам?

Жора. Я думаю, ребята, что вам действительно лучше удрать отсюда! Вас могут посадить в тюрьму. Вы же столько детей украли!

Рауль. Я лично первый раз участвую в таком деле.

Френк. Зато я десятый.

Жора. Бегите, ребята! Это я вам по-товарищески советую!

За окном шум автомобиля.

Бегите!

Появляется Мак-Доннел.

Мак-Доннел (*с порога*). Что случилось? Я ничего толком не понял! Жаклин, говорите!

Жаклин (*волнуясь*). Час назад нам позвонили по телефону. Какой-то мужской голос спросил меня: «Это вилла «Микки-Маус»?» — «Да, это вилла «Микки-Маус», — подтвердила я. Тогда он попросил к телефону вас. Я сказала, что вы в городе, и дала номер телефона. Тогда он неожиданно спросил меня насчет русского мальчика. Я так растерялась, что ничего не смогла ответить и положила трубку. Потом позвонили из редакции «Вечерний звон». Потом со студии телевидения...

Мак-Доннел. Откуда они могут знать про русского мальчика?

Жаклин. Джордж?

Мак-Доннел. Он не знает ни нашего адреса, ни номера телефона, ни кто мы такие, ни как меня зовут.

Френк. Макинтош?

Мак-Доннел. Это отнюдь не в его интересах.

Рауль. Полиция.

Мак-Доннел. Исключено!

Жора. Может быть, я?

Мак-Доннел. Ты? Каким образом?

Жора. А может быть, вы сами?

Мак-Доннел. Я? Ты не в своем уме, малыш! Сиди и молчи, пока цел!

Жора. А вы мне не угрожайте! Теперь уже поздно. Теперь уже все знают, что я здесь.

Мак-Доннел. Кто знает? Откуда? Каким путем?

Жора. Очень простым. Помните, я хотел записать на чем-нибудь свой московский адрес и дать его Джорджу? Помните? Чтобы он написал мне письмо в СССР.

Мак-Доннел. Ну?

Жора. Вы думаете, я — рыжий?

Мак-Доннел. Мы видим, что ты не рыжий! Мы знаем, что ты не рыжий! Видим! Знаем! Говори дальше!

Жора. Ну, я написал ему, только вместе с адресом — еще несколько слов.

Мак-Доннел. Что ты написал, рыжий? Что? Не томи! Говори скорей!

Жора (*не спеша*). Я написал: «Срочно позвони по телефону в Советское консульство». А на чем я написал, помните?

Мак-Доннел (*хлопает себя ладонью по лбу*). Идиот!

Жора. Почему — идиот?

Мак-Доннел. Это я — идиот! Дал тебе свою визитную карточку, с моим адресом и номером телефона.

Жора. Правильно. Только я не согласен, что вы идиот. Вы просто не подумали о том, чем это может кончиться!

Слышен шум подъехавших автомобилей.

Мак-Доннел. Заприте двери! Никого не пускать в дом!

Френк и Рауль бросаются к дверям. Закрывают засовы. В дверь звонят и стучат. Слышны голоса людей, какие-то выкрики: «Что вы знаете о русском ребенке?», «Мы просим дать интервью!»

(Подойдя к двери.) Господа! Господа! Это недо-
разумение! Ребенок найден нами сегодня! Это наша
заслуга! Мы возвращаем его авиакомпании! Поли-
ция в курсе дела! Ребенок был украден шайкой
гангстеров, и я лично спас его от расправы!

Жора (с возмущением). Неправда! Это неправда!
Вранье!

В окна виллы заглядывают корреспонденты. Наводят свои
кино- и фотоаппараты.

Мак-Доннел (вне себя). Рауль! Френк! Жаклин! Окна!
Окна! Закройте ставни!

Все бросаются к окнам. Затворяют ставни. Жора незаметно
исчезает. Он появляется в окне на втором этаже. Обращается
к шумящей толпе. Шум стихает.

Жора. Слушайте! Меня зовут Жора Тимохин. Я —
гражданин Советского Союза. Я летел домой,
в Москву. Меня украли из номера гостиницы.
Но вы не думайте, что они хотели украсть именно
меня! Меня просто перепутали с американским
мальчиком. Они хотели украсть Джорджа Роб-
Ронсона — сына фабриканта, чтобы потом получить
за него выкуп в пятьсот тысяч долларов. Они
задумали украсть его, а по ошибке украли меня!
А потом они все-таки его докрали и получили
за него деньги. Я вообще не понимаю, что это
за порядки в стране, когда можно, оказывается,
красть детей и требовать за них деньги! И еще
я что-то знаю! Я знаю, что они украли уже
двадцать семь детей и за них всех получили выкуп.
Я, оказывается, двадцать восьмой, но за меня они
ничего не получают, потому что за мной приедет
советский представитель и он заберет меня отсюда
бесплатно! Знаете, что я вам скажу? У нас в Со-
ветской стране нет гангстеров, а потом — у нас
есть милиция, которая не даст, чтобы так издева-
лись над детьми, чтобы их воровали, усыпляли
газом и запикивали в чемодан с дырками! На что
это похоже, я вас спрашиваю? Напишите обо всем
этом в ваших газетах и сообщите по радио.
Только напишите правду и ничего не выдумывайте!
А я сам напишу в «Пионерскую правду» обо всем,
что со мной случилось, и в защиту моего друга

Джорджа, который тоже не виноват, что его папа капиталист и должен выпускать собачьи консервы. *(Неожиданно.)* И вообще долой буржуев и капиталистов!

Мак-Доннел и его сообщники стоят в оцепенении, в дверь властно стучат.

Голос за дверью: «Именем закона — откройте! Полиция!» Мак-Доннел делает знак Френку, и тот впускает комиссара полиции Сэка, нескольких полицейских и вместе с ними Кондрашина и сопровождающего его сотрудника консульства. За их спинами видны толпящиеся за дверью корреспонденты.

Сэ к. Извините, Мак, но по долгу службы я был обязан приказать вам открыть дверь. Вы нашли ребенка, о котором мы говорили?

Мак-Доннел *(возбужденно)*. Вот именно! Мы нашли его! Он здесь! В целости и сохранности! С него не упал ни один волос! Это недоразумение!

Кондрашин. Я — представитель консульства Советского Союза! Где Георгий Тимохин?

Жора *(появившись на площадке лестницы)*. Я здесь!

Кондрашин. Ну как, Жора! Жив-здоров?

Жора. Жив-здоров! Я знал, что за мной приедут!

В дверь протискивается Томми. В руках у него пластинка.

Томми *(Жоре)*. Жора, я, кажется, достал то, что ты просил!

Жора. А ну поставь! Только побыстрее, а то я сейчас отсюда уеду!

Томми быстро включает проигрыватель. Звучит популярная песня «В путь» Соловьева-Седова в исполнении ансамбля Советской Армии.

(Весело.) Вот это как раз то, что я хотел!

Занавес

1972

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

Том Кенти	7
Коньки	63
Смех и слезы	119
Особое задание	169
Красный галстук	209
Я хочу домой	250
Чужая роль	296
Сомбреро	342
Забытый блиндаж	389
Первая тройка, или Год 2001-й	423
Дорогой мальчик	459

Михалков С. В.
М69 Собрание сочинений: В 6-ти т. — М.: Худож. лит., 1981.

Т. 4. Театр для детей. 1982. 495 с.

В том включены широко известные пьесы писателя для детей: «Том Кенти», «Красный галстук», «Я хочу домой», «Забытый блиндаж», «Сомбреро» и другие.

М 4702010200-355 подписное
028(01)-82

P2

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ

Собрание сочинений в шести томах

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Редактор З. Кондратьева

Художественный редактор Е. Ененко

Технический редактор Л. Ковнацкая

Корректоры Н. Замятина и В. Широкова

ИБ № 2169

Сдано в набор 04.07.80. Подписано к печати 25.12.81. А 06742. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага № 1. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. 26,04 усл. печ. л. 26,04 усл. кр.-отт. 26,527 уч.-изд. л. Тираж 75 000 экз. Изд. № III—120. Зак. 1507. Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

2р.10к.